

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ФИЛОСОФИЯ

2025 Том 29 № 2

Специальная тема номера:

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Приглашенный редактор *Г. Саймонс*

DOI: 10.22363/2313-2302-2025-29-2

<http://journals.rudn.ru/philosophy>

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61270 от 03.04.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Белов Владимир Николаевич,

РУДН, Москва, Россия

E-mail: belov-vn@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Степанянц Мариэтта

Тиграновна, ИФРАН, Москва,
Россия

E-mail: marietta@iph.ras.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ

СЕКРЕТАРЬ

Владимиров Павел

Анатолевич, РУДН, Москва,
Россия

E-mail: vladimirov-pa@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Автономова Наталия Сергеевна, ИФРАН, Москва, Россия

Альбертини Тамара, Гавайский университет, Гонолулу, США

Баева Людмила Владимировна, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

Билимория Пурушоттама, Калифорнийский университет, Аспирантский богословский союз,
Беркли, США; Мельбурнский университет, Виктория, Австралия; РУДН, Москва, Россия

Визе Кристиан, Франкфуртский университет им. Гёте, Франкфурт, Германия

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, ИФРАН, Москва, Россия

Дмитриева Нина Анатольевна, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Калининград, Россия

Йонкус Далюс, Университет Витовта Великого, Каунас, Литва

Кирабаев Нур Серикович, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Ли Чжицянь, Сычуаньский университет, Чэнду, Китай

Лю Сэнлин, Шаньдунский университет, Цзинань, Китай

Лю Ядин, Сычуаньский университет, Чэнду, Китай

Поллок Бенджамин, Еврейский университет в Иерусалиме, Иерусалим, Израиль

Свидерский Эдвард, Фрибургский университет, Фрибур, Швейцария

Соболева Майя Евгеньевна, Филиппс-университет Марбурга, Марбург, Германия

Стейла Даниэла, Туринский университет, Турин, Италия

Глостанова Мадина Владимировна, Линчёпингский университет, Линчёпинг, Швеция

Тремблей Фредерик, Монктонский университет, Монктон, Канада

Цанк Михаэль, Бостонский университет, Бостон, США

Цык Владимир Анатольевич, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ФИЛОСОФИЯ

ISSN 2313-2302 (Print), ISSN 2408-8900 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально)

Языки: русский, английский, немецкий.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Индексируется: РИНЦ, Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs, British Library, Bodleian Libraries (University of Oxford), ANVUR (Areas 11 and 14), Ghent University Library.

Цель и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия* — периодическое международное рецензируемое научное издание.

Цель журнала — осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными специалистами в области философии, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных философских проблем и освещение научной деятельности профессионального научного сообщества.

На протяжении многих лет наше издание публикует статьи крупнейших российских и мировых ученых в области истории философии, онтологии, эпистемологии, социальной философии, этики и др. Кроме того, редакционная политика журнала предполагает активную поддержку молодых талантливых ученых из разных стран. Уникальный опыт и традиции философской школы РУДН находят свое отражение в приоритетном исследовательском направлении журнала — философской компаративистике. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Основные рубрики журнала: история восточной философии, история европейской философии, история отечественной философии, история современной философии, философия и наука, философия культуры, философия языка и литературы, математическая логика, биоэтика, профессиональная этика.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/philosophy>

Электронный адрес: philosj@rudn.ru

Редактор К.В. Зенкин

Редакторы англоязычных текстов О.В. Чистякова, В.Н. Белов

Компьютерная верстка Н.А. Ясько

Помощник главного редактора Д.А. Слепухина

Адрес редакции:

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: philosj@rudn.ru

Подписано в печать 15.06.2025. Выход в свет 28.06.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 29,93. Тираж 500 экз. Заказ № 764. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3,

Тел.: (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2025 VOLUME 29 No. 2

Special Theme of the Issue:

CONTEMPORARY SOCIETY AND SOCIAL SECURITY

Guest editor Gregory Simons

<http://journals.rudn.ru/philosophy>

DOI: 10.22363/2313-2302-2025-29-2

Founded in 1997

**Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA**

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Belov

RUDN University,

Moscow, Russia

E-mail: belov-vn@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Marietta T. Stepanyants

Institute of Philosophy Russian

Academy of Sciences, Moscow,

Russia

E-mail: marietta@iph.ras.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Pavel A. Vladimirov

RUDN University,

Moscow, Russia

E-mail: vladimirov-pa@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Tamara Albertini, University of Hawaii, Honolulu, United States

Nataliya S. Avtonomova, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Lyudmila V. Baeva, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

Purushottama Bilimoria, University of California and Graduate Theological Union, Berkeley, United States; University of Melbourne, Victoria, Australia; RUDN University, Moscow, Russia

Nina A. Dmitrieva, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Abdusalam A. Guseynov, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Dalius Jonkus, Vytautas Magnus University, Kaunas, Lithuania

Nur S. Kirabaev, RUDN University, Moscow, Russia

Li Zhiqiang, Sichuan University, Chengdu, China

Liu Senlin, Shandong University, Jinan, China

Liu Yading, Sichuan University, Chengdu, China

Benjamin Pollock, Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel

Maja Soboleva, Philipps University of Marburg, Marburg, Germany

Daniela Steila, University of Turin, Turin, Italy

Edward Swiderski, University of Fribourg, Fribourg, Switzerland

Madina Tlostanova, Linköping University, Linköping, Sweden

Frederic Tremblay, University of Moncton, Moncton, Canada

Vladimir Tsyk, RUDN University, Moscow, Russia

Christian Wiese, Goethe University Frankfurt, Frankfurt, Germany

Michael Zank, Boston University, Boston, USA

RUDN JOURNAL OF PHILOSOPHY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-2302 (Print), ISSN 2408-8900 (Online)

4 issues per year (quarterly)

Languages: Russian, English, German.

Indexed in Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs, British Library, Bodleian Libraries (University of Oxford), ANVUR (Areas 11 and 14), Ghent University Library.

Aims and Scope

RUDN Journal of Philosophy is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Philosophy.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international researchers, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of Philosophy.

For many years, the journal has been a space to feature the best research of the leading Russian and international scholars in the fields of History of Philosophy, Ontology, Theory of Knowledge, Social Philosophy and other areas. Our editorial policy also involves a strong support of young talented scientists throughout the world. The unique experience and traditions of the school of philosophical thought of RUDN University are embodied in philosophical comparativism, which is the top-priority research area of the journal.

General Journal Sections: *History of Eastern Philosophy, History of Western Philosophy, History of Russian Philosophy, History of Modern Philosophy, Philosophy of Language and Literature, Ontology and Epistemology, Mathematical Logic, Philosophy and Sciences, Philosophy of Culture, Professional Ethics, Bioethics.*

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/philosophy>

E-mail: philosj@rudn.ru

Editor K.V. Zenkin

English Language Editors O.V. Chistyakova, V.N. Belov

Computer Design N.A. Yasko

Assistant Editor D.A. Slepukhina

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze st., Moscow, 115419, Russia

Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

10 Miklukho-Maklaya st., bldg. 2, Moscow, 117198, Russia

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: philosj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze st., Moscow, 115419, Russia

Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Dzhavad O.V., Ivleva M.L. The Phenomenon of Security: Socio-Philosophical Context (Джавад О.В., Ивлева М.Л. Феномен безопасности: социально-философский контекст)	267
Баева Л.В. Экзистенциальная безопасность в условиях техногенной культуры	282
Лагунов А.А., Иванова С.Ю. Понятие социокультурного кода в контексте дискурса о национальной безопасности	302
Елхова О.И. Онтологически-социетальный узел безопасности как феномен цифровой среды	317
Гласер М.А., Гацковская В.А., Поляченков А.В. Формирование устойчивости сообществ к риску стихийных бедствий в политике обеспечения социетальной безопасности – кейс-исследование наводнений в ФРГ и Чехии в 2021–2024 гг.	335
Golubev I.S., Zhao Jielin. Security Needs as a Fundamental Factor of the State Origin (Голубев И.С., Чжао Цзелинь. Потребность в безопасности как фундаментальный фактор возникновения государственности)	353
Иванов А.В., Козлов В.Е., Гузейров Р.А. «Культурный код» виртуальной личности: социальная безопасность в цифровую эпоху	363
Лифанова Т.Ю., Лифанов С.А., Вережкин А.В. Свобода слова и самовыражения в цифровую эпоху: философский анализ и вызовы социальной безопасности	381

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Козолупенко Д.П. «Монструозный Кант»: рецепция оснований трансцендентальной философии Канта в концепции Я.Э. Голосовкера	398
Найдыш В.М. Эллинская теология на закате поздней классики	420
Крыштоп Л.Э., Калашников Д.А. Прометей и Заратустра: бунт Камю и нигилизм Ницше	435

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Лешкевич Т.Г. Цифровое «расщепление» повседневности	446
Козлова Н.Ю. Концептуальная инженерия и парресия: к проблеме управления субъективностью	460
Пушкарский А.Г. Значение философии сознания Канта для современных исследований по искусственному интеллекту	473
Medzhidova N.H. Contingency in Philosophical Anthropological Knowledge (Меджидова Н.Г. Контингентность в философско-антропологическом познании)	491
Кирабаев Н.С., Хрячков А.В. Свобода как философская проблема	504

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Денисова А.Б. Гражданственность как мировоззренческая константа	520
Karipbayev B.I., Zhakin S.M., Seifullina G.R. Kazakhstan's Digitalization Format: Identity and Future (Карипбаев Б.И., Жакин С.М., Сейфуллина Г.Р. Формат цифровизации Казахстана: идентичность и будущее)	535
Szücs L.G. Social Freedom and Critical Theory: The Tension Axel Honneth's Political Philosophy and his Critical Programme (Сюч Л.Г. Социальная свобода и критическая теория: напряженная связь между политической теорией Акселя Хоннета и его критической программы)	548
Силайчева В.В. Социокультурная доминанта в современном российском образовании	565
Сапан И.Е. Семантическая унификация феномена серой зоны на примере военной и экономико-правовой сфер: системная перспектива	577

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Сторчеус Н.В. Общественно-этическое начало Человека в философском мышлении эпохи социализма: рецензия на книгу «Философское наследие С.Л. Рубинштейна»	592
--	-----

CONTENTS

CONTEMPORARY SOCIETY AND SOCIAL SECURITY

Dzhavad O.V., Ivleva M.L. The Phenomenon of Security: Socio-Philosophical Context	267
Baeva L.V. Existential Security in Technogenic Culture (in Russian)	282
Lagunov A.A., Ivanova S.Yu. The Concept of Sociocultural Code in the Context of National Security Discourse (in Russian)	302
Elkhova O.I. Ontological-Societal Security Node as a Phenomenon of the Digital Environment (in Russian)	317
Glaser M.A., Gatskovskaya V.A., Poliachenkov A.V. Building Community Resilience to the Risks of Natural Disasters in Ensuring Societal Security – Case Studies of Floods in Germany and the Czech Republic in 2021–2024 (in Russian)	335
Golubev I.S., Zhao Jielin. Security Needs as a Fundamental Factor of the State Origin	353
Ivanov A.V., Kozlov V.E., Guzeirov R.A. «Cultural Code» of a Virtual Personality: Social Safety in the Digital Age (in Russian)	363
Lifanova T.Yu., Lifanov S.A., Verevkin A.V. Freedom of Speech and Expression in the Digital Age: Philosophical Analysis and Social Security Challenges (in Russian)	381

HISTORY OF PHILOSOPHY

Kozolupenko D.P. “Monstrous Kant”: Reception of the Foundations of Kant’s Transcendental Philosophy in the Concept of Ya.E. Golosovker (in Russian)	398
Naidysh V.M. Hellenic Theology at the End of the Late Classics (in Russian)	420
Kryshtop L.E., Kalashnikov D.A. Prometheus and Zarathustra: Camus’ Revolt and Nietzsche’s Nihilism (in Russian)	435

ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

Leshkevich T.G. The Digital “Splitting” of Everyday Life (in Russian)	446
Kozlova N.Yu. Conceptual Engineering and Parrhesia: To the Problem of Managing Subjectivity (in Russian)	460
Pushkarsky A.G. The Importance of Kant’s Philosophy of Mind for Contemporary Research in Artificial Intelligence (in Russian)	473
Medzhidova N.H. Contingency in Philosophical Anthropological Knowledge	491
Kirabaev N.S., Khryachkov A.V. Freedom as a Philosophical Problem (in Russian)	504

SOCIAL PHILOSOPHY

Denisova A.B. Citizenship as a Russian Ideological Constant (in Russian)	520
Karipbayev B.I., Zhakin S.M., Seifullina G.R. Kazakhstan’s Digitalization Format: Identity and Future	535
Szücs L.G. Social Freedom and Critical Theory: The Tension Axel Honneth’s Political Philosophy and his Critical Programme	548

Silaicheva V.V. Sociocultural Dominance in Modern Russian Education (in Russian)	565
Sapan I.E. Semantic Unification of the Gray Zone Phenomenon on the Example of Military and Economic-Legal Spheres: A Systemic Perspective (in Russian)	577

SCIENTIFIC LIFE

Storcheus N.V. The Socio-Ethical Principle of Man in the Philosophical Thinking of the Socialist Era: Review of the Book “The Philosophical Legacy of S.L. Rubinstein” (in Russian)	592
--	-----

Современное общество и социальная безопасность

Contemporary Society and Social Security

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-267-281>

EDN: PYCRKP

Research Article / Научная статья

The Phenomenon of Security: Socio-Philosophical Context

Olga V. Dzhavad , Marina L. Ivleva

RUDN University, Moscow, Russia

 dzhavad_ov@pfur.ru

Abstract. This research delves into the socio-philosophical dimensions of security, assessing its metaphysical and existential aspects and considering how existential threats reshape philosophical perspectives in the contemporary society. The relevance of this study is underscored by the urgent need to understand how traditional and non-traditional security threats – ranging from military conflicts to cybercrime and climate change – impact societal structures and individual freedoms. The paper highlights the intersection of social structures and security, revealing how security is instrumentalised by various actors, including governments, to control or influence social dynamics. Moreover, it emphasizes how media representation and public fear can influence political decision-making, urging a critical examination of how security discourses are constructed and whose interests they serve. By integrating socio-philosophical perspectives, this paper establishes a framework for understanding security as a multifaceted phenomenon. Notably, this research underscores the role of cultural, psychological, and ethical dimensions in shaping public understanding and policy responses to security threats. Key findings illustrate that contemporary security cannot be narrowly defined; rather, it necessitates an integrated approach encompassing political, economic, social, and environmental considerations and a re-evaluation of traditional security models to address contemporary challenges such as cybersecurity threats and digital ethics. Ultimately, this work argues for highlighting the necessity of interdisciplinary approaches in developing contemporary security strategies effectively addressing fluctuating dynamics of the international agenda.

Keywords: societal security, identity, social justice, inequality, cultural differences, digital ethics, environmental security, Hobbes' trap

© Dzhavad O.V., Ivleva M.L., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Contribution of authors. All the authors contributed equally to the conception, preparation and writing of the manuscript.

Article history:

The article was submitted on 11.12.2024

The article was accepted on 06.03.2025

For citation: Dzhavad OV, Ivleva ML. The Phenomenon of Security: Socio-Philosophical Context. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):267–281. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-267-281>

Феномен безопасности: социально-философский контекст

О.В. Джавад , М.Л. Ивлева

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

 dzhavad_ov@pfur.ru

Аннотация. Исследование посвящено социально-философским аспектам безопасности, оценке ее метафизических и экзистенциальных аспектов и рассмотрению того, как экзистенциальные угрозы меняют философские взгляды в современном обществе. Актуальность данного исследования подчеркивается насущной необходимостью понять, как традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности – от военных конфликтов до киберпреступности и изменения климата – влияют на общественные структуры и индивидуальные свободы. Статья подчеркивает пересечение социальных структур и безопасности, показывая, как безопасность используется различными акторами, включая правительства, для контроля или влияния на социальную динамику. Более того, в статье подчеркивается, как репрезентация СМИ и общественный страх могут влиять на принятие политических решений, призывая к критическому изучению того, как конструируются дискурсы безопасности и чьим интересам они служат. Интегрируя социально-философские перспективы, данная работа создает основу для понимания безопасности как многогранного явления. Примечательно, что данное исследование подчеркивает роль культурных, психологических и этических аспектов в формировании общественного понимания и политических реакций на угрозы безопасности. Основные выводы показывают, что современная безопасность не может быть определена узко; скорее, она требует комплексного подхода, охватывающего политические, экономические, социальные и экологические соображения, а также переоценки традиционных моделей безопасности для решения современных проблем, таких как угрозы кибербезопасности и цифровая этика. В конечном счете данная работа доказывает необходимость междисциплинарных подходов к разработке современных стратегий безопасности, эффективно реагирующих на изменчивую динамику международной повестки дня.

Ключевые слова: общественная безопасность, идентичность, социальная справедливость, неравенство, культурные различия, цифровая этика, экологическая безопасность, ловушка Гоббса

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Все авторы внесли равный вклад в разработку концепции, подготовку и написание рукописи.

История статьи:

Статья поступила 11.12.2024

Статья принята к публикации 06.03.2025

Для цитирования: *Dzhavad O.V., Ivleva M.L. The Phenomenon of Security: Socio-Philosophical Context // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 267–281. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-267-281>*

Introduction

In modern society, the phenomenon of security occupies a central place in social and philosophical debates. In a continuously changing world with its multiple challenges and threats, the understanding of security is gaining new horizons, expanding the traditional framework of interpretation. Security as a category has long remained a subject of concern and interest not only for states and international organisations, but also for each individual.

The socio-philosophical aspects of this phenomenon lead to the need to assess the impact of security on everyday life, identity and social structures. Philosophical reflections allow for a deeper understanding of the metaphysical and existential components of security, its moral and ethical dimensions. Questions related to the nature of threats, methods of prevention and survival strategies form the basis for a wide range of studies and discourses.

This paper proposes to examine the socio-philosophical context of the security phenomenon, focusing on the interaction between society and the individual, as well as the role of philosophy in shaping new approaches to security in the context of global change and uncertainty.

Social philosophy often explores various aspects of security through the lens of human society and interactions. For example, social contract and security, exploring how ideas of social contract shape understandings of security by balancing freedom and the need for protection. Social contract theory, developed by philosophers such as Thomas Hobbes [1; 2], and Jean-Jacques Rousseau [3], suggests that individuals agree to certain restrictions on freedoms in exchange for security and social order created by the state.

In considering the relationship between security and identity, it is significant to analyse how individual and collective identities influence the perception and politics of security in society. The works of Samuel Huntington [4], Ernest Gellner [5], Benedict Anderson [6] explore how national, cultural or ethnic identity affects the perception of threats and the level of security. Political decisions in certain situations at different historical stages of statehood may reflect the need to protect a certain identity.

In this regard, it is worth mentioning the topic of social justice and security, namely the study of the relationship between the social equation, human rights and security, including how inequality can threaten public security. The works of theorists such as John Rozi [7], Amartya Sen [8], and Nancy Fraser [9] examine the relationship between the equitable distribution of resources and security, how the presence of social and economic inequalities can lead to instability and conflict, which threatens both the personal security of citizens and national security as a whole.

In the second half of the XX century, within the framework of cultural differences and the phenomenon of the concept of societal security that appeared much later, such scholars as Edward Said [10], Clifford Girtz [11], as well as Samuel Huntington [12] in his famous article ‘Clash of Civilisations?’ in the journal ‘Foreign Affairs’ in 1993 share ideas about how cultural and religious differences affect the concepts and strategies of security in different societies, as well as the role of culture and religion in shaping perceptions of security, what may be accepted in one society may be perceived as a threat in another.

As early as the beginning of the 21st century, research on the psychology of fear in the context of security theories, how fear and psychological aspects influence security decision-making and societal reactions became popular. The work of scholars such as David Altheide [13], Barry Glassner [14], and Cass Sunstein [15] analyses how fear – often fuelled through media or social media – influences mass consciousness and political security decisions. It is these studies that in many ways laid the groundwork for new trends in security studies going forward. Largely due to the development of technology and the proliferation of social media, new trends in security studies have emerged that are also certainly worthy of consideration from a social philosophy perspective. For example, the concept of environmental security provides a basis for developing a socio-philosophical approach to security in the context of climate change and human impact on the environment. The challenges, according to researchers such as Jared Diamond [16] and Thomas Homer-Dixon [17], that arise from environmental changes such as climate change, resource depletion, and their impact on global and national security, including migration challenges, which is particularly important in consideration of the current agenda of most countries in the African continent and some countries in the Greater Middle East.

To pursue this issue, it is relevant to note the most recent trends that have begun to emerge in the second decade of the twenty-first century – digital ethics and Internet security – aim to explore primarily ethical issues related to security in the digital age, including data privacy and cybersecurity. Issues relating to data privacy, the right to personal information, and ethical dilemmas arising from the use of technology for security, including the abuse of surveillance of citizens’ privacy in large metropolitan areas, are raised in the works of Shoshana Zuboff [18], Eli Parizer [19], Bruce Schneier [20].

The most recent studies by Andrew McAfee [21] and Eric Brynolfsson [22], Cathy O’Neil, Yuval Harari [23] in the field of emerging technologies and related security issues focus on the impact of modern technologies on citizens’ sense of security, naturally considering various aspects of such a technological innovation, which has already become an integral part of our lives, as artificial intelligence, which is studied also in the framework of the impact of new technological evolution, massive hackerism, as well as economic and socio-economic factors.

These examples emphasise the variety of aspects that can be considered when exploring the socio-philosophical foundations of the security phenomenon.

Main body

The issue of security as a subject of close attention in contemporary academic research took shape after 1945, predominantly in Western countries and as part of the international relations discipline. The common understanding of security, rightly considered the cornerstone of any coherent definition of the term, is based on people’s confidence in the continuity of access to resources and opportunities critical to their survival and well-being [24]. Security thus encompasses a wide range of threats to existence, from global pandemics and authoritarian regimes to military invasions.

B. Buzan and L. Hansen note that there has been a ‘conceptual shift’ that has made it possible to explore a wider range of policy issues, including the importance of social cohesion and the relationship between military and non-military threats and vulnerabilities [25]. This conceptual shift involves, firstly, recognising the historical and cultural variability in the understanding of ‘security’. First of all, this was expressed in the shift of emphasis from the requirements for compliance and security, from the sphere of ‘high’ (international) politics to the sphere of ‘low’ (domestic, local) politics. Secondly, a process of rethinking the very phenomenon of security was initiated. This process consisted in the transition from the perception of security as an illiberal and undemocratic political phenomenon requiring strict management and regulation to its understanding as a necessary condition for civilised and dignified life. In other words, security was no longer perceived solely as an instrument of state coercion and was seen as a significant component of ensuring human rights and freedoms. This rethinking has also led to a broadening of the range of security threats to include not only military and political, but also economic, social, environmental and other factors affecting people’s well-being.

Security is a fundamental guarantee of order and risk management and is based on the operational tools of public administration. The focus is directed towards ‘national security’, that is, the defense of the nation and the state in the dynamic context of all hazards in the internal and external framework. But national security is not just a static state of defense, it is a continuous process of adaptation to changing conditions, requiring constant analysis, forecasting and reassessment of risks. National security should be understood as a risk management culture, which

clearly reveals the specificity of reaction to the external environment, mentality, inherent to the nation and the nation-state receptions of threats and dangers. The executive power dominates in the process of ensuring this state of defense. It is it, and not the legislative power, that has all the information about security parameters, intelligence and its sources, as well as all the instruments of its provision – the army, police, intelligence, etc. It is the executive power that has the first duty to ensure security. It is the first responsibility of the government to provide security. And the main concern of the state in this regard becomes the provision of military security.

Throughout the Cold War period, military security was at the centre of strategic studies, the essence of which was to form a correspondence or complementarity between military power and political goals of the state. Military security made political independence possible and also ensured other types of state security, such as economic, energy, social, etc., as well as other types of state security. Without a robust military defense, economic stability and social well-being become vulnerable to external threats and blackmail. Energy security, in turn, is increasingly dependent on geopolitical stability and resource control, which also requires military force to protect national interests. Military security thus acts as the foundation on which the entire national security system is built.

The ambiguity of the Hobbesian tradition is evident in the fact that ‘military security,’ understood as solely a threat to the state and population from the armed forces of other states, can become tyranny [1]. A national government may use the armed forces for a variety of purposes, including suppressing insurgencies, fighting terrorism, ideological differences, nationalism, opposition, and so on. In this regard, an important aspect is the establishment of clear boundaries and mechanisms to control the use of military force in order to avoid abuses and preserve democratic principles [16]. A system of checks and balances should be developed and implemented to ensure that the armed forces are subject to civilian control and operate in strict compliance with the law.

In some cases, the armed forces of a state may themselves pose a real threat to the government and carry out, for example, military coups. History knows many examples where the army, instead of defending the state, has overthrown legitimately elected governments, establishing a military dictatorship [23]. This emphasises the importance of maintaining a high level of professionalism, loyalty and political neutrality in the armed forces. In this sense, military security leads to ‘power-political, oligarchic, authoritarian and other similar trends, and tendencies in society’ [26. P. 157–158]. Excessive concentration of power in the hands of the military can lead to the restriction of civil liberties, suppression of political opposition and establishment of an authoritarian regime. This means that the distinction between foreign and security policy as instruments of interaction with the external environment, and domestic policy in the Hobbesian tradition becomes less essential. The blurring of the boundaries between foreign and domestic politics creates the danger of security instruments being used to address domestic political

objectives, which undermines democratic institutions and exacerbates social contradictions [26].

One of the problems is that the traditional understanding of security does not correspond to contemporary realities. It is rather crucial how a state interprets security, whether narrowly or broadly, which determines the scope of the national agenda and prioritisation. Broad definitions of security can be an advantage, covering all possible threats, but they also present a difficulty, adding many questions and little clarity in prioritising areas [27]. After the end of the Cold War, the concept of security had to include environmental, human and gender dimensions. This required breaking the link between security and defense and military aspects, as over-expansion of the concept risks losing the distinction between security and insecurity. National security could in fact become a 'basket case' of all potential threats to the state and society. Defining security as a state in which people can realise their goals without hindrance and threats leads to the risk of uncontrolled use of forceful measures as an instrument of socio-political control [28].

To avoid such a turn of events, critical security studies has set itself the goal of developing a logical structure of arguments for identifying the phenomenon of security, i.e. the logic of security. Anything that does not fit into it is not security and, therefore, is taken out of the framework of state control mechanisms. This is how the second interpretation tradition of the security phenomenon took shape in socio-humanitarian knowledge. While the first one we call ontological, focusing on the essential characteristics of security, the second one is epistemological, focusing on how we cognise and conceptualise security [28]. The ontological approach is often reduced to the search for universal and objective criteria of security, while the epistemological approach focuses on how different actors construct and interpret threats and dangers [28]. This dichotomy illustrates a fundamental difference in understanding the very nature of security: whether it is an objective reality existing independently of our perception, or whether it is a socially constructed concept dependent on context and perspective [28].

The Copenhagen School serves as an archetypal example in which scholars such as B. Buzan, O. Wæver, J. de Wilde, and others approach the study of security by exploring its new characteristics, practices, and institutions aimed at overcoming power dynamics [29. P. 4–5]. Within this school of thought, the state is conceptualised as a cultural entity that simultaneously embodies the role of 'self/subject', defining what constitutes security, and the role of 'object', confronting threats caused by insecurity, which it itself has created. Consequently, the state occupies the position of subject-object and plays a privileged role in creating and maintaining discourses of security and insecurity [29. P. 10–12]. Security is thus portrayed as a product of a creative act, akin to an artificial, constructed desire that serves a functional purpose. It should be noted that interest in cultural dimensions in security studies has been largely fuelled by critical studies and constructivism. These concepts have contributed to an understanding of core

normative values, such as freedom, that underpin the platform on which the phenomenon of security can exist and on which relevant debates can unfold [29. P. 40–41].

The constructivist approach thus not only offers an alternative understanding of security, but also challenges traditional notions of the state, power and international relations. It emphasises the role of ideas, norms and identities in shaping the behaviour of states and in determining what is considered a threat [29. P. 53]. Rather than seeing security as an objective given, constructivists argue that it is the result of social and political processes in which different actors struggle to define what is relevant and what requires protection. This implies that security is not a static concept but constantly evolves in response to changes in the political and social context.

Moreover, the critique of traditional approaches to security offered by the Copenhagen School and other currents of critical studies is not limited to academic debates. It has significant practical implications [25]. If security is a socially constructed concept, this means that we can and should critically evaluate those conceptions of security that dominate political discourse. We should ask questions about whose interests they reflect, what values they promote, and what alternative approaches to security might be possible. Such critical analysis can help us avoid situations where security is used to justify restrictions on civil liberties, the militarisation of society or external aggression.

The evolution of the understanding of security from a narrow, military-centred approach to a broader one that includes non-military threats and values has created a tension between ontological and epistemological approaches. Critical security studies, and especially the Copenhagen School, offer valuable tools for analysing how the notion of security is constructed and how it is used for political purposes [25]. By emphasising the role of culture, norms and identities, they allow us to better understand the complex relationships between security, power and society. It is necessary to remember that security is not simply a matter of defense against external threats, but of building a just and sustainable world in which everyone can live in dignity and security.

The securitisation theory proposed by the Copenhagen School is a deep and multidimensional concept that illuminates how political elites can use their power to define and construct security threats. This theory argues that such elites develop a perception of what exactly constitutes a threat, which helps to legitimise certain security measures and policies that they implement. This means that the process of securitisation is not simply a reaction to pre-existing threats, but rather an active process in which the state itself constructs its own security and (un)security, which in turn requires the development of appropriate policies.

A significant part of this theory is the understanding of security as a context in which there is a confrontation with a hard power personified by Leviathan, which represents traditional notions of power and political control [1]. Security, according to the views of researchers such as Buzan, Wæver and de Wilde, is opposed to the

exceptional conditions associated with emergency politics and is an alternative to the normal processes of political life that are not subject to the dominance of force. Security policy thus begins to be perceived as a status and normative process that aims to protect certain values identified as relevant to the state and society.

The Copenhagen School has attempted to develop well-defined criteria for situations that can be regarded as dangerous by identifying ‘codes of danger’ and establishing analytical boundaries for notions of security. This, in turn, should minimise the risk of a situation that could be described as a Hobbes’ trap – a constant threat where increasingly stringent measures must be used to ensure security [1]. However, theorists also raise the possibility of a trap called ‘Everything Becomes Security’, where security policy can become an end in itself rather than a means.

Securitisation, seen as a new socio-philosophical approach to security issues, is based on J. Austin’s speech act theory and also partly on Judith Butler’s work on the performativity of gender. Performativity is expressed in the fact that an utterance itself performs a certain action. For example, the chairman of a meeting opens the meeting with his words, thereby creating a new reality. Jacques Derrida in his work ‘Signature-Event-Context’ also points to the performative power of not only oral but also written utterance: he argues that the written form requires subsidiarity and ‘citativity’ [30; 31].

Securitisation theory establishes when an existential threat arises that requires an extraordinary political response. It identifies the stages in which the securitising speech act is performed and a logic of security is formed. This logic includes urgency, necessity and exceptionality, following which the securitising step is operationalised. Key to the success of these performative acts are the so-called ‘conditions of success’, which include the credibility of the securitiser and the context of utterance [25]. A successful securitising utterance implements the security logic under optimal conditions and leads to expected outcomes, which is effectively the execution of a pre-determined code whose outgoing consequences must be known. This determinacy of events within the theory emphasises the importance of understanding the sociopolitical context in which actions and utterances shape our perceptions of security and threats.

However, the original formulation of securitisation theory developed in the 1990s, with its emphasis on ‘speech acts’ and the concept of ‘conditions of success’ of the securitisation process has encountered many difficulties, both technical and substantive. There are a number of aspects concerning the adherence to speech act norms as well as criteria for the success of the securitisation act. Of significant importance is an understanding of the specifics of the ‘conditions of success’ that may not be realised in principle. It is also worth considering the fidelity of the securitiser’s assessment of the audience’s reaction to the speeches delivered.

To overcome these problems, a new paradigm has been proposed that shifts the focus of securitisation from its textual and internal side to its contextual and external side. This led to the development of a new externalist approach, which

began to develop in parallel with the internalist approach laid down by O. Wæver. In particular, T. Balzac theorises the externalist approach in his work *The Three Faces of Securitisation*. He argues that the meaning we attach to the notion of security does not arise in isolation, but is formed in dynamic social and linguistic contexts [30; 31].

According to Balzac, the process of securitisation requires careful consideration of multiple factors, including 'context' and the psycho-cultural characteristics of the audience. External events play a central role in our understanding of security, and some of them can disrupt entire political communities, regardless of how language is used. Three sets of factors are significant aspects of acts of securitisation: audience, context and securitising agent. The following must be taken into account: a) the audience's belief system and its willingness to trust the securitising agent; b) the 'zeitgeist' and the specificity of the particular situation that may affect the interpretation of the message; and c) the securitiser's ability to choose appropriate words and language. The cumulative effect must integrate with the surrounding context and balance mutually constitutive agents and structures.

It is crucial to understand that one should not limit oneself to analysing the institutionalised and sedimented discursive structures that shape the production of security meaning, as the founders of the Copenhagen School suggest. It is necessary to avoid turning the meanings found into immutable concepts that are timeless. Without a deep understanding of the psychology of key decision-makers, their 'self-understanding', beliefs, cognitive biases, mental strategies, personality traits and interpersonal relationship patterns, it is impossible to explain the many aspects of any security decision.

In the context of critical security studies, two other schools stand out, which to some extent complement and develop the ideas of the Copenhagen School. These are the Welsh or Aberystwyth school of C. Booth, R. Wyn Jones and C. Firke, based on the postulates of the Frankfurt School, and the Paris school of D. Bigot, inspired by P. Bourdieu's habitus theory and J. Derrida's deconstruction [32]. Significant for K. Booth is the fact that for millions of people the main source of security threat is their own state, not an abstract 'Enemy'. On this basis, a concept of security is needed that promotes the 'flourishing' of man in various forms, ensuring his emancipation from political groupings.

Both approaches emphasise that universal criteria of security cannot be precisely defined. They must be developed on the basis of analysing specific contexts, otherwise security policies risk becoming cycles of violence and permanent insecurity. This is also discussed by D. Bigo, who emphasises the dialectic of security and insecurity. He emphasises that no one knows the outcome of political action in advance, as there are many politicians and their interpretations of security. In the end, the struggle unfolds over which interpretation will be more meaningful to different audiences and which one will ultimately be recognised by them [33].

Here, a paradox arises: while ensuring the security of one object, one cannot ignore that this may put another in an insecure position. Security, thus, is not always a positive concept, as it depends on time frames and other conditions, which limits the possibilities of participants in the decision-making process in the field of security. Thus, D. Bigot initiated the discussion on the ‘professionalisation’ of (non)security management by focusing on the systems of meanings that exist within security [34].

In the light of contemporary discussions on threats and challenges viewed through the prism of security, the concept of ‘civilised security’ proposed by J. Loader and N. Woker attracts special attention. Loader and N. Walker [35]. These researchers emphasise that security should be seen as a public good that should serve the interests of the population and act as an alternative to Hobbes’ concept of Leviathan, where security is perceived more as an instrument of control rather than as a basis for a democratic society [1].

Loader and Walker point out that there is a certain ‘pathology’ in the construction of security, which manifests itself through four key aspects: paternalism, consumerism, authoritarianism and fragmentation. Paternalism here acts as a mechanism whereby special security services justify their expanded powers on the basis of unrealistic or distorted perceptions of the will of the electorate. This creates a distorted perception of democracy, where citizens’ choices become secondary. Consumerism, in this context, reflects the imposition of harsh security measures on society that often contradict the principles of democratic control. This phenomenon arises in response to fear provocations planted in the minds of voters. Thus, the authorities manipulate the fears of the population, forming public sentiments that favour the adoption of authoritarian measures [35].

Authoritarianism, as the third aspect, is characterised by repression on the part of the executive, seeking to gain the approval of voters through a demonstration of force. This creates an atmosphere where a ‘strong hand’ is perceived as necessary to preserve order, which in turn leads to a diminished interest in democratic processes and citizens’ rights [36]. Fragmentation completes this series of negative phenomena, manifesting itself in the partial provision of societal and human security, while spending on military security and the army is steadily increasing. This, in turn, creates a paradoxical situation in which the very essence of the democratic order suffers as the next security measures are put in place, and social structures are restructured, with democracy becoming a mere appearance [37].

Perhaps the most disturbing thing about this pathology of security is that instead of constructive development and implementation of democratic forms of politics, society begins to transform into an authoritarian system based on fear and control [38]. The techniques used in this paradigm are similar to those described as ‘harnessing’, where the secret managerial mechanisms necessary to achieve political goals serve only to wrap society in the illusion of choice and independence. Security thus loses its true status as a complex social and political phenomenon, becoming an instrument aimed solely at controlling the population. It is based on

the existing institutional mechanisms, on the traditions of secrecy and prerogative of the executive power, which are enshrined as a historical norm [39]. Because of this, it is impossible to realise the ideal of complete security in a democratic society. Achieving such a state would imply the absence of both freedom and values, which are the essence of a democratic system.

As Reinhold Niebuhr rightly pointed out, ‘politics will, until the end of history, be the sphere where conscience and power meet’. In this complex system, where the ethical and coercive factors of human life are intertwined, security becomes not just a matter of defense, but an arena where the interests of power can conflict with the moral aspects of society, creating difficult compromises [40. P. 4]. The study of security requires the application of abstract schemes and simplifications, as this phenomenon is intertwined with a multitude of social ties and communications. However, the key question remains: how to define the concept of security accurately when the number of its definitions is so large that the concept itself has become over-extended? In modern society, security professionals are not only traditional experts, but also representatives of various professions, including doctors, teachers and even ordinary citizens. This is of particular importance when analysing this issue from the point of view of social philosophy [41].

Conclusion

In today’s world, the socio-philosophical concept of national security is undergoing significant changes. In addition to traditional military threats, non-traditional challenges such as cybercrime, terrorism, pandemics, climate change and economic instability are becoming increasingly prominent. These threats tend to have no clear boundaries and require an integrated approach that brings together the efforts of various government agencies, the private sector and the international community. Cybersecurity, for example, is becoming critically important to protect national infrastructure, financial systems and citizens’ personal data. Combating terrorism requires close co-operation between intelligence and law enforcement agencies of different countries. Preventing and combating pandemics requires coordinated efforts in health, logistics and economics. Climate change is a long-standing threat that requires global co-operation and the development of sustainable solutions.

Thus, ensuring national security in the 21st century requires not only a strong military, but also a developed economy, strong institutions, an educated population and an effective risk management system. National security should be comprehensive and take into account not only military, but also economic, social, environmental, informational and other aspects. The creation of such a system requires constant dialogue between the state and society, as well as broad international cooperation.

In conclusion, we can say that the socio-philosophical aspect of the security phenomenon is complex and multifaceted, requiring constant analysis and

adaptation to changing conditions. Ensuring security is a priority task of the state, but requires a balance between the need to protect national interests and the observance of democratic principles, civil and social freedoms. Successful national security can only be achieved through a comprehensive approach that combines the efforts of various government agencies, the private sector and the international community. Thus, we can conclude that the goal of the critical approach to the study of security – the destruction of the traditional Hobbesian logic – has not yet been achieved. Leviathan continues to be a symbol of this logic, reproducing the main features and patterns associated with the ‘nuclear’ meaning of security, which persists under any conditions. Specific meanings of security are shaped by a multitude of factors that influence security practices in different contexts and settings.

References / Список литературы

- [1] Hobbes T. *Leviathan, or, The matter, forme, and power of a common wealth, ecclesiasticall and civil*. London: Printed for Andrew Crooke; 1651.
- [2] Locke J. *Two Treatises of Government: In the Former, The False Principles, and Foundation of Sir Robert Filmer, and His Followers, Are Detected and Overthrown. The Latter Is an Essay Concerning the True Original, Extent, and End of Civil Government*. London: Awnsham and John Churchill; 1698.
- [3] Rousseau J-J. *On the Social Contract; or, Principles of Political Righ*. Amsterdam; 1762.
- [4] Huntington SP. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster; 1996.
- [5] Gellner E. *Nations and Nationalism*. Cornell University Press; 1983.
- [6] Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso; 1983.
- [7] Rawls J. *Theory of justice*. Harvard: University Press; 1971. DOI: 10.4159/9780674042605
- [8] Sen A. *The Idea of Justice*. London: Penguin Books Ltd; 2009. DOI: 10.4159/9780674054578
- [9] Fraser N. *Scales of Justice: Reimagining Political Space in a Globalizing World*. Columbia University Press; 2008.
- [10] Said E. *Orientalism*. New York: Pantheon Books; 1978.
- [11] Geertz C. *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books; 1973.
- [12] Huntington SP. The clash of civilizations. *Foreign Affairs*. 1993;72(3):22–49. DOI: 10.2307/20045621 EDN: BOCJXP
- [13] Altheide DL. Terrorism and the Politics of Fear. *Cultural Studies? Critical Methodologies*. 2006;6(4):415–439. DOI: 10.1177/1532708605285733
- [14] Glassner B. The Construction of Fear. *Qualitative Sociology*. 1999;22(4):301–309. DOI: 10.1023/A EDN: BCEANJ
- [15] Sunstein CR. *Laws of Fear: Beyond the Precautionary Principle*. Cambridge, New York: Cambridge University Press; 2005. DOI: 10.1017/CBO9780511790850
- [16] Diamond J. *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*. New York: Viking/Penguin Group; 2005.
- [17] Homer-Dixon T. *Environment, scarcity and violence*. Princeton: Princeton University Press; 1999.

- [18] Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: Public Affairs; 2019.
- [19] Pariser E. *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You?* New York: Penguin; 2011. DOI: 10.3139/9783446431164
- [20] Schneier B. *Data and Goliath: The Hidden Battles to Collect Your Data and Control Your World*. New York: W.W. Norton & Company; 2015.
- [21] Brynjolfsson E, McAfee A. *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. New York: W.W. Norton & Company; 2014.
- [22] O'Neil C. *Weapons of Math Destruction, How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy*. New York: Broadway Books; 2016.
- [23] Harari YN. *21 Lessons for the 21st Century*. New York: Vintage Books; 2018.
- [24] Glasser MA, Polyachenkov AV, Novik NN. Security expertise in the modern world: opportunities and problems. *Philosophical Sciences*. 2021;64(6):33–54. (In Russian). DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-33-54 EDN: IJEMQA
Гласер М.А., Поляченко А.В., Новик Н.Н. Экспертиза безопасности в современном мире: возможности и проблемы // Философские науки. 2021. Т. 64. № 6. С. 33–54. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-33-54 EDN: IJEMQA
- [25] Buzan B, Hansen L. *The Evolution of International Security Studies*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. DOI: 10.1017/CBO9780511817762 EDN: UREMWJ
- [26] Herz JH. Idealist Internationalism and the Security Dilemma. *World Politics*. 1950;2(2):157–158. DOI: 10.2307/2009187
- [27] Sussex M. Understanding National Security: The Promises and Pitfalls of International Relations Theory. In: Clarke M, Henschke A, Sussex M, Legrand T, editors. *The Palgrave Handbook of National Security*. Palgrave Macmillan. 2022. P. 23–52. DOI: 10.1007/978-3-030-53494-3_2
- [28] Fischer RJ, Green G. *Introduction to Security*. Boston, MA: Butterworth Heinemann; 2004.
- [29] Buzan B, Wæver O, De Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Renner Publishers; 1998.
- [30] Derrida J. Signature Event Context. In: *Fields of Philosophy*. Kralechkin DY, transl. Moscow: Akademicheskii proekt publ.; 2012. P. 376–378. (In Russian).
Деппуда Ж. Подпись Событие Контекст // Поля философии / пер. с фр. Д.Ю. Краlechкина. М. : Академический проект, 2012. С. 376–378.
- [31] Derrida J. The Theatre of Cruelty and the Closure of Representation. In: *Writing and Distinction*. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt publ.; 2000. P. 430–431. (In Russian).
Деппуда Ж. Театр жестокости и закрытие представления // Письмо и различие. СПб. : Академический проект, 2000. С. 430–431.
- [32] Balzacq T. The three faces of securitization: Political agency, audience and context. *European journal of international relations*. 2005;11(2):171–201. DOI: 10.1177/1354066105052960 EDN: JRSMYJ
- [33] Booth K. Security and Emancipation. *Review of International Studies*. 1991;17(4):313–326. DOI: 10.1017/s0260210500112033
- [34] Bigo D, Tsoukala A. *Terror, Insecurity and Liberty: Illiberal Practices of Liberal Regimes after 9/11*. London: Routledge; 2008. DOI: 10.4324/9780203926765
- [35] Loader I, Walker N. *Civilizing security*. Cambridge: Cambridge University Press; 2007. DOI: 10.1017/CBO9780511611117
- [36] Glasser MA, Ivleva ML. Societal security and religion in postcolonial Africa. *State, religion, Church in Russia and abroad*. 2022;40(3):136–167. (In Russian). DOI: 10.22394/2073-7203-2022-40-3-136-167 EDN: MNCLGY

- Гласер М.А., Ивлева М.Л. Социетальная безопасность и религия в постколониальной Африке // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. Т. 40. № 3. С. 136–167. DOI: 10.22394/2073-7203-2022-40-3-136-167 EDN: MNCLGY
- [37] Glaser MA, Ivlev VYu, Novik NN. Discourses of biopolitics and human security in the context of new challenges and threats to humanity. *Voprosy Filosofii*. 2021;(2):42–52. (In Russian). DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-42-52 EDN: CPRBZV
Гласер М.А., Ивлев В.Ю., Новик Н.Н. Дискурсы биополитики и безопасности человека в условиях новых вызовов и угроз человечеству // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 42–52. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-42-52 EDN: CPRBZV
- [38] Glaser MA. *Studies on philosophy of history, politics, security: in three volumes*. Vol. 1. Moscow: Publishing and Trading Corporation Dashkov & Co.; 2021. (In Russian).
Гласер М.А. Исследования по философии истории, политики, безопасности: в трех томах. Т. 1. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2021.
- [39] Chernyak AZ, Ivleva ML. The Ethics of Conflict in Changing World. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(3):872–884. DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-3-872-884 EDN: WQOIQF
- [40] Gulyaev RV. *Revolution or dictatorship: Hannah Arendt and Carl Schmitt on the essence of the political*: dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences. Available from: <https://www.hse.ru/data/2013/12/26/1337226020/dis%20guliaev.pdf> (accessed: 04.12.2024). (In Russian).
Гуляев Р.В. Революция или диктатура: Ханна Арендт и Карл Шмитт о сущности политического: дисс. ... канд. филос. наук. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2013/12/26/1337226020/dis%20guliaev.pdf> (дата обращения: 04.12.2024).
- [41] Niebuhr R. *Moral man and immoral society: A study in ethics and politics*. Louisville, KY: Westminster John Knox Press; 2013.

About the authors:

Dzhavad Olga V. – Senior Lecturer of the Department of Social Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-4498-0664. SPIN-code: 5617-9987. E-mail: dzhavad_ov@pfur.ru

Ivleva Marina L. – DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Social Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-2901-7503. SPIN-code: 3861-0829. E-mail: ivleva_ml@pfur.ru

Сведения об авторах:

Джавад Ольга Васильевна – старший преподаватель кафедры социальной философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0003-4498-0664. SPIN-код: 5617-9987. E-mail: dzhavad_ov@pfur.ru

Ивлева Марина Леонидовна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социальной философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0003-2901-7503. SPIN-код: 3861-0829. E-mail: ivleva_ml@rudn.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-282-301>
EDN: QBCZRW

Research Article / Научная статья

Экзистенциальная безопасность в условиях техногенной культуры

Л.В. Баева

Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, Астрахань, Россия
 baevaludmila@mail.ru

Аннотация. Исследование обращено к изучению экзистенциальной безопасности, которая становится одной из универсальных ценностей в современном мире и междисциплинарным понятием для широкого комплекса философских, социальных, политических, культурологических наук. Предлагается социально-философский и аксиологический анализ как самого понятия экзистенциальной безопасности, так и изучение широкого комплекса факторов, связанных с актуализацией проблемы экзистенциальных рисков и угроз в современном мире. Обобщены основные исследовательские подходы к пониманию экзистенциальной безопасности в мире и России, показана их направленность и содержательное наполнение. Предложена уточненная дефиниция экзистенциальной безопасности как комплексного понятия, с позиции интегративного онтологического, антропологического и аксиологического подходов, позволяющая объединить и учесть возможности преобладающих в науке подходов и дополнить их параметрами, связанными с современными рисками, угрозами и вызовами, включая потенциальные и реальные. Выявлены и охарактеризованы онтологический, антропологический, этический, социальный, технологический аспекты экзистенциальной безопасности. Раскрыты тенденции в оценке экзистенциальных угроз и факторы защищенности от них в современном обществе, показаны уровни проявления экзистенциальных вызовов в условиях технологических трансформаций, пандемии новой коронавирусной инфекции, открытого военного противостояния Российской цивилизации и «коллективного Запада» и скрытого направленного деструктивного воздействия через этно-религиозные детерминанты. В исследовании с позиции экзистенциального-аксиологического подхода дана характеристика наиболее актуальным современным угрозам, показан их разрушительный потенциал для настоящих и будущих поколений, социальных отношений и внутреннего Я, подвергающегося деформации через пропаганду агрессивных моделей поведения.

Ключевые слова: философия безопасности, экзистенциальные риски, экзистенциальные угрозы, вызовы, идентичность, техногенное общество

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Баева Л.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 01.11.2024

Статья принята к публикации 03.03.2025

Для цитирования: Баева Л.В. Экзистенциальная безопасность в условиях техногенной культуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 282–301. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-282-301>

Existential Security in Technogenic Culture

Liudmila V. Baeva

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

baevaludmila@mail.ru

Abstract. The research is addressed to the study of existential security, which is becoming one of the universal values in the modern world and an interdisciplinary concept for a wide range of philosophical, social, political, cultural sciences. A comprehensive analysis is proposed regarding both the concept of existential security itself and the study of a wide range of factors related to the actualization of the problem of existential risks and threats in the modern world. The main research approaches to the understanding of existential security in the world and Russia are summarized, their orientation and content are shown. The refined definition of existential security is proposed from the position of integrative ontological, anthropological and axiological approaches, which allows to combine and take into account the possibilities of the prevailing approaches in science and supplement them with the parameters associated with modern risks, threats and challenges, including potential and real ones. The ontological, anthropological, ethical, social, technological aspects of existential security are identified and characterized. The trends in the assessment of existential threats and factors of protection from them in modern society are revealed, the levels of manifestation of existential challenges in the conditions of technological transformation, pandemic of new coronavirus infection, open military confrontation between Russian civilization and the Collective West and hidden directed destructive impact through ethnoreligious determinants are shown. The study from the position of existential approach characterizes the most pressing threats, shows their destructive potential for present and future generations, social relations and the inner self, which is subject to deformation through the propaganda of aggressive behavior patterns.

Keywords: security philosophy, existential risks, existential threats, challenges, identity, technogenic society

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history:

The article was submitted on 01.11.2024

The article was accepted on 03.03.2025

For citation: Baeva LV. Existential Security in Technogenic Culture. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):282–301. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-282-301>

Введение

В условиях цивилизационных столкновений, масштабных гибридных войн, с одной стороны, развития высоких технологий, их сближения и конвергенции с социальными системами и институтами, усложнением антропо-техноэкологических противоречий, с другой, – безопасность становится одним из главных условий существования человека и человечества, интегральной, терминальной ценностью. Безопасный мир и социум становятся ценностью, которая не только способствует формированию и достижению других ценностей более высокого порядка, но выступает в качестве важнейшей ценности-цели по мере того, как все больше ресурсов и знаний предполагает ее достижение.

Безопасность с позиции аксиологического подхода может быть рассмотрена как ценность-цель и как ценность наличного бытия, при этом она относится к ценностям, связанным с различными аспектами жизнедеятельности: витальными, экономическими, социокультурными. В значительной мере ее можно квалифицировать как экзистенциальную ценность, определяющую возможность бытия человека в окружающем мире без ущерба его целостности, самостоятельности, уникальности, и возможность его саморазвития, манифестации в мире.

Предметом нашего исследования выступает экзистенциальная безопасность, а целью – раскрытие сущности и роли ценности экзистенциальной безопасности для устойчивости личного и социального бытия. Мы рассмотрим как понятие экзистенциальной безопасности, так и основные контексты его применения и исследователями, а также соотнесем уровни экзистенциальной безопасности человека с современными вызовами.

Проблемы экзистенции личности и связанные с ней угрозы получили развитие в трудах представителей двух волн экзистенциализма после Первой и Второй мировых войн. В переломные периоды истории в умонастроении общества экзистенциализм становился квинтэссенцией переживания неприятия абсурдности и бессмысленности общества технократизма, тоталитаризма, позднее потребления, омассовления. В качестве угроз экзистенции личности представители этой традиции философии рассматривали подчинение технологии, власти вещей, технократизацию, ведущие к расчеловечиванию, уподоблению машине, способной к труду, но не способной к поиску смыслов [1].

Экзистенциальная методология со второй половины XX в. применяется в различных научных социогуманитарных областях, начиная от психотерапии до искусствоведения. Экзистенциальный подход применяется при анализе антропологических, социально-философских, аксиологических исследований. В свою очередь нами было предпринято обоснование

экзистенциально-аксиологического подхода, с позиции которого ценность раскрывается как связанная с возможностью творчества смыслов и значений, как манифестация уникальности личности и ее предпочтений перед решением ключевых экзистенциальных проблем.

Если обратиться к анализу различных подходов в аксиологии к составлению ценностных иерархий, то можно отметить, что витальные ценности, как правило, относят к первичному, низшему уровню. Об этом свидетельствует и типология ценностей М. Шелера, который стал одним из первых европейских аксиологов, добавивший в свою иерархию витальные ценности [2]. Хотя еще представители «философии жизни» дали всестороннее обоснование тому, что именно жизнь является первой и самой основной ценностью, дающей начало всем другим. Можно отметить, что интерес к обоснованию ценности жизни, а затем и ценности безопасности совпадал с периодами наиболее острых социальных потрясений. Но существование, экзистенция выходит за пределы жизни, оно становится «более, чем жизнь» (Г. Зиммель), поскольку включает в себя ее осмысление [3]. Если ценность жизни как биологического процесса – витальная ценность, имеющая природу в инстинкте сохранения жизни, то ценность экзистенции, существования имеет в основе способность смыслотворчества, рефлексии, мышления и проявляется в утверждении значимости существования, имеющего смысл и определенные ценности, делающие ее «более чем жизнь», как жизнь, обладающая определенным назначением, сущностью, несводимой к продолжению рода.

В современных аксиологических иерархиях и типологиях безопасность как ценность связывается как с глобальными вызовами (войны, эпидемии, катастрофы), так и с групповыми и индивидуальными угрозами и защищенностью от них. Что касается экзистенциальной безопасности, то она становится одной из универсальных ценностей, присущих человеку, независимо от типа культуры и мировоззрения. Экзистенциальная безопасность при этом не равна ценности жизни или выживания, как и витальным ценностям вообще. Она связана с различными параметрами существования, и витальные – только часть из них. Если витальная безопасность есть защищенность от угроз физическому здоровью и самой жизни, то экзистенциальная безопасность есть защищенность от подчинения внешней необходимости, отрицающей индивидуальность, идентичность, самоопределение. Угрозы экзистенции человека могут быть связаны, с одной стороны, с природными, техногенными факторами, а с другой, с социальными, информационными. Если техногенные факторы трансформируют телесность человека, то социальные и информационные трансформации вызывают ценностные трансгрессии, инверсии, деформации, меняющие самоидентификацию человека.

Каковы же теоретические и концептуальные источники понятия и проблемы экзистенциальной безопасности?

Подходы к пониманию экзистенциальной безопасности в современной науке

Теория безопасности становится одним из трендов в различных сферах, включая социальные науки. Понятие безопасности от традиционно рассматриваемой в военно-политическом, физически-телесном, ресурсном значении, в XX веке предельно расширяет свой дискурс, приобретая онтологический, бытийный, экзистенциальный смысл. Укрепляется отход от традиционного подхода к оценке безопасности, связанной исключительно с геополитическими и экономическими источниками к многофакторной интерпретации безопасности в духе идей «Копенгагенской школы» (Б. Бузан и О. Вэйвер), определяющей объектами, влияющими на безопасность разнообразные источники, такие феномены, как национализм, миграцию, идентичность, религию, экологию, цифровизацию и т.д. [4]. Обозначение и признание чего-либо как угрозы представители копенгагенской теории безопасности справедливо связывают с проявлением речевого дискурса, как способа выражения факта экзистенциальной угрозы для референтного объекта.

«Экзистенциальная безопасность» как понятие формируется в недрах теории секуляризации, в процессе изучения влияния модернизации на религиозность и изменения существования человека, утрачивающего веру и конфессиональную идентичность по мере развития рационалистического мышления, снижения авторитета и роли церкви, что показано В. Свотсом и Дж. Кристиано [5]. Развитие этого понятия касалось исключительно проблемы трансформации религиозной идентичности в условиях либерализации ценностей, но вскоре выходит за эти рамки и охватывает все сферу культурной и социальной жизни. Р. Инглхарт и С. Велцель исследовали параметры культурной идентичности в их динамике на основе больших данных, полученных в лонгитюдных исследованиях ценностей в разных странах, и пришли к выводам о сосуществовании различных ценностных моделей (традиционные и либеральные, религиозные и секулярные, эмансипационные). Они рассматривали как экзистенциальные ограничения влияют на секуляризацию сознания и культурную парадигму, как возрастает ценность свободы выбора по мере ослабления религиозной ориентированности [6. С. 419]. Опираясь на эмпирические данные, они обосновали, что важность религии ниже в странах, где граждане имеют больше безопасности и уверенности в том, что касается повседневного выживания. Таким образом, уровни секуляризации будут выше в условиях, когда основные показатели человеческого развития и благосостояния выше. Безопасность при том понимается как защищенность от угроз существования и выживания и имеет широкое значение.

В более поздних работах Р. Инглхарт применял понятие экзистенциальной безопасности, отмечая его комплексный и системный характер, связывая его прежде всего с физическими и экономическими параметрами [7]. Исследователь полагал, что усиление внутригрупповой солидарности или рост

агрессивности по отношению к чужим связаны с ощущением или осознанием отсутствия физической и экономической безопасности. Рост продолжительности жизни, достаточный экономический уровень в свою очередь снижают уровень преступности, социального неравенства, агрессии извне, что способствует формированию большей терпимости к чужим, открытости новым идеям и более демократичным нормам. Р. Инглхарт подчеркивал, что новые идеи, с одной стороны, могут расшатывать солидарность и сплоченность группы, усиливать ее дисперсию и разрушать ценностное единство (что в итоге является рискогенным фактором для самой социальной общности), при этом новые идеи и технологии повышают адаптивную способность группы, выступают источником развития. Р. Инглхарт отмечал, что социальная динамика осуществляется в направлении развития ценностей от материальных к постматериальным, от коллективизма к индивидуализму, от ценностей выживания к ценностям саморазвития.

Этот подход имеет и свои слабые стороны, поскольку он описывает социальную систему, неизбежно разрушающую саму себя. Государства с высоким уровнем экономической жизни неизбежно приходят к внутренней социальной дезинтеграции, атомизации их субъектов (термин «элементарные частицы» для описания индивидуумов в таком обществе наглядно описывал французский писатель, критик идеологии либерализма М. Ульбек в одноименном романе). Теория Инглхарта показывает возможности и слабости каждого из типов социальных систем, акцентируя внимание на их способности к экзистенциальной безопасности.

По мере роста экологических и технологических угроз выживанию человеку понятие экзистенциальной безопасности связывается с защитой от широкого круга вызовов техногенного и антропогенного характера, а также сверхбыстрого развития технологий, которые создают угрозы жизни и существованию человека и человечества.

Другим теоретическим источником, придавшим усиленное внимание понятию экзистенциальной безопасности, стала теория экзистенциальных рисков, связываемых с технологическим развитием, внедрением цифровых технологий, киберсистем, искусственного интеллекта, оказывающих влияние на параметры существования человека и его идентичность. Риски и угрозы выживанию человечества, связанные с развитием искусственного интеллекта (ИИ), были исследованы С. Расселом в работе «Искусственный интеллект: современный подход», который подчеркивал, что интеллект, превосходящий человеческий может быть последним глобальным изобретением, несущим разрушение [8]. Этот подход позднее представлен и в работах шведского философа Н. Бострома, который применил понятие экзистенциального риска, говоря об угрозах существования человека в условиях конкуренции с ИИ, умными киберсистемами, суперинтеллектом [9]. Ник Бостром вводит понятие экзистенциальной катастрофы, понимая под ней не просто кризисные явления или риски, но необратимую для человечества ситуацию, когда

восстановление после кризиса и дальнейшее развитие научно-технического прогресса станут невозможными [10]. Гипотеза «уязвимого мира» Бострома показывает в то же время, что некритическое принятие логики и практики безопасности способно привести к всепроникающему планетарному надзору и упреждающему глобальному контролю за людьми [11]. Именно в этом состоит важнейшая дилемма современного общества: какая ценность имеет примат: безопасность или права личности?

Тоби Орд представил комплексное исследование экзистенциальных рисков в работе «Пропасть: экзистенциальные риски и будущее человечества» в 2020 году [12], где он развивал теорию экзистенциальных рисков и экзистенциальной катастрофы Н. Бострома. Т. Орд определяет экзистенциальную катастрофу как осознанное разрушение долгосрочного потенциала человечества, лишаящее его в будущем возможности процветания. Он предлагает классификации экзистенциальных рисков (среди которых ядерная война, пандемии, изменения климата и др.) и дает прогнозные оценки их степени проявления в ближайшее столетие. Одним из наиболее вероятных и потенциально опасных рисков он называет риск от Общего ИИ (ОИИ), противостоять которому должна не только наука, но и широкое публичное обсуждение этой проблемы.

Натан Сирс в работе «Экзистенциальная безопасность: на пути к структуре безопасности для выживания человечества» в 2020 г. предпринимает попытку систематически осмыслить безопасность и то, как она может быть связана с размышлениями об экзистенциальных рисках [13]. Принимая основы теории безопасности Копенгагенской школы и идею экзистенциальных угроз ценным объектам, легитимирующих исключительные средства, он осмысливает экзистенциальную безопасность в терминах экзистенциальных антропогенных угроз человечеству (или цивилизации). Таким образом, экзистенциальная безопасность является попыткой перевести существующую логику безопасности в структуру, которая подходит для области экзистенциальных и катастрофических рисков, имеющих планетарный масштаб.

Как отмечают Т. Хорбсон и О. Корри, безопасность как концепция традиционно связана с государством, тогда как теория рисков берет свое начало в страховании и частном секторе, и по мере того, как эти теории сближались, они все больше касались факторов неопределенности, потенциальных катастроф, обусловленных глобализацией и технологическим прогрессом [14]. Это привело к формированию и развитию теории экзистенциальной безопасности, которое шло от логики национальной безопасности к глобальному или «эпохальному» сознанию, связанному с выживанием всего человечества.

Термины «экзистенциальные риски», «экзистенциальные угрозы» и «экзистенциальная безопасность» сегодня активно применяются в политическом дискурсе, их употребляют лидеры государств, политики, аналитики, когда затрагивают вопросы угроз существованию человечества или той или иной государственной системы.

В России разработки теории экзистенциальной безопасности и экзистенциальных рисков в настоящее время переживают этап становления. Эти понятия еще сравнительно мало разработаны, хотя внимание к ним растет. Если сравнить частоту источников по запросу к термину в англоязычном и в русскоязычном сегментах Интернета, то можно отметить, с одной стороны, как меняется их количество за два года, а также насколько широко представлены ответы на запрос в российских и англоязычных СМИ и научных изданиях (табл. 1).

Таблица 1

Динамика ресурсов по запросу «экзистенциальная безопасность»

Поисковый запрос экзистенциальная безопасность	2022 (30.10.2022)	2024 (14.04.2024)
Англоязычный сегмент Интернет	25 900 000	32 600 000
Русскоязычный сегмент Интернет	461 000	821 000

Источник: составлено Л.В. Баевой.

Table 1

Resource dynamics for the query “existential security”

Search query Existential security	2022 (30.10.2022)	2024 (14.04.2024)
The English-speaking segment of the Internet	25 900 000	32 600 000
The Russian-speaking segment of the Internet	461 000	821 000

Source: compiled by Liudmila V. Baeva.

Хотя теоретическая разработка понятий экзистенциальных рисков и экзистенциальной безопасности в российских научных исследованиях встречается не так часто, как за рубежом, вопросами безопасности, как комплексной, так и специализированной, в России занимаются достаточно широко. Отметим некоторые работы, в которых непосредственно затрагивались вопросы экзистенциальной безопасности.

Так, проблемы экзистенциальной безопасности человека были исследованы Р.С. Балаевым, который предложил следующую дефиницию: «экзистенциальная безопасность личности связана с устойчивостью системы экзистенциальных ценностей и ориентаций, определяющей субъектную ценностную позицию и адекватное психоэмоциональное отношение к миру, которые обуславливают поведение человека и выражают внутреннюю основу его социокультурных связей» [15. С. 7]. Исследователь обращался к проблеме экзистенциальной безопасности в сетевой коммуникации и отмечал, что в этом случае она представляет собой состояние защищенности человека от негативного информационного воздействия, которое может изменять поведение людей, углублять массовые страхи, формировать «экзистенциальный вакуум» и т.д. Р.С. Балаев подчеркивал роль ценностного конфликта и кризиса идентичности в формировании экзистенциальных рисков, поскольку именно

ценности и нормы играют решающую роль в интеграции и устойчивости социума.

Исследование отдельных аспектов экзистенциальной безопасности проводили И.С. Акулова и М.П. Ахметзянова, показывая различные факторы и вызовы, создающие угрозу бытию человека, к которым они относят терроризм, отчужденность, возрастание эсхатологических ожиданий [16].

В работе А.С. Артюхина, посвященной экзистенциальной безопасности и обзору научных разработок по этой теме, речь идет преимущественно о технологических угрозах индивидуальности личности: проектах «постчеловечества» на основе генетического дизайна, вживления кибер-имплантов, создания клонов человека и др. [17]. Такой подход основан на позиции ряда авторитетных российских ученых, занимающихся анализом концепций трансгуманизма, «постчеловека», прежде всего критической направленности.

А.Е. Сергодеева и Е.А. Васильченко исследовали проблемы экзистенциальной безопасности в киберпространстве, выявляя в качестве главного риска фактор роста девиаций, аддикций и эскапизма в сетевом пространстве [18]. В свою очередь О.В. Плебанек под экзистенциальной безопасностью понимает «субъективное ощущение у субъекта – индивидуума или группы, отсутствия естественных (природных) и социальных (являющихся продуктами социальных взаимодействий) факторов, приводящих к снижению адаптивной способности общества» [19. С. 120]. Исследователь отмечает, что в цифровом мире адаптивная способность общества зависит как от материальных факторов, так и от когнитивных и ментальных свойств и качеств человеческой личности, ценностных изменений в социальных системах. В наших исследованиях мы также ранее обращались к проблеме экзистенциальных рисков условиях информационного социума в целом, и отдельных проблем, таких как цифровой эскапизм, цифровое неравенство, в частности [20].

Понятие экзистенциальной безопасности до 2022 года связывалось российскими исследователями главным образом с технологическими факторами (социальное отчуждение, цифровое неравенство, кибер-эволюция и др.), и обусловленных ими рисках свободе и идентичности человека. После 2022 г. и начала СВО понятие «экзистенциальная безопасность» стало чаще применяться для понимания защищенности существования человека от военно-политических угроз и вызовов в сфере цивилизационных конфликтов. В целом, в российских исследованиях вопросы экзистенциальной безопасности и рисков в большей степени связываются как с выживанием человечества в меняющихся технологических условиях, так и с сохранением его социокультурной идентичности в условиях цивилизационного противостояния.

Философия экзистенциальной безопасности

Мы рассматриваем экзистенциальную безопасность в широком смысле как состояние защищенности от рисков, угроз и вызовов, несущих

(потенциально либо реально) ущерб существованию человека, его жизни, свободе, возможности саморазвития в настоящем и будущем. Под риском при этом понимается потенциальная возможность негативных последствий, которые могут сложиться наряду с позитивными, в то время как угрозы оцениваются факторы, имеющие реальный деструктивный характер и разрушающие последствия для субъектов и систем; вызовы, в отличие от угроз, имеют более масштабный характер, в связи с чем противостояние им невозможно, поэтому происходят неизбежные изменения самой системы. Среди усиливающихся сегодня тенденций важно отметить, как сложившиеся угрозы (военные, геополитические, эпидемические, экологические и др.), так и скрытые угрозы и риски, которые позволяют быстро растущему числу отдельных субъектов наносить беспрецедентный ущерб глобальному сообществу с помощью информационных и иных технологий, действуя намеренно или случайно. В связи с чем возрастает важность превентивного предотвращения возможных атак с экзистенциальными последствиями.

Экзистенциально-аксиологический подход показывает, что ценности выступают факторами, выражающими направленность социальной динамики, позволяет выявить потенциальные и реальные риски, связанные с конфликтами ценностных систем, а также осмыслить множественность и единство индивидуальностей.

Опираясь на сложившиеся подходы, мы понимаем под экзистенциальной безопасностью в широком (онтологическом) смысле свободу и защищенность от угроз выживанию человечества, его свободе и идентичности. В узком (антропологическом) значении мы определяем экзистенциальную безопасность как состояние защищенности человека от негативного (деструктивного) воздействия, направленного на деформацию экзистенциальных ценностей человека, в том числе пропаганду саморазрушительного поведения, направленную ценностную дезориентацию и девальвацию, подавление личностного осознанного выбора. Интегрируя сложившиеся подходы, мы рассматриваем экзистенциальную безопасность с позиции философии как проявляющуюся на различных уровнях: онтологическом, антропологическом, этическом, аксиологическом, когнитивном и др.

Онтологический уровень экзистенциальной безопасности предполагает защищенность от угрозы существования человека (человечества) в настоящем и будущем. Экзистенциальные риски для человечества включают космические, природные, экологические, техногенные факторы, пандемии и др., способные вызвать необратимые разрушительные изменения для цивилизации, уничтожить существование человеческого вида и его достижения.

Социальный аспект экзистенциальной безопасности предполагает защищенность от угрозы существования человека (человечества) в качестве самоуправляющегося, самоопределяющегося индивида и обладающего свободным выбором. Особую роль играют угрозы, связанные с войнами и разрушением мирной благополучной жизни, которые и в условиях XXI в. приобрели

новые нормы, соединившись с информационными угрозами и войнами. Экзистенциальными угрозами в этом случае выступают политические системы, характеризующиеся агрессивной внешней и внутренней политикой, различные формы ксенофобии, шовинизма, расизма, нацизма, стремящиеся к подчинению человека, отрицающие его свободы, обесценивая его личность. Безопасность в социальной сфере предполагает защищенность от лишения человека возможности быть полноправным членом социума, поддерживать коммуникацию, участвовать в социальной активности. Различного рода эксклюзии (бедность, остракизм, неравенство) также являются важнейшими угрозами социальной экзистенции человека. Социокультурный уровень экзистенциальной безопасности связан с возможностью сохранения идентичности с теми группами, которые ценны для самого субъекта, а не навязаны ему извне. Если это конфессиональные или этнические группы, то экзистенциальная безопасность состоит в защищенности их традиций от девальвации их ценностей и маргинализации последователей. Усложнение социальных и техногенных вызовов трансформируют культурные традиции, разрывают стереотипы поведения и мышления, размывают паттерны коллективной памяти, религиозные, этические, социальные нормы, что вынуждает человека приспосабливаться к открытому высокодинамичному обществу, с незадачными ценностными установками.

Техногенный аспект экзистенциальной безопасности связан с сохранением и защищенностью человека (человечества) от негативного воздействия, вытеснения продуктами технологического прогресса (биотехнологии, киберсистемы, ИИ). Экзистенциальные риски связаны на этом уровне с перспективой невозможности контроля над ИИ, с высокой степенью зависимости от цифровой среды, с разрушительным влиянием на геном человека, клонированием и др. Эти виды рисков не являются абсолютными, их проявление может улучшить жизнь человека и привести к разрушению в зависимости от меры и направленности использования.

Психологический уровень экзистенциальной безопасности связан с защищенностью от угрозы психическому здоровью и состоянию личности, которые способны вести к его устранению из социальной среды, ослаблению осознанного поведения. Рисками экзистенции человека здесь выступают насилие, травля, подчинение воли индивида, а также навязанное поведение, манипуляции, имеющие разрушающие личность последствия (формирование зависимостей, девиаций, суицидальных интенций и др.).

Этический уровень экзистенциальной безопасности связан с защищенностью от нормативного и морального плюрализма, опровержения, обесценивания духовно-нравственных оснований. Постмодернизм, общество консюмеризма и потребления с установками на многообразие и принцип «Допустимо все!» вызывало неизбежный нормативный кризис, отсутствие четких ориентиров в искусстве, познании, образовании и даже морали. Отход от традиционной морали в крайних проявлениях становится агрессивной формой

либерального подхода, когда традиционные ценности целенаправленно подвергаются вытеснению и девальвации, объявляются устаревшими и ограничивающими индивидуальность.

Аксиологический уровень экзистенциальной безопасности тесно переплетен и связан с этическим, но в этом случае горизонт ценностей расширяется, охватывая не только моральные, но и социокультурные, эстетические, когнитивные и другие типы ценностей. Угрозами в этой сфере выступают манипулятивные практики, интернет-технологии, формирующие навязанные человеку потребности и ценности (от рекламы товаров до техник вовлечения в деструктивные сообщества). Проводниками угроз становятся СМИ, социальные медиа, массовая культура, как ресурсы для массового управления сознанием, формирования тех или иных паттернов и стереотипов мировоззрения. Формируемые установки на утилитаризм, прагматизм, гедонизм при их внешней маскировке под ценности индивидуальности, приводят к формированию новых зависимостей, несвобод.

Антропологический аспект экзистенциальной безопасности связан с сохранением и защитой параметров человека: телесности, пола, рациональности, чувственности и др. Угрозами в этой сфере выступают трансформации телесности в направлении киборгизации, конкуренция с искусственным интеллектом, гендерные инверсии, девальвация рациональности как источника постижения мира и ее замена иррациональными источниками. В той или иной степени угрозами антропологического уровня становятся и эпидемии, пандемии, которые угрожают человеку не только на витальном уровне (здоровье и жизнь), но и его свободе существования, общения, передвижения. При этом снижается возможность самореализации, саморазвития человека, усиливается тревога, ощущение кризиса, страдания, страха перед смертью и бессмысленностью жизни. Так, профессор В.Г. Буданов, говорит, например, о «расчеловечивании» человека в условиях «неконтролируемого погружения человека в сетевые цифромиры» [21. С. 51]. Автор заключает, что современное сетевое общество главным образом культивирует простейшие базовые ценности, превращая индивида в послушный, потребляющий инструмент.

Субъект в условиях техногенного воздействия на его антропологические, коммуникативные и мировоззренческие свойства способен как утрачивать свои особенности, так и адаптироваться к изменениям и приобретать новые черты. В то же время экзистенциальные угрозы по своему воздействию отличаются тем, что они отрицают само существование субъекта в совокупности присущих ему качеств либо ведут к их частичной утрате (идентичность, свобода, ценности и др.)

Экзистенциальная безопасность

Уровень устойчивости общества определяется способностью выдерживать потрясения и воздействия, сохраняя основной потенциал ресурсов и сил. Уровень безопасности определяется способностью системы защитить

превентивно и реально свою устойчивость, независимость и работоспособность. При этом воздействие на систему, имеющее разрушительный потенциал, различно, и неизвестно, какая из причин «поставит человечество на колени», при том, что к объективным внешним угрозам добавляются внутренние, связанные с антропоным и техногенным воздействием.

Так, согласно данным ежегодного «Доклада о глобальных рисках» 2023 г., сделанного в рамках Всемирного экономического форума, следующее десятилетие будет характеризоваться экологическим и социальным кризисами, обусловленными основными геополитическими и экономическими тенденциями¹. «Кризис стоимости жизни» считается наиболее серьезным глобальным риском на ближайшие два года, достигающим своего пика в краткосрочной перспективе. В топ-10 рейтинга «Global Risks Report 2023» краткосрочных рисков вошли:

- кризис стоимости жизни;
- стихийные бедствия и экстремальные погодные явления;
- геэкономическая конфронтация;
- неспособность смягчить последствия изменения климата;
- разрушение социальной сплоченности и поляризация общества;
- крупномасштабные инциденты, наносящие ущерб окружающей среде;
- неспособность адаптироваться к изменению климата;
- широко распространенная киберпреступность и кибербезопасность;
- кризис природных ресурсов;
- крупномасштабная недобровольная миграция.

В 10-летней перспективе на первое место были поставлены экологические риски, среди которых неспособность адаптироваться к изменению климата, стихийные бедствия и экстремальные погодные явления, утрата биоразнообразия и разрушение экосистем.

Экзистенциальные риски, способные бросить вызов выживанию человечества, по мнению Т. Орда, автора книги «На краю пропасти. Экзистенциальный риск и будущее человечества», имеют различную разрушительную силу и вероятность воздействия. Например, риск от антропологического воздействия составляет 1 из 50, риск использования неконтролируемого искусственного интеллекта 1 из 10, риски искусственных пандемий 1 из 30 и т.д. (табл. 2) [12. С. 87]. Риски подвержены динамике, и это формирует актуальность в изучении их вероятности, для разработки мер предотвращения либо восстановления систем.

Экзистенциальные риски и угрозы формируют повестку по выработке факторов устойчивости прежде всего в сферах, на которые человек способен оказать влияние. Экзистенциальная безопасность личности сегодня, прежде всего оказывается связанной с защитой от технологических и социальных

¹ Global Risks Report 2023. 18th edition. P. 6. Available from: <https://www.weforum.org/reports/globalrisks-report-2023/> (accessed: 10.10.2024).

угроз. Среди возникших в последние годы рисков, имеющих экзистенциальный характер, следует отметить утрату контроля над порожденными человеком системами, автономное действие которых способно дискриминировать человека, лишать его свободы, наносить ему ущерб; усиление несправедливости при внедрении новых технологий (например, цифровое неравенство усиливающее социальное неравенство); утрату личного пространства, частной жизни в условиях киберугроз и открытости коммуникации; манипулятивные технологии, применяемые для разжигания вражды между людьми, роста агрессии, пропаганды разрушительного и деструктивного поведения и др. Развитие технологий ИИ в последние пять лет стало источником активного обращения исследователей всего мира к проблеме экзистенциальных рисков для человека и человечества (как нынешних, так и будущих поколений).

Таблица 2

Экзистенциальные риски по оценке Т. Орда

Экзистенциальные катастрофы	Шансы с вероятностью до 100 лет
Астероид или комета из космоса	~ 1 из 1 000 000
Извержение супервулкана	~ 1 из 10 000
Взрыв Солнца	~1 из 1000 000 000
Ядерная война	~1 из 1000
Изменения климата	~1 из 1000
Другой экологический ущерб	~1 из 1000
Искусственно созданные пандемии	~1 из 30
Естественные эпидемии	~1 из 10000
Неконтролируемый ИИ	~1 из 10
Непредсказуемые антропогенные риски	~1 из 30
Общие антропогенные риски	~1 из 6
Общий экзистенциальный риск	~1 из 6

Источник: составлено Л.В. Бaeвой.

Table 2

Existential risks according to T. Ord

Existential catastrophes	Chances with probability up to 100 years
Asteroid or comet impact	~ 1 of 1 000 000
Supervolcanic eruption	~ 1 of 10 000
Stellar exposition	~1 of 1000 000 000
Nuclear war	~1 of 1000
Climate change	~1 of 1000
Other environmental damage	~1 of 1000
Engineered pandemics	~1 of 30
“Naturally” arising pandemics	~1 of 10000
Unaligned AI	~1 of 10
Unforeseen anthropogenic risks	~1 of 30
General anthropogenic risks	~1 of 6
General existential risk	~1 of 6

Source: compiled by Liudmila V. Baeva.

К рискам развития ИИ, которые требуют проработки и гарантий безопасности, сегодня относят следующие: риск, что созданный ИИ, может преследовать собственные крупномасштабные задачи, отличные от задач создателей (эта модель риска описана Н. Бостромом в упомянутой ранее работе «Суперинтеллект»); риск, что созданный ИИ, может быть несогласованным с системами ценностей человека и сообществ [22]; риск, что при обучении сверхразумного ИИ люди будут не в состоянии обеспечить достаточный контроль и др. Критические оценки развития нейросетей и ИИ стали причиной таких обращений, как «Открытое письмо. Приоритетные направления исследований в области надежного и полезного искусственного интеллекта» (2015 года)² и коллективного Меморандума «Приостановить гигантские эксперименты с искусственным интеллектом: Открытое письмо» 22 марта 2023 г.³, суть которого состоит в том, что человек не должен создавать системы, если не уверен в положительном эффекте от них и что возникающие риски будут управляемыми [23].

Среди современных угроз, порожденных технологическими революциями, возрождаются и, казалось бы, ушедшие в прошлое угрозы эпидемий, а также расовой и национальной вражды. Ученые смогли противодействовать пандемии COVID-19, создав вакцины, однако миллионы жизней были унесены ей безвозвратно по всему миру, а те, кто остались, пережили «пограничную ситуацию», описанную ранее в экзистенциализме [24]. «Пограничная ситуация» связана с переживанием опасности для жизни, когда человек оказывается на грани смерти, испытаний от потерь близких, полный тревоги, безысходности, страха и ощущения абсурда. Это переживание рождает не только стресс и разочарование, но делает человека ответственным за осознание выбора своих переоцененных ценностей, на которые он взглянул по-новому. Пандемия стала еще одной экзистенциальной угрозой человечеству, а ее преодоление заставило по-новому оценить значимость человеческого общения, семьи, а также медицины, научного знания, гражданского сообщества. Исследователи отмечают, что возникшая «пограничная ситуация» «сделала более явной ограниченность идеалов индивидуализма, следование которым является в настоящий момент угрозой выживанию» [25. С. 24].

Современным экзистенциальным вызовом для России стало противостояние «коллективному Западу», поставившему задачу разрушения российского государства и его ценностей. Этот вызов направлен на отрицание самой возможности существования России как независимой в политическом и экономическом отношении страны через остракизм, эксклюзив, нарушение всех правовых норм и принципов гуманизма. Наиболее ярким выражением экзистенциальных преступлений в истории XX в. стал фашизм как практика

² An Open Letter. Research priorities for robust and beneficial artificial intelligence. Available from: <https://futureoflife.org/2015/10/27/ai-open-letter/> (accessed: 10.07.2024).

³ Pause Giant AI Experiments: An Open Letter. 22 March, 2023. Available from: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (accessed: 10.07.2024).

истребления людей по признаку национальной принадлежности. У. Эко, описав архетипы «вечного фашизма», подчеркивал, что «ур-фашизм говорит, что единственным залогом привилегий является факт рождения в определенной стране. Так выковывается национализм. К тому же единственное, что может сплотить нацию, – это враги. Поэтому в основе ур-фашистской психологии заложена одержимость идеей заговора, по возможности международного... Лучший способ сосредоточить аудиторию на заговоре – использовать пружины ксенофобии» [26. С. 72]. Подобные способы выбраны современными идеологами западных стран для демонизации России, ее истории, девальвации ее ценностей и роли в мировой цивилизации. Экзистенциальная угроза – это не только военно-политическая угроза, это вызов самому существованию государства и его народонаселению как таковому, имеющий особенностью конвергентное проявление всех видов угроз (в том числе экономических, социокультурных, технологических и т.д.). Именно этот вызов сегодня предстоит преодолеть России во имя свободы и независимости ее народов.

Экзистенциальной угрозой для общества, национальной безопасности и культурной идентичности личности в наши дни становятся разжигаемые извне национализм и религиозные конфликты, проявившиеся в массовых преступлениях против мирных граждан в России с этно-религиозными маркерами (теракты в «Крокус-сити», в Дагестане в 2024 г.). Теракты этно-религиозной с окрашенностью порождают чувство ненависти в отношении Другого и направлены на его переход в статус Врага. Их целевая аудитория – не конкретные люди, ставшие жертвами нападений, а вся социальная группа, к которой они принадлежат, а в более широком аспекте – устойчивость государственной власти. Особенности этих преступлений стали: отсутствие явной идейной составляющей, использование механизма «ненависть ради еще большей ненависти», столкновение представителей мировых религий, имеющих наибольшее число приверженцев в России, воздействие на наиболее незащищенную аудиторию (посетители культурного мероприятия, священнослужители и прихожане религиозных храмов). Если целью классического теракта является прежде всего устрашение, то для этих терактов – это, в первую очередь, порождение ответной ненависти и социальный резонанс. Совершенные точечные акты агрессии в условиях цифровой коммуникации, благодаря эффекту прайминга, становятся источниками роста агрессии у широкой аудитории, запуская скрытые механизмы сопереживания и стремления к возмездию. Граница небытия приближается к человеку, который, несмотря на знание о смерти, жил в относительной устойчивости. Переживание близости смерти и гибели людей, «пограничная ситуация», в которой оказывается человек и, благодаря социальным медиа, многочисленная аудитория разрушает привычный мир с его ценностями, заставляет включиться в борьбу, обнажает чувство ответственности за себя и Других. С позиции экзистенциализма «война не только обнаруживает скрытую в обычных

обстоятельствах сущность человека, но и существенно ее меняет» [27. С. 84]. Насилие такого рода формирует осознанную или неосознанную ярость, оставляя длительный эффект враждебного отношения к носителям атрибутов, сходных с нападавшими. Таким образом, экзистенциальной угрозой подобных терактов является как непосредственный ущерб, наносимый жизни и здоровью людей, так и скрытый ущерб психики человека, испытавшего ужас близкой смерти, ущерб «жизненному миру» человека с его системой ценностей и смыслов, ущерб миру культуры, в котором реализуется личность и ее духовные потребности, ущерб внутреннему Я, которое наполняется ненавистью и готовностью к агрессии вопреки собственным целям.

Заключение

Экзистенциальная безопасность становится одним из ключевых понятий в современном социогуманитарном знании, будучи связанным с актуализацией угроз существованию человеку и социальных систем. Опираясь на сложившиеся подходы, мы трактуем экзистенциальной безопасностью в широком (онтологическом) смысле как свободу и защищенность от угроз выживанию человечества, его свободе и идентичности. В узком (антропологическом) значении мы определяем экзистенциальную безопасность как состояние защищенности человека от негативного (деструктивного) воздействия, направленного на деформацию экзистенциальных ценностей человека, в том числе пропаганду агрессии, саморазрушительного поведения, направленную ценностную дезориентацию и девальвацию, подавление личностного осознанного выбора. Экзистенциальная безопасность проявляется на различных уровнях: онтологическом, антропологическом, этическом, аксиологическом, когнитивном и др.

Экзистенциальная безопасность характеризуется рядом параметров:

- уровень защиты от разрушительного или негативного воздействия для существования субъекта (личности, группы, социума);
- уровень устойчивости субъекта внешнему разрушительному (негативному) воздействию;
- уровень противодействия субъекта внешнему разрушительному (негативному) воздействию;
- уровень приспособления (адаптации) субъекта ко внешнему разрушительному (негативному) воздействию и изменению для сохранения жизни, свободы, саморазвития.

Обеспечение экзистенциальной безопасности в современной культуре оказывается тесно связанным с техногенными, военными, социальными, а также психологическими, антропологическими и коммуникативными аспектами. Результатом экзистенциальных угроз могут стать как гибель человечества, так и преодоление либо приспособление к новым условиям, меняющиеся возможности и качество жизни. Противодействие им либо адаптация

к факторам, которые не способен изменить человек, формируют содержание экзистенциальной безопасности, коллективной и личной устойчивости в физическом, социальном и культурном плане.

Список литературы

- [1] *Хайдеггер М.* О существе человеческой свободы. Введение в философию. М. : Владимир Даль, 2018.
- [2] *Шелер М.* Формализм в этике. Избранные произведения / пер. с нем. А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина, А.Ф. Филиппова. М. : Гнозис, 1994. С. 259–337.
- [3] *Зиммель Г.* Избранное. Созерцание жизни. Т. 2. М. : Юрист, 1996.
- [4] *Buzan B., Waeaver O., Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. London : Lynne Rienner Publishers, 1998.
- [5] *Swatos W.H., Christiano K.J.* Secularization Theory: The Course of a Concept // *Sociology of Religion*. 1999. Vol. 60. N 3. P. 209–228. DOI: 10.2307/3711934 EDN: HAPTMV
- [6] *Inglehart R.F., Welzel C.* Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. New York : Cambridge University Press, 2005.
- [7] *Инглхарт Р.* Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. С.Л. Лопатиной, под ред. М.А. Завадской, В.В. Косенко, А.А. Широкановой, науч. ред. Э.Д. Панарин. М. : Мысль, 2018.
- [8] *Russell S.J., Norvig P.* Artificial Intelligence: A Modern Approach (1st ed.). Prentice Hall, 1995.
- [9] *Bostrom N.* Existential Risk Reduction as Global Priority // *Global Policy*. 2013. Vol. 4. No. 3. P. 15–31. DOI: 10.1111/1758-5899.12002
- [10] *Bostrom N.* Superintelligence. London : Oxford University Press, 2016.
- [11] *Bostrom N.* The Vulnerable World Hypothesis // *Global Policy*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 455–476. DOI: 10.1111/1758-5899.12718
- [12] *Ord T.* Precipice. Existential Risk and the Future of Humanity. New York : Hachette Books, 2020.
- [13] *Sears N.* Existential security: towards a security framework for the survival of humanity // *Global Policy*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 255–266. DOI: 10.1111/1758-5899.12800 EDN: PVQFKS
- [14] *Hobson T., Corry O.* Existential security: Safeguarding humanity or globalising power? // *Global Policy*. 2024. Vol. 14. No. 4. P. 633–637. DOI: 10.1111/1758-5899.13287 EDN: GADCHP
- [15] *Балаев Р.С.* Экзистенциальная безопасность личности в условиях сетевых войн: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Ставрополь, 2016. EDN: JAMDQO
- [16] *Акулова И.С., Ахметзянова М.П.* К проблеме экзистенциальной безопасности // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2015. № 4. С. 68–70. EDN: VPUPPX
- [17] *Артюхин А.С.* Экзистенциальная безопасность личности в условиях кризиса философии гуманизма // *Современные исследования социальных проблем*. 2021. Т. 13. № 4. С. 274–302. DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-274-302 EDN: XTXXIS
- [18] *Плебанек О.В.* Мир как экзистенциальная безопасность: концепция мира третьего поколения // *Гуманитарный вектор*. 2023. Т. 18. № 2. С. 112–123. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-112-123 EDN: HZVWLW
- [19] *Сергодеева Е.А., Васильченко Е.А.* Экзистенциальная безопасность человека в ситуации сетевых войн (Russian Edition). LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017.
- [20] *Баева Л.В.* Экзистенциальные риски информационной эпохи // *Информационное общество*. 2013. № 3. С. 18–28. EDN: PMSBBL

- [21] Буданов В.Г. Новый цифровой жизненный техноуклад – перспективы и риски трансформаций антропосферы // Философские науки. 2016. № 6. С. 47–55. EDN: WKELNJ
- [22] Sutrop M. Challenges of Aligning Artificial Intelligence with Human Values // Acta Baltica historiae et philosophiae scientiarum. Tallinn. 2020. Vol. 8. N 2. P. 54–72. DOI: 10.11590/abhs.2020.2.04 EDN: YPDCSV
- [23] Яценерс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.
- [24] Димитрова С.В., Овдина К.С. Свобода и независимость в период пандемии // Logos et Praxis. 2021. Vol. 20. N 2. P. 39–47. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.2.5 EDN: STNHIR
- [25] The Era of Global Risk: An Introduction to Existential Risk Studies / edited by S.J. Beard, M. Rees, C. Richards, C. Rojas. Cambridge : Open Book Publishers, 2023. DOI: 10.11647/OBP.0336
- [26] Эко У. Вечный фашизм // Пять эссе на темы этики / пер. с итал. Е. Костюкович. СПб. : Симпозиум, 2000.
- [27] Мартишина Н.И. Тема войны как экзистенциального опыта в философии XX века // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 2. С. 82–86. EDN: DBWVDF

References

- [1] Heidegger M. *About the essence of human freedom. Introduction to philosophy*. Publishing house: Vladimir Dahl publ.; 2018. (In Russian).
- [2] Scheler M. *Formalism in ethics. Selected works*. Moscow: Gnosis publ.; 1994. P. 259–339. (In Russian).
- [3] Simmel G. *Favorites. Contemplation of life*. Vol. 2. Moscow: Lawyer publ.; 1996.
- [4] Buzan B, Waever O, Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner Publishers; 1998.
- [5] Swatos WH, Christiano KJ. Secularization Theory: The Course of a Concept. *Sociology of Religion*. 1999;3(60):209–228. DOI: 10.2307/3711934 EDN: HAPTMV
- [6] Inglehart R, Welzel C. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. New York: Cambridge University Press; 2005.
- [7] Inglehart R. *Cultural evolution. How human motivations change and how it changes the world*. Lopatina SL, transl. Zavadsкая MA, Kosenko VV, Shirokanova AA, editors. Panarin ED, scientific editor. Moscow: Mysl' publ.; 2018. (In Russian).
- [8] Russell SJ, Norvig P. *Artificial Intelligence: A Modern Approach* (1st ed.). Prentice Hall; 1995.
- [9] Bostrom N. Existential Risk Reduction as Global Priority. *Global Policy*. 2013;4(3):15–31. DOI: 10.1111/1758-5899.12002
- [10] Bostrom N. *Superintelligence*. London: Oxford University Press; 2016.
- [11] Bostrom N. The Vulnerable World Hypothesis. *Global Policy*. 2019;10(4):455–476. DOI: 10.1111/1758-5899.12718
- [12] Ord T. *Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity*. New York: Hachette Books; 2020.
- [13] Sears N. Existential security: towards a security framework for the survival of humanity. *Global Policy*. 2020;11(2):255–266. DOI: 10.1111/1758-5899.12800 EDN: PVQFKS
- [14] Hobson T, Corry O. Existential security: Safeguarding humanity or globalising power? *Global Policy*. 2024;14(4):633–637. DOI: 10.1111/1758-5899.13287 EDN: GADCHP
- [15] Balaev RS. *Existential security of personality in the context of network wars: dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences: 09.00.11*. Stavropol; 2016. (In Russian). EDN: JAMDQO

- [16] Akulova IS, Akhmetzyanova MP. On the problem of existential security. *Intelligence. Innovation. Investment*. 2015;(4):68–70. (In Russian). EDN: VPUPPX
- [17] Artyukhin AS. The existential security of the individual in the context of the crisis of the philosophy of humanism. *Modern research on social problems*. 2021;13(4):274–302. (In Russian). DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-274-302 EDN: XTXXIS
- [18] Plebanek OV. The world as existential security: the concept of the world of the third generation. *Humanitarian vector*. 2024;18(2):112–123. (In Russian). DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-112-123 EDN: HZVWLW
- [19] Sergodeeva EA, Vasilchenko EA. *Existential human security in a situation of network wars (Russian Edition)*. LAP LAMBERT Academic Publishing Paperback; 2017. (In Russian).
- [20] Baeva LV. Existential risks of the information age. *The Information Society*. 2013;(3):18–28. (In Russian). EDN: PMSBBL
- [21] Budanov VG. The new digital life technocode – prospects and risks of transformations of the anthroposphere. *Philosophical Sciences*. 2016;(6):47–55. (In Russian). EDN: WKELNJ
- [22] Sutrop M. Challenges of Aligning Artificial Intelligence with Human Values. *Acta Baltica historiae et philosophiae scientiarum*. 2020;8(2):54–72. DOI: 10.11590/abhps.2020.2.04 EDN: YPDCSV
- [23] Jaspers K. *Philosophy. Book two. Enlightenment of existence*. Moscow: “Canon +” ROOI “Rehabilitation” publ.; 2012. (In Russian).
- [24] Dimitrova SV, Ovdina KS. Freedom and independence during the pandemic. *Logos et Praxis*. 2021;20(2):39–47. (In Russian). DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.2.5 EDN: STNHIR
- [25] Beard SJ, Rees M, Richards S, Rojas S, editors. *The Era of Global Risk: An Introduction to Existential Risk Studies*. Cambridge: Open Book Publishers; 2023. DOI: 10.11647/OBP.0336
- [26] Eco U. Eternal fascism. In: *Five essays on ethics*. Kostyukovich E, transl. Saint Petersburg: Symposium publ.; 2000. (In Russian).
- [27] Martishina NI. The theme of war as an existential experience in the philosophy of the twentieth century. *Humanitarian problems of military affairs*. 2020;2(23):82–86. (In Russian). EDN: DBWVDF

Сведения об авторе:

Баева Людмила Владимировна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, и.о. декана факультета истории и социальных коммуникаций, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, Российская Федерация, 414056, Астрахань, ул. Татищева, д. 20А. ORCID: 0000-0003-0439-525X. SPIN-код: 2735-5322. E-mail: baevaludmila@mail.ru

About the author:

Baeva Liudmila V. – DSc in Philosophy, Professor, Full Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Acting Dean of the Faculty of History and Social Communications, Astrakhan Tatischev State University, 20A Tatischev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0439-525X. SPIN-code: 2735-5322. E-mail: baevaludmila@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-302-316>

EDN: QBJSSA

Research Article / Научная статья

Понятие социокультурного кода в контексте дискурса о национальной безопасности

А.А. Лагунов , С.Ю. Иванова

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

 emailag@mail.ru

Аннотация. В исследовании анализируется понятие социокультурного кода, имеющее недостаточную определенность в современном социально-гуманитарном знании. Предлагается авторская интерпретация этого понятия, опирающаяся на методологию философского персонализма, представляющего личность в качестве источника относительно свободной и творческой духовно-практической деятельности, продуктом которой становится культура, в свою очередь оказывающая существенное влияние на становление личности. Аргументируется целесообразность понимания социокультурного кода в качестве совокупности мировоззренческих констант, как осознаваемых личностями, так и подсознательных. Уточняется соотношение понятия социокультурного кода с такими уже ставшими традиционными для социальной философии понятиями как «общественное сознание», «мировоззрение», «менталитет». Авторы приходят к выводу о том, что понятие социокультурного кода по своему объему является промежуточным между менталитетом и общественным мировоззрением: оно шире первого, но уже второго, поскольку общественное мировоззрение может включать в себя и не константные элементы, быстро трансформирующиеся или даже исчезающие в социально-историческом времени. Отмечается, что понятие социокультурного (культурного) кода непосредственно относится к сфере обеспечения национальной безопасности, и на это указывает его использование в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, в которой ему придается преимущественно мировоззренческое значение. Утверждается безосновательность отнесения даже некоторых элементов социокультурного кода к априорным, врожденным качествам представителей той или иной общности, поскольку все его элементы без исключения имеют апостериорный характер, проявляясь как свойства личностей, формирующиеся в процессах их социализации и инкультурации. Признание принципиально апостериорного характера как социокультурного кода, так и общественных менталитета и мировоззрения, по мнению авторов, позволяет нам избавиться от иллюзорного упования на природу вещей и всерьез акцентировать внимание на воспроизводстве культуры как

© Лагунов А.А., Иванова С.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

важнейшем факторе обеспечения национальной безопасности, которое с необходимостью должно включать в себя помимо мер по укреплению политического и экономического суверенитета также комплекс действий, направленных на поддержание преемственности общественного сознания.

Ключевые слова: личность, персонализм, общественное сознание, мировоззрение, менталитет, традиция, социокультурная преемственность

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Все авторы внесли равный вклад в концепцию, подготовку и написание текста.

История статьи:

Статья поступила 03.12.2024

Статья принята к публикации 06.03.2025

Для цитирования: Лагунов А.А., Иванова С.Ю. Понятие социокультурного кода в контексте дискурса о национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 302–316. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-302-316>

The Concept of Sociocultural Code in the Context of National Security Discourse

Alexey A. Lagunov , Svetlana Yu. Ivanova

North Caucasian Federal University, Stavropol, Russia

emailag@mail.ru

Abstract. The study analyzes the concept of socio-cultural code, which has insufficient definition in modern social and humanitarian knowledge. The author's interpretation of this concept is offered. It is based on the methodology of philosophical personalism, in which personality is presented as a source of relatively free and creative spiritual and practical activity. The product of this activity is culture, which in turn has a significant impact on the formation of personality. The expediency of understanding the socio-cultural code as a set of worldview constants, both conscious and subconscious, is argued. The relationship of the concept of socio-cultural code with such traditional concepts of social philosophy as “public consciousness”, “worldview”, “mentality” is clarified. The authors come to the conclusion that the concept of socio-cultural code in its scope is intermediate between mentality and public worldview. It is broader than the first, but narrower than the second, since the public worldview may also include non-constant elements that quickly transform or even disappear in socio-historical time. It is noted that the concept of socio-cultural (cultural) code directly relates to the sphere of ensuring national security, and this is indicated by its use in the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025. In the Strategy, it is given a predominantly ideological significance. It is asserted that it is groundless to classify even some elements of the socio-cultural code as a priori, innate qualities of representatives of a particular community. All its elements without exception are of an a posteriori nature, manifesting themselves as properties of individuals that are formed in the processes of their socialization and enculturation. The recognition of the fundamentally a posteriori nature of both the socio-

cultural code and public mentality and worldview, according to the authors, allows us to get rid of the illusory reliance on the nature of things and seriously focus attention on the reproduction of culture as the most important factor in ensuring national security. In addition to measures to strengthen political and economic sovereignty, it must necessarily include a set of actions aimed at maintaining the continuity of public consciousness.

Keywords: personality, personalism, public consciousness, worldview, mentality, tradition, socio-cultural continuity

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Contribution of authors. All the authors contributed equally to the conception, preparation and writing of the manuscript.

Article history:

The article was submitted on 03.12.2024

The article was accepted on 06.03.2025

For citation: Lagunov AA, Ivanova SYu. The Concept of Sociocultural Code in the Context of National Security Discourse. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):302–316. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-302-316>

«Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру»¹.

Введение

Понятие социокультурного кода относительно редко используется в социальной философии, однако применение обозначающего его термина в политическом лексиконе современности встречается довольно часто. Достаточно указать на то, что, во внесенной в 2018 г. поправке к принятому в 2012 г. Указу Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» говорится о едином для российского общества культурном (цивилизационном) коде. Между тем само это понятие остается и сегодня не вполне проясненным, «размытым», в то время как в соответствии с классическими канонами научный термин «призван быть четким и однозначным (то есть моносемантическим)» [1. С. 7]. К тому же множественность определений понятия

¹ Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666». Режим доступа: <https://www.law.ru/npd/doc/docid/551832267/modid/99> (дата обращения: 15.11.2024).

социокультурного (культурного) кода не позволяет широко использовать его в документах федерального значения, также требующих и четкости формулировок, и однозначности восприятия изложенных в них суждений.

Авторы статьи вполне отдают себе отчет в том, что однозначность определений многоаспектных феноменов остается в социально-философском знании недостижимым идеалом, и связано это с той закономерностью, о которой еще в позапрошлом столетии писал британский логик и историк науки Уильям Уэвелль: «Раскрытие наших понятий при помощи определения оказывалось полезным для науки только тогда, когда оно было связано с немедленным применением этих определений... Определение представляет, быть может, лучший способ разъяснения понятия; но понятие становится стоящим какого бы то ни было вообще определения только вследствие его пригодности для выражения той или другой истины» [2. С. 195].

Иначе говоря, определение понятия находится в прямой зависимости от того контекста, в котором оно будет применяться, контекста, для последующего раскрытия которого это понятие, собственно, и проясняется. Целью настоящего исследования является проведение предварительной работы по уточнению соотношений между новым понятием социокультурного кода и такими уже устоявшимися в социальной философии понятиями как «общественное сознание», «мировоззрение», «менталитет» – для того чтобы лучше понять факторы, влияющие на становление и изменение социокультурного кода, и хотя бы приблизительно прояснить возможности, открывающиеся при встраивании данного понятия в контекст современного дискурса о национальной безопасности. Для достижения поставленной цели авторы предполагают опираться на персоналистский философско-методологический подход.

Личность и мировоззрение

Несмотря на многообразие концепций, реализующихся при использовании персоналистского подхода, общим местом в них является утверждение личности в качестве источника относительно свободной (а значит – творческой) духовно-практической деятельности, продуктом которой становится культура (в широком смысле этого слова, включающем в том числе и социально-политические институты), в свою очередь оказывающая существенное влияние на становление личности. Личность и общество в персонализме взаимно обуславливают друг друга: личность не может быть сформирована вне общества, которое, в свою очередь, немислимо без личностей; только объединяясь, конкретные личности выступают в качестве акторов специфических культур как продуктов совместной деятельности поколений, связанных между собой традицией. Эти культуры не могут не быть особенными, поскольку в процессе развития на них влияет множество внешних факторов – как природных (географических, климатических), так и обуславливающих контактами с окружающими культурами; помимо того, весьма способствуют

проявлению самобытности культур факторы внутренние, прежде всего – качественная неодинаковость личностей, при их социально-историческом взаимодействии приводящая к существенным различиям во всех сферах общественной жизнедеятельности.

Хорошей иллюстрацией к кратко очерченному выше постулату персонализма служит следующая фраза прот. Г. Флоровского: «...история в существе своем есть история людей в их творческом взаимообщении и взаимодействии» [3. С. 11]. Ровно о том же самом пишет и С.С. Аверинцев: «Нет человека вне истории, но история реальна только в человеке» [4. С. 7]. Вполне допустимо расширительное применение ко всему философскому персонализму характеристики В.Н. Белова, данной им творчеству М.М. Бахтина и М.К. Мамардашвили: представителей данного направления «роднит отношение к личности не как к клеточке великого организма, обязанной исполнять определенную функцию, не как к винтику общественного механизма, но как к самодостаточной величине, форме совершенства человека, ответственной за свои поступки и только в этой самоответственности отвечающей за судьбы всей человеческой цивилизации» [5. С. 513].

В рамках персоналистского философско-методологического подхода необычайно востребованным становится понятие общественного сознания (о котором писали еще классики марксизма: «...общественное сознание всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных формах...» [6]). Действительно, если историю делают люди, а каждая личность является «исторической» вследствие того, что мы не можем точно предвидеть всех результатов ее деятельности, более того, часто их просто не замечаем («эффект бабочки»), то для осмысления общественно-исторического процесса и осуществления социального прогнозирования целесообразно прибегнуть к абстракции высокого уровня: от личностного сознания логически перейти к сознанию общественному, понимая под последним некий интеграл сознаний неисчислимого множества личностей из настоящего и прошлого, связанных между собой как традицией, так и непосредственными коммуникациями. Анализируя проявления общественного сознания в тех или иных его формах, а также прослеживая их происходящие во времени модификации, можно получить вполне адекватные представления о ходе и направленности социально-исторического процесса, тем самым формируя соответствующую мировоззренческим установкам философию истории.

Упомянув о мировоззренческих установках, различающихся, конечно, у тех или иных мыслителей, мы вплотную подошли к ответу на вопрос о том, почему историю нельзя считать строгой, доказательной и однозначно интерпретируемой наукой. На наш взгляд, с определением понятия мировоззрения дело обстоит гораздо сложнее, чем с дефинированием понятия общественного сознания. Возникающие при осмыслении последнего затруднения вполне преодолимы путем введения в «устоявшуюся» картину мира

ученого новых представлений о «субъективно-объективных», или же «реифицированных» феноменах; мировоззрение же является не чем иным, как совокупностью всех элементов самой картины мира, относительно целостной и вместе с тем изменчивой вследствие подмеченного уже Сократом когнитивного принципа о неудовлетворительности наших мнений о мире, требующей постоянного и никогда не завершающегося движения к Истине. К тому же мы необычайно усложняем и без того непростую проблему, когда пытаемся от понятия личностного мировоззрения перейти к понятию мировоззрения общественного, между тем сама логика персоналистского подхода требует этого от нас, ведь именно общественное мировоззрение становится тем маркером, с помощью которого мы разделяем исторические эпохи, фиксируя при этом необратимые качественные изменения в общественной жизни.

Для проведения интерпретации понятия мировоззрения считаем целесообразным обратиться к осуществленной В.И. Несмеловым дистинкции таких понятий, как мирозерцание и мировоззрение. Русский философ полагал, что содержательным продуктом мирозерцания конкретной личности становится «возможно полное и возможно точное *представление цельной картины мира*, каким он существует для человека по данным чувственного опыта или по выводам научного мышления». В отличие от него мировоззрение «заключается в определении человеком *своего назначения в мире* и своих *должных отношений к миру*». Если мирозерцание далеко не всегда предполагает наличие у личности определенного «взгляда на мир», то и мировоззрение совсем не обязательно должно включать в себя знания о точном физическом устройстве мира, поэтому качество мирозерцания определяется суммой положительного знания конкретной личности о мире, «мировоззрение же создается и может создаваться одною только философией» [7. С. 282], предписывающей отношение к миру, исходящее из представлений о долге и предназначении человека. Таким образом мы можем констатировать различие понятий картины мира (результата мирозерцания) и мировоззрения (мироотношения, обусловленного убежденностью в определенных онтогносеологических и этических «аксиомах», не требующих доказательств – не потому, что вследствие очевидности они в них не нуждаются, а потому, что, как и всякие аксиомы, не могут быть доказаны по причине ограниченности когнитивных возможностей человека). Это снимает тавтологию, возникающую при определении мировоззрения через «картину мира»: вторая теперь только опосредует первое, да и то в разной степени интенсивности у каждой конкретной личности.

Т.И. Ойзерман в своем определении мировоззрения также акцентирует внимание на убеждениях: это «система человеческих знаний о мире и о месте человека в мире, выраженная в аксиологических установках личности и социальной группы, в убеждениях относительно сущности природного и социального мира». Он пишет, что убеждения, из которых складываются ми-

ровоззрения, «могут быть истинными или же, напротив, мнимыми: научными, религиозными, нравственными, обоснованными и необоснованными, прогрессивными и реакционными и т.д.» [8. С. 578]. Убеждения отражают активную позицию личности и характеризуются, в первую очередь, «той энергией, настойчивостью, решительностью, с которыми они высказываются, обосновываются, защищаются, противопоставляются другим убеждениям» [8. С. 579].

Обратим внимание на то, что философ объединяет в одной дефиниции личное и общественное (социально-групповое) мировоззрения, и это вполне оправдано вследствие упомянутого выше отношения взаимной обусловленности между личностью и обществом. Однако если мы все же захотим разделить понятия, то по аналогии с общественным сознанием под общественным мировоззрением должны мыслить некую целостность, интеграл личностных мировоззрений; сюда попадают далеко не все аксиологические установки, убеждения и другие мировоззренческие компоненты, свойственные личностям, составляющим общность, а только те, которые наиболее характерны для большинства ее представителей.

Социокультурный код как совокупность мировоззренческих констант

Рассмотрение понятия мировоззрения в рамках данного исследования понадобилось нам потому, что в вынесенной в эпиграф статьи цитате, взятой из текста поправки к Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, смысловое значение используемому термину «российский культурный (цивилизационный) код» придается явно мировоззренческое: он фундирован преемственным историческим развитием как русских культуры и языка, так и культур входящих в Российскую Федерацию народов; в нем заключены основополагающие общечеловеческие принципы, из которых выделяются такие как уважение самобытных культур и их интегрирование в единую культуру (в общем же – утверждается принцип «единства в многообразии», характерный для отечественных концепций соборности, при этом обратим особое внимание на то, что принцип этот причислен к общечеловеческим, стало быть, имплицитно предполагается, что он может быть применен для осмысления модели многополярного мира).

Обратимся к тому контексту, в который была внесена данная поправка к Стратегии. Пункт 11 относится к разделу I «Общие положения», в п. 1 которого специально оговаривается, что: «Настоящая Стратегия является документом стратегического планирования в сфере национальной безопасности Российской Федерации, определяющим приоритеты, цели, принципы, задачи, основные направления государственной национальной политики Российской Федерации, а также инструменты и механизмы ее реализации». Собственно же п. 11 характеризует российское государство как такое единение народов,

системообразующим звеном в котором исторически являлся русский народ, игравший объединяющую роль и способствовавший формированию уникального культурного многообразия и духовной общности многих народов, приверженных единым принципам и ценностям. Это привело к тому, что сегодня «Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию»². И далее следует уже процитированный нами текст, прямо относящийся к российскому культурному (цивилизационному) коду.

Из изложенного можно сделать однозначный вывод: понятие социокультурного (культурного) кода непосредственно относится к сфере обеспечения национальной безопасности и достаточно давно используется в документах федерального уровня, что делает прояснение этого понятия задачей первостепенной важности для современной социально-политической философии. Между тем, как отмечалось нами выше, задача эта еще не решена вполне, чему мешает ряд существенных расхождений у исследователей в содержательном понимании социокультурного кода, и это неизбежно вследствие того, что дефиниция всякого многоаспектного понятия зависит как от того контекста, к раскрытию которого оно призвано, так и от мировоззрения самого мыслителя, осуществляющего содержательную формулировку понятия. Но ведь сегодня речь идет о необходимости выработки приемлемых для современного российского общественного сознания идеологических ориентиров, а это возможно лишь при уяснении инвариантных характеристик общественного мировоззрения, реифицированным «носителем» которого является общественное сознание. Значит, проблема состоит в том, чтобы наиболее адекватным образом описать это общественное мировоззрение, выявить его особенности, и именно достижению этой цели и может хорошо послужить, на наш взгляд, понятие социокультурного кода (заметим, что добавление к термину, обозначающему это понятие, слова «социо-», отсутствующего в рассматриваемой нами Стратегии, уместно для того чтобы подчеркнуть взаимную обусловленность социального и культурного в нашей жизни, хотя, согласимся, культурное в широком, философском смысле полностью включает в себя социальное). Ведь социокультурный код, как представляется, и есть та искомая совокупность мировоззренческих констант (или инвариант), присутствующая в общественном сознании в конкретный момент социальной истории и отображающаяся в общественном мировоззрении (нужно сказать, что речь здесь следует вести об относительной константности хотя бы по причине отсутствия абсолютного постоянства в нашей действительности: мировоззренческие константы, конечно, модифицируются в социально-историческом времени, но не трансформируются, если под

² Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Режим доступа: <https://www.law.ru/npd/doc/docid/902387360/modid/99?anchor=XA00M2U2M0#XA00M2U2M0> (дата обращения: 18.11.2024).

трансформацией понимать их кардинальные, существенные изменения, влияющие на качественные признаки).

Обратим внимание на негативную информационно-технологическую коннотацию, которая может возникнуть при употреблении понятия социокультурного кода вследствие использования в обозначающем его термине слова «код». Действительно, как писал М.М. Бахтин: «Код – только техническое средство информации, он не имеет познавательного творческого значения. Код – нарочито установленный, умерщвленный контекст» [9. С. 352]. Кодирование в современном словоупотреблении тесно переплелось с информационными технологиями, и попытка применения связанных с ним понятий для объяснения социальной действительности может быть воспринята как интерпретация общественных отношений, проводимая «в грубом механистическом ключе» и осмысливающая человека «как набор сенсоров, связанных через системы кодировки электро-импульсных передач с мозгом с целью последующей генерации и обработки информационно-коммукативных процессов» [10. С. 758]. Но ведь подобной коннотации можно и избежать, обратившись к этимологии слова «код», происходящего от латинского «кодекс», обозначавшего свод законов, правил, норм общежития, а еще раньше – доску или табличку, на которой этот свод записывался. Тогда в нашем несравненно более сложном случае в роли «писцов» будут выступать социально-активные, творческие личности, запечатлевающие «на доске» (в общественном сознании) определенные «знаки» (тот самый социокультурный код, или совокупность мировоззренческих констант), преемственно передающиеся от поколения к поколению, дополняясь и видоизменяясь при этом.

Социокультурный код, таким образом, вполне можно мыслить «как сложившееся в коллективном сознании представление о фиксированном наборе национальных культурных ценностей и смыслов, поведенческих стереотипов, традиций и обычаев в историческом контексте, которые передаются из поколения в поколение и регулируют повседневное взаимодействие людей друг с другом и которые являются маркерами в определении национальной идентичности социума с позиции внешнего наблюдателя» [1. С. 11]. Авторы приведенного определения настаивают на необходимости для дифференциации культурного кода наличия внешнего наблюдателя, являющегося носителем другой этнокультуры и «декодирующего», или же интерпретирующего транслируемую в этом коде информацию. Однако думается, что в качестве интерпретатора совсем не обязательно должен выступать носитель другой культуры, поскольку таковым может быть и принадлежащий к данной культуре исследователь, хотя момент сравнения различных культур для выявления присущих им особенностей социокультурного кода, безусловно, значим и для него.

Социокультурный код и национальная безопасность

Иногда в исследовательской литературе встречаются попытки недопустимого, по нашему мнению, сближения понятий менталитета и социокультурного кода, вплоть до их отождествления [11. С. 60]. В таком аспекте может возникнуть сомнение в необходимости терминологического дублирования одного и того же понятия. В этой связи целесообразным будет рассмотрение того, что же чаще всего понимается под менталитетом, дефиниции которого также отличаются многообразием. В самом общем смысле под общественным менталитетом обычно мыслят свойственную представителям той или иной общности совокупность подсознательных стереотипов мышления и связанного с ним поведения. Подчеркнем большую достоверность представления о стереотипах как именно о подсознательных, а не бессознательных элементах менталитета, что было характерно, к примеру, для концепции архетипов «коллективного бессознательного» К.-Г. Юнга, ведь по логике словоупотребления бессознательное не должно иметь к сознанию никакого отношения; вместе с С.Л. Франком и «со многими современными авторами мы предпочитаем говорить о „подсознательном“ вместо „бессознательного“... подсознательное есть для нас лишь *бесконечно мало сознаваемое*, предел ослабления сознания-переживания», однако при этом все же «необходимо помнить об общем законе душевной жизни, по которому количественное различие есть вместе с тем и *качественное*, следовательно, признать, что такое понимание подсознательного ничуть не мешает нам говорить о нем как об особом, своеобразном типе душевных явлений» [12. С. 751]. Или, по-другому и проще: носителем общественного менталитета является ведь именно общественное сознание как интеграл сознаний личностных, а не общественное бессознательное.

Что касается осмысления способов формирования элементов определенного менталитета как органической системы, то в современных теориях менталитета наряду с общепризнанным мнением об апостериорном характере образования этих элементов можно встретить также утверждение об априорности некоторых из них. Так, Н.Н. Губанов определяет менталитет как возникшую «на основе генотипа под влиянием природной и социальной среды и в результате собственного духовного творчества субъекта» систему «качественных и количественных социально-психологических особенностей человека или социальной общности» [13]. Однако, по нашему мнению, нет никаких оснований для того, чтобы относить элементы менталитета к априорным, врожденным качествам представителей общности, напротив, многочисленные случаи нахождения настоящих, а не кипплинговских сказочных «маугли», а также зафиксированные результаты воспитания младенцев в иноэтничных семьях свидетельствуют о том, что те элементы, которые мы относим к системе общественного менталитета, без всяких исключений являются апостериорными, сформированными в процессе воспитания и образования личностей. Здесь оказывается весьма уместным философское разведение

понятий качества и свойства, согласно которому качества присущи «данной вещи как ее отличительная, только ей свойственная особенность, выделяющая ее из всех других вещей», оно «не может быть от нее отнято. Отнять у вещи ее качество – значит уничтожить саму эту вещь, превратить ее в другую» [14. С. 89]. Свойства же преходящи, они могут быть у данной вещи, а могут и исчезнуть, оставляя при этом вещь самой собой. Применение данной дистинкции к такому сложному реифицированному образованию, как общественный менталитет, позволяет констатировать, что к его элементам «следует относить не качества представителей тех или иных общностей, а их свойства, приобретаемые в результате социализации и инкультурации» [15. С. 924].

Переходя к рассмотрению соотношения понятий менталитета и социокультурного кода, не будем забывать, что в состав менталитета входят только не осознанные, точнее – подсознательные, или бесконечно мало сознаваемые свойства, в то время как в социокультурный код могут входить и отрефлексированные мировоззренческие константы, которым личность следует продуманно. К примеру, человек может проявлять чувство гостеприимства и делиться с гостем чем-то очень ценным для него просто так, «по велению души», и тогда мы вправе говорить о сформированном у него соответствующем элементе этнического менталитета; а может делать то же самое, но испытывая при этом рациональные сомнения: тогда допустимо утверждать, что он в своих действиях, осуществляя сознательный выбор, следует мировоззренческим константам этнического социокультурного кода. Отметим, что в связи с многогранностью человеческой личности речь в данном случае может идти и о проявлении априорного личностного качества, того одного из многих «талантов» личности, которые она в своей жизнедеятельности или скрывает «в земле», или реализует «с прибылью» (Матф. 25:25–27). Социокультурный код, на наш взгляд – понятие, по своему объему промежуточное между менталитетом и общественным мировоззрением: оно шире первого, но уже второго, поскольку конкретное общественное мировоззрение, кристаллизирующееся в определенном общественном сознании, может включать в себя и не константные элементы, быстро трансформирующиеся или даже исчезающие в социально-историческом времени. Иначе, понятие общественного мировоззрения включает в себя понятие социокультурного кода, которое, в свою очередь, полностью охватывает понятие менталитета, дополняя его при этом.

Признание принципиально апостериорного характера как общественных менталитета и мировоззрения, так и социокультурного кода, позволяет нам избавиться от иллюзорного упования на природу вещей и всерьез акцентировать внимание на воспроизводстве культуры как важнейшем факторе обеспечения национальной безопасности. К.Х. Момджян справедливо отмечает, что складывавшуюся в определенных исторических условиях российскую культуру следует рассматривать в качестве информационного механизма и

результата практической адаптации множества личностей к этим условиям, при этом у нас нет никаких оснований отрицать тот факт, что «стереотипы мышления и чувствования, возникающие как ментальная реакция людей на особенности их исторического бытия, способны обретать феноменальную устойчивость духовной традиции и оказывать обратное влияние на историческую практику». Под самобытностью культуры он предлагает понимать «не сумму особенностей экономической, социально-политической и духовной организации общества, но способность последнего воспроизводить эти отличия в меняющихся условиях среды. Самобытность представляет собой некий синтез структурной инвариантности и динамической эквивиальности» [16. С. 14], и именно поэтому, обращаясь к временам Бориса Годунова и Бориса Ельцина, мы должны говорить не о двух разных обществах, а о различающихся исторических состояниях одного и того же общества, из века в век сталкивающегося с одинаковыми проблемами и пытающегося решать их схожим образом.

Из всего вышеизложенного следует, что государственная политика по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации с необходимостью должна включать в себя помимо первоочередных действий по укреплению политического и экономического суверенитета также комплекс мероприятий, направленных на поддержание преемственности общественного сознания. Среди особенно важных из них следует упомянуть меры:

- по сохранению богатства русского языка, дающего возможность осуществления эффективной коммуникации в полиэтническом российском пространстве и способствующего трансляции духовно-практического опыта во времени, от поколения к поколению;

- по совершенствованию воспитательно-образовательного процесса, в котором (и только в котором) воспроизводятся результаты социокультурной деятельности и формируются личности, *у-сваивающие* мировоззренческие константы социокультурного кода, преемственно принимающие общественное мировоззрение и развивающие его;

- по предотвращению дальнейшего размывания свойств общественного менталитета, шире – компонентов социокультурного кода, размывания, происходящего, прежде всего, под влиянием процессов индивидуализации общественного сознания, для чего в этом сознании должен целенаправленно поддерживаться баланс между индивидуальным и коллективным (в аспекте персоналистского подхода между индивидуальным и коллективным постулируется отношение взаимной обусловленности, а не отношение превалирования одного над другим: личность невозможна без общества, но верно и обратное утверждение).

Заключение

Таким образом, мы попытались аргументировать не только уместность понятия социокультурного кода в современной социально-философской

мысли, но и возможность достижения научного консенсуса по поводу формулировки не сильно расходящихся между собой его определений, используемых в контексте дискурса о национальной безопасности, – если, конечно, исследователи будут исходить из представлений о свободной и творческой личности, обуславливающей специфику общественной жизни и, в свою очередь, обуславливаемой ею, а такие представления, согласимся, сегодня являются доминирующими.

Предлагаемое в статье понимание социокультурного кода в качестве совокупности мировоззренческих констант, как представляется, позволяет, с одной стороны, избежать его полного отождествления с общественным менталитетом, с другой же – расширить содержательное поле понятия социокультурного кода, включив в него наряду с глубинно-психическими, или подсознательными элементами (стереотипы менталитета) также вполне осмысленные, сознательно принимаемые личностями мировоззренческие инварианты, обуславливающие их деятельность.

Дискурс о национальной безопасности, по нашему мнению, с необходимостью должен включать в себя вопросы о сохранении преемственности социокультурных кодов в социально-исторической перспективе, ведь эта преемственность позволяет народам оставаться самими собой, несмотря на происходящие политические и технологические трансформации мировых обществ; при этом необычайно важно понимать, что социокультурные коды не заложены в представителей того или иного общества от природы, по факту их рождения в соответствующих культурах, они могут воспроизводиться только в результате трудных, долгих, затратных воспитательно-образовательных процессов, организация и финансирование которых должны вноситься в государственную повестку дня в качестве одного из главных ее пунктов, безотносительно к географическому месту и историческому времени.

Список литературы

- [1] Батыршин Р.И., Гуревич Л.С. Феноменологические аспекты понятий «национальная культурная идентичность» и «культурный код нации» // Теория и история культуры, искусства. 2024. № 1(92). С. 7–18. DOI: 10.24412/2070-075X-2024-1-7-18 EDN: HRROZY
- [2] Флоренский П. Имена: Сочинения. М. : Эксмо, 2006.
- [3] Флоровский Г., *прот.* Свидетельство Истины. Сборник статей. СПб. : Духовное наследие, 2017.
- [4] Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М. : Coda, 1997. EDN: YOMBQFQ
- [5] Белов В.Н. Очерки по истории русской философии: монография. М. : РУДН, Директ-медиа, 2021. EDN: RGOBAD
- [6] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Режим доступа: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm> (дата обращения: 03.11.2024).
- [7] Несмелов В.И. Наука о человеке. Т. 1. СПб. : Издание центра изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 2000.

- [8] Ойзерман Т.И. Мировоззрение // Новая философская энциклопедия: в 4 томах. Т. 2. М. : Мысль, 2010. С. 578–579.
- [9] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. EDN: VQMUFP
- [10] Барышников П.Н. Разум как машина: влияние механицизма на концептуальные основания компьютерной метафоры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 4. С. 755–769. DOI: 10.22363/2313-2302-2022-26-4-755-769 EDN: VTPVMJ
- [11] Гревнев В.М. Социокультурные коды как мировоззренческие и ментальные матрицы региональной идентичности // Вестник КемГУКИ. 2017. № 41. С. 58–63.
- [12] Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. Минск : Харвест, М. : АСТ, 2000.
- [13] Губанов Н.Н. Менталитет: сущность, закономерности формирования, развития и функционирования в обществе: автореф. дис. ... д. филос. н.: 09.00.11. М., 2014. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/mentalitet> (дата обращения: 17.09.2024). EDN: ZPMXUJ
- [14] Кедров Б.М. Беседы о диалектике. М. : КомКнига, 2007. EDN: QWOJNZ
- [15] Лагунов А.А., Иванова С.Ю. Философско-методологические проблемы современной нейротеологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 915–927. DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-4-915-927 EDN: TMFJOI
- [16] Момджян К.Х. Предисловие // Контуры цивилизационного будущего России: коллективная монография. М. : Fortis Press, 2024.

References

- [1] Batyrshin RI, Gurevich LS. Phenomenological aspects of the concepts of “national cultural identity” and “cultural code of the nation”. *Theory and history of culture, art*. 2024;(1):7–18. (In Russian). DOI: 10.24412/2070-075X-2024-1-7-18 EDN: HRROZY
- [2] Florenskii P. *Names: Works*. Moscow: Eksmo publ.; 2006. (In Russian).
- [3] Florovskii G, prot. *Testimony of Truth. Collection of articles*. Saint Petersburg: Dukhovnoe nasledie publ.; 2017. (In Russian).
- [4] Averintcev SS. *Poetics of Early Byzantine Literature*. Moscow: Coda publ.; 1997. (In Russian). EDN: YOMBFQ
- [5] Belov VN. *Essays on the History of Russian Philosophy: Monograph*. Moscow: RUDN publ.; Direkt-media publ.; 2021. (In Russian). EDN: RGOBAD
- [6] Marks K, Engels F. *Manifesto of the Communist Party*. Available from: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm> (accessed: 03.11.2024). (In Russian).
- [7] Nesmelov VI. *Science of Man*. Vol. 1. Saint Petersburg: Izdanie tcentra izucheniia, okhrany i restavratsii naslediiia sviashchennika Pavla Florenskogo publ.; 2000. (In Russian).
- [8] Oizerman TI. Worldview. In: *New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes*. Vol. 2. Moscow: Mysl' publ.; 2010. P. 578–579. (In Russian).
- [9] Bakhtin MM. *Aesthetics of Verbal Creativity*. Moscow: Iskustvo publ.; 1979. (In Russian). EDN: VQMUFP
- [10] Baryshnikov PN. Mind as a Machine: The Influence of Mechanism on the Conceptual Foundations of Computer Metaphor. *RUDN Journal of Philosophy*. 2022;(4):755–769. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2022-26-4-755-769 EDN: VTPVMJ
- [11] Grevnev VM. Sociocultural codes as ideological and mental matrices of regional identity. *Bulletin of KemGUKI*. 2017;(41):58–63. (In Russian).

- [12] Frank SL. *Subject of knowledge. Human soul*. Minsk : Kharvest publ., Moscow : AST publ.; 2000. (In Russian).
- [13] Gubanov NN. *Mentality: essence, patterns of formation, development and functioning in society*: dissertation abstract for the degree of doctor of philosophical sciences: 09.00.11. Moscow; 2014. Available from: <http://cheloveknauka.com/mentalitet> (accessed: 17.09.2024). (In Russian). EDN: ZPMXUJ
- [14] Kedrov BM. *Conversations about Dialectics*. Moscow: KomKniga publ.; 2007. (In Russian). EDN: QWOJNZ
- [15] Lagunov AA, Ivanova SYu. Philosophical and Methodological Problems of Modern Neurotheology. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;(4):915–927. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-4-915-927 EDN: TMFJOI
- [16] Momdzhian KKh. Preface. In: *Contours of the Civilizational Future of Russia: a collective monograph*. Moscow: Fortis Press publ.; 2024. P. 12–15. (In Russian).

Сведения об авторах:

Лагунов Алексей Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и этнологии, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация, 355017, Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1. ORCID: 0000-0002-8498-6449. SPIN-код: 6484-4800. E-mail: emailag@mail.ru

Иванова Светлана Юрьевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и этнологии, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация, 355017, Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1. ORCID: 0000-0003-2375-6348. SPIN-код: 4477-1418. E-mail: isu-socf@yandex.ru

About the authors:

Lagunov Aleksey A. – DSc in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Ethnology, Humanitarian Institute, North Caucasus Federal University, 1 Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8498-6449. SPIN-code: 6484-4800. E-mail: emailag@mail.ru

Ivanova Svetlana Yu. – DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Ethnology, Humanitarian Institute, North Caucasian Federal University, 1 Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-2375-6348. SPIN-code: 4477-1418. E-mail: isu-socf@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-317-334>

EDN: QCHSYV

Research Article / Научная статья

Онтологически-социетальный узел безопасности как феномен цифровой среды

О.И. Елхова *Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия* oxana-elkhova@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена концептуализации феномена онтологически-социетального узла безопасности в условиях цифровой среды. Автор демонстрирует, как стремительное развитие цифровых технологий трансформирует механизмы социальной интеграции, требуя пересмотра традиционных подходов к безопасности. В этом контексте анализируются процессы взаимопроникновения онтологической и социетальной безопасности, обусловленные технологическими трансформациями. В работе представлена авторская структурная модель онтологически-социетального узла безопасности, включающая три взаимосвязанных компонента: онтологический, социетальный и темпоральный. Онтологический аспект безопасности включает идентичность, доверие и экзистенциальную стабильность; социетальный охватывает коллективную идентичность, социальные связи и институциональные нормы; темпоральный аспект раскрывает историческую преемственность, динамику трансформаций и степень предсказуемости будущего. Предложенная модель может быть эффективным инструментом для изучения цифровых рисков, включая размывание идентичности, социальную фрагментацию и влияние алгоритмических систем на нормы поведения. Отмечается, что цифровизация не только ускоряет эволюцию социальных структур, но и усиливает их взаимозависимость, формируя сложную систему взаимодействий между онтологической и социетальной безопасностью. Информационные технологии проникают во все аспекты онтологически-социетального узла, трансформируя идентичность, доверие, социальные связи и институциональные нормы. Они размывают границы между личным и публичным, ускоряют процессы трансформации, порождают темпоральные разрывы и изменяют динамику социальных процессов. Сетевые алгоритмы создают информационные пузыри, влияя на коллективную память, предсказуемость будущего и механизмы управления цифровыми рисками, что усиливает фрагментацию общества. Включение в модель темпорального компонента позволяет учитывать историческую преемственность, темпы изменений и степень предсказуемости будущего, что играет ключевую роль в адаптации социальных систем к вызовам цифровой эпохи. Исследование обладает как научной, так и практической значимостью, предлагая новый методологический подход к анализу цифровой безопасности. Концепция онтологически-социетального узла безопасности открывает перспективы для дальнейших исследований и может быть использована при разработке стратегий адаптации общества к технологическим вызовам.

© Елхова О.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: информационные технологии, онтологическая безопасность, социетальная безопасность, идентичность, социальные связи, социетальное сообщество, экзистенциальная стабильность, алгоритмическое влияние, темпоральные разрывы, цифровая адаптация

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила 14.12.2024

Статья принята к публикации 07.03.2025

Для цитирования: Елхова О.И. Онтологически-социетальный узел безопасности как феномен цифровой среды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 317–334. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-317-334>

Ontological-Societal Security Node as a Phenomenon of the Digital Environment

Oxana I. Elkhova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

 oxana-elkhova@yandex.ru

Abstract. This study is dedicated to the conceptualization of the phenomenon of the ontological-societal security node in the context of the digital environment. The author demonstrates how the rapid development of digital technologies transforms the mechanisms of social integration, necessitating a reconsideration of traditional security approaches. In this context, the research analyzes the processes of interpenetration between ontological and societal security, driven by technological transformations. The research presents an original structural model of the ontological-societal security node, comprising three interrelated components: ontological, societal, and temporal. The ontological aspect includes identity, trust, and existential stability; the societal aspect encompasses collective identity, social ties, and institutional norms; the temporal aspect reveals historical continuity, transformation dynamics, and the degree of future predictability. The proposed model serves as an effective tool for studying digital risks, including identity fragmentation, social disintegration, and the influence of algorithmic systems on behavioral norms. The study highlights that digitalization not only accelerates the evolution of social structures but also intensifies their interdependence, forming a complex system of interactions between ontological and societal security. Information technologies permeate all aspects of the ontological-societal security node, reshaping identity, trust, social ties, and institutional norms. They blur the boundaries between the personal and the public, accelerate transformation processes, generate temporal disruptions, and alter the dynamics of social interactions. Network algorithms create information bubbles, affecting collective memory, future predictability, and mechanisms for managing digital risks, thereby exacerbating societal fragmentation. Incorporating the temporal component into the model allows for consideration of historical continuity, the pace of change, and the degree of future predictability, which play a crucial role in the adaptation of social systems to the challenges of the digital age. This research holds both scientific and practical significance by offering a novel methodological approach to analyzing digital security. The concept of the ontological-societal

security node opens new prospects for further studies and can be applied in the development of strategies for societal adaptation to technological challenges.

Keywords: information technologies, ontological security, societal security, identity, social ties, societal community, existential stability, algorithmic influence, temporal disruptions, digital adaptation

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history:

The article was submitted on 14.12.2024

The article was accepted on 07.03.2025

For citation: Elkhova OI. Ontological-Societal Security Node as a Phenomenon of the Digital Environment. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):317–334. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-317-334>

Введение

Проблематика безопасности занимает центральное место в современных научных исследованиях, становясь одной из ключевых категорий анализа общественных процессов. Можно выделить следующие основные подходы к изучению безопасности.

Международная или государственная безопасность. Первый подход, широко известный как классический, был сформулирован представителями американской школы, исходит из представления о государстве как основном субъекте, ответственном за обеспечение стабильности и защиты общества. Исторически выживание социума было неразрывно связано с сохранением целостности государства, особенно в условиях вооруженных конфликтов и геополитических вызовов. В рамках такой концепции национальные интересы государства играют главную роль, а безопасность рассматривается через призму защиты государственных институтов и суверенитета. Представители данного направления уделяют основное внимание не внутренним проблемам государства, а вопросам международной безопасности, их исследования сосредоточены на анализе угроз суверенитету, оценке внешних рисков и разработке стратегий защиты государства. Например, Ш.М. Линн-Джонс в своих работах рассматривает ключевые концепции международных отношений, включая реалистические и либеральные теории. Исследователь изучает взаимосвязь между военной мощью государств и устойчивостью мирового порядка [1; 2]. Другой американский исследователь, Ш. Кей, в своей книге «Глобальная безопасность в XXI веке: стремление к власти и поиск мира» подробно рассматривает современные вызовы безопасности. Автор анализирует эволюцию представлений о власти и миропорядке в контексте глобальных кризисов, уделяя особое внимание зонам напряженности, таким как Ближний Восток, Азия и Евразия [3; 4]. Представленный подход получил название *международной и государственной безопасности*.

Альтернативное понимание проблемы безопасности представлено в рамках Копенгагенской школы. Среди ее представителей можно выделить таких известных ученых, как Б. Бузан, О. Вевер и Я. де Вильде. Их работы о безопасности получили широкое признание, а книга «Безопасность: новая основа для анализа» является одним из ведущих текстов, отражающих взгляды этой школы в области безопасности [5]. О. Вевер, в частности, акцентирует внимание на том, что угрозы безопасности могут возникать не только из внешних факторов, но и в результате внутригосударственных процессов. Исследователь подчеркивает необходимость учета динамики социальных групп в контексте глобальных угроз, что является важной составляющей его теории [6]. В отличие от классического подхода, который фокусируется на защите государства как целостной структуры, Копенгагенская школа ориентируется на обеспечение безопасности локальных сообществ, включая различные социальные группы. Такие группы не всегда совпадают с границами государства и могут существовать за пределами его официальных структур. То есть общество рассматривается как совокупность социетальных групп, каждая из которых становится объектом безопасности. Одним из важнейших аспектов этого подхода является то, что дестабилизация одной из таких групп может привести к угрозам не только для ее членов, но и для общества в целом, что подчеркивает важность учета рисков и угроз для социальных групп, которые играют ключевую роль в поддержании стабильности общества. Подход Копенгагенской школы обозначается как *социетальная безопасность* и обладает высоким методологическим потенциалом: позволяет исследовать восприятие рисков отдельными группами и их адаптацию к изменениям.

Еще один альтернативный подход связан с концепцией *онтологической безопасности*. Его основателем считается Р.Д. Лейнг, а одним из главных теоретиков Э. Гидденс, который существенно расширил концепцию. Для него онтологическая безопасность является фундаментальной основой идентичности, формируемой в ходе социальных взаимодействий и механизмов адаптации. Концепция позволяет глубже понять природу человеческого существования и его зависимость от социальной среды.

Однако современные процессы цифровой трансформации усложняют традиционные представления о безопасности, требуя их пересмотра и расширения. Быстрое развитие цифровых технологий, алгоритмическое управление информацией, возникновение новых форм идентичности и социальных связей создают сложные вызовы, как для онтологической, так и для социетальной безопасности. Государственные институты и локальные сообщества вынуждены адаптироваться к изменяющимся условиям, в которых границы между реальным и виртуальным пространством становятся все более размытыми. В этом контексте традиционные концепции безопасности уже не могут полноценно объяснить механизмы защиты идентичности и социальной

связанности в цифровую эпоху. Возникает необходимость в новом аналитическом инструменте, способном учитывать сложное переплетение онтологических и социетальных аспектов безопасности в условиях цифровизации. Полагаем, что таким инструментом может стать *онтологически-социетальный узел*, объединяющий вопросы личностной стабильности, коллективной идентичности и влияния цифровых технологий на механизмы безопасности.

Цель исследования заключается в концептуализации и анализе феномена онтологически-социетального узла в условиях цифровой среды. Настоящее исследование основано на синтезе концепций онтологической и социетальной безопасности. В рамках структурного анализа нами выделяются ключевые компоненты онтологически-социетального узла. Кроме того, в работе используются элементы системного подхода, позволяющие рассматривать безопасность как сложную нелинейную систему, охватывающую как индивидуальные, так и коллективные факторы.

Основные положения концепции социетальной безопасности

Термин «социетальный» (societal) в англоязычной научной традиции обозначает особый уровень анализа общества, отличающийся от концепции «социального». В русском языке данные понятия зачастую смешиваются, что может приводить к некорректному их использованию. Если «социальное» охватывает широкий спектр общественных взаимодействий, включая индивидуальные и групповые связи, то «социетальное» сосредоточено на обществе как целостной системе, направлено на изучение механизмов интеграции, поддержания стабильности и воспроизводства нормативных структур, обеспечивающих социальный порядок.

Термин «социетальный» был введен А.Г. Келлером в контексте организационных аспектов общественной жизни [7]. Дальнейшую популяризацию термина осуществляет Т. Парсонс в своем труде «Социальная система», стремясь объяснить механизмы социальной интеграции, рассматривает общество как сложную динамичную систему, состоящую из взаимосвязанных подсистем [8]. В последующих исследованиях Т. Парсонс углубляет изучение социетальных процессов, сосредоточившись на социальной эволюции. Ключевым элементом его концепции стало *societal community* (социетальное сообщество), обеспечивающее сплоченность, целостность и устойчивость общества [9; 10]. Тем самым Т. Парсонс выходит за рамки государственно-центричного подхода, рассматривая общество как сложную систему, функционирование которой обеспечивается не только государственными институтами, но и институциональными механизмами устойчивых социальных структур. Социетальное сообщество, согласно его представлениям, представляет собой многосоставную структуру, возникает и развивается благодаря устойчивым социальным связям, формирующим внутреннюю целостность.

Стабильность социетальных сообществ определяется их способностью сохранять самобытность в условиях внешних вызовов, адаптироваться к изменениям и поддерживать внутреннюю согласованность посредством механизмов социальной интеграции и нормативной легитимации. В таком контексте безопасность рассматривается не только как защита государства, но и как сохранение устойчивости самих социетальных сообществ. Поскольку локальные группы являются неотъемлемой частью общественного пространства, их нестабильность неизбежно сказывается на общей устойчивости государства. Так, Б. Бузан определяет социетальную безопасность как баланс между стабильностью социальной системы и ее способностью адаптироваться к изменениям [11]. С точки зрения основателей Копенгагенской школы безопасность общества во многом зависит от сохранения культурных и национальных традиций в условиях внешних вызовов [12]. Позднее М. Тиел расширил этот подход, акцентировав внимание на взаимодействии социетальных сообществ и государственных институтов в условиях глобализации [13].

В настоящее время социетальное общество сталкивается с новыми вызовами, обусловленными технологическими изменениями, среди которых ключевую роль играет цифровизация всех сфер общественной жизни. Традиционные формы социальной интеграции, такие как локальные сообщества, профессиональные объединения и гражданские институты, все чаще уступают место цифровым сетевым структурам. Социальные медиа и цифровые платформы активно формируют новые формы социальной связанности, однако их характер остается фрагментарным. Они зачастую ограничиваются узкими тематическими рамками, а также нестабильностью и краткосрочностью социальных связей. На этом фоне усиливаются процессы социальной сегментации, приводящие к формированию цифровых сообществ, которые строятся не на территориальной или социокультурной общности, а на основе общих интересов.

С развитием цифровых коммуникаций традиционные механизмы формирования идентичности также претерпевают изменения. Если раньше идентичность конструировалась преимущественно через государственные институты, систему образования и медиа, то сегодня цифровые платформы позволяют формировать ее вне институционального контроля. Алгоритмы социальных сетей способствуют усилению эффекта «информационных пузырей» (filter bubble), когда человек сталкивается с информацией, соответствующей только его интересам, убеждениям и предпочтениям, данное явление объясняется тем, что механизмы персонализированного подбора контента, используемые цифровыми платформами (такими как социальные сети, поисковые системы и новостные агрегаторы), анализируют поведение пользователя в сети.

В результате пользователю показываются только те новости, мнения и данные, которые согласуются с его взглядами, в то время как альтернативные точки зрения игнорируются. Возникает эффект эхо-камеры: человек

оказывается в окружении единомышленников, что усиливает его убеждения и снижает критическое восприятие, что может привести к сужению кругозора, радикализации взглядов и сопротивлению новым идеям. Одним из возможных последствий данного процесса является поляризация общества, при котором социальные группы становятся все более противоположными и разделенными. Когда люди перестают понимать и принимать чужие точки зрения, усиливается социальная напряженность, что, в свою очередь, может подорвать социальное единство и создать предпосылки для конфликтов. Таким образом, цифровая среда способствует как усилению социальной связанности, так и росту социальной разобщенности. В этих условиях концепция социетальной безопасности требует дальнейшей конкретизации и расширения, чтобы оставаться методологической основой для изучения современных вызовов цифровой эпохи.

Основные положения концепции онтологической безопасности

Термин «онтологическая безопасность» был впервые введен в 1960 г. Р.Д. Лейнгом в его книге «Разделённое Я» [14]. Согласно его концепции *онтологическая безопасность* представляет собой состояние психической устойчивости, при котором человек сохраняет ощущение целостности собственного «Я» и внутреннюю уверенность в своем существовании. Р.Д. Лейнг утверждает, что это состояние достигается благодаря механизмам психологической защиты, как попытки адаптации к жизненным обстоятельствам, в частности, через разделение личности на «истинное Я» (скрытое, защищенное) и «ложное Я» (социально адаптированное). В этом контексте онтологическая безопасность выступает как противовес онтологической небезопасности, которая возникает в условиях экзистенциального кризиса, когда человек утрачивает чувство самости и испытывает угрозу своему существованию.

Далее понятие «онтологическая безопасность» находит свое развитие в трудах Э. Гидденса в его книге «Современность и самоидентификация». Автор использует данный термин для описания чувства стабильности и уверенности в собственной идентичности, позволяющее человеку функционировать в обществе, не испытывая экзистенциальной тревожности [15].

Онтологическая безопасность, по его мнению, формируется через рутинные практики, самоповествование и доверие к окружающему миру. Практическое сознание формирует рутинные практики, создавая основу для стабильного восприятия повседневности. Именно рутина играет ключевую роль в поддержании онтологической безопасности, защищая человека от хаоса, возникающего при разрушении привычного порядка. Ее нарушение приводит к когнитивной и эмоциональной дезориентации, подрывая чувство непрерывности существования. Таким образом, рутина представляет собой просто автоматизм или механическая повторяемость действий, а фундаментальный элемент психологической устойчивости. Она структурирует повседневный

опыт, способствует формированию ощущения стабильности и защищает человека от экзистенциальной тревоги.

В своем фундаментальном проявлении доверие, в свою очередь, напрямую связано с первоначальным ощущением онтологической безопасности, выполняя функцию своеобразной «прививки», защищающей человека от потенциальных угроз и опасностей, присутствующих даже в повседневной жизни. Современное общество сейчас более фрагментировано, чем в прошлом, что может вызывать тревожность и ощущение нестабильности. В ситуации неопределенности возрастает значимость таких понятий, как доверие и риск. Можно сказать, что доверие создает «защитный кокон», обеспечивающий ощущение безопасности при взаимодействии с окружающей реальностью. Доверие как бы «выносит за скобки» возможные негативные события, которые могли бы вызвать чувство потерянности и отчуждения от мира.

Э. Гидденс рассматривает доверие как ключевой и универсальный феномен, значимый как для развития личности, так и для взаимодействия с миром, в котором все большую роль играют механизмы выведения из контекста (disembedding mechanisms). Данные механизмы, введенные Э. Гидденсом в рамках теории структурирования и анализа модерна, описывают процессы, посредством которых социальные отношения утрачивают привязку к конкретному времени и пространству, выходя за пределы локального контекста. Например, если раньше торговля была привязана к физическому рынку, где продавец и покупатель взаимодействовали лично, то в цифровую эпоху с помощью банковских карт и онлайн-магазинов можно покупать товары на другом конце света, не зная продавца и не вступая с ним в прямой контакт. В цифровой метавселенной такие механизмы будут стремительно распространяться, не только расширяя возможности коммуникации и экономической деятельности, но и стирая границы между реальным и виртуальным пространствами, формируя новые формы социального взаимодействия.

Со своей стороны отметим, что ключевым аспектом онтологической безопасности является не столько физическая защищенность, а сколько предсказуемость окружающей среды и уверенность в устойчивости собственной идентичности. В условиях цифровой трансформации этот фактор приобретает особую значимость, поскольку изменения в социальной структуре могут провоцировать тревожность и ощущение утраты идентичности. В повседневной жизни люди, осознанно или неосознанно, соблюдают социальные нормы и правила, интегрируя их в свои действия. Данный процесс включает рефлексивное отслеживание, при котором индивид не просто механически следует конвенциям, но и соотносит их с актуальным социальным контекстом. Рефлексивное осмысление норм происходит на двух уровнях: дискурсивного сознания, позволяющего рационально объяснять свои поступки, и практического сознания, основанного на неосознаваемых, но устойчивых знаниях, определяющих поведение.

Онтологически-социетальный узел безопасности: концептуализация и значение

В эпоху цифровых коммуникационных технологий механизмы обеспечения онтологической и социетальной безопасности претерпевают значительные изменения, что требует их переосмысления в глубоком философском контексте. Одним из перспективных концептов в этой области является понятие «онтологически-социетальный узел безопасности», объединяющее аспекты обеих форм безопасности. Впервые прямое употребление данного термина встречается в новейших исследованиях по безопасности. Так, в своей статье «Онтологическая безопасность vs. социетальная безопасность: одно и то же или разные концепции?» Р. Флойд вводит понятие «*ontological–societal security node*» (онтологически-социетальный узел безопасности) для описания пересечения онтологической и социетальной безопасности [16]. По мнению Р. Флойда, хотя эти концепции различны, обе связаны с вопросами идентичности. Онтологическая безопасность относится к ощущению индивидом целостности и непрерывности своего «Я» во времени (по Э. Гидденсу), тогда как социетальная безопасность фокусируется на сохранении коллективной идентичности общества под влиянием внешних изменений и угроз.

Исследование Р. Флойда демонстрирует, что эти измерения не просто пересекаются, но и взаимно дополняют друг друга: угрозы коллективной идентичности (на уровне общества) резонируют с экзистенциальной тревожностью индивидов за устойчивость их существования. В свою очередь, потребность в онтологической уверенности объясняет, почему социальные группы стремятся «секьюритизировать» (объявлять угрозой) внешние элементы во имя защиты собственного сообщества. Онтологически-социетальный узел представляет собой пространство, в котором безопасность личности (ощущение стабильности и предсказуемости бытия) и безопасность общества (целостность его ценностей и идентичности) оказываются неразрывно связанными.

Идея взаимосвязи онтологической и социетальной безопасности прослеживалась и ранее, однако до сих пор не получила четкой терминологической фиксации. Мы полагаем, что термин «*ontological–societal security node*» представляет собой новый концептуальный инструмент, позволяющий объединить эти две формы безопасности в условиях цифровой среды. На данный момент исследования в этом направлении остаются малочисленными, что открывает для нас широкие перспективы для дальнейшей теоретической разработки концепции. Ключевыми аспектами ее концептуализации являются уточнение структурных элементов узла, анализ механизмов его функционирования и выявление факторов, способствующих либо укреплению, либо подрыву онтологической и социетальной безопасности.

Полагаем, что феномен онтологически-социетального узла актуализировался и стал очевидным именно в цифровую эпоху, поскольку в условиях

цифровой среды происходит сближение онтологической и социетальной безопасности, которые ранее оставались относительно автономными. Развитие цифровых технологий стирает границы между двумя типами безопасности, формирует онтологически-социетальный узел, в котором идентичность, социальные связи и сетевые коммуникационные практики оказываются неразрывно взаимосвязанными.

Можно обозначить в самом общем виде структуру онтологически-социетального узла.

Структура онтологически-социетального узла безопасности

I. *О* – онтологический компонент. Обеспечивает фундаментальную основу стабильности восприятия мира, формируя у индивида чувство предсказуемости бытия, защищенности и самотождественности. Включает в себя следующие ключевые элементы:

О1 – индивидуальная идентичность. Отражает личностную самотождественность, устойчивость самообраза и восприятие себя во времени, а также социальную идентификацию – национальную, культурную, профессиональную или этническую. В цифровую эпоху процессы формирования идентичности претерпевают значительные изменения. Онлайн-пространство создает условия для многослойного самовыражения: один и тот же человек может представлять себя по-разному в зависимости от платформы, аудитории и контекста. Виртуальные образы становятся неотъемлемой частью самовосприятия, требуя постоянного управления и стратегического конструирования. При этом цифровая репутация зависит не только от личных действий, но и от алгоритмов, влияющих на видимость контента. Кроме того, размываются границы между личным и публичным: социальные сети превращают частные переживания в открытый контент, а цифровые следы сохраняются на неопределенный срок, влияя на восприятие человека даже спустя годы. В результате идентичность становится динамичной и контекстуальной, требующей постоянного балансирования между подлинностью и адаптацией к условиям цифрового взаимодействия.

О2 – экзистенциальная стабильность. Представляет собой глубинное ощущение защищенности, основанное на уверенности в собственном существовании и предсказуемости окружающего мира. Включает чувство непрерывности бытия, целостности личности независимо от внешних изменений, убежденность в логичности происходящего, а также наличие устойчивых структур, обеспечивающих безопасность и предотвращающих полную дестабилизацию. В цифровую эпоху экзистенциальная стабильность подвергается значительным изменениям. Размываются границы между реальным и виртуальным пространством, что вызывает ощущение неопределенности и потери опоры в действительности. Сетевые алгоритмы формируют индивидуализированные потоки контента, создавая эффект информационной изоляции, который может искажать восприятие окружающего мира [17]. Используемые в цифровой среде механизмы способны как усиливать стабильность,

предлагая предсказуемую информационную среду, так и подрывать ее, вызывая когнитивную перегруженность, тревожность и ощущение утраты контроля над идентичностью и будущим.

О3 – доверие. Включает врожденное чувство безопасности, формируемое в раннем детстве, веру в надежность людей, общественных институтов и социальных норм, а также уверенность в цифровых системах, алгоритмах и платформах, с которыми взаимодействует человек. В цифровую эпоху механизмы формирования и поддержания доверия претерпевают значительные изменения. Цифровые платформы и медиа-ресурсы становятся ключевыми посредниками в оценке достоверности информации. Однако их алгоритмическая природа делает процесс принятия решений менее прозрачным, что усиливает скепсис и формирует новые стратегии критического восприятия данных. Вместе с тем регулярное взаимодействие с цифровыми сервисами, такими как банковские приложения, навигационные системы и онлайн-торговые платформы, укрепляет доверие к их механизму работы, несмотря на непрозрачность алгоритмов. Доверие к общественным институтам все чаще определяется не только их фактическими действиями, но и тем, как они представлены в медиаполе, что делает репутационные механизмы уязвимыми перед манипуляциями. Кроме того, цифровая среда способствует росту анонимности, что, с одной стороны, расширяет возможности для самовыражения и открытого диалога, а с другой – подрывает традиционные модели социальной ответственности, повышая риски обмана, мошенничества и информационных атак. В результате доверие становится динамичным и многослойным, сочетая в себе гибкость и уязвимость.

О4 – рутинные практики. Представляют собой повторяющиеся повседневные действия, формирующие основу стабильного восприятия реальности. Включают привычные формы взаимодействия, устойчивые ментальные схемы для интерпретации событий и регулярные цифровые активности, такие как просмотр новостей, участие в социальных сетях и персонализированный контент. Рутинные действия играют ключевую роль в поддержании онтологической безопасности, защищая от хаоса при разрушении привычного порядка, ее нарушение приводит к когнитивной и эмоциональной дезориентации, подрывая чувство непрерывности существования. Именно через рутинные действия человек организует свою повседневную жизнь, формируя ощущение стабильности и предсказуемости. Повторяющиеся действия не сводятся к механической автоматичности, а становятся фундаментом психологической устойчивости, позволяя сохранять контроль над жизнью и снижать уровень экзистенциальной тревоги. Постоянное присутствие определенных платформ в цифровом окружении становится критерием надежности, заменяя критический анализ. Автоматизированные системы, чат-боты и голосовые помощники все глубже интегрируются в повседневность, превращаясь в ежедневные ритуалы взаимодействия. Таким образом, рутина не только

структурирует повседневный опыт, но и адаптирует человека к цифровым технологиям, формируя устойчивое восприятие реальности.

II. *S* – *социетальный компонент*, отвечает за социальную связанность и структурную устойчивость общества, определяет, насколько индивидуальные онтологические основы поддерживаются коллективными процессами и общественными институтами. Включает в себя следующие ключевые элементы:

S₁ – коллективная идентичность. Формируется на основе принадлежности к различным группам: национальным, этническим, профессиональным, религиозным, культурным и другим. Включает механизмы солидаризации, конструирования образа «Мы» и выстраивания границ между социальными группами. В цифровую эпоху эти процессы претерпели значительные изменения под влиянием онлайн-коммуникации и виртуальных сообществ. Люди теперь могут идентифицировать себя не только с традиционными социальными группами, но и с цифровыми сообществами, объединенными общими интересами, взглядами или стилем жизни, что способствует формированию новых форм коллективной идентичности, связанных с участием в онлайн-платформах, цифровых системах и виртуальных пространствах. Однако эти изменения сопровождаются новыми вызовами: высокая динамика интернет-контента, информационная изоляция отдельных групп и изменчивость цифровых норм усложняют процесс формирования устойчивой коллективной идентичности. В результате возникают как новые возможности для самоидентификации, так и риски фрагментации общества.

S₂ – социетальные сообщества. Представляют собой объединения людей по интересам, ценностям, профессиям и стилю жизни, играют ключевую роль в формировании групповых норм, обеспечивают поддержку и способствуют коллективной безопасности. В цифровую эпоху такие сообщества стали более доступными и разнообразными благодаря интернету. Онлайн-форумы, социальные сети, профессиональные платформы и мессенджеры позволяют людям объединяться независимо от географического положения. Однако цифровизация изменила характер взаимодействий: виртуальные связи зачастую менее устойчивы, а идентификация с сообществом нередко носит временный и ситуативный характер. При этом цифровые платформы предлагают новые механизмы саморегуляции, включая алгоритмическую модерацию, системы рейтингов и репутации.

S₃ – социальные связи. Включают систему интеракций, социальных ролей, механизмов координации общества и уровень доверия между индивидами. Они определяют способность общества к кооперации, коллективному решению проблем и адаптации к изменениям. В цифровую эпоху социальные связи трансформировались: коммуникация стала более быстрой, доступной и разнообразной, но при этом ее характер изменился. Виртуальные контакты часто заменяют личные встречи, что приводит к росту числа «слабых» социальных связей, которые могут быть полезны для обмена информацией,

но не всегда обеспечивают устойчивую поддержку [18]. Развитие платформенных экосистем, в которых взаимодействие регулируется алгоритмами, также оказывает влияние на структуру социальных связей, определяя, с кем и как люди взаимодействуют. Важно учитывать, что цифровая среда способна как укреплять социальные связи (путем создания новых форм кооперации), так и ослаблять их (через снижение личного взаимодействия и изменение восприятия социальной близости).

S₄ – институциональные нормы. Включают законы, традиции, моральные и культурные рамки, регулирующие общественную жизнь, охватывают как формальные, так и неформальные механизмы социальной стабильности, адаптирующиеся под влияние цифровых технологий. В современном мире институты вынуждены учитывать новые факторы, такие как распространение цифровых платформ, влияние автоматизированных систем на социальное взаимодействие и трансформацию общественных норм. Цифровизация затронула не только правовые, но и повседневные нормы поведения. Например, этикет общения в интернете, правила защиты персональных данных и принципы цифровой безопасности стали неотъемлемой частью социальной регуляции. Кроме того, алгоритмы цифровых платформ формируют новые нормы, определяя границы приемлемого поведения, что приводит к переосмыслению традиционных институциональных механизмов и требует поиска баланса между цифровыми инновациями и сохранением социальной устойчивости.

III. *T – темпоральный компонент.* Отражает временные характеристики онтологически-социетального узла, включая историческую преемственность, динамику изменений, прогнозируемость будущего и возникающие темпоральные разрывы, отражает временные характеристики онтологически-социетального узла. Можно выделить следующие ключевые элементы:

T₁ – историческая преемственность. Обеспечивает связь общества с прошлым через механизмы коллективной памяти, передачу традиций, ценностей и символов, способствуя легитимации идентичности и укреплению социальной сплоченности.

В цифровую эпоху способы сохранения и трансляции исторической памяти претерпели значительные изменения. С одной стороны, цифровые архивы, базы данных, онлайн-музеи и оцифрованные документы расширяют доступ к историческим материалам, делая их более доступными и демократичными. С другой стороны, цифровая среда способствует фрагментации исторической преемственности: алгоритмы персонализации формируют избирательное восприятие прошлого, усиливая субъективность его интерпретации. Кроме того, интернет-культура ускоряет потребление информации, превращая исторические события в быстро сменяющиеся цифровые тренды, что может снижать глубину осмысления прошлого, упрощая его восприятие и подменяя исторический анализ поверхностными нарративами.

T₂ – динамика изменений. Определяет способность общества адаптироваться к внутренним и внешним трансформациям, включая технологические,

социальные и экономические вызовы. Характеризуется степенью гибкости социальных структур, готовностью к инновациям и скоростью реакции на изменения. В цифровую эпоху процессы адаптации стали неравномерными: одни сферы жизни – технологии, коммуникации, бизнес – меняются стремительно, тогда как другие, такие как законодательство, образование и культурные традиции, реагируют на изменения медленнее, что создает напряженность между новыми цифровыми практиками и устоявшимися социальными нормами. Кроме того, цифровизация приводит к явлению «ускоренной модернизации» – процессу, при котором технологические изменения происходят быстрее, чем социальные институты успевают их осмыслить и интегрировать в свою структуру.

Т₃ – предсказуемость будущего. Включает механизмы прогнозирования, стратегического планирования и социального проектирования, оказывая влияние на уровень общественного доверия и ощущение безопасности. В цифровую эпоху предсказуемость будущего ослабевает из-за стремительного технологического прогресса, нестабильности информационной среды и множества факторов неопределенности.

С одной стороны, искусственный интеллект, большие данные и алгоритмический анализ позволяют строить детализированные прогнозы. Однако эти прогнозы становятся зависимыми от изменяющихся параметров, что увеличивает вариативность сценариев. С другой стороны, информационные потоки, включающие как достоверные, так и манипулятивные данные, усложняют процесс долгосрочного планирования. В результате будущее все чаще воспринимается как изменчивое и неопределенное, что создает дополнительные вызовы для управления рисками и социальной адаптации.

Т₄ – темпоральный разрыв. Отражает несоответствие темпов изменений в различных сферах общества. В цифровую эпоху этот разрыв усиливается, поскольку технологии развиваются быстрее, чем социальные и культурные институты успевают адаптироваться. Одним из ключевых факторов этой динамики является алгоритмическое ускорение: цифровые платформы постоянно модифицируются, создавая эффект нестабильности. В результате пользователи испытывают временной диссонанс: привычные ориентиры непрерывно меняются, а объем информации требует быстрой переработки. Необходимость постоянного обучения и адаптации к новым цифровым инструментам усиливает когнитивную нагрузку. Скорость технологических изменений опережает способность людей к адаптации, что приводит к ощущению устаревания знаний и навыков у значительной части общества. Такие различия становятся фактором онтологической нестабильности, усиливают неопределенность и оказывают влияние на индивидуальную и коллективную идентичность. Чем быстрее общество движется вперед, тем сложнее становится поддерживать баланс между внедрением инноваций и их интеграцией в повседневную жизнь.

Структура онтологически-социетального узла безопасности может быть представлена в виде модели, включающей три взаимосвязанных компонента – онтологический, социетальный и темпоральный, формирующих сложную систему взаимодействий в условиях цифровой среды. На рисунке представлена схема, отражающая взаимосвязь этих компонентов (рис. 1).

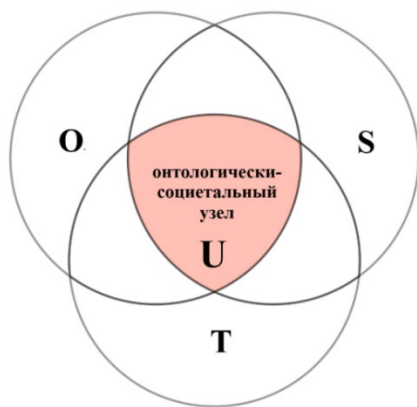

Рис. 1. Схематическая структура онтологически-социетального узла безопасности

Источник: составлено О.И. Елховой.

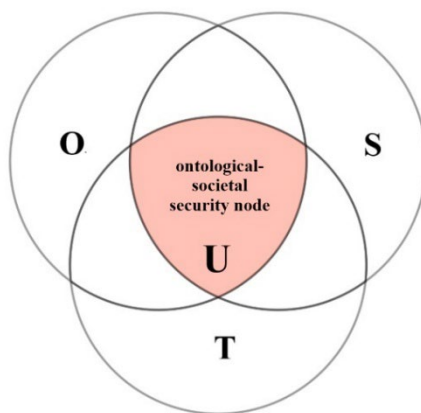

Figure 1. Schematic structure of the ontological-societal security node

Source: compiled by Oxana I. Elkhova.

На схеме онтологически-социетальный узел обозначается буквой *U* по следующим причинам. В выражении *ontological-societal security node*, где ключевое слово «node» (узел) начинается с буквы *N*. Однако в математических обозначениях и формальных моделях традиционно избегают использования *N*, так как эта буква часто ассоциируется с натуральными числами. Вместо этого используется *U*, которое может быть воспринято как сокращение от «Union» (объединение), что символически отражает слияние онтологических, социетальных и темпоральных аспектов. Следовательно, выбор *U* как обозначения узла оправдан как с точки зрения семантики, так и с точки зрения удобства математического представления.

Схема демонстрирует структуру онтологически-социетального узла безопасности, представляя его в виде системы взаимосвязанных компонентов: *O* – онтологический компонент, *S* – социетальный компонент, *T* – темпоральный компонент. Взаимодействие этих компонентов формирует целостную модель, демонстрирующую, как онтологическая и социетальная безопасность переплетаются и трансформируются в условиях цифровой эпохи.

Данная модель также может быть представлена формулой:

$$U = f(O, S, T),$$

где *U* – онтологически-социетальный узел безопасности, представляющий пространство взаимосвязи и взаимодействия онтологической и социетальной безопасности во временном контексте;

O – онтологический компонент, включающий индивидуальную идентичность, экзистенциальную стабильность, доверие и рутинные практики, формирующие личностное восприятие безопасности;

S – социетальный компонент, охватывающий коллективную идентичность, социетальные сообщества, социальные связи и институциональные нормы, обеспечивающие социальную связанность и защиту от угроз;

T – темпоральный компонент, отражающий историческую преемственность, динамику изменений, предсказуемость будущего и возникающие темпоральные разрывы, влияющие на устойчивость онтологической и социетальной безопасности.

Функция описывает сложное нелинейное взаимодействие указанных компонентов в динамике временных процессов. Применение модели обеспечит возможность структурного анализа факторов, влияющих на онтологическую и социетальную безопасность, включение темпорального компонента поможет учитывать динамику изменений, что сыграет ключевую роль в прогнозировании угроз. В перспективе ее использование даст возможность оценивать риски, связанные с цифровыми следами, утратой приватности и изменением социальных норм, обеспечивая более глубокое понимание процессов, формирующих современную безопасность.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на уточнение структурных характеристик узла, выявление факторов, влияющих на его устойчивость, а также на разработку аналитических инструментов для оценки рисков цифровой фрагментации общества. Концепция онтологически-социетального узла предлагает новый теоретико-методологический подход к исследованию безопасности в условиях цифровой трансформации и может быть полезна в разработке стратегий адаптации социальных систем к современным вызовам.

Заключение

В заключение отметим, что в ходе проведенного исследования удалось всесторонне обосновать и теоретически осмыслить понятие онтологически-

социетального узла безопасности, представив его как целостный аналитический инструмент, предназначенный для глубокого анализа механизмов безопасности в контексте стремительно развивающейся цифровой среды. Установлено, что цифровая среда не только ускоряет процессы трансформации социальных структур, но и способствует сближению онтологической и социетальной безопасности, которые ранее развивались как относительно самостоятельные. Современные информационные технологии стирают границы между этими двумя формами, формируя общее пространство – онтологически-социетальный узел, в котором идентичность, социальные связи и сетевые коммуникационные практики оказываются неразрывно взаимосвязанными. Такой узел выступает как точка сопряжения двух взаимозависимых уровней безопасности: онтологического, обеспечивающего устойчивость идентичности и ощущение предсказуемости окружающей среды, и социетального, направленного на сохранение целостности общественных структур в условиях внешних и внутренних вызовов. В процессе анализа установлено, что данное образование представляет собой сложную систему взаимосвязей, включающую три ключевых аспекта – онтологический, социетальный и темпоральный. Их взаимодействие формирует динамическое поле, в рамках которого процессы идентификации, социальной связанности и коллективной безопасности подвергаются трансформациям под влиянием цифровых технологий. При этом темпоральный компонент играет важнейшую роль, позволяя учитывать как историческую преемственность, так и темпы изменений и степень предсказуемости будущего, что критически важно для адаптации социальных структур к условиям цифровой эпохи. В целом, предложенная концепция онтологически-социетального узла безопасности открывает новые горизонты для исследований в области философии безопасности и может быть использована в разработке стратегий, направленных на устойчивое развитие и адаптацию социальных систем к текущим и новым вызовам цифровой трансформации.

Список литературы / References

- [1] Lynn-Jones SM. Realism and Security Studies. In: Booth K, editor. *Contemporary Security and Strategy*. London: Palgrave Macmillan; 2012. P. 17–44. DOI: 10.1007/978-1-137-32713-0_2
- [2] Lynn-Jones SM. Offense-Defense Theory and Its Critics. *Security Studies*. 1995;4(4):660–691. DOI: 10.1080/09636419509347600
- [3] Mangrum K. Book review of «Global Security in the Twenty-First Century: the Quest For Power and the Search For Peace» by Sean Kay. *International Journal of Nuclear Security*. 2018;4(1). Available from: [h=ps://trace.tennessee.edu/ijns/vol4/iss1/11](https://trace.tennessee.edu/ijns/vol4/iss1/11) (accessed: 01.12.2024).
- [4] Kay S. *Global Security in the Twenty-First Century: The Quest for Power and The Search for Peace*. Lanham: Rowman & Littlefield; 2006.
- [5] Buzan B, Wæver O, de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publishers; 1998.

- [6] Wæver O. Societal Security: the Concept. In: Wæver O, Buzan B, Kelstrup M, Lemaitre L, editors. *Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe*. London: Pinter; 1993. P. 17–40.
- [7] Keller AG. *Societal Evolution: A Study of the Evolutionary Basis of the Science of Society*. New York: Macmillan Company; 1915.
- [8] Парсонс Т. Социальная система / пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева, ред. В.Ф. Чеснокова, С.А. Белановский. М. : Академический проект, 2019.
Parsons T. *The Social System*. Sedova LA, Kovalev AD, transl. Chesnokova VF, Belanovsky SA, editors. Moscow: Akademicheskii projekt publ.; 2019. (In Russian).
- [9] Parsons T. Some Problems of General Theory in Sociology. In: Parsons T, editor. *Social Systems and the Evolution of Action Theory*. New York: Free Press; 1977. P. 229–269.
- [10] Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева, ред. М.С. Ковалева. М. : Аспект Пресс, 1998.
Parsons T. *The System of Modern Societies*. Sedova LA, Kovalev AD, transl. Kovaleva MS, editor. Moscow: Aspect Press publ.; 1998. (In Russian).
- [11] Buzan B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. New York: Harvester Wheatsheaf; 1991.
- [12] Wæver O, Buzan B, Kelstrup M, Lemaitre P. *Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe*. London: Pinter; 1993.
- [13] Thiel M. Identity, Societal Security and Regional Integration in Europe. *Jean Monnet. Robert Schuman Paper Series*. 2007;7(6):1–15.
- [14] Лейнг Р.Д. Разделенное «Я» / пер. Н. Кравченко, Т. Ковтун. Киев, 1995.
Laing RD. *The Divided Self*. Kravchenko N, Kovtun T, transl. Kyiv; 1995. (In Russian).
- [15] Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. California: Stanford University Press; 1991.
- [16] Floyd R. Ontological vs. Societal Security: Same Difference or Distinct Concepts? *International Politics*. 2024;61(3). DOI: 10.1057/s41311-024-00581-w EDN: ZLKLGO
- [17] Елхова О.И. Феноменология восприятия виртуальной реальности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24. № 5. С. 97–106. DOI: 10.37482/2687-1505-V378 EDN: ZHIDWG
Elkova OI. The Phenomenology of Virtual Reality Perception. *Vestnik of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2024;24(5):97–106. (In Russian). DOI: 10.37482/2687-1505-V378 EDN: ZHIDWG
- [18] Елхова О.И. Метрики феноменологического виртуального опыта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 4. С. 997–1013. DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-4-997-1013 EDN: JLFZMM
Elkova OI. Metrics of Phenomenological Virtual Experience. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(4):997–1013. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-4-997-1013 EDN: JLFZMM

Сведения об авторе:

Елхова Оксана Игоревна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии, Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация, 450076, Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. ORCID: 0000-0002-5052-5935. SPIN-код: 1004-6360. E-mail: oxana-elkhova@yandex.ru

About the author:

Elkhova Oxana I. – DSc in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Ufa University of Science and Technology, 32 Zaki Validi St., Ufa, 450076, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5052-5935. SPIN-code: 1004-6360. E-mail: oxana-elkhova@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-335-352>

EDN: QGKKOR

Research Article / Научная статья

Формирование устойчивости сообществ к риску стихийных бедствий в политике обеспечения социетальной безопасности – кейс-исследование наводнений в ФРГ и Чехии в 2021–2024 гг.

М.А. Гласер^{ID}✉, В.А. Гацковская^{ID}, А.В. Поляченков^{ID}

*Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики»,
Москва, Россия*

✉mglaser@hse.ru

Аннотация. В исследовании раскрывается сущность социетальной безопасности, ее отличия от других видов безопасности, кризисный менеджмент как область применения концепции социетальной безопасности в анализе социальных феноменов. Работа механизмов обеспечения социетальной безопасности показана на примере формирования устойчивости сообществ к стихийным бедствиям. Для этого исследован процесс урегулирования последствий наводнений в Германии и Чехии. Метод исследования – описательный тип кейс-анализа, им выявлены различия двух стран в процессе формирования устойчивости сообществ к риску стихийных бедствий. Авторы делают вывод, что Германия и Чехия не просто обладают разным объемом социального, экономического, человеческого и физического капитала как совокупного ресурса создания устойчивости обществ. Наличие ресурсов для разрешения кризисов и обеспечения социетальной безопасности в условиях природных катаклизмов не является достаточным условием решения проблем. Ключевое отличие Германии и Чехии в политике кризисного менеджмента заключается в выстраивании баланса стратегий мобилизации и эксплуатации ресурсов. Этот баланс является необходимым условием формирования устойчивости сообществ к рискам. Чехия делает акцент на стратегии мобилизации, а Германия – на стратегии эксплуатации ресурсов. По мнению авторов, этот дисбаланс и сообщает расхождения в политике обеспечения социетальной безопасности ФРГ и Чехии по формированию устойчивости обществ к риску наводнений. Авторы делают вывод, что способов восстановления баланса двух стратегий управления ресурсами в политике социетальной безопасности Германии и Чехии не просматривается в краткосрочной перспективе. Подчеркнуто, что важно сформировать рабочую схему взаимодействия разных органов власти, отслеживать проблемы и решать их комплексно. В противном случае перекося в возложении ответственности за кризис и отсутствие отлаженных механизмов обеспечения социетальной безопасности может нести экзистенциальную угрозу для сообществ. В исследовании также подчеркнута важность угрозы природных катаклизмов.

© Гласер М.А., Гацковская В.А., Поляченков А.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

мов и для государства. Пренебрежение менеджментом последствий наводнений или недостаточной проработкой механизмов их предупреждения может обернуться повышением уровня недоверия населения к государству и росту недовольства, что может создать еще один кризис, на этот раз политический. Такой взгляд на проблему позволяет подчеркнуть важность социетальной безопасности и ее места в обеспечении благополучия и процветания обществ.

Ключевые слова: кризисный менеджмент, природные катаклизмы, кризисы, экзистенциальные угрозы государству

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Все авторы внесли равный вклад в концепцию, подготовку и написание текста.

История статьи:

Статья поступила 24.10.2024

Статья принята к публикации 03.03.2025

Для цитирования: Гласер М.А., Гацковская В.А, Поляченков А.В. Формирование устойчивости сообществ к риску стихийных бедствий в политике обеспечения социетальной безопасности – кейс-исследование наводнений в ФРГ и Чехии в 2021–2024 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 335–352. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-335-352>

Building Community Resilience to the Risks of Natural Disasters in Ensuring Societal Security – Case Studies of Floods in Germany and the Czech Republic in 2021–2024

Marina A. Glaser^{ID}✉, Varvara A. Gatskovskaya^{ID},
Anton V. Poliachenkov^{ID}

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia
✉mglasser@hse.ru

Abstract. This study examines the concept of societal security, distinguishing it from other forms of security, and highlights crisis management as a key area for applying this framework in the analysis of social phenomena. The functioning of societal security mechanisms is illustrated through the case of community resilience to natural disasters, specifically focusing on responses to floods in Germany and the Czech Republic. Using a descriptive case study method, the research identifies differences in how these two countries build societal resilience to disaster risks. The authors argue that Germany and the Czech Republic vary not only in the amount of available social, economic, human, and physical capital but also in how these resources are utilized. The presence of resources alone is not sufficient to guarantee effective crisis resolution or societal security in the face of natural hazards. The study finds that the key divergence lies in the balance between strategies of resource mobilization and exploitation. The Czech Republic tends to rely on mobilization, while Germany emphasizes the exploitation of existing capacities. This imbalance shapes their respective approaches to societal security and affects the resilience of communities to flood-related risks. The authors

conclude that there are currently no clear prospects for restoring balance between these strategies in either country. They stress the need for coordinated governance, integrated problem-solving, and clearly defined responsibilities across institutions. Without such mechanisms, communities may face existential threats due to ineffective crisis management. The study also warns that inadequate disaster response and prevention can undermine public trust in state institutions, potentially leading to political instability. From this perspective, societal security emerges as a vital dimension of national well-being and sustainable development.

Keywords: crisis management, natural disasters, crises, existential threats to the state

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Contribution of authors. All the authors contributed equally to the conception, preparation and writing of the manuscript.

Article history:

The article was submitted on 24.10.2024

The article was accepted on 03.03.2025

For citation: Glaser MA, Gatskovskaya VA, Poliachenkov AV. Building Community Resilience to the Risks of Natural Disasters in Ensuring Societal Security – Case Studies of Floods in Germany and the Czech Republic in 2021–2024. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):335–352. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-335-352>

Введение

В современном мире стихийные бедствия оставляют в истории следы не менее драматические, чем самые кровопролитные войны и конфликты. Пожары, наводнения, землетрясения, штормы, засухи и ураганы уносят жизни людей, провоцируют бунты и насилие, приводят сообщества к экзистенциальному вакууму. Стихийные бедствия меняют систему международного гуманитаризма и общие параметры политики обеспечения гуманитарной, социальной и социетальной безопасности на всех уровнях – от локального до глобального. Например, разрушительное землетрясение у северо-западного побережья индонезийского острова Ачех 26 декабря 2004 г. затронуло сразу четырнадцать стран региона, имело катастрофические последствия для тысяч людей и сотен сообществ, что привело в 2005–2006 гг. к масштабным реформам гуманитарной системы ООН. В целях совершенствования параметров оказания материальной помощи пострадавшим был создан Центральный фонд реагирования на чрезвычайные ситуации, который управляется Координатором ООН по оказанию чрезвычайной помощи. В свою очередь землетрясение на Гаити 2010 г. показало важность укрепления лидерства, улучшения стратегического планирования и оценки потребностей пострадавших общин. В «Трансформационной повестке дня» 2011 г., инициированной Межучрежденческим постоянным комитетом, объединяющим все основные гуманитарные организации в системе ООН и за ее пределами, был сделан акцент на необходимости большей предсказуемости

и смелости в принятии ответственности за риск возникновения стихийных бедствий, на императивности партнерства в оказании гуманитарной помощи. Особенно важно то, что Всемирный саммит по гуманитарным вопросам, прошедший в Стамбуле в мае 2016 г. под эгидой ООН, подчеркнул значимость постоянного политического внимания к непредсказуемым последствиям и афтершокам стихийных бедствий, риск возникновения которых одинаково велик как в слабых развивающихся странах Глобального Юга, так и во вполне благополучных государствах Глобального Севера. Со всей ясностью это показали наводнение в Испании 2024 г. и пожары в Калифорнии 2025 г. Формирование устойчивости человеческих сообществ перед лицом стихийных бедствий, сплоченности людей и укрепления социального доверия, определяющих координацию и сотрудничество в стрессовых ситуациях, является важной частью политики обеспечения социетальной безопасности как элемента безопасности национальной.

Однако деятельность по снижению риска возникновения избыточных бедствий и укрепления адаптации к изменениям окружающей среды является процессом, в котором сложно учесть все ключевые моменты, не говоря уже о деталях. В Сендайской рамочной программе по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг. поставлена цель разработки политики, стратегий и планов, учитывающих особенности среды безопасности и жизни людей на местном, национальном, региональном и глобальном уровнях¹. При этом остается неясно, как именно это сделать – вся наличная база научных данных и имеющийся опыт управления чрезвычайными ситуациями часто не помогают снизить ущерб и потери. Уникальное сочетание ландшафта, климата и растительности на местах постоянно создает новые риски, а способность людей понимать и управлять тем, что происходит, снижается перед лицом растущей опасности. В настоящей статье рассмотрена политика обеспечения социетальной безопасности ФРГ и Чехии в постоянно воспроизводящейся ситуации вызовов и проблем, связанных с наводнениями.

Результаты исследований последствия изменения климата, представленные Международной базой данных отслеживания катастроф (EM-DAT), показывают, что за последние 100 лет число стихийных бедствий в Европе резко выросло, причем две трети этого роста приходится на начало XXI в. Из них наиболее часто регистрируемыми стихийными бедствиями были наводнения (674 зарегистрированных события) и штормы (569), в то время как количество засух сравнительно меньше – 48². Наводнения становятся все более

¹ Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг. Режим доступа: https://www.unisdr.org/files/43291_russiansendaiframeworkfordisasterri.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

² Fleck A. “More Storms and Floods in the 21st Century.” Digital image. June 27, 2023. Режим доступа: <https://www.statista.com/chart/30288/cumulative-number-of-natural-disasters/> (дата обращения: 20.10.2024). Данные EM-DAT классифицируют событие как бедствие, если выполняется хотя бы один из следующих критериев: погибло 10 или более человек, пострадало 100 или более человек, было ли объявлено чрезвычайное положение и был ли направлен призыв к международной помощи.

регулярными, сложными и разрушительными, порождая новые риски и подвергая сообщества значительным опасностям. Летом 2021 г. наводнением в Европе затронуты 11 стран-членов ЕС, включая Чехию, хотя в наибольшей степени пострадала Германия. В 2023 г. в ЕС от наводнений пострадало около 1,5 миллиона человек. Это самый высокий показатель, зафиксированный за период наблюдений с 1991 г. В 2023 г. около трети рек в Европе превысили верхний порог наводнения, Германия вновь стала одной из наиболее пострадавших стран, а в Чехии в 2023 г. было зафиксировано 732 миллиметра годового количества осадков, что выше показателей предыдущих двух лет³. В 2024 г. Германия пережила значительные наводнения в Бранденбурге, Нижней Саксонии, Северной Рейн-Вестфалии и других землях, и уровень тревожности населения оставался высоким. В Чехии в 2024 г., хотя общий риск наводнений оставался значительным, опасения по его поводу немного снизились.

Наша идея заключается в том, чтобы выявить, как формируется и формируется ли вообще устойчивость сообществ этих стран к стихийным бедствиям как готовность к потрясениям, способность оправиться от них и сплотиться после переживания разрушительного опыта. Выбор стран для исследования сделан на основе принципа максимального сходства систем: мы отвлекаемся от исследования сходств и концентрируемся на различиях. Германия – страна Западной Европы, с мультикультурным обществом, отягощенным массой проблем, вызванных избыточным количеством мигрантов и беженцев, что очевидно осложняет проблему формирования устойчивости сообществ к риску стихийных бедствий. При этом Германия обладает большим опытом и значительными ресурсами в решении этой проблемы. Чехия, напротив, является моноэтнической страной с ограниченными ресурсами малого государства и небольшим опытом борьбы со стихийными бедствиями. Объединяющим фактором является членство двух стран в Европейском Союзе.

Ключевой вопрос нашего исследования: каковы различия в процессе формирования устойчивости сообществ к риску стихийных бедствий в политике обеспечения социетальной безопасности ФРГ и Чехии в ходе борьбы с наводнениями в 2021–2024 гг.

Теории и методология исследования

В общем пуле исследований безопасности проблематика социетальной безопасности (*societal security*) возможно пересекается частью объемов с проблематикой гуманитарной (*human security*) и социальной (*social*) безопасности, поэтому важно артикулировать их ключевое различие. Социальная безопасность есть «адекватная политика социального обеспечения»,

³ Total annual rainfall in Czechia from 2000 to 2023 // Statista Research Department. Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/1425676/czechia-total-annual-rainfall> (дата обращения: 20.10.2024).

проводимая государством, создание им достойных условий и высокого качества жизни граждан [1. Р. 19]. Референтом гуманитарной безопасности является человек, понимаемый и как просто живое существо, нуждающееся в физической защите и удовлетворении соответствующих потребностей, и как чувствующая личность со своей духовно-душевной жизнью, защищенность которой необходимо обеспечивать не в меньшей мере, чем жизнь биологическую, чтобы избежать ловушки исключительно биополитического прочтения человека [2. С. 42–52]. Гуманитарная безопасность поэтому является более широким понятием, чем социальная и социетальная. В отличие от последних гуманитарная безопасность образует один из подходов к исследованиям безопасности, как, например, реализм, конструктивизм, секьюритизация и др. Социальная и социетальная безопасность в свою очередь являются видами безопасности, которые могут быть в разных ракурсах рассмотрены в различных подходах к исследованию феномена безопасности. Принимая во внимание указанные соображения, мы концентрируем внимание на социетальной безопасности, которую принято рассматривать в двух формах – во-первых, как обеспечение состояния защищенности базовой идентичности общества, стратегические вызовы которой бросают миграция, формирование наднациональной идентичности в интеграционных объединениях и конкурирующая идентичность соседних, часто параллельных сообществ [3]. Во-вторых, социетальная безопасность есть кризисный менеджмент или управление кризисами как экзистенциальными угрозами в условиях чрезвычайных ситуаций, вызванных стихийными бедствиями, вооруженными конфликтами, эпидемиями и пр. Мы сосредотачиваем внимание на этой форме социетальной безопасности, и конкретно на устойчивости сообществ, не рассматривая проблему формирования устойчивости индивида. При этом мы отличаем устойчивость от стабильности – устойчивость отсылает к вероятности экстремальных изменений, после которых система возвращается к равновесному состоянию, а стабильность таких изменений не предполагает.

Ключевым стратегическим вызовом политике обеспечения социетальной безопасности как кризисному менеджменту является возможный кризис доверия граждан к государственным институтам, то есть кризис их легитимности. Кризисный менеджмент предполагает не просто быстрое реагирование и минимизацию негативного влияния чрезвычайного события, но и, что гораздо более важно, купирование конфликтов, предупреждение насилия до, во время или после кризиса. Обязанностью участников и организаторов кризисного менеджмента в ситуации, когда основные общественные институты, нормы и ценности находятся под угрозой, является обеспечение безопасности политической, экономической, социальной, инфраструктурной и информационной сред государства, то есть обеспечение их устойчивости. «Общество меняется. Точка зрения, с которой мы смотрим на мир сегодня, завтра не будет такой же. ...Хотя мы и не можем предугадать как именно будущее будет выглядеть завтра, мы можем повлиять на его развитие нашими действиями сегодня»,

справедливо считают, например, авторы доклада Шведского агентства по гражданским чрезвычайным ситуациям⁴.

Работ, посвященных исследованию социетальной безопасности как кризисного менеджмента, немного. Наиболее полным изложением ее ключевых проблем является коллективная монография «Социетальная безопасность и управление кризисами: потенциал и легитимность управления» под редакцией П., Лэгрейда и Л. Рюккья. В ней авторы аргументируют идею о том, что надежная и хорошо функционирующая система управления кризисами будет черпать свой организационный потенциал из координации имеющихся ресурсов, а свою легитимность – из внимания к восприятию обществом функционирования этой системы [4. Р. 2]. Основной акцент авторы делают на исследовании организационной культуры в практике кризисного менеджмента, на рациональности в процессах принятия решений. Напротив, Грэхэм Дуайер в книге «Понимание стихийных бедствий. Изучая вакуум публичных расследований лесных пожаров» на примере анализа нарративов людей о пережитом опыте трагедии обращает внимание на значение эмоций в процессе «осмысления» (sense-making) людьми чрезвычайной ситуации. Проследившая с 1939 г. случаи лесных пожаров в штате Виктория в Австралии, Дуайер подчеркивает, что и пожарные, и пострадавшие часто просто не понимают того, что реально происходит, и совершают фатальные ошибки. Однако последующее публичное расследование практически полностью исключает эмоциональную составляющую из процесса анализа, сосредотачиваясь исключительно на рациональности и поиске виновных [5]. Все это ставит вопрос о ресурсах, на которые имеют возможность опереться сообщества в формировании устойчивости к стихийным бедствиям. К таким ресурсам относят социальный, экономический, человеческий и физический капитал. Под социальным капиталом имеется в виду добрососедство, социальная сплоченность, способность к эффективной коммуникации, общая идентичность, интересы, одним словом, близость людей по духу, единство морали и нравов, что формирует сообщество как единый организм [6. Р. 247–364]. Обладающие этим сообщества с большей вероятностью будут участвовать в оказании взаимной поддержки и демонстрировать сплоченное поведение. Экономический капитал относится к экономическим и финансовым условиям жизни сообщества, человеческий капитал означает наличие рабочей силы, уровень образования и здравоохранения, физический капитал есть способность инфраструктурных систем противостоять последствиям стихийных бедствий и надежно функционировать [7. Р. 36–38; 8. Р. 209]. Каждый из этих видов ресурсов существует в контексте общей системы формирования устойчивости, важен момент и принцип их сочетания. Политика формирования устойчивости зависит от

⁴ Strategic challenges for societal security Analysis of five future scenarios // Swedish Civil Contingencies Agency (MSB). Режим доступа: <https://www.msb.se/siteassets/dokument/publikationer/english-publications/strategic-challenges-for-societal-security.pdf> (дата обращения: 20.10.2024).

размеров ресурсов, от способности сообщества мобилизовать их, защитить их от угроз или от их потери. Фран Норрис, Сюзан Стивенс, Бетти Пфедфербаум, Карен Уайче, Роуз Пфедфербаум обращают внимание и на то, что устойчивость и способность сообществ мобилизовывать ресурсы ухудшаются под влиянием фактора постоянности угроз, например наводнений [9. Р. 127–150].

Для оптимального поиска ответа на поставленный ключевой вопрос мы используем метод кейсов. При этом мы реализуем описательный тип кейс-исследования, в идеографической матрице анализа, где исследование частного не менее важно, чем исследование общего [10]. Когда конкретные проблемы и действия описываются подробно и индивидуально, а не объединяются в широкие категории, у исследователя возникает больше возможностей найти важную информацию. В качестве зависимой переменной в исследовании взята политика социетальной безопасности Германии и Чехии по формированию устойчивости сообществ к рискам наводнений, в качестве независимой переменной рассмотрены ресурсы сообществ. Проведенное в статье описательное кейс-исследование отвечает на вопросы «что», «когда», «кто», «как» и указывает на вероятностные причины событий. Найденные и описанные в ходе анализа кейсов различия в политике обеспечения социетальной безопасности ФРГ и Чехии по формированию устойчивости к риску наводнений позволят понять причины расхождения этой политики.

Подходы ЕС к формированию устойчивости к риску стихийных бедствий

Согласно опросам общественного мнения в период с 2021 по 2024 гг. восприятие стихийных бедствий в ЕС значительно изменилось. По данным опроса, проведенного компанией Ipsos, в 2021 г. 39 % респондентов по всему миру считали, что в городах их стран вероятна крупная стихийная катастрофа, при этом европейские страны продемонстрировали разную степень обеспокоенности – Венгрия и Дания считали это маловероятным, а в Испании на 49 % вероятным⁵. К 2024 г. уровень беспокойства повысился: 70 % респондентов из 30 стран, включая страны-члены ЕС, считали, что крупное стихийное бедствие в их стране станет реальной угрозой в течение следующих 12 месяцев. В Германии тревожность по поводу стихийных бедствий выросла с 36 % в 2021 г. до 68 % в 2024 г., во Франции наблюдался аналогичный рост – 67 % респондентов выразили обеспокоенность в 2024 г.⁶ В Италии

⁵ Für wie wahrscheinlich halten Sie es, dass es zu einer großen Naturkatastrophe kommen wird, die Auswirkungen auf die Großstädte Ihres Landes haben wird? // Statista Research Department. Режим доступа: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1090443/umfrage/weltweite-umfrage-zur-wahrscheinlichkeit-von-naturkatastrophen/> (дата обращения: 20.10.2024).

⁶ Halten Sie den Ausbruch einer Naturkatastrophe im eigenen Land für eine reale Gefahr? Einschätzung der Befragten einer weltweiten Meinungsumfrage in 30 Ländern, 2024 // Statista

74 % граждан считали риски стихийных бедствий в 2024 г. вполне реальными⁷. Динамика восприятия европейцам проблематики природных катастроф в ЕС 2021–2024 гг. отражает уязвимость стран к различным стихийным бедствиям.

В ЕС с 2001 г. действует Европейский механизм гражданской защиты, связанный с предоставлением помощи странами ЕС друг другу или третьим странам в случае стихийных бедствий. По инициативе Европейской комиссии с 2013 г. регулярно принимаются рекомендации для стран-участников по созданию инструментов национальной оценки рисков и управления стихийными бедствиями [11]. ЕС оказывает содействие странам-членам ЕС, подписавшим Сендайскую программу. Кроме того, с 2001 г. Европейской комиссией реализуется Механизм гражданской защиты ЕС, за помощью к которому могут обращаться страны-члены ЕС, десять государств Северной и Юго-Восточной Европы, не входящие в ЕС, а также любые страны-члены ООН (например, в 2023–2024 гг. Механизм был использован для помощи Украине в ходе конфликта с Россией). С его помощью происходит обмен информацией, координация национальных органов по предотвращению природных катастроф, а также могут быть мобилизованы европейские поисковые, спасательные и медицинские службы. Также государства-члены ЕС могут выделять средства в специализированный Европейский пул гражданской защиты, являющийся финансовой основой Механизма гражданской защиты⁸.

В отношении наводнений на базе научной службы Европейской комиссии с 2002 г. действует Европейская система информирования о наводнениях (EFAS), в функции которой входит и их прогнозирование. В частности, на 2023 г. Европа стала регионом, широко охваченным предварительным информированием о наводнениях. Так, были спрогнозированы, в частности, наводнения в декабре 2023 г. в Германии⁹. При этом механизм остается несовершенным – на 2022 г. 49 % тревог, поднятых EFAS, были ложными¹⁰. При этом

Research Department. Режим доступа: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/972832/umfrage/weltweite-meinungsumfrage-zur-wahrscheinlichkeit-einer-naturkatastrophe-im-eigenen-land/> (дата обращения: 20.10.2024).

⁷ Natural disasters in Italy – statistics & facts // Statista Research Department. Режим доступа: <https://www.statista.com/topics/12126/natural-disasters-in-italy/#topicOverview> (дата обращения: 20.10.2024).

⁸ EU Civil Protection Mechanism // European Commission. Режим доступа: https://civil-protection-humanitarian-aid.ec.europa.eu/what/civil-protection/eu-civil-protection-mechanism_en#facts--figures (дата обращения: 20.10.2024).

⁹ Summary of EFAS Notifications in 2023 // Copernicus EMS – European Flood Awareness System). Режим доступа: https://european-flood.emergency.copernicus.eu/en/news/summary-efas-notifications-2023-copernicus-ems-european-flood-awareness-system?field_month_value=&field_year_value= (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁰ Feedback on EFAS notifications for 2022. Режим доступа: https://european-flood.emergency.copernicus.eu/en/news/feedback-efas-notifications-2022?field_month_value=&field_year_value= (дата обращения: 20.10.2024).

крупные наводнения в основном оказываются охвачены системой оповещения – они были зафиксированы практически во всех странах ЕС во время масштабных наводнений 2021 г.¹¹

В 2023 г. Европейская Комиссия одобрила Рекомендации для стран-членов для достижения цели устойчивости к риску стихийных бедствий. Рекомендации не являются источником права ЕС, потому что не связывают институты или государства какими-либо обязательствами¹². Они являются инструментом «мягкого» права, направленного на улучшение координации политик государств-членов по разным направлениям и оптимальную имплементацию общей политики ЕС. Рекомендации по достижению устойчивости включали в себя пять ключевых пунктов: *предвосхищение* – улучшение оценки риска, прогнозирования и планирования управления рисками стихийных бедствий; *подготовка* – повышение осведомленности о рисках и готовности населения; *оповещение* – улучшение раннего оповещения о стихийных бедствиях; *реагирование* – повышение потенциала реагирования Механизма гражданской защиты ЕС; *обеспечение* надежной Системы гражданской защиты¹³. Через механизм Координационного центра реагирования на чрезвычайные ситуации (ERCC) наднациональные органы ЕС отвечают за предоставление финансовой помощи странам, пострадавшим от стихийных бедствий [12. Р. 1319]. Однако основные механизмы регулирования и предотвращения последних относятся к ведению национальных государств.

Кейс кризисного менеджмента наводнений в Чехии в 2021 и 2024 гг.

Чешская Республика была затронута наводнением в июне – июле 2021 г., в ходе которого из-за разливов рек часть населенных пунктов (дороги, здания) в центральном и южном районе Чехии были подтоплены, и до 45 000 жителей остались без электричества¹⁴. Кроме того, она была затронута наводнениями

¹¹ Widespread European flooding, July 2021. Режим доступа: <https://european-flood-emergency.copernicus.eu/en/news/widespread-european-flooding-july-2021> (дата обращения: 20.10.2024).

¹² Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. Part Six – Institutional and Financial Provisions. Title 1 – Institutional Provisions. Chapter 2 – Legal Acts of the Union, Adoption Procedures and Other Provisions. Section 1 – the Legal Acts of the Union Article 288 (ex Article 249 TEC). Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/tfeu_2012/art_288/oj/eng (дата обращения: 20.10.2024).

¹³ Commission Recommendation of 8 February 2023 on Union disaster resilience goals 2023/C 56/01. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32023H0215%2801%29> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁴ Noční bouřky zvedly hladiny řek na desítky míst. Ochromily i dodávky elektřiny // Aktuálně.cz, 24.6.2021. Режим доступа: <https://zpravy.aktualne.cz/domaci/bourky-v-noci-zvedly-hladiny-mensich-toku-na-desitce-mist-v/r~ff1a79f8d4a211ebad06ac1f6b220ee8/> (дата обращения: 20.10.2024).

в 2024 г., в ходе которого погибли 5 человек и 8 пропало без вести¹⁵. На сегодняшний день эти наводнения являются крупнейшими в истории 2020-х гг. в Чехии, что и обуславливает выбор данных кейсов.

Политика Чехии в области предупреждения и борьбы с последствиями природных катастроф в основном реализуется Министерством окружающей среды, Министерством внутренних дел и иными подконтрольными им ведомствами, в функции которых также входит оценка рисков природных катастроф, а также иными министерствами в случае оказания дополнительных мер поддержки различным отраслям, например, сельскому хозяйству. Значительную роль также играют местные власти. Что касается непосредственно кризисного менеджмента в момент происшествий и его финансового обеспечения, Министерство внутренних дел как орган, которому непосредственно подчиняется пожарно-спасательная служба, используемая в борьбе с последствиями наводнений, является одним из наиболее финансируемых органов. Так, в 2021 г. ее бюджет составил 85 897 млн чешских крон (приблизительно 3 436 млн евро по курсу 2021 г.). Бюджет Министерства окружающей среды был значительно меньше и составил лишь 11 350 млн чешских крон (около 454 млн евро)¹⁶. Хотя именно его часть – Чешский гидрометеорологический институт реализует систему предупреждения наводнений (в 2021–2022 гг. 82 % уведомлений о приближающихся наводнениях и паводках были успешными)¹⁷.

Однако для населения Чехии вопросы наводнений все же не являются экзистенциальной угрозой, даже в период их наибольшей опасности, как в случае кейса наводнений 2021 г. О восприятии природных катастроф в качестве угрозы безопасности в 2021 г. заявили лишь 34 %, в 2019 – 36 % чехов, опрошенных Центром изучения общественного мнения Академии наук ЧР). То есть даже если угроза не воспринимается экзистенциальной со стороны населения, потенциальность ее становления таковой в случае реальной опасности и происшествий, вероятно, оказывает влияние на формирование независимой политики борьбы с природными катастрофами¹⁸.

Что касается реализации политики кризисного менеджмента в 2021 г. непосредственно в затронутых регионах, в основном она реализовывалась на

¹⁵ Povodně v Česku už mají pátou oběť, řekl Rakušan. Stále se ale pohřešuje osm lidí | iROZHLAS – spolehlivé zprávy. Режим доступа: https://www.irozhlas.cz/zpravy-domov/online-povodne-v-cesku-uz-maji-patou-obet-rekl-rakusan-stale-se-ale-pohresuje_2409182213_jar (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁶ Státní rozpočet v kostce. Ministertvo finance CZ. Режим доступа: https://www.mfcr.cz/assets/cs/media/Informacni-letak_2021_Statni-rozpocet-v-kostce_v01.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁷ Úspěšnost předpovědních povodňových výstrah v letech 2021 a 2022. Český hydrometeorologický ústav. Режим доступа: <https://www.chmi.cz/informace-a-sluzby/tiskove-zpravy/2021> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁸ Veřejnost o svých obavách z různých hrozeb a o očekáváních do budoucna – listopad/prosinec 2021. Р. 6. Режим доступа: https://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c2/a5503/f9/ov220204.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

локальном уровне. Так, основные действия – эвакуация, спасения жителей затопленных строений, были выполнены пожарно-спасательными подразделениями на уровне регионов Северной Чехии¹⁹. На уровне государства можно отметить вовлечение непрофильного кризисным ситуациям подразделения – Центр по трудоустройству (подконтролен Министерству труда и социального обеспечения) был готов на уровне местных центров предоставлять компенсации гражданам, наиболее пострадавшим от наводнения²⁰. При этом Чехия в 2021 г. не обращалась к ЕС, несмотря на наличие таких возможностей.

В 2024 г. ситуация была более сложной. Были затронуты практически все регионы страны. В 55-ти измерительных точках были побиты 100-летние рекорды по уровню воды, в 110 населенных пунктах в пик наводнения действовал максимальный уровень угрозы²¹. Основная помощь и эвакуация также реализовывалась на уровне регионов – местных исполнительных властей и пожарно-спасательных служб. Однако на уровне дискурса в данном случае вовлекались и федеральные власти, в частности премьер-министр П. Фиала и министр внутренних дел В. Ракушан призывали граждан следовать указаниям о необходимости эвакуации²².

Для ликвидации последствий наводнения также была привлечена армия, что, на наш взгляд, указывает на недостаточность человеческого и финансового капитала пожарно-спасательной службы. Прежде всего, она использовалась для возведения временных сооружений – например, мостов (для чего также привлекался и бизнес – оборонная компания Excalibur Army)²³.

Для восстановления недвижимости и помощи пострадавшим регионам также были мобилизованы дополнительные средства, что также указывает на нерасчитанность изначального экономического капитала Чехии (особенно на местном уровне) для подобных масштабов происшествия. В частности, в планы по финансовому восстановлению были вовлечены Министерство финансов, Министерство местного развития, а также Фонд солидарности ЕС, с помощью которых планы по восстановлению были созданы в течение осени

¹⁹ Bleskové povodně na severu Čech. Místní sčítají škody, poškozené jsou silnice i mosty. 18.06.2021. Режим доступа: <https://www.c15.cz/domaci/bleskove-povodne-na-severu-zech-mistni-scitaji-skody-poskozene-jsou-silnice-i-mosty-1382206> (дата обращения: 20.10.2024).

²⁰ Lidé, které postihly povodně, mohou žádat nově o mimořádnou dávku // iDnes. 19. července 2021. Режим доступа: https://www.idnes.cz/zpravy/domaci/mimoradna-davka-bleskova-povoden-sever-zech.A210719_103518_domaci_lisv (дата обращения: 20.10.2024).

²¹ Česko druhým dnem sužují povodně, evakuováno bylo přes 10.000 lidí // České noviny. 15.09.2024. Режим доступа: <https://www.ceskenoviny.cz/zpravy/cesko-druhym-dnem-suzuji-povodne-evakuovano-bylo-pres-10000-lidi/2568042> (дата обращения: 20.10.2024).

²² Česko druhým dnem sužují povodně, evakuováno bylo přes 10.000 lidí // České noviny. 15.09.2024. Режим доступа: <https://www.ceskenoviny.cz/zpravy/cesko-druhym-dnem-suzuji-povodne-evakuovano-bylo-pres-10000-lidi/2568042> (дата обращения: 20.10.2024).

²³ Provizorní most ve zpusťované České Vsi stavěli vojáci i zbrojovka. Podívejte se. // iDnes. 27. září 2024. Режим доступа: https://www.idnes.cz/olomouc/zpravy/ceska-ves-povodne-zaplavy-provizorni-most-excalibur-army.A240927_105847_olomouc-zpravy_stk (дата обращения: 20.10.2024).

2024 г.²⁴ Для местного самоуправления и восстановления инфраструктуры программа Zivel Министерства местного развития предусматривала предоставление муниципалитетам 5 млрд крон²⁵. Кроме того, выплачивалась чрезвычайная немедленная помощь (не менее 500 млн чешских крон), списание за просроченные подачи информации о налогах, повлекшей штрафы, помощь малому и среднему бизнесу от Национального банка развития, помощь компаниям по выплате заработной платы, помощь по обновлению водопроводной инфраструктуры для муниципалитетов. Также был введен механизм передачи средств для помощи домохозяйствам через Государственный экологический фонд (подчинено Министерству окружающей среды). Основным последствием можно назвать принятие нового Закона о чрезвычайной поддержке людей, пострадавших от наводнений в 2024 г., уточняющего адресную помощь домохозяйствам. Дополнительные дотации были одобрены Министерству сельского хозяйства и выделены для спортивных объектов²⁶. Для всех этих финансовых нужд широко привлекался Фонд солидарности ЕС.

В целом, в 2024 г. политика кризисного менеджмента была более расширенной и включала в себя различные механизмы, в том числе – обращение к различным источникам человеческого, социального и финансового капитала, а также обращение к ЕС. В основном в 2024 г. борьба с последствиями реализовывалась на уровне центрального правительства, а не оставалась исключительно в ведомстве муниципалитетов.

На наш взгляд, это связано с разницей в масштабах наводнений – в 2021 г. наиболее сильно наводнением были затронуты только Либерецкий и Устецкий края, тогда как в 2024 г. – практически все регионы страны, причем в большем масштабе. Кроме того, ущерб наводнений в обоих случаях был различен. Однако одной из причин мотивации федеральных властей в сравнении с 2021 г. может быть и большая вовлеченность правящей коалиции Spolu (Гражданская демократическая партия (ODS), TOP 09, KDU-ČSL) в экологическую повестку, к которой относятся и чрезвычайные ситуации, в сравнении с правительством А. Бабиша и партии «ANO», завершавшей свой срок в 2021 г.

Кейс кризисного менеджмента наводнений в Германии в 2021–2024 гг.

В отличие от Чехии у Германии больше ресурсов для предупреждения угрозы наводнений и ликвидации их последствий. К тому же в 2013 г. страна

²⁴ Podpora a obnova majetku samospráv po povodních. Ministertvo finance CZ. Режим доступа: <https://www.mfcr.cz/cs/ministerstvo/media/povodne-2024/podpora-a-obnova-majetku-samosprav-po-povodnich> (дата обращения: 20.10.2024).

²⁵ Ministerstvo pro místní rozvoj ČR – Přehled dotačních programů MMR – ŽIVEL – Povodně 2024. Режим доступа: <https://mmr.gov.cz/cs/ministerstvo/povodne-2024/prehled-dotacnich-programu-mmr-zivel-povodne-2024> (дата обращения: 20.10.2024).

²⁶ Mediální výstupy MF a další související informace k povodním 2024. Режим доступа: <https://www.mfcr.cz/cs/ministerstvo/media/povodne-2024> (дата обращения: 20.10.2024).

пережила серьезное наводнение, которое унесло жизни 14 человек, более сотни пострадали, а убытки оценивались в общей сложности в пределах 9 миллиардов евро. Это дало возможность [13] федеральному правительству, как и земельным, надеяться, что полученный опыт борьбы со стихийным бедствием подготовил сообщества к появлению новых катаклизмов, к минимизации разрушений и потерь.

В июле 2021 года южные земли Германии ушли под воду в результате многочасовых осадков, из-за которых из берегов вышли реки, в том числе и горные. Наводнение оказалось еще сильнее, чем было в 2013 г., 183 человека погибли, более 800 были ранены, а убытки оценивались уже в 40 миллиардов евро²⁷. Последствия катастрофы восстанавливали в течение нескольких месяцев. Традиционно в Германии обязанность противостоять стихийным бедствиям лежит на местных властях, которые обеспечивают информированность населения, организуют эвакуацию, следят за состоянием систем предупреждения катастроф и координируют предотвращение распространения стихийных бедствий и ликвидацию их последствий [1. Р. 30–31]. Федеральные власти обеспечивают поддержку, координацию действий в случае, если катастрофа превращается в общенациональную, и, если местные власти не справляются с бедствием. В 2021 г. этого так и случилось. Несмотря на то, что о дождях сообщалось заранее, реки вышли из берегов быстрее, чем были приняты какие-то меры. Критики также отмечали, что на местном уровне отсутствовало дополнительное оповещение о возможной опасности.

Ликвидацией последствий катастрофы занимались как местные спасательные службы, пожарные, так и полиция, НКО и армия (Бундесвер привлек к ликвидации не только военных и вертолеты, но даже спутники для отслеживания уровня воды, потенциальных осадков и масштабов разлива рек). При этом федеральное правительство параллельно с местным начало мобилизовать помощь в первые дни катастрофы. Пострадавшими областями оказались практически те же, что и в 2013 г. – Бавария, Северный Рейн-Вестфалия, Райнланд-Пфальц и Саксония²⁸. Спустя две недели после начала трагедии федеральное правительство выделило 400 миллионов евро на экстренные нужды, а потом еще 30 миллиардов на восстановление после наводнения, распределенные в соответствии с тем, насколько сильно земли пострадали от наводнений.

²⁷ Zwischenbericht zur Flutkatastrophe 2021: Katastrophenhilfe, Soforthilfen und Wiederaufbau // Bundesministeriums des Innern, für Bau und Heimat. Режим доступа: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/974430/1963706/613b934d3f359a5118df16755e9e527c/2021-09-27-zwischenbericht-hochwasser-data.pdf?download=1> (дата обращения: 20.10.2024).

²⁸ Zwischenbericht zur Flutkatastrophe 2021: Katastrophenhilfe, Soforthilfen und Wiederaufbau // Bundesministeriums des Innern, für Bau und Heimat. Режим доступа: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/974430/1963706/613b934d3f359a5118df16755e9e527c/2021-09-27-zwischenbericht-hochwasser-data.pdf?download=1> (дата обращения: 20.10.2024).

В результате наводнения началось серьезное обсуждение проблем оповещения о надвигающихся катастрофах, а также адаптации существующих мер по противодействию наводнениям к изменению климата, географическим особенностям населенных пунктов, а кроме того – модернизации сточных каналов. Критики требовали больше полномочий со стороны федерального правительства, их оппоненты утверждали, что к наводнению такого уровня подготовиться просто невозможно. Систему оповещения согласились модернизировать, тем более что часть инфраструктуры не обновлялась с 1990-х гг.²⁹

В целом кризис-менеджмент наводнения 2021 г. проходил достаточно неплохо, если не учитывать новый контекст, связанный с пандемией COVID-19, из-за которой отношение граждан к власти было весьма критическим. У людей создавалось ощущение, что после наводнения 2013 г. ничего не изменилось, а проблемы с оповещением создали дополнительные волнения среди населения. Накал ситуации произошел во время печального известного инцидента с кандидатом в пост канцлера на выборах 2021 г. от Христианско-Демократического союза Армином Лашетом, который был пойман на камеру смеющимся во время посещения затопленных участков и пресс-конференции по этому поводу³⁰. Несмотря на извинения, Лашет не смог преодолеть репутационные потери, и его партия проиграла выборы, не войдя в новое федеральное правительство. Такое отношение властей только усилило критику правительства со стороны населения, которое требовало более серьезного отношения к обеспечению его безопасности.

В рождественские праздники 2023 г. ситуация повторилась, но уже как на юге Германии, так и на севере – на этот раз в Нижней Саксонии, Тюрингии, Саксонии, Саксонии-Ангальт, Северный Рейн-Вестфалии, а также в Гамбурге и Бремене. Убытки в этот раз оценивались в миллионы евро, а среди погибших числился один человек. Федеральные земли снова не смогли справиться с кризисом самостоятельно, запрашивая в том числе помощь армии³¹. Начали всплывать неразрешенные проблемы – системы оповещения по-прежнему не всегда работали, укрепления и дамбы не модернизировались, а регионы снова демонстрировали неспособность противостоять стихии, пусть даже и в меньших масштабах. Еще одной проблемой оказалось недостаточное финансирование регионов и отсутствие средств на эффективную модернизацию систем

²⁹ Hat der Katastrophenschutz versagt? // Tagesschau. 19.07.2021. Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/inland/unwetter-katastrophenschutz-kritik-101.html> (дата обращения: 20.10.2024).

³⁰ Die Wende im Wahlkampf: Warum Laschet im Flutgebiet lachte // RedaktionsNetzwerk Deutschlands. 31.12.2021. Режим доступа: <https://www.rnd.de/politik/laschet-lacht-was-war-der-grund-ursache-jetzt-bekannt-6UH7ZXKDO5FCBNGGIOAJALFBW1.html> (дата обращения: 20.10.2024).

³¹ Keine Entwarnung – stattdessen mehr Regen // Tagesschau. 29.12.2023. Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/inland/gesellschaft/hochwasser-deutschland-keine-entwarnung-100.html> (дата обращения: 20.10.2024).

предупреждения и предотвращения катастроф³². А бюрократические проволочки мешали быстро подготовиться к кризисам и затягивали процесс приобретения необходимого оборудования и строительства укреплений³³. В результате среди населения растет недовольство, оно не чувствует себя защищенным ни к социальному, ни и в социетальном смысле³⁴.

Подходы к кризис-менеджменту в 2021 и 2023–2024 гг. продемонстрировали ряд тенденций. С одной стороны, наблюдается совершенствование системы предотвращения наводнений и устранения их последствий. С другой стороны, решение проблемных моментов часто носит точечный характер, и вмешательства федерального правительства не происходит в тех масштабах, которые могли бы решить проблемы. Основная масса забот лежит на муниципальных властях, часто ограниченных ресурсами, бюрократией и нередко не имеющими долгосрочных дорожных карт для решения серьезных проблем, в то время как со стороны федерального правительства кроме выделения средств на восстановление мало что исходит. В итоге проблемы борьбы с наводнениями 2021 и 2023–2024 гг. практически идентичны.

Заключение

В результате проведенного исследования с помощью сопоставления политики кризисного менеджмента двух стран нами были получены следующие результаты. Общим и повторяющимся сюжетом была уязвимость сообществ перед лицом наводнений, калькуляция ресурсов для формирования устойчивости сообществ. Но само по себе наличие ресурсов, даже их совокупный портфель (который у Германии относительно больше) не может обеспечить безопасность и устойчивость сообществ. Необходима мобилизация ресурсов, то есть их преобразование в дополнительные возможности в кризисном менеджменте, и далее трансформация таких возможностей в конкретные инструменты политики, тот есть эксплуатации ресурсов.

Ключевое различие в политике обеспечения социетальной безопасности ФРГ и Чехии в ходе борьбы с наводнениями в 2021–2024 гг., найденное и описанное в ходе анализа кейсов, заключается, на наш взгляд, в балансе стратегий мобилизации и эксплуатации ресурсов. Именно в этом мы видим вероятностные причины расхождения в политике обеспечения социетальной безопасности ФРГ и Чехии по формированию устойчивости к риску

³² Keine Entwarnung – stattdessen mehr Regen // Tagesschau. 29.12.2023. Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/inland/gesellschaft/hochwasser-deutschland-keine-entwarnung-100.html> (дата обращения: 20.10.2024).

³³ Ein Jahr nach der Flut: Zwischen Wiederaufbau und Wut // MDR. 24.12.2024. Режим доступа: <https://www.mdr.de/nachrichten/thueringen/nord-thueringen/nordhausen/hochwasser-windehausen-deich-flut-schutz-100.html> (дата обращения: 20.10.2024).

³⁴ Kritik an Politik: Hochwasserschutz nicht ausreichend // Landtag von Baden-Württemberg. 06.06.2024. Режим доступа: <https://www.landtag-bw.de/de/aktuelles/dpa-nachrichten/kritik-an-politik-hochwasserschutz-nicht-ausreichend-397316> (дата обращения: 20.10.2024).

наводнений. Оба государства одновременно реализуют стратегии мобилизации и эксплуатации, но баланс между двумя полюсами варьируется в зависимости от особенностей и ограничений, характерных для каждого государства. Чехия, для которой наводнения не являются экзистенциальной угрозой, а их частота и интенсивность ниже, чем в Германии, сосредоточила свои усилия на стратегии мобилизации. Но стимулируя мобилизацию ресурсов, в том числе используя Фонд солидарности ЕС и применяя «Закон о чрезвычайной поддержке людей, пострадавших от наводнений», Чехия ограничила возможности введения таких инструментов, как информирование о ролях и обязанностях сообществ в чрезвычайных ситуациях, при том, что социальный капитал у нее оказался даже больше, чем у Германии.

Для немцев наводнения – угроза вполне экзистенциальная. Поэтому страна сосредоточила большую часть своих усилий на стратегиях эксплуатации ресурсов, на совершенствовании системы предотвращения наводнений, но при этом она не смогла в полной мере мобилизовать имеющиеся ресурсы, тем более привлечь новые. В результате возник кризис доверия граждан к государственным институтам, был нанесен ущерб их легитимности.

Однако как найти баланс между указанными стратегиями управления ресурсами, пока неясно. Как минимум необходимо найти компромисс между административными уровнями, от местного до наднационального, нарастить их организационный потенциал, уделяя особое внимание координации ресурсов. Таким способом можно улучшить управление кризисами и состояние социетальной безопасности в целом. А пока остаются обоснованные причины для скептицизма в отношении формирования устойчивости к наводнениям в среднесрочной перспективе для обеих рассмотренных нами стран.

Список литературы / References

- [1] Rys V. *Reinventing social security worldwide: Back to essentials*. Policy Press; 2010. DOI: 10.56687/9781847426420
- [2] Гласер М.А., Ивлев В.Ю., Новик Н.Н. Дискурсы биополитики и безопасности человека в условиях новых вызовов и угроз человечеству // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 42–52. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-42-52 EDN: CPRBZV
Glaser MA, Ivlev VU, Novik NN. Discourses of biopolitics and human security amid new challenges to mankind. *Voprosy Filosofii*. 2021;(2):42–52. (In Russian). DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-42-52 EDN: CPRBZV
- [3] Roe P. *Ethnic violence and the societal security dilemma*. Routledge; 2004. DOI: 10.4324/9780203005446
- [4] Lægreid P, Rykkja LH, editors. *Societal Security and Crisis Management: Governance Capacity and Legitimacy*. Springer; 2018.
- [5] Dwyer G. *Making Sense of Natural Disasters. The Learning Vacuum of Bushfire Public Inquiries*. Palgrave Macmillan Cham; 2022. DOI: 10.1007/978-3-030-94778-1
- [6] Adger WN. Social and ecological resilience: are they related? *Progress at Human Geography*. 2000;24(3):247–364. DOI: 10.1191/030913200701540465 EDN: JTPISP
- [7] Masterson JH, Peacock WG, Van Zandt SS, Grover H, Schwarz LF, Cooper JT. *Planning for Community Resilience: A Handbook for Reducing Vulnerability to Disasters*. Washington, DC: Island Press; 2014.

- [8] Foster CS. Achieving a Culture of Disaster Resilience. In: Siedschlag A, Jerković A, editors. *Homeland Security Cultures Enhancing Values while Fostering Resilience*. Rowman & Littlefield International Ltd. London-N.Y; 2018.
- [9] Norris F, Stevens S, Pfefferbaum V, Whyche K, Pfefferbaum R. Community resilience as a metaphor, theory, set of capacities and strategy for disaster readiness. *American Journal of Community Psychology*. 2008;41(1–2):127–150. DOI: 10.1007/s10464-007-9156-6 EDN: YAATUV
- [10] Gerring J. *Case Study Research: Principles and Practices*. 2nd ed. Cambridge University Press; 2017. DOI: 10.1017/9781316848593
- [11] Poljansek K, et al. *Recommendations for National Risk Assessment for Disaster Risk Management in EU*. JRC science for policy report. European Commission; 2021.
- [12] Parker CF, Persson T, Widmalm S. The effectiveness of national and EU-level civil protection systems: Evidence from 17 member states. *Journal of European Public Policy*. 2019;26(9):1312–1334. DOI: 10.1080/13501763.2018.1523219
- [13] Thieken AH, et al. Review of the Flood Risk Management System in Germany after the Major Flood in 2013. *Ecology and Society*. 2016;21(2):51. DOI: 10.5751/ES-08547-210251

Сведения об авторах:

Гласер Марина Алексеевна – доктор философских наук, профессор департамента международных отношений, факультет мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17. ORCID: 0000-0002-7069-4779. SPIN-код: 8048-2073. E-mail: mglaser@hse.ru

Гацковская Варвара Александровна – младший научный сотрудник научно-учебной лаборатории политической географии и современной геополитики, факультет мировой экономики и мировой политики департамента международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17. ORCID: 0000-0002-8536-3542. SPIN-код: 9391-1680. E-mail: gatskovskaya10@yandex.ru

Поляченков Антон Вадимович – кандидат политических наук, приглашенный преподаватель департамента международных отношений, факультет мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17. ORCID: 0000-0001-5690-5835. E-mail: tony.fielding@yandex.ru

About the authors:

Glaser Marina A. – DSc in Philosophy, Professor of the Department of International Relations, Faculty of World Economy and World Politics, National Research University “Higher School of Economics” – “HSE”, 17 M. Ordynka St., Moscow, 119017, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7069-4779. SPIN-code: 8048-2073. E-mail: mglaser@hse.ru

Gatskovskaya Varvara A. – Junior Researcher of the Laboratory for Political Geography and Contemporary Geopolitics, Faculty of World Economy and World Politics, National Research University “Higher School of Economics” – “HSE”, 17 M. Ordynka St., Moscow, 119017, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8536-3542. SPIN-code: 9391-1680. E-mail: gatskovskaya10@yandex.ru

Poliachenkov Anton V. – Candidate of Political Sciences, Visiting Lecturer of the Department of International Relations, Faculty of World Economy and World Politics, National Research University “Higher School of Economics” – “HSE”, 17 M. Ordynka St., Moscow, 119017, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5690-5835. E-mail: tony.fielding@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-353-362>

EDN: QMUROB

Research Article / Научная статья

Security Needs as a Fundamental Factor of the State Origin

Ivan S. Golubev^{1,2} , Jielin Zhao¹

¹*RUDN University, Moscow, Russia*

²*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

 golubev_is@pfur.ru

Abstract. This study examines the role and impact of human needs and interests on the emergence of the state. Considering the ever-increasing fragmentation of contemporary social cognition, it notes that the analysis of this relationship in modern social science is hampered by the wide range of related data from psychological, legal, political and other sciences. The state of research in the field of human needs and interests is also analysed, and the lack of systematically developed ideas revealing the peculiarities of these phenomena in the contemporary social theory is pointed out. Based on the typology of needs developed by Karen Kh. Momdzhyan, the author shows that the biosocial security needs are one of the most important factors in the emergence of statehood. It is demonstrated that the goal of achieving personal security is largely dependent on the level of social security, and the latter is now mainly provided by the state. Special attention is paid to the problem of subjective characteristics and qualities of human groups, including society and the state; the philosophical foundations of methodological collectivism, which insists that the needs and interests of individuals are directly determined by their social groups, are analysed. Adhering to the position of moderate methodological individualism, the authors problematise the scientific nature of such discourse, pointing to the actual absence of such needs and interests in human groups that would go beyond the needs and interests of the people who form them. The study also examines the conflict paradigm of social interaction, analysing the idea of a ‘conflict of interest’ between an individual and the state or society. The authors conclude that there is a stable relationship between the satisfaction of one’s needs and the realisation of one’s interests and the origin of the state.

Keywords: social theory, social security, origin of the state, fragmentation of social cognition, social causality, human needs, collective security, conflict of interests, social interactions

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding of Sources. Ivan S. Golubev’s part of the research have been prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00440 “Analysis of social causality and invariants of social development as a method of overcoming the fragmentation of socio-philosophical knowledge”.

© Golubev I.S., Zhao Jielin, 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Contribution of authors. All the authors contributed equally to the conception, preparation and writing of the manuscript.

Article history:

The article was submitted on 15.12.2024

The article was accepted on 07.03.2025

For citation: Golubev IS, Zhao Jieli. Security Needs as a Fundamental Factor of the State Origin. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):353–362. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-353-362>

Потребность в безопасности как фундаментальный фактор возникновения государственности

И.С. Голубев^{1,2} , Цзелинь Чжао¹

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
golubev_is@pfur.ru

Аннотация. В исследовании рассматривается влияние потребностей и интересов человека на возникновение государства как особой формы социально-политической организации совместной жизни людей. Отмечается, что анализ данной проблематики, принимая во внимание все более возрастающую дефрагментацию современного социального познания, затрудняется наличием большого массива малосвязанных между собой данных психологической, юридической, политологической и других наук. Также рассматривается состояние исследований в области потребностей и интересов человека, указывается на отсутствие в современной социальной теории систематически разработанных представлений, раскрывающих специфику данных феноменов. Опираясь на типологию потребностей, разработанную К.Х. Момджяном, автор показывает, что биосоциальная потребность в безопасности относится к числу важнейших факторов возникновения государственности. Обосновывается, что достижение личной безопасности в значительной степени зависит от уровня безопасности в обществе, а последняя, в современных условиях обеспечивается, главным образом, государством. Особое внимание в исследовании уделяется проблеме субъектных свойств и качеств человеческих коллективов, в том числе общества и государства, в связи с чем анализируются философские основания методологического коллективизма, сторонники которого настаивают на том, что потребности и интересы индивидов напрямую определяются принадлежностью последних к тому или иному коллективу. Придерживаясь позиции умеренного методологического индивидуализма, авторы проблематизируют научность подобного дискурса, указывая на фактическое отсутствие у человеческих коллективов таких потребностей и интересов, которые бы выходили за рамки потребностей и интересов образующих их людей. В оптике взаимодействия человека, общества и государства в исследовании также рассматривается конфликтная парадигма анализа социального взаимодействия, согласно которой, считается возможным существование «конфликта интересов» между индивидом и этими формами социально-политической организации. В заключение делается вывод о существовании устойчивой взаимосвязи между необходимостью удовлетворения потребностей и реализацией интересов индивидов,

и возникновением государства как особой, присущей наиболее развитым обществам формы социально-политической организации совместной жизни людей.

Ключевые слова: социальная теория, социальная безопасность, происхождение государства, фрагментация социального познания, социальная каузальность, потребности, коллективная безопасность, конфликт интересов, социальные взаимодействия

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Часть статьи, выполненная И.С. Голубевым, подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00440 «Анализ социальной каузальности и инвариантов общественного развития как метод преодоления фрагментации социально-философского познания».

Вклад авторов. Все авторы внесли равный вклад в концепцию, подготовку и написание текста.

История статьи:

Статья поступила 15.12.2024

Статья принята к публикации 07.03.2025

Для цитирования: *Golubev I.S., Zhao Jielin. Security Needs as a Fundamental Factor of the State Origin // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 353–362. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-353-362>*

Introduction

The study of the basic principles of interaction between the individual, society and the state, in relation to the needs and interests of the individual, can be considered one of the most important theoretical and practical issues in modern social knowledge. Therefore, it is natural that today, in the era of global socio-cultural transformations, political and economic instability, increased attention is being paid by researchers to such a crucial aspect of this interaction as ensuring personal, public and, last but not least, national security. This topic is actively studied by contemporary Russian political scientists, lawyers and economists [1]. In Western countries, a special field of security studies has even emerged, bringing together representatives of various disciplines [2]. However, the plurality of opinions, approaches and concepts in a given field of scientific knowledge does not always have a positive influence on its further development. The natural consequence of the existing “polyphony of views” in security studies seems to be a cacophony of different disciplines, which in turn leads to a situation in which the results obtained often remain “unheard” and unclaimed. For example, the vast empirical psychological material on human needs and interests is often not applied to the analysis of the principles of interaction between the individual, society and the state in modern state-building studies. Leading political anthropologists are usually not inclined to consider the “need-based” factor as a significant factor in the analysis of the foundations of statehood [3]. It should also be noted that the so-called “psychological” theory of state formation, developed by L.I. Petrazhitsky, G. Tarde and Z. Freud [4. P. 21–22], today arouses significant interest only among

legal historians, mainly because of the well-known gap between the most popular and well-founded views in psychology of the late 19th century and the understanding of human needs in contemporary psychology. Finally, these results are not usually applied in political psychology, which is mainly concerned with various ideal-typical forms of “political behaviour” of individuals (electoral behaviour, characteristics of the behaviour of political leaders, etc.), which in turn brings it closer to ethology and accordingly distances it from political science and political anthropology. In view of all these circumstances, the use of the best-known concepts of needs and interests in modern social science seems more than justified when analysing the specifics of the interaction between the individual, society and the state. It seems that this approach can help to identify specific mechanisms that link the processes of satisfying individual needs with the emergence of the state.

Human Needs and Interests as a Subject of Analysis in Contemporary Social Science

The consideration of human needs as a crucial factor in the constitution of various forms of social interaction is now mainly carried out in psychology. Perhaps the best-known typology of human needs (the “pyramid”, also known as the “hierarchy theory”), which has largely determined the direction of further scientific research in this area, was developed by the famous American psychologist Abraham Maslow. The key thesis of his approach was that the scientific analysis of an individual’s subjective motivational preferences, which determine his or her social activity, should be “the study of motivation must be, in part, the study of ultimate human goals or desires or needs” [5. P. 22].

At the same time, it should be noted that despite the widespread scientific recognition and success of various psychological theories of needs, even the most thoroughly developed of them often fundamentally avoid addressing the key question of what a need actually is. It is telling that even A. Maslow’s now classic theory of needs has been described by the contemporary Russian psychologist E.P. Ilyin as the kind of theory that is “not very precise in its use of scientific concepts”. For example, in one case in his book the need appears as a goal, in another as an urge, and in a third as a state” [6. P. 393]. Such widespread non-terminological use of the concept of “need” as something that, if not self-evident, at least does not require a rigorous, logically refined definition and special conceptual-theoretical justification, has led to a situation that the Russian researcher K.Kh. Momdzhyan describes as “lack of unity in understanding a number of the most important issues concerning the place and role of needs in human activity”, resulting in “the absence of a single, logically consistent typology of human needs” [7. P. 5]. A similar situation arises with the definition of the concept of “interest”, the meaning of which varies from discipline to discipline. In economics, for example, the interests of an individual are usually understood as the aspirations realised in one’s activities, aimed at obtaining income and therefore often

interfering with one's social ties and even leading to their dissolution. Psychology, on the other hand, emphasises the social, communicative nature of interests.

The lack of conceptual consensus in understanding the nature of human needs and interests and their interrelationship among representatives of various sciences, and even among psychologists, seems to indicate the necessity of using philosophical analysis. In this regard, special attention should be paid to one of the most complete and developed typologies of human needs in Russian social science, proposed by K.Kh. Momdzhyan. In his approach, "human need is considered as an objectively real property of a social subject, distinguished, on the one hand, from its mental projections (sensations, urges and desires generated by the need in the human psyche) and, on the other hand, from the objects satisfying it, which act as the object of the need" [8. P. 31]. The concept of interest, in turn, is defined by him as "the extra-psychic property of a social subject to need what is necessary for the creation, maintenance and use of the object of need" [8. P. 31]. As for the direct differences between needs and interests, according to K.Kh. Momdzhyan, they are manifested first of all according to the principle of the relation to the individual's needs as the poles of the "ends-means" disposition. He writes that "most human actions are directly related to interests rather than to needs (although the need, which gives rise to interest as a means of its satisfaction, is latently contained in it and remains the primary cause of social actions)" [7. P. 9]. We share this understanding of needs and interests and consider it to be the most conceptually and theoretically grounded in contemporary social science. From the perspective of our research, the crucial point is the assertion that it is precisely need that "generates interest" and "remains the primary cause of social action", leading, among other things, to the emergence of statehood.

The Pursuit of Security as a Fundamental Biosocial Human Need

Accordingly, the subject of scientific analysis capable of identifying the real patterns of interaction between the individual, society and the state should be the individual's needs and interests, and above all the vital biosocial human need for security¹. These needs largely determine a person's social identity, and their satisfaction is inextricably linked to the preservation of the fact and quality of life of individuals and human groups. It is precisely the biosocial need for security, as noted by K.Kh. Momdzhyan, that "implies protection not only from lethal threats but also from dangers directed at the quality of life (health, property, social status, dignity, self-respect, etc.)" [8. P. 33], and its satisfaction makes possible the private and public life of individuals.

¹ In contemporary studies, the terms "security needs" and "safety needs" are often used interchangeably, though they sometime differ in meaning. For example, A. Mylingova, in the preface to her specialized work *Safety and Security Risks Theory* [9], uses them as synonyms; other authors point to the possibility and even necessity of their conceptual-theoretical distinction. For more on this, see: [10. P. 238–239].

In this respect, it is crucial to note that security needs, which arise for quite obvious purely biological reasons, are at the same time the basis of the needs of individuals to form social bonds and, consequently, to interact socially. Earlier [11] we wrote that in classical social philosophical thought the idea of the key role of security needs as a fundamental factor in state formation prevailed. Thus, even Plato, when speaking about the origin of the state, noted that “people gather together to live communally and help one another: such a joint settlement is what we call a state... It is evident that [the state] is created by our needs” [12. P. 369]. It is no coincidence that, in social contract theories, the transition from a natural to a rational legal state of human life organisation becomes possible only when security guarantees are provided for all the “signatories” of the agreement, the observance of which is assumed by the state. Similarly, the significance of security needs was assessed by G.W.F. Hegel, who believed that since “the state is the only condition for achieving particular goals and particular welfare” [13. P. 289], the state is the most developed form of representing the needs and interests of the individuals-citizens forming it. “The habit of security,” he writes in the *Philosophy of Right*, “has become a second nature; no one thinks that this is only the result of the action of special institutions” [13. P. 293].

It is noteworthy that A. Maslow also assesses the importance of safety needs in a similar way, reflecting that these needs “may serve as the almost exclusive organizers of behavior, recruiting all the capacities of the organism into their service, and we may then fairly describe the whole organism as a safety-seeking mechanism” [5. P. 39]. It should be stressed that, according to A. Maslow, safety needs can satisfy the need for security and stability, but also for “structure, order, law, limits; strength in the protector” [5. P. 39]. In other words, it seems no coincidence that, in the individual’s consciousness (and probably in the subconscious), the feeling of loneliness, disconnection from group forms of social interaction, is usually associated not only with a sense of longing, “discomfort,” but also with some degree of concern about the level of security – not only personal but also societal security. After all, full participation in public life can ensure the completeness of one’s own existence.

Another aspect of our analysis concerns one of the most important theoretical and methodological problems, which deals with the subjectivity of different types of human social groups, including society and the state. Concepts such as “social needs” or “state interests”, which have entered the scientific discourse from everyday language, assign their own subjective status to these forms of socio-political organisation of human life, as if society or the state possessed their own unique properties and qualities, needs and interests, fundamentally different from those of individuals. This procedure of theoretically and methodologically “endowing subjectivity” goes back to the once very popular stance of methodological collectivism in social knowledge in the mid-19th century. Its

proponents (e.g. L. Gumplowicz, K. Marx, É. Durkheim²) believed that people's needs and interests were primarily, if not exclusively, determined by the degree to which they belonged to certain social groups, collectives or classes. Moreover, the individual was not considered as an independent, fully-fledged subject of activity, since its entire essence, according to the famous formula of K. Marx, "is not an abstraction inherent in the isolated individual. It is the ensemble of all social relations" [14. P. 3]. This allowed the proponents of this approach to assert that the needs/interests of the collective/society/state not only shape human needs and interests, but even create and define them.

The vulnerability of this position, in our view, lies primarily in the fact that, since neither society nor the state are living organisms, they do not have, and cannot have, purely "biologically", their own needs and interests that are distinct from human needs and interests. For this reason, "society's needs" and/or "state's interests" (as well as "society's interests" and "state's needs") cannot, strictly speaking, be the subject of scientific research. These concepts are nothing more than metaphors, as is the even more metaphorical concept of "conflict interaction" between the state and society, which is essentially a "second-order" metaphor. However, this "conflict" paradigm of analysing the interaction between people, society and the state does not only result from understanding the latter primarily as an "apparatus of repression", but also, more or less explicitly, from representing the state and society as bearers of their own spirit, needs and interests. Conflict, on the other hand, is a form of interaction between subjects of action that occurs when these subjects believe, whether subjectively or objectively, that the satisfaction of the interests of one hinders the satisfaction of the interests of the other. Accordingly, any discourse on the "conflict of interests" between the state and society, the state and the individual, implicitly requires – even if it does not explicitly state it – the postulation of the existence of interests of all participants in the conflict, i.e. not only of individuals, but also of society, the state and various social groups. A characteristic feature of concepts that analyse the interaction of man, society and the state primarily from the perspective of a potential or actual conflict between them is therefore the attribution of subjective properties not only to the individual, but also to the state and society. P. Bourdieu gives a somewhat ironic but essentially accurate characterisation of such concepts: "I could quote you miles of texts in which the word 'state' acts as the subject of actions, as the predicate of many sentences. This is a rather dangerous fiction that hinders us from thinking about the state" [15. P. 62–63]. The further consequence of this "dangerous fiction" is the possibility of opposing the "interests" of the ruling and governed social groups, with the prospect of "hypostatizing" the latter as "opposing classes". Accordingly, the conflict paradigm for analysing the interaction between the individual, society and the state is based on an explicitly asserted or implicitly assumed postulate about the inevitability and regularity of the confrontation between the state and society

² Among the most recent examples of this approach, one may recall the work of a contemporary follower of É. Durkheim, Mary Douglas, with the telling title "*How Institutions Think*".

and/or the state and the individual. This confrontation is conditioned by the deep, existential contradictions inherent in their “needs” and “interests”. In other words, describing and analysing the interaction between the individual, society and the state solely through the lens of conflict discourse, where the causes and nature of the conflict of their “interests” are revealed and/or where the contradictions between their “interests” are highlighted, and further where ways of resolving such conflicts are proposed, essentially characterises only subjective experiences and representations. Such an approach is unlikely to claim scientific status, even if it is presented in the form of theoretical questions.

Conclusion

It can be concluded that, according to the contemporary understanding of man as a biosocial being, the emergence and development of the state as a form of organisation of social life is determined by the needs of the individual and corresponds to his interests. At the same time, our analysis demonstrates the existence of objective ontological foundations rooted in the needs of the individual (primarily the need for security), the satisfaction of which objectively requires their inclusion in a certain socio-political order, that is, essentially their subordination to this order, without which productive cooperation of individuals becomes impossible. Since such an order is formed in the process of interaction between the state and society, the integrative nature of this interaction and its correspondence with the vital needs of the individual turn out to be an objective necessity.

References / Список литературы

- [1] Arieв NV, Bobrov KM, Buzhenko OE, et al. *State Security and Human Well-Being*: in 2 volumes: monograph. Moscow: Publishing House “Delo” RANEPa; 2024. (In Russian).
- [2] Williams P, editor. *Security Studies: An Introduction*. London & New York: Routledge; 2008.
- [3] Grinin LE, editor. *Politogenesis and Historical Dynamics of Political Institutions: from Local Potestary to the Global World-System*: collective monograph. Moscow: Moscow editorial board of “Uchitel” publ.; 2019. (In Russian).
- [4] Matuzov NI, Malko AV. *Theory of State and Law*. Moscow: Jurist publ.; 2004. (In Russian). EDN: VDBUCR
- [5] Maslow A. *Motivation and Personality*. New York: Harper & Row, Publ.; 1954.
- [6] Ilyin EP. Afterword. The Legacy of Abraham Maslow. In: Maslow A. *Motivation and Personality*. Saint Petersburg: Piter publ.; 2021. P. 305–326. (In Russian).
- [7] Momdzhyan KKh. Universal Needs and the Generic Essence of Man. *Voprosy Filosofii*. 2015;(3):3–13. (In Russian). EDN: TMWMTF
- [8] Momdzhyan KKh. On the Problem of Universal Values. *Voprosy Filosofii*. 2020;(3):25–41. (In Russian). DOI: 10.21146/0042-8744-2020-3-25-41 EDN: UNBGAI
- [9] Majlingova A. *Safety and Security Risks Theory*. Zvolen: Technical University in Zvolen; 2024.
- [10] Doedens P, Wikman S, Kuper H, Bilgin H. Safety and Security: A Delicate Balance in Coercion and Violence. In: Hallett N, Whittington R, Richter D, Eneje E, editors. *Coercion*

and Violence in Mental Health Settings. Cham: Springer; 2024. DOI: 10.1007/978-3-031-61224-4_11

- [11] Golubev IS. The State as a Form of Representation of the Needs and Interests of the Individual. *Philosophy and Society*. 2022;(3):56–71. (In Russian). DOI: 10.30884/jfio/2022.03.03 EDN: CWGFJE
- [12] Plato. *Coll. comp.*: in 4 volumes. Vol. 3. Moscow: Mysl' publ.; 1994. (In Russian).
- [13] Hegel GVF. *Philosophie des Rechts*. Moscow: Mysl' publ.; 1990. (In Russian).
- [14] Marx K, Engels F. *Works*. 2nd ed. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat publ.; 1955. (In Russian).
- [15] Bourdieu P. *Sur l'e'Tat: cours au College de France (1989–1992)*. Moscow: Publishing House “Delo” RANEPa; 2016. (In Russian).

Список литературы

- [1] Безопасность государства и благополучие человека: в 2 томах: монография / коллектив авторов: Н.В. Ариев, К.М. Бобров, О.Е. Буженко, и др. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2024.
- [2] Security Studies: An Introduction / edited by P.D. Williams. London & New York : Routledge, 2008.
- [3] Политогенез и историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной мир-системе : коллектив. моногр. / под ред. Л.Е. Гринина. М. : Мос. ред. изд-ва «Учитель», 2019.
- [4] Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М. : Юрист, 2004. EDN: VDBUCR
- [5] Maslow A. Motivation and Personality. New York : Harper & Row, Publ., 1954.
- [6] Ильин Е.П. Послесловие. Наследие Абрахама Маслоу // Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. : Питер, 2021. С. 305–326.
- [7] Момджян К.Х. Универсальные потребности и родовая сущность человека // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 3–13. EDN: TMWMTF
- [8] Момджян К.Х. О проблеме общечеловеческих ценностей // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 25–41. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-3-25-41 EDN: UNBGAI
- [9] Majlingova A. Safety and Security Risks Theory. Zvolen : Technical University in Zvolen, 2024.
- [10] Doedens P., Wikman S., Kuper H., Bilgin H. Safety and Security: A Delicate Balance in Coercion and Violence // Coercion and Violence in Mental Health Settings / edited by N. Hallett, R. Whittington, D. Richter, E. Eneje. Cham : Springer, 2024. DOI: 10.1007/978-3-031-61224-4_11
- [11] Голубев И.С. Государство как форма репрезентации потребностей и интересов индивида // Философия и общество. 2022. № 3. С. 56–71. DOI: 10.30884/jfio/2022.03.03 EDN: CWGFJE
- [12] Платон. Собр. соч.: в 4 томах. Т. 3. М. : Мысль, 1994.
- [13] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990.
- [14] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 3. М. : Госполитиздат, 1955.
- [15] Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.

About the authors:

Golubev Ivan S. – CSc in Philosophy, Assistant Lecturer of the Department of Social Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation; Laboratory Assistant, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 27/4 Lomonosovsky Prospekt, Moscow, GSP-1, 119991, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-6939-0583. SPIN-code: 1819-3120. E-mail: golubev_is@pfur.ru

Zhao Jielin – CSc in History, Senior Lecturer of the Department of National Economics, Faculty of Economics, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0008-6511-0637. E-mail: chzhao_ts@pfur.ru

Сведения об авторах:

Голубев Иван Сергеевич – кандидат философских наук, ассистент кафедры социальной философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; лаборант, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4. ORCID: 0000-0002-6939-0583. SPIN-код: 1819-3120. E-mail: golubev_is@pfur.ru

Чжао Цзелинь – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Национальной экономики, экономический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0008-6511-0637. E-mail: chzhao_ts@pfur.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-363-380>
EDN: RJYAAY

Research Article / Научная статья

«Культурный код» виртуальной личности: социальная безопасность в цифровую эпоху

А.В. Иванов , В.Е. Козлов , Р.А. Гузейров

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
 berserk2004@yandex.ru

Аннотация. Авторы, основываясь на материалах исследования сообществ геймеров, анализируют риски деконструкции этнической, религиозной и гендерной идентичности для современного российского общества. Феномен виртуальной личности рассматривается в рамках философско-антропологической парадигмы с учетом актуального социального контекста и возможных перспектив. С привлечением методологических принципов феноменологической редукции Э. Гуссерля, а также социального конструкционизма П. Бергера и Т. Лукмана и теории социального поля П. Бурдьё описывается сущность новой геймифицированной личности, механизмы конструирования социальной реальности представителями сообщества геймеров, которые выступают агентами хабиитуализации нового типа социального пространства – виртуальной реальности. Анализируя типовые фреймы межличностного и внутригруппового взаимодействия, изложенные в форме интервью, авторы приходят к выводу о том, что «традиционные» типы самоидентификации посредством отождествления с этнической или религиозной группой теряют в исследуемой среде не только актуальность, но и функцию поддержания «Я-структуры». В то же время онтология игры часто актуализирует виртуальную маскулинность в гипертрофированной форме, которая может скрывать ее компенсирующий характер. Таким образом, феномен виртуальной личности приобретает все более массовый и «реальный» характер. Сообщество геймеров в данном случае лишь один из наиболее ярких примеров подобных социальных трансформаций. При этом угасание традиционных идентичностей в сочетании с интериоризацией латентных нарративов, заложенных в сюжеты большинства игр зарубежными разработчиками, повышает риски эрозии такого сложного социокультурного пространства, каким является современное российское общество, и бросает вызов социальной безопасности страны.

Ключевые слова: виртуальная идентичность, геймификация, социальная идентичность, фрейм, «Homo virtualis»

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена за счет предоставленного в 2024 году Академией наук Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

© Иванов А.В., Козлов В.Е., Гузейров Р.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Все авторы внесли равный вклад в концепцию, подготовку и написание текста.

История статьи:

Статья поступила 12.11.2024

Статья принята к публикации 04.03.2025

Для цитирования: Иванов А.В., Козлов В.Е., Гузейров Р.А. «Культурный код» виртуальной личности: социальная безопасность в цифровую эпоху // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 363–380. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-363-380>

“Cultural Code” of a Virtual Personality: Social Safety in the Digital Age

Andrey V. Ivanov^{ID}✉, Vadim E. Kozlov^{ID}, Rishat A. Guzeirov^{ID}

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

✉berserk2004@yandex.ru

Abstract. Authors base their study upon research materials of the gamer communities, analyze the risks of deconstruction of ethnic, religious and gender identity for modern Russian society. The phenomenon of virtual identity is considered as a part of philosophical – anthropological paradigm, taking into account the current social context and possible prospects. Using the methodological principles of E. Husserl’s phenomenological reduction, as well as P. Berger and T. Luckmann’s social constructionism, and P. Bourdieu’s theory of social field they describe the mechanisms of construction of social reality by representatives of the community of gamers, who act as agents of habitualization of a new type of social space – virtual reality. After analyzing the typical frameworks of interpersonal and intragroup interaction in the form of interviews, the authors came to the conclusion that “traditional” types of self-identification through attribution with an ethnic or religious group lose in the studied environment not only their relevance, but also the function of maintaining the “I-structure”. At the same time, the ontology of the game often actualizes virtual masculinity in a hypertrophied form, which can hide its compensatory nature. Thus, the phenomenon of virtual personality is becoming more and more widespread and “real”. The gamer community in this case is just one of the most striking examples of such social transformations. At the same time, the extinction of traditional identities combined with the internalization of latent narratives, embedded in the plots of most games by their developers increase the risks of erosion of such a complex socio-cultural space as modern Russian society.

Keywords: virtual identity, gamification, social identity, the frame, “Homo virtualis”

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding of Sources. The work was carried out using a grant provided in 2024 by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan for the implementation of fundamental and applied scientific work in scientific and educational organizations, enterprises and organizations of the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan.

Contribution of authors. All the authors contributed equally to the conception, preparation and writing of the manuscript.

Article history:

The article was submitted on 12.11.2024

The article was accepted on 04.03.2025

For citation: Ivanov AV, Kozlov VE, Guzeirov RA. “Cultural Code” of a Virtual Personality: Social Safety in the Digital Age. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):363–380. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-363-380>

Введение

Виртуальная среда в различных ее проявлениях: социальные сети, компьютерные игры, искусственный интеллект – стала за последнее десятилетие неотъемлемой частью повседневности для значительной части населения различных стран мира и России в том числе. В цифровой формат перешли не только значительная доля экономики, сферы услуг, досуга, но и различные аспекты личностной самореализации. Вкупе с общими процессами трансформации этнических и религиозных институтов, гендерных ролей это стало важной практической проблемой для поддержания социальной стабильности и развития государства. Особую актуальность она приобретает для полиэтничных, поликонфессиональных стран по причине стратегической важности широкого общественного согласия, необходимого для их существования. Консолидирующей средой традиционно выступала культура, являясь, помимо всего прочего, совокупностью паттернов, охватывающих все основные сферы жизнедеятельности представителя конкретного общества. Растущая виртуализация окружающей реальности позволяет говорить о наступлении новой – цифровой эпохи [1], признаками которой являются всеобъемлемость и массовость.

Одним из факторов воздействия виртуальной реальности на массовое сознание становится так называемая «геймификация», то есть артикулируемая или латентная подмена традиционного социального действия его симулякром (зачастую виртуальным), в котором и мотивирующим, и одновременно результирующим императивом выступает экзальтация, чем дальше, тем больше замещающая содержание деятельности как таковое. Этот феномен за последние десятилетия охватил различные социальные группы населения по всему миру, но наиболее ярко проявился в среде современной молодежи. Суть явления выражается не только в размывании для молодого поколения границы между виртуальным и реальным, но и в трансформации всей структуры социальных идентичностей: этнической, религиозной, гендерной, – что влияет на механизмы межпоколенной культурной трансмиссии. Тем актуальнее становятся изучение и анализ этих процессов в среде российской молодежи, особенно с учетом сложного внешнеполитического и социокультурного контекста, в котором оказалось российское общество в последние годы.

Использованное в заглавии понятие «культурный код» широко применяется в последние годы в рамках публицистического и общественно-

политического дискурса уникальности исторического и культурного опыта России. При этом наличие его в текстах не является, как правило, отражением уровня научной конвенциональности, скорее маркируя конкретную авторскую оптику. В данном случае использование понятия в качестве референтного обусловлено стремлением авторов подчеркнуть социальную перспективу тех процессов, которые стали предметом изучения и рефлексии.

В статье рассматриваются теоретические подходы, сложившиеся в научном знании за последние десятилетия в осмыслении таких феноменов, как виртуальное пространство, виртуальная личность, «геймификация», а также анализируются результаты авторского исследования сообществ геймеров в контексте вызовов для социальной безопасности российского общества.

Методологической основой настоящего исследования выступил полипарадигмальный подход, позволяющий выявить особенности и описать механизмы конструирования социальной реальности представителями сообщества геймеров в широкой теоретической рамке с фокусом на их этническую, религиозную и гендерную самоидентификацию.

Игра, идентичность и виртуальное пространство

Неизменным спутником истории человечества в целом и жизни отдельного индивидуума в частности является игра. Меняются формы, но человек продолжает играть, и многие рациональные объяснения здесь несостоятельны. Если рассуждать в антропологической ретроспективе, то становится очевидно, что игра – не просто способ препровождения времени в часы отдыха, а составная часть социокультурной системы. Именно игра, любое ее проявление, особенно в детстве, формирует идентичность человека через коммуникативные игровые практики.

При обзоре понятия «культура» мы сталкиваемся с сотней определений. Аналогичным образом можно сказать и об игре. В различных справочных изданиях и толковых словарях, а также в научной литературе игра противопоставляется труду, позиционируется как то, что не приносит реальной пользы, как форма развлечения: «Играть – ...шутить, тешиться, веселиться... проводить время потехой... от скуки, безделья» [2. С. 2].

Существующие в настоящее время толкования слова «игра» не исчерпывают всего многообразия этого явления. Так, С. Миллер в своей работе «Психология игры» отмечает, что сам термин «игра» превратился в «лингвистическую мусорную корзину» [3. С. 5]. Игра интерпретируется как поведение, не имеющее конкретной биологической и социальной пользы, со стороны воспринимающееся как спонтанный, произвольный процесс [3. С. 5]. «Смысл понятия „игра“ не поддается полной вербализации», – отмечает Л.Т. Ретюнских [4. С. 12], анализируя антропологию игр. В то же время она предлагает довольно емкое определение, а именно: игра – это «способ самообъективации субъекта через искусственно конструируемую реальность,

осуществляемую в режиме дополнительности по отношению к реальности подлинной» [4. С. 12].

Не случайно французский исследователь, социолог и антрополог Роже Кайуа еще в середине прошлого века высказывал мнение о необходимости изучения социальной наукой игр с точки зрения исследования различных социальных процессов разных исторических периодов [5]. И действительно, нельзя не согласиться с ним в том, что в играх не только отражаются тончайшие изменения надвигающихся социальных сдвигов, но и сами игры влияют на формирование человеческой идентичности, становятся инструментом в этом сложном и многофакторном процессе.

Появление известного труда Й. Хейзинга «*Homo ludens*», увидевшего свет в 1938 году, стало совершенно новой страницей в исследованиях игр и важным событием международного масштаба в научном мире. Исследователь определял игру как один из ключевых механизмов порождения культуры в целом. «Человек играющий» – это не праздношатающийся бездельник, который транжирит все свое свободное время на игры, а своего рода демиург, который является творцом в различных областях жизни – от искусства до спорта [6].

Витальная природа игры глубоко исследована выдающимся отечественным мыслителем М.М. Бахтиным, который полагал, что именно игра как ролевая форма создает возможность реализовать карнавальное (маскарадное) начало, примерить различные социальные маски, дает возможность экспериментировать с идентичностями [7].

Интересен подход К. Гирца, который считал культуру в целом аналогом сложного текста, а игру – естественным выражением конкретного культурного опыта. Для него игра – это развлечение и ритуал, которые вызывают сильные эмоции и единение людей [8. С. 509].

Тем самым феномен игры становится неотъемлемой частью бытия индивида, его личности. В то же время социальным измерением содержательного наполнения последней выступает идентичность. Например, Теркл описывает идентичность как «имитацию личностей», в которой «критерием компетентности является не столько целостность целого, сколько правильная репрезентация, появляющаяся в нужное время в нужном контексте» [9. Р. 256].

Активная диффузия виртуального пространства в антропосферу привело к тому, что в континууме игра-идентичность появилось новое измерение – виртуальное, обусловленное возрастающей виртуализацией и игры, и идентичности. Последнее способствовало даже появлению термина, отражающего новый этап в эпохе антропоцена – «*Homo virtualis*». Большинство исследователей считают феномен «*Homo virtualis*» исключительно порождением Интернета как информационно-коммуникационной технологии. Обычно понятие виртуального в толковых словарях русского языка интерпретируется в значении потенциальности: «Несуществующий, но возможный» [10. С. 84]. Так, например, в качестве одной из ключевых характеристик «*Homo virtualis*»

В.В. Афанасьева выделяет «его несвободу, зависимость от виртуальных пространств, виртуальных феноменов, виртуальных коммуникаций; пренебрежение своим реальным здоровьем и реальной телесностью; неопределенность, неоднозначность, размытость самоидентификации» [11. С. 64].

Важнейшей особенностью виртуальной среды является ее тотальная инклюзивность, разрушающая границы между индивидуальным и всеобщим, аутентичным и рутинным. У акторов есть возможность исследовать и «примерять» на себя черты другого человека, которые затем могут быть использованы в определенный момент их реальной жизни. Одним из наиболее распространенных примеров подобной инверсии является ситуация, когда игрок-мужчина «примеряет» на себя роль женского персонажа. Подобный эксперимент дает ему возможность не только «проиграть» для себя виртуальную роль, но и получить опыт для оценки жизненных ситуаций с точки зрения «другого». Теркл утверждает, что идентичность не является «стабильной сущностью» и что она протекает через цикл постоянного общения с другими людьми, что создает «внутреннее разнообразие, позволяющее нам осознать свои ограничения», где виртуальная среда – это новый способ осмысления идентичности в эпоху Интернета [9. Р. 256].

Хотя распространенное понятие «геймер» обозначает в первую очередь человека, для которого компьютерная игра стала частью повседневности, устойчивые коннотации связывают такую личность с образом подростка или взрослого, сохраняющего в себе этос подростковости. Таким образом, метафизически геймер – это вечный подросток. Использование виртуальной среды подростками и молодыми людьми представляет дополнительный интерес, поскольку этап личностного развития, на котором они находятся, имеет решающее значение для формирования «взрослой» личности. Мейерс определяет виртуальную среду как «пространство, где подростки могут социализироваться и взаимодействовать с другими людьми, создавать свою собственную цифровую историю и приобретать навыки нового информационного века» [12. Р. 228]. Абрамс утверждает, что реакция реального мира на игровые подсказки «позволяет обсудить реакцию геймеров на виртуальные стимулы и воплощение поведения, вдохновленного игрой» [13. Р. 222]. Она использует концепцию понимания идентичности геймера в трех аспектах: виртуальном, реальном и проективном. Реальная идентичность – это фактическая идентичность играющего человека, виртуальная – это идентичность аватара на экране, а проективная – это воплощение виртуальной идентичности в реальную личность.

Абрамс задает вопросы: что происходит, когда игроки принимают эти идентичности или когда игра остановлена? Она утверждает, что когда игроки усваивают свою ассоциацию с персонажем, они также могут воплощать характеристики этого персонажа и намеренно вести себя таким образом, чтобы передать определенный образ, индивидуальность или статус. Если подростки делают это в виртуальной среде, возникает вопрос, создают ли они свою

собственную идентичность или используют идентичность, которая была создана и ограничена разработчиками игр [13].

Файтинги (жанр компьютерных игр, в котором игроки сходятся в рукопашных схватках. – *Прим. авторов*), такие как *Mortal Kombat* (1992) или *Soul Calibur II* (2002), являются хорошими примерами того, насколько сложной может быть идентификация персонажа. Хатчинсон полагает, что из-за ограниченного объема повествования и структуры файтингов игроки участвуют в самой базовой форме конструирования идентичности: «я» и «другой». Такого рода идентификация становится более сложной, когда у игроков появляется возможность менять персонажей в любой момент времени. Процесс смены персонажей заставляет игрока переосмысливать себя и других игроков в процессе игры [14].

Очевидно, что геймеры не всегда берут на себя роли персонажей, за которых они играют во время игры. Климмт определяет идентификацию как «временный сдвиг в самовосприятии игроков» [15. Р. 353]. Это согласуется с работами Хатчинсона [14], Тронстада [16] и Хагстром [17], которые также предполагают, что игроки воспринимают своих персонажей по-разному.

В работе Кроуфорда и Гослинга демонстрируется, как смена идентичности может повлиять на реальное «я» игрока, а не только на виртуальное «я». В Интернете есть множество ресурсов, с которыми игроки могут взаимодействовать за пределами только игровых треков, например веб-сайты, посвященные конкретным играм, где они могут обсуждать и другие области жизни, представляющие для них интерес. Все это усиливает актуальность личности человека, позволяя ему участвовать в жизни в качестве самого себя, а не своих персонажей. Эти веб-сайты используются как пространство для социальных выступлений и для расширения личного повествования пользователя [18].

Можно согласиться с позицией Климмта, что изменения идентичности могут происходить прямо во время игры, когда геймер, который считает себя менее смелым, чем он есть на самом деле, может уменьшить подобное несоответствие, выбирая в качестве аватара брутального игрового персонажа [15]. В свою очередь подобное поведение, по мнению Кроуфорда и Гослинга, способствует изменению восприятия личностью своего реального «я». Если игроки вдохновлены или мотивированы игрой, это может привести их к участию во внешних мероприятиях, которые укрепят их личность [18].

Способ подачи повествования также может влиять на то, как геймер идентифицирует себя с персонажем. Дуббельман выделяет два способа подачи повествования в компьютерных играх – репрезентацию и презентацию. Репрезентативный нарратив – это когда игрок переживает историю через прошлые события, а презентационный нарратив – это когда игрок берет на себя роль персонажа, которого можно конструировать. Согласно Дуббельману презентационные истории «изображают главного героя как пустой сосуд, на который кто-то может спроецировать свою индивидуальность, расширяя

наше физическое присутствие в игровом мире» [19. Р. 160–165]. Он также утверждает, что формат репрезентативного повествования больше похож на кино или телевидение, где мы «отождествляем себя с персонажами и их борьбой, сопереживаем им и, таким образом, переживаем всевозможные эмоции» [19. Р. 168]. Два разных способа рассказа истории иллюстрируют тип идентификации, которую игроки могут испытывать по отношению к персонажу. Можно утверждать, что презентационный режим повествования позволяет игрокам исследовать различные идентичности в виртуальном мире, наблюдая за развитием событий, которые, по-видимому, вызваны самим игроком.

Несмотря на то, что на этом насыщенном рынке существует множество различных игровых стилей и жанров, многие компьютерные игры допускают, а зачастую и требуют создания виртуальной личности, или аватара. Научные исследования также показывают, что аватар на базовом уровне может рассматриваться как «кукла» или инструмент, однако часто может стать воплощением или продолжением самого себя, при этом игрок получает опыт, который может быть очень похож на его реальный образ или отличаться от него.

В нашем все более конвергентном и взаимосвязанном мире широкое распространение получают социальные, культурные и этические дискуссии и дебаты, касающиеся идентичности и гендерной репрезентации. В частности, при обсуждении репрезентации в большинстве медиатекстов разговор и проблема часто затрагивают концепцию идентичности и гендера. Поскольку игроку часто требуется создать аватар для любого игрового процесса или по крайней мере взять под контроль персонажа, созданного разработчиком, можно увидеть, что гендерное представление оказывает влияние на игрока и тех, кто играет в компьютерную игру. В частности, как и в случае с нашими все более взаимосвязанными технологиями и социальными пространствами, многие компьютерные игры, особенно те, которые в настоящее время являются наиболее популярными, проводятся в онлайн-среде, «населенной» множеством пользователей. Можно предположить, что гендерное представление в любых медиатекстах всегда было несколько проблематичным, но в онлайн-играх построение виртуального тела играет центральную роль в понимании того, как мы воспринимаем онлайн-мир.

Игрок остро осознает, как выглядит, звучит и действует его персонаж, а также осознает других людей в своем игровом мире, и, как следствие, тела – материальные или виртуальные – не являются нейтральными объектами, а находятся в центре того, как формируется личность. Можно предположить, что люди используют сигналы окружающей среды, например изображения персонажей видеоигр, как для понимания, так и для формулирования идей, касающихся гендера и идентичности. Для репрезентации личности в виртуальном мире аватар или игровой персонаж может рассматриваться как инструмент изучения идентичности, в частности гендера.

Конечно, в медиаиндустрии это не новая идея, но использование гендерных стереотипов и тропов в компьютерных играх стало распространенной

практикой. Как было отмечено в многочисленных научных исследованиях, история компьютерных игр изобилует примерами стереотипного представления гендера. Можно утверждать, что женские персонажи часто изображаются чрезмерно сексуализированными или демонстрируют покорность. С другой стороны, мужчины, скорее всего, будут представлены как откровенно маскулинные или доминирующие. По мере роста популярности компьютерных игр и гейминга растет и вероятность того, что игроки будут подвержены влиянию той или иной формы гендерных стереотипов. Несмотря на то что возможности точного или все более разнообразного представления гендерных аспектов являются одним из ключевых преимуществ компьютерных игр как формы медиа, по-прежнему имеются свидетельства недооценки или искажения информации, маргинализации и использования гендерных предрассудков.

Таким образом, игровая, точнее виртуальная личность в большинстве этих игр обязательно подразумевается: она может напрямую задаваться жанровой системой игровых норм и правил, как в играх РПГ (*role play games*) или стратегиях, а может быть косвенным результатом идентификации с игровым персонажем, как в играх жанра «*shooting*», когда на экране видны только руки с оружием, но это твои руки и ты не раздумывая убиваешь всех на своем пути. Так игровая норма приобретает форму стереотипа действия.

Социальная безопасность и «геймификация»

Наступление цифровой эпохи и связанное с этим усиление темпоральности социального времени все быстрее мультиплицирует экзистенциальные вызовы, которые в гуманистическом преломлении принимают привычную форму кризиса личности, межпоколенческого конфликта, социопатии. Но вместе с тем масштаб и связанность подобных кризисов приобретают совершенно иной уровень, который может влиять на состояние общества в целом и таким образом становиться риском для общей социальной безопасности.

Под социальной безопасностью чаще всего понимают «состояние общества, обеспечивающее максимальный уровень предоставляемых социальных благ и социальных условий, которые определяют качество жизни общества в целом и гарантируют наименьший риск для жизни и здоровья людей» [20. С. 836].

Потребность в безопасности является одной из базовых констант человеческого бытия, а ее обеспечение – одна из ключевых функций государства. Человек в виртуальном пространстве оказывается в потенциально уязвимой позиции в психологическом, экономическом и информационном смыслах. Но часто эти риски просто не осознаются в качестве реальной угрозы. Таким образом, одним из ключевых факторов, влияющих на уровень риска, становится степень погруженности индивида в виртуальную среду. На основе особенностей взаимодействия с виртуальным пространством можно выделить три условных поколения.

Первое или «доцифровое поколение» – обширная возрастная когорта, чье детство, юность, а у многих и большая часть жизни прошли до массового распространения персональных компьютеров. У этих людей часто возникают сложности в понимании цифровых технологий, что порою приобретает критическую форму «цифровой слепоты» (непонимание алгоритмов работы с гаджетами, невосприятие информации с монитора). Виртуальное пространство для них уже знакомая, но по-прежнему чуждая среда, и зависимость от нее минимальна. Риски цифровой слепоты на индивидуальном уровне нивелируются высокой включенностью в реальное социальное пространство и деятельность.

Следующее поколение, которое условно можно назвать поколением десктоп (от англ. *desktop* – поверхность стола), свою юность в конце 1980-х и 1990-х гг. встретило уже с персональными компьютерами. Его представители обычно являются активными и уверенными потребителями цифровых технологий. В отличие от первого поколения, они более дифференцированы по социальному составу, возрасту, мотивам и целям сетевой виртуальной коммуникации. Для них важным становится в первую очередь потребление информации, получаемой из сети Интернет, поиск в сети, «поточковые» коммуникации [21. С. 44–46]. Их молодость тоже была порой сопряжена с компьютерными игровыми практиками, но сейчас для этого поколения игра не является фундаментальным способом времяпрепровождения, тем более она не является для них «новой реальностью» и массовым инструментом конструирования собственной виртуальной идентичности. Их взаимодействие с виртуальной средой имеет в целом сбалансированный характер, без угрозы подмены реальной социальности.

Наконец, третье поколение – то самое «Homo virtualis». Его формирование еще не закончено, но оно уже приобрело видимые черты. Своеобразным началом этого процесса стали качественные технологические, а также визуальные нововведения, связанные с развитием социальных сетей, а также компьютерных игр на основе дополненной реальности. Данное поколение имеет свою внутреннюю структуру, в частности, могут быть выделены группы пользователей, ориентированных в первую очередь на социальные сети и мессенджеры, – так называемые «сёрферы» и собственно те, кто ежедневно длительное время проводит в пространстве виртуальных игр. Последние оказываются наиболее уязвимы к воздействию виртуальной среды, так как заведомо ограничены рамками сюжета и правил игры, тем самым добровольно допуская в личное пространство сгенерированные во вне паттерны. Геймер уже не просто соприкасается с виртуальной реальностью, а погружается в нее, она становится для него осязаемо реальной. Он становится тем «очарованным странником» виртуального мира, который вдруг ощутил возможность посредством виртуальности увидеть улучшенную копию себя. Незаметно для него самого виртуальная игра становится более важной жизнью, чем сама жизнь.

Игра предлагает отказаться от реального мира в пользу конструирования некой условной реальности, в которой «закручивается» сюжет игры и где существуют собственные законы и правила. Виртуальный опыт не несет в себе идеи необратимости действия и непоправимости последствий. Просто манипулирование жизнью и смертью. И этот игровой опыт чреват даже не столько усвоением сомнительных личностных качеств, сколько тем, что он несет в себе угрозу самому чувству реальности.

Можно согласиться с Зимбардо, который утверждал следующее: «Перед лицом все новых сложностей, возникающих на пути молодых мужчин в постоянно меняющемся зыбком мире, многие из них предпочитают укрыться в „теплой норке“, где можно получить желаемый результат без страха быть отвергнутым и где тебя даже похвалят за некоторые достижения. Этим „теплым местечком“ для большинства оказываются компьютерные игры и порно. Как геймеры они становятся настоящими профи, оттачивая свои навыки, продвигаясь на все более высокие уровни, становясь людьми статусными и уважаемыми в рамках игры» [22. С. 7].

Фундаментальной социальной угрозой для общества становится отсутствие у молодого поколения реального опыта в результате тотального погружения в виртуальные коммуникации. Это влечет деформацию навыков социального общения, способствует снижению навыка адекватно оценивать социальные способности и успех в реальном мире.

Надо признать, что виртуальное пространство трансформируется в область альтернативной социализации и место формирования новой идентичности. В настоящее время расширяется поколение геймеров, для которого обретенный в виртуальном мире игровой опыт становится базовым, определяющим их представления о внешнем мире. Несмотря на непродолжительный срок, прошедший с момента фиксации данного явления, оно уже приобрело массовый характер среди молодых людей в возрасте от 20 до 40 лет, которые так и не смогли стать взрослыми. Для их обозначения даже появился особый термин «кидалт» (англ. *kid* – «ребенок» и *adult* – «взрослый»). Ранее считалось: возникновение информационной среды и нового, виртуального мира приведет к усилению индивидуализации человека, но на самом деле можно говорить об обратном эффекте. Представитель этого поколения вовсе даже не стремится сохранять свою индивидуальность, напротив, «*Nomo virtualis*» часто конструируют аватары из шаблонов. К аналогичному упрощению он тянется в реальном социальном пространстве, испытывая сильную фрустрацию в ситуации неопределенности. Процесс утраты навыков коммуникации среди представителей данного поколения влечет не только индивидуальную деградацию, но и групповую. Тем самым подтачиваются основы социальной безопасности, повышается вероятность двойного социального кризиса – и государства, и общества.

A potentia ad actum

Методологической основой эмпирического исследования, осуществленного авторами, стал полипарадигмальный подход, предполагающий использование конвергентных интердисциплинарных теорий, в данном случае феноменологии Э. Гуссерля [23], социального конструкционизма П. Бергера, Т. Лукмана [24], теории «социального поля» П. Бурдьё [25] и теории фреймов И. Гоффмана [26], позволяющих интерпретировать как сущностные, так и индикативные свойства объекта. Рассматриваемое явление, подвергнутое, с одной стороны, феноменологической редукции [23. С. 22], а с другой – декомпозиции посредством актуализированных фреймов, демонстрирует свою дуалистичную природу со всей очевидностью. Формирующий и хабиитуализирующий механизмы геймификации раскрываются посредством идеи перманентного социального конструирования, которое в рассматриваемой ситуации осуществляется в виртуальном пространстве.

Кроме того, оставляя за рамками следующего далее анализа документальное воспроизведение «прямой речи» обобщенного субъекта действия, фокус на резюмирующих характеристиках позволяет более связно воссоздавать общее поле практики. Наконец, такие особенности рассматриваемого явления, как гипердинамичность, пластичность, иллюзорная транспарентность и латентность, по мнению авторов, снижают эвристический потенциал каузального анализа, но сохраняют его за интерпретативным, или «понимающим», подходом.

Участниками исследования являлись молодые люди, для которых виртуальная игровая среда выступает топосом инклюзивности и индивидуальности одновременно. При этом один из ключевых маркеров принадлежности к интерлокальному комьюнити выражается формулой: «Жизнь в виртуальном пространстве важнее, чем жизнь офлайн», приобретшей характер рефрена. Витальность в этом случае также имеет виртуальное измерение, сохраняя онтологические особенности в виде чувствования, деятельности, энтропии. Отличие аватара от реальной личности носителя заключается в том, что симулякр жизни, несмотря на ускоряющуюся глобализацию виртуальной среды, пока еще не самодостаточен для обеспечения физической жизнедеятельности носителя как таковой, хотя визуализация возможных не столь отдаленных перспектив уже представлена в современном кинематографе.

Процесс вхождения в виртуальное игровое пространство многие участники исследования относят к периоду детства и отрочества, когда они фактически проходят через двойную социализацию, которая может приобретать дуалистичный характер. В последнем случае это предполагает не параллельный, а диффузный процесс, причем каждая из социализаций стремится имплицитно другую иерархически, провоцируя конфликтность на внутриличностном уровне. При этом обе социализации имеют для индивида свою темпоральность и этапность, и если «реальная» в этом отношении достаточно

подробно изучена и описана в различных научных традициях, то виртуальная социализация все еще находится в стадии накопления разнородного эмпирического массива данных. Например, в ходе настоящего исследования в качестве характерного был отмечен процесс постепенного перехода участников от одиночных игр к сетевым, что, как нам кажется, является отражением перехода от одного этапа виртуальной идентичности к следующему, аналогично описанному Эриксоном применительно к физической личности [27].

Именно идентичность выступает в качестве ключевого элемента виртуальной личности, впрочем, как и физической. Согласно материалам исследования, изменения виртуальной идентичности носят характер поэтапного конструирования, обладая такой важной особенностью, как демонстративная артикулированность. Первоначальное нахождение в игре, как правило, идет по пути создания виртуального двойника (аватара), приближенного к собственной реальной индивидуальности (пол, возраст, цвет кожи, этнический компонент и прочее), но с небольшими отличиями, в которые может имплементироваться образ идеального «Я». Дальнейшее присутствие в игре и «наработанный стаж» повышают вероятность реализации сценария с трансформацией виртуальной личности.

В ходе исследования было отмечено, что отдельные постоянные участники игры предпочитают идентифицировать себя с фантазийными расами, животным или отождествлять себя с отдельными игровыми героями, стремясь сохранить и перенести этот образ в реальное социальное пространство. Распространенными способами проявления подобной сублимации является использование геймерами в повседневной жизни ряда маркирующих приемов, один из которых – так называемый «мерч» (от англ. слова *merchandise* – товары, продукция, т.е. одежда, аксессуары, сувениры с игровой символикой. – *Прим. авторов*), а другой – «косплей» (имитация игрового персонажа, предполагающая его детальное воспроизведение, включая материальные атрибуты и элементы поведения. – *Прим. авторов*). В обоих случаях маркеры обладают функцией фрейма, который, несмотря на отмеченные случаи, пока не стал массовым и остается в глазах большей части игрового комьюнити скорее маргинальным нарративом. Тем не менее феномен квадерберов (людей, идентифицирующих себя в качестве животных. – *Прим. авторов*), за несколько недель превратившийся из эксклюзивного в массовый, демонстрирует, насколько быстро может меняться ситуация. Еще одним достаточно распространенным вариантом идентификации является индивидуальная инверсия в виде создания собственного виртуального антипода как разновидности экспериментального виртуального существования.

Отмечен сценарий, который можно охарактеризовать как умеренную гибридизацию, предполагающий конструирование геймером своей виртуальной идентичности с опорой на реальные социальные атрибуты, например, этническую или гендерную. Подобная тактика более свойственна участникам-женщинам, которые в целом склонны к ретушированию своих реальных

личностных особенностей. Для женщин также характерна декларируемая позиция, что гейминг не оказывает практически никакого влияния на их «реальную» жизнь. В противоположность им игроки-мужчины, которые «видят» отдельные изъяны в своем физическом облике или социальном статусе за рамками виртуального пространства, стараются создавать образ себя идеального, например делая акцент на гипертрофированной маскулинности аватара. Тем самым визуализация приобретает для них важную функцию в виртуальной коммуникации, выступая одним из ее обуславливающих фреймов.

Сущностным императивом с точки зрения феноменологической редукции стала глобализация виртуального пространства, которая привела к формированию виртуальных полей действия по аналогии с социальным пространством, и гейминг выступает в качестве одного из них. Как результат, геймеры – его акторы – стремятся к увеличению «игрового капитала», который отражается в формализованном рейтинге и в случае роста способствует повышению не только самооценки участника, но и его обобщенного социального статуса в виртуальном комьюнити, которое в данном случае выступает в роли агента поля действия.

Диффузия двух пространств отражается и в инкорпорировании некоторых традиционных социальных феноменов в виртуальную среду, но со значительной долей аберрации. Например, религиозный компонент в игровых платформах, как правило, представлен суррогатными формами, такими как магия, колдовство, обладание сверхъестественными способностями, а признаки реальных конфессий камуфлируются или совсем отсутствуют. Это создает эффект квазирелигиозной идентичности, когда традиционная конфессиональная принадлежность, пусть и достаточно формальная, вытесняется моделируемыми архаизированными нарративами о сверхъестественном.

В гейминге может присутствовать даже этнополитический контекст, который серьезно подвержен внешней конъюнктуре, влияя на общий эмоциональный фон и, как следствие, на коммуникацию акторов. В частности, с началом СВО сформировался видимый контур виртуального противостояния российских и иностранных геймеров, дополненный в ряде случаев ретроспективными коннотациями. Порой подобные виртуальные конфликты приводят даже к виртуальному остракизму, так называемому «деплатформингу» (англ. *deplatforming* – практика отлучения от платформы, то есть запрет на выступление. – Прим. авторов).

В целом, исходя из описанного, можно заключить, что феномен гейминга – это неотъемлемая часть более всеобъемлющего явления под названием «виртуальное пространство», которое по своему масштабу в современном мире уже приобрело свойство трансцендентности. При этом гейминг обладает собственным онтогенезом, в котором воздействие реального социального пространства со сформированным культурным, религиозным, гендерным и даже политическим ландшафтом оказывает затухающее

воздействие по мере роста пространства виртуальности в жизни индивида. Это приводит к изменению структуры «Я», позволяя через механизм виртуализации социальных атрибуций переформатировать ценностную компоненту личности, систематически воздействуя на ее когнитивную и эмоциональную сферы. Как результат, возрастает эрозия социальных, особенно межпоколенных связей, ускоряется социальная аномия, приводя к утрате общенационального «культурного кода», что потенциально сказывается на социальной безопасности страны.

Заключение

Итак, геймер формирует свою идентичность совершенно иначе, чем человек доцифрового мира. Телесные признаки человека становятся вторичными, они носят инструментальный характер, подчиненной одной цели – достижению успеха в игре. Субъект оказывается в амбивалентном пространстве, в котором, с одной стороны, он обладает абсолютной свободой выбора своих индивидуальных качеств, с другой – набор этих характеристик является лишь имитацией свободы воли, так как задан разработчиком игры и позволяет реализовывать индивидуальность исключительно в конечном списке трафаретных аватаров.

Потенциальная угроза социальной безопасности в данном случае связана с ростом конкуренции социализирующих институтов, в результате которой воздействие традиционных форм: семьи, школы, коллектива ровесников – достаточно рано утрачивает формирующий импульс, который перехватывается виртуализированными институтами, такими как социальные сети и игровые сообщества. В итоге структура социальных идентичностей индивида, ранее ориентированных на его вхождение в сложное социальное пространство, сочетающее как личное и общественное, так и государственное измерение, трансформируется во внутриличностную химеризацию идентичностей, где виртуальные идентичности являются не дополнением социальных, а их симулякр. В результате происходит фрагментарная или дисперсная социализация, при которой у формально взрослого человека типы социальной идентичности, ориентированные на реальную жизнедеятельность, инфантилизованы, поскольку их развитие закончилось в детско-подростковом возрасте – по мере погружения индивида в виртуальную среду, а виртуальные идентичности, напротив, максимально актуализированы и воспринимаются им как базовые. В перспективе увеличение численности носителей идентичности «Homo virtualis» до значимых количественных показателей несет серьезные риски для страны, подтачивая самое тело исторической субъектности, на котором выстраивается консенсус общества и государства.

Список литературы

- [1] Кузнецова Е.И. Цифровая эпоха: грани нового социокультурного опыта // Общество: философия, история, культура. 2023. № 4 (108). С. 36–40. DOI: 10.24158/fik.2023.4.4 EDN: QSUWEN
- [2] Играть // Даль В. Толковый словарь. Т. II. М. : М.О. Вольф, 1881. С. 2.
- [3] Миллер С. Психология игры. СПб. : Университетская книга, 1999.
- [4] Ретюнских Л.Т. Философия игры. М. : Вузовская книга, 2002. EDN: SYZHLJ
- [5] Кайуа Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. М. : ОГИ, 2007.
- [6] Хейзинга Й. Homo Ludens. М. : Прогресс – Традиция, 1997.
- [7] Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1990. EDN: VQMUNR
- [8] Гири К. Интерпретация культур. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. EDN: QOCQVP
- [9] Turkle S. Life on the Screen. New York City : Simon & Schuster, 1995.
- [10] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : Азбуковник, 1999.
- [11] Афанасьева В.В. Homo Virtualis: психологические характеристики // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10. № 2. С. 59–64. DOI: 10.18500/1819-7671-2010-10-2-59-64 EDN: MRMSGT
- [12] Meyers E. Tip of the Iceberg: Meaning, Identity, and Literacy in Preteen Virtual Worlds // Journal of Education for Library & Information Science. 2009. Vol. 50. No. 4. P. 226–236.
- [13] Abrams S. Association Through Action: Identity Development in Real and Virtual Video Game Environments // National Society for the Study of education. 2011. Vol. 110. No. 1. P. 220–243. DOI: 10.1177/016146811111301310
- [14] Hutchinson R. Performing the Self: Subverting the Binary in Combat Games // Games and Culture. 2007. Vol. 2. No. 4. P. 283–299. DOI: 10.1177/1555412007307953
- [15] Hefner D., Klimmt C., Vorderer P. The Video Game Experience as “True” Identification: A Theory of Enjoyable Alterations of Players’ Self-Perception // Communication Theory. 2009. Vol. 19. No. 4. P. 351–373. DOI: 10.1111/j.1468-2885.2009.01347.x
- [16] Tronstad R. Character identification in World of Warcraft: Relationship between capacity and appearance // Digital Culture, Play, and Identity / edited by G. Hilde. Corneliussen and Jill Walker Rettberg. Cambridge, MA : MIT Press, 2008. P. 248–263.
- [17] Hagstrom C. Playing with names: Gaming and naming in World of Warcraft. In: Digital Culture, Play, and Identity / edited by H.G. Corneliussen, J.W. Rettberg. Cambridge, MA : MIT Press, 2008. P. 265–281.
- [18] Crawford G., Gosling V. More than a Game: Sports-Themed Video Games and Player Narratives // Sociology of Sport Journal. 2009. Vol. 26. No. 1. P. 50–66. DOI: 10.1123/ssj.26.1.50
- [19] Dubbelman T. Playing the Hero: How Games Take the Concept of Storytelling from Representation to Presentation // Journal of Media Practice. 2011 Vol. 12. No. 2. P. 157–172. DOI: 10.1386/jmpr.12.2.157_1
- [20] Черникова С.А., Черданцев В.П., Вишкова Г.А. Современные проблемы социальной безопасности // Фундаментальные исследования. 2015. № 11–4. С. 836–838. EDN: VDFYAL
- [21] Царева А.В. Человек в сети: смена веб-поколений // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 5. С. 36–54. EDN: RCLUPT
- [22] Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности / пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2017.

- [23] Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. А.В. Михайлова. М. : Академический проект, 2009.
- [24] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е.Д. Руткевич. М. : Медиум, 1995.
- [25] Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / сост. и общ. пер. с фр. и послесл. Н.А. Шматко. Ч. 1. СПб. : Алетейя, 2005. EDN: QOENQL
- [26] Гоффман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ. М. : Институт социологии РАН, 2003.
- [27] Эрикссон Э. Идентичность и цикл жизни. СПб. : Питер, 2023.

References

- [1] Kuznecova EI. The Digital Age: Facets of a New Sociocultural Experience. *Obschestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2023;(4):36–40. (In Russian). DOI: 10.24158/fik.2023.4.4 EDN: QSUWEH
- [2] Play. In: Dal V. *Explanatory dictionary*. Vol. II. Moscow: M.O. Wolf publ.; 1881. P. 6. (In Russian).
- [3] Miller S. *Psychology of the game*. Saint Petersburg: University Book publ.; 1999. (In Russian).
- [4] Retyunskikh LT. *Philosophy of the game*. Moscow: University Book publ.; 2002. (In Russian). EDN: SYZHLJ
- [5] Kaiua R. *Games and people. Articles and essays on the sociology of culture*. Moscow: United Humanitarian Publishing House publ.; 2007. (In Russian).
- [6] Huizinga Y. *Homo Ludens*. Moscow: Progress is a Tradition publ.; 1997. (In Russian).
- [7] Bahtin MM. *The Works of François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow: Artistic literature publ.; 1990. (In Russian). EDN: VQMUNR
- [8] Girtz K. *Interpretation of cultures*. Moscow: The Russian Political Encyclopedia publ.; 2004. (In Russian). EDN: QOCQVP
- [9] Turkle S. *Life on the Screen*. New York City: Simon & Schuster; 1995.
- [10] Ozhegov SI, Shvedova NYu. *Explanatory dictionary of Russian language: 80,000 words and phraseological expressions*. Moscow: Azbukovnik publ.; 1999. (In Russian).
- [11] Afanasyeva VV. Homo Virtualis: Psychological Characteristics. *News of Saratov University. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2010;10(2):59–64. (In Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2010-10-2-59-64 EDN: MRMSGT
- [12] Meyers E. Tip of the Iceberg: Meaning, Identity, and Literacy in Preteen Virtual Worlds. *Journal of Education for Library & Information Science*. 2009;50(4):226–236.
- [13] Abrams S. Association Through Action: Identity Development in Real and Virtual Video Game Environments. *National Society for the Study of education*. 2011;110(1):220–243. DOI: 10.1177/016146811111301310
- [14] Hutchinson R. Performing the Self: Subverting the Binary in Combat Games. *Games and Culture*. 2007;2(4):283–299. DOI: 10.1177/1555412007307953
- [15] Hefner D, Klimmt C, Vorderer P. The Video Game Experience as “True” Identification: A Theory of Enjoyable Alterations of Players’ Self-Perception. *Communication Theory*. 2009;19(4):351–373. DOI: 10.1111/j.1468-2885.2009.01347.x
- [16] Tronstad R. Character identification in World of Warcraft: Relationship between capacity and appearance. In: Corneliussen HG, Rettberg JW, editors. *Digital Culture, Play, and Identity*. Cambridge, MA: MIT Press; 2008. P. 248–263.
- [17] Hagstrom C. Playing with names: Gaming and naming in World of Warcraft. In: Corneliussen HG, Rettberg JW, editors. *Digital Culture, Play, and Identity*. Cambridge, MA: MIT Press; 2008. P. 265–281.

- [18] Crawford G, Gosling V. More than a Game: Sports-Themed Video Games and Player Narratives. *Sociology of Sport Journal*. 2009;26(1):50–66. DOI: 10.1123/ssj.26.1.50
- [19] Dubbelman T. Playing the Hero: How Games Take the Concept of Storytelling from Representation to Presentation. *Journal of Media Practice*. 2011;12(2):157–172. DOI: 10.1386/jmpr.12.2.157_1
- [20] Chernikova SA, Cherdancev VP, Vshivkova GA. Modern Problems of Social Security. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2015;11(4):836–838. (In Russian). EDN: VDFYAL
- [21] Careva AV. Man on the Net: Changing Web Generations. *Jurnal sociologii i social'noi antropologii*. 2012;15(5):36–54. (In Russian). EDN: RCLUPT
- [22] Zimbardo F, Colombe N. *Man in detachment: Games, porn and loss of identity*. Moscow: Alpina Publisher publ.; 2017.
- [23] Husserl E. *Ideen zur einer reinen phanomenologie und phamenologischen philosophi*. Mihailov AV, transl. Moscow: Akademicheskii proekt publ.; 2009. (In Russian).
- [24] Berger P, Luckmann T. *Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge*. Rutkevich ED, transl. Moscow: Medium publ.; 1995. (In Russian).
- [25] Bourdieu P. *Espace social: champs et pratiques*. Saint Petersburg: Aleteya publ.; 2005. (In Russian). EDN: QOENQL
- [26] Goffman E. *Frame analysis: an Essay on the organization of experience*. Moscow: Institut sociologii RAN publ.; 2003. (In Russian).
- [27] Erikson E. *Identity and the Life Cycle*. Saint Petersburg: Piter publ.; 2023. (In Russian).

Сведения об авторах:

Иванов Андрей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией, Научно-экспертная лаборатория экспертиз социогуманитарного профиля, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18. ORCID: 0000-0002-6491-6267. SPIN-код: 9233-2000. E-mail: Berserk2004@yandex.ru

Козлов Вадим Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18. ORCID: 0000-0002-7152-152X. SPIN-код: 4185-6890. E-mail: vadim.kozlov@list.ru

Гузейров Ришат Арифুলлович – кандидат исторических наук, проректор по комплексной безопасности, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18. ORCID: 0009-0007-4424-1526. SPIN-код: 7031-8766. E-mail: rg926388@rambler.ru

About the authors:

Ivanov Andrey V. – CSc in History, Associate Professor, Head of the Laboratory, Scientific and Expert Laboratory of Expertise of socio-humanitarian profile, Kazan (Volga) Federal University, 18 Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-6491-6267. SPIN-code: 9233-2000. E-mail: Berserk2004@yandex.ru

Kozlov Vadim E. – CSc in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Anthropology and Ethnography, Kazan (Volga) Federal University, 18 Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7152-152X. SPIN-code: 4185-6890. E-mail: vadim.kozlov@list.ru

Guzeyrov Rishat A. – CSc in History, Vice-Rector for Integrated Security, Kazan (Volga) Federal University, 18 Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Russian Federation. ORCID: 0009-0007-4424-1526. SPIN-code: 7031-8766. E-mail: rg926388@rambler.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-381-397>
EDN: ROFXBD

Research Article / Научная статья

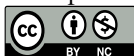
Свобода слова и самовыражения в цифровую эпоху: философский анализ и вызовы социальной безопасности

Т.Ю. Лифанова , С.А. Лифанов , А.В. Веревкин

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
 lifanova.tatiyana@gmail.com

Аннотация. Современное информационное пространство формирует новые вызовы для свободы слова и самовыражения, связанные с цифровой цензурой, распространением дезинформации и алгоритмическим регулированием контента. В условиях растущей зависимости общества от цифровых технологий возникает необходимость переосмысления механизмов защиты свободы выражения мнений, особенно в контексте социальной безопасности. Целью настоящего исследования является анализ философских оснований свободы слова в цифровую эпоху через призму концепции Т. Скэнлона, а также оценка роли медиаобразования как инструмента, способствующего формированию критически мыслящего общества. В качестве материалов использованы современные исследования в области философии, медиаобразования и цифровых технологий, а методологической основой выступают философский анализ, междисциплинарный подход и изучение кейсов, связанных с регулированием свободы выражения в цифровой среде. Результаты исследования показывают, что традиционные правовые меры регулирования информационного пространства не всегда оказываются эффективными и могут противоречить принципу автономии личности. В отличие от них развитие медиаграмотности позволяет гражданам осознанно воспринимать информацию и выстраивать собственную коммуникативную стратегию, снижая зависимость от институциональных и технических механизмов контроля. В соответствии с базовыми особенностями философского подхода, авторы рассматривают свободу слова как не только юридическую категорию, но и фундаментальный принцип, обеспечивающий интеллектуальную самостоятельность личности. Специфика исследования заключается в интеграции философского дискурса о свободе выражения с актуальными вызовами цифровой среды, что позволяет предложить новые подходы к обеспечению социальной безопасности без ущерба для демократических ценностей. Исследование обосновывает необходимость баланса между защитой информационного пространства и сохранением автономии индивидов, подчеркивая, что эффективная стратегия регулирования должна включать не только правовые меры, но и образовательные инициативы, способствующие развитию критического мышления и осознанного взаимодействия с медиа.

© Лифанова Т.Ю., Лифанов С.А., Веревкин А.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: медиаобразование, критическое мышление, информационная безопасность, цензура, автономия личности, цифровизация

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан АР19679699 «Религиозность/духовность, благополучие и идентичность казахстанской молодежи: сравнительное страновое исследование».

Вклад авторов. Все авторы внесли равный вклад в концепцию, подготовку и написание текста.

История статьи:

Статья поступила 16.12.2024

Статья принята к публикации 07.03.2025

Для цитирования: Лифанова Т.Ю., Лифанов С.А., Веревкин А.В. Свобода слова и самовыражения в цифровую эпоху: философский анализ и вызовы социальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 381–397. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-381-397>

Freedom of Speech and Expression in the Digital Age: Philosophical Analysis and Social Security Challenges

Tatiana Yu. Lifanova , Sergey A. Lifanov , Alexey V. Verevkin

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

 lifanova.tatiana@gmail.com

Abstract. Today's information space poses new challenges to freedom of expression and freedom of speech associated with digital censorship, the spread of misinformation and algorithmic regulation of content. With society's growing dependence on digital technologies, there is a need to rethink mechanisms for protecting freedom of expression, especially in the context of social security. The aim of this study is to analyse the philosophical foundations of freedom of expression in the digital age through the prism of T. Scanlon's concept and to assess the role of media education as a tool to promote the formation of a critically thinking society. The materials are based on contemporary research in philosophy, media education and digital technologies. The methodological basis is philosophical analysis, interdisciplinary approach and case studies related to the regulation of freedom of expression in the digital environment. The results of the study show that traditional legal measures to regulate information space are not always effective and may contradict the principle of individual autonomy. In contrast, the development of media literacy allows citizens to consciously perceive information and build their own communication strategy, reducing dependence on institutional and technical control mechanisms. In accordance with the basic features of the philosophical approach, the authors consider freedom of speech as not only a legal category, but also a fundamental principle that ensures the intellectual autonomy of the individual. The specificity of the study lies in the integration of the philosophical discourse on freedom of expression with the current challenges of the digital environment, which allows us to propose new approaches to ensuring social security without compromising democratic values. The study substantiates the need for a balance between protecting the information space and preserving the autonomy of individuals,

emphasising that an effective regulatory strategy should include not only legal measures, but also educational initiatives that promote critical thinking and conscious interaction with media.

Keywords: media education, critical thinking, information security, censorship, personal autonomy, digitalisation

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding of Sources. The study was carried out within the framework of the implementation of the scientific project of grant funding of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan AP19679699 “Religiosity/spirituality, well-being and identity of Kazakhstani youth: a comparative country study”.

Contribution of authors. All the authors contributed equally to the conception, preparation and writing of the text.

Article history:

The article was submitted on 16.12.2024

The article was accepted on 07.03.2025

For citation: Lifanova TYu, Lifanov SA, Verevkin AV. Freedom of Speech and Expression in the Digital Age: Philosophical Analysis and Social Security Challenges. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):381–397. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-381-397>

Введение

Проблема свободы в истории философии обладает исключительной многогранностью и неисчерпаемостью, поскольку человек одновременно и свободен, и несвободен. Концепция свобода слова и самовыражения является одним из базовых оснований рассмотрения как политических ценностей демократического общества, так и, собственно, природы самого человека, выступая, например, в концепции А. Маслоу вершиной реализации человеческих потребностей в их иерархической форме. В этом контексте можно с уверенностью утверждать, что свобода самовыражения является одним из ключевых аспектов человеческой свободы. Однако в эпоху цифровых технологий и глобальных информационных вызовов ее границы становятся предметом активных дискуссий. Свободный доступ к компьютерным и интернет-технологиям зачастую создает лишь видимость свободы, особенно когда речь идет о свободе самовыражения, осуществляемой через медиатехнологии. В этом контексте особую значимость приобретают вопросы не только доступности информации, но и допустимости регулирования информационных потоков. Стоит отметить, что в международных документах и исследованиях проблемы, связанные с правовыми, политическими и этическими аспектами ограничения распространения данных поднимаются уже достаточно давно [1].

В исследовательской литературе термины «свобода слова», «свобода речи», «свобода выражения» и «свобода коммуникации» («freedom of speech», «free speech», «freedom of expression», «freedom of communication»)

в основном используются эквивалентно, хотя в целом возможно выделить их определенные различия [2]. Например, широко известно, что художественные выражения, такие как танцы и живопись, попадают в сферу этой свободы, даже если они непосредственно, не квалифицируются как «речь», которая интуитивно подразумевает некий вид языкового высказывания. Тем не менее, они явно могут быть определены как коммуникативная деятельность, передающая некое сообщение, каким бы неопределенным или открытым для интерпретации оно ни было.

Предметом обсуждения в данном случае становятся вопросы различения содержания речи от собственно коммуникативного действия (или поступка) и его особенностей, с целью исключения последнего из защиты. В качестве примера возможно отметить обоснование феномена свободы выражения в работе М. Крамера «Свобода выражения как самоограничение» [3], согласно которому каждая система управления морально обязана воздерживаться от наказания любой коммуникативной деятельности как таковой. Другими словами, любые ограничения, налагаемые системой управления на некоторую коммуникативную деятельность, являются морально законными только в том случае, если они были наложены не потому, что деятельность является коммуникативной, а потому, что она представляет собой тип неправомерного поведения, неправильность которого не зависит от коммуникации. Центральным для такого описания свободы выражения становится понятие независимости от коммуникации, которая, прежде всего, подразделяется на нейтральность темы (предмета) и нейтральность точки зрения.

В случае, когда идет речь о «*нейтральности предмета*», система управления и права, в рамках которой должным образом соблюдается именно это ограничение, не делает различий между темами, допустимыми для обсуждения в рамках разрешенных коммуникативных действий. Примером подобного ограничения может служить рекомендация воздерживаться от публичного обсуждения вопросов, выходящих за рамки одобренной «повестки дня». Такое ограничение, конечно же, противоречит принципу свободы слова, но, учитывая не степень ограничения, а его детальность, можно отметить, что «*нейтральность предмета*» воспринимается как менее значимый запрет и нарушение свободы.

В случае же несоблюдения принципа «*нейтральности точки зрения*» возможно ввести цензуру не столько на обсуждение отдельных тем, сколько на выражение определенной позиции (например, поддержка одной политической партии и т.д.). Любое такое исключение является менее обширным, но более значимым. М. Крамер отмечает, что избирательность такой дискриминации особенно прискорбна, поскольку она так вопиющим образом отклоняется от самоограничения, которое морально требуется от каждой системы управления в соответствии с принципом свободы выражения мнения. С одной стороны, такое самоограничение может быть грубо нарушено посредством любых всеобщих ограничений на коммуникации в контекстах, где никакие

существенные ограничения не являются морально допустимыми [3. Р. 478]. Данный вопрос представляется в определенной степени лишь частной проблемой обширной цифровой этики, с упором на основные этические проблемы цифровых технологий – от искусственного интеллекта и больших данных до Интернета вещей и социальных сетей [4]. В то же время мы считаем, что практическим эффективным механизмом реализации искомой «функции самоограничения», выступает концепция медийной и информационной грамотности, формирующая, в том числе посредством философской методологии, навыки критического восприятия и оценки социальной реальности.

Задача же нормативной концепции свободы слова – предложить отчет о ценностях, поставленных на карту, что, в свою очередь, может пролить свет на виды деятельности, в которых эти ценности реализуются, и на виды ограничений, которые проявляют враждебность к этим ценностям [5]. Например, если свобода слова оправдана ценностью уважения прерогативы граждан выслушивать множество точек зрения и составлять собственное мнение, то запрет на обсуждение как тем, так и точек зрения для ограничения взглядов, которыми будут обмениваться граждане, явно несовместим с этой целью. Если же, напротив, такая деятельность запрещена как часть общеприменимого постановления, ограничивающего «разведение костров в общественных местах» (или использование технологии *deepfake*), то это, скорее всего, не вызовет никаких проблем со свободой слова.

Стремление отличить речь от поведения с целью обосновать практические, этические следствия бесконтрольного распространения информации, актуализирует поиск и аргументацию нормативов, в соответствии с которыми должна распространяться и ограничиваться информация без ограничения коммуникации. Исследователи отмечают отсутствие четкого консенсуса относительно того, что именно должны содержать эти нормы, и довольно широкий диапазон мнений по этому поводу: от утверждения/отрицания законности удаления только определенного контента и/или ограничения доступа к нему до полной блокировки соответствующих информационных платформ, обеспечивающих коммуникативное взаимодействие [6]. В исследовательской литературе обсуждаются и глобальные нормативные меры, примером которых является общий регламент по защите персональных данных (GDPR), включающий этические соображения, реализуемые на этапе разработки программного обеспечения [7]. Центральный вопрос заключается в том, должно ли потенциальное содержание речи быть морально значимым при вынесении суждений о тактике превентивного противодействия коммуникации [6; 8].

В статье иллюстрируются, что одним из значимых философских подходов к свободе слова является концепция Томаса Скэнлона, который рассматривает ее не только как юридическую норму, но и как принцип, обеспечивающий автономию личности и формирование рационального общественного дискурса. Обращение к современным аспектам теории медиаобразования, значительно трансформировавшейся за последние десятилетия,

демонстрирует смещение акцентов в образовательных приоритетах: от традиционной ориентации на освоение навыков получения и создания медиаконтента – к формированию умений, обеспечивающих медиабезопасность личности и общества. Сегодня медиа- и информационная грамотность рассматриваются, прежде всего, как инструмент защиты от информационных угроз, а не только как средство выражения культурных, политических и иных прав.

Свобода самовыражения, безопасность и автономия личности

Основная задача целостного обоснования права на свободу слова и самовыражения заключается в систематизации различных подходов к его пониманию путем интеграции социально-философского анализа, теории коммуникации и философии права. В контексте работы Т. Скэнлона «Теория свободы самовыражения» [9] возможно отметить, что главная сложность ее философского обоснования состоит в преодолении иррациональности в ее трактовке, которая проявляется в рассогласовании сохранения привилегированного статуса «актов самовыражения» с правовой оценкой их возможных последствий. Примером такой иррациональности Т. Скэнлон считает позицию, согласно которой уверенность в своих правах и целях приводит к неприятию альтернативных точек зрения, поскольку их признание может свидетельствовать о сомнении в собственной правоте (если вы твердо уверены в своей правоте, вы не допустите, чтобы чужие слова этому мешали), недооценке силы слова или безразличии к результату.

Таким образом, от философского подхода требуется, во-первых, разграничение «слова» и «действия», во-вторых, обоснование свободы слова и самовыражения как категории «охраняемых актов» – актов, которые, обладая привилегированным статусом, должны быть освобождены от ограничений, и, в-третьих, рассмотрение свободы слова как частного случая более широкой категории свободы самовыражения.

В качестве базового определения в дальнейшем анализе свободы слова возможно опереться на дефиницию Т. Скэнлона, который отмечает, что «акты самовыражения» представляют собой обширную категорию, включающую не только словесные и печатные, а также художественные формы, но и любое действие – реальное или символическое, демонстрирующее то или иное содержание, обладающее смыслом (от жестов до бросания бомб, политических убийств и самосожжения). Однако, по его мнению, важно определить подкатегорию «защищенных актов», исключая из нее очевидно неподходящие случаи [9. Р. 206].

Исходным затруднением при анализе возможности ограничения свободы самовыражения является разграничение «*формы*» и «*содержания*». Если говорить о «форме», то ограничению могут подлежать только способы и сопутствующие условия (от уровня шума, допустимого в определенное время суток

до времени и места, где возможно публичное действие, собрание, митинг и т.д.). Такая чисто техническая позиция по отношению к возможности ограничения «речи», с одной стороны, недостаточна, с другой, даже не выглядит нарушением самой широкой трактовки свободы слова. Иначе дело обстоит с «содержанием», суждением, смыслом, которые отражает акт самовыражения. В этом случае необходимо определиться как минимум с тремя вопросами: (1) в частном случае наличия определенного вреда обществу возможно ли утверждать, что именно чья-то речь (например, призыв к ограблению банка), послужила причиной действия, а не была заменена собственным суждением; (2) в случае анализа существующих в обществе ограничений свободы слова выяснить, в какой степени доктрина основана на естественных моральных принципах и в какой степени она есть искусственный продукт, созданный, например, определенными политическими интересами, (3) не понимается ли «право на свободу выражения» как право на свободу общения. В качестве примера возможно отметить, что исследования мотивированного политического сознания показали, что зачастую поддержка свободы слова зависит от того, соглашаетесь ли вы с ее идеологическим содержанием [10]. Однако остается неясным, (А) открыто ли люди считают, что некоторая речь должна быть более свободной, чем другая речь; или (В) хотят чувствовать, что содержание речи не влияет на их суждения. Здесь мы находим поддержку (В) по сравнению с (А), используя ориентацию на социальное доминирование и политическую приверженность для прогнозирования поддержки свободы слова [10].

Иллюстрируя данное положение, возможно отметить, что когда мы представляем типичные нарушения нашего права на свободу слова, то чаще всего думаем о правительственной цензуре, запрете книг, преследовании журналистов и т.д. Популярный дискурс о свободе слова фокусируется на том, какие слова нам запрещено *произносить*, какие мысли нам не разрешено *выражать*. Таким образом, при анализе права на свободу слова существует тенденция фокусироваться либо на интересах говорящего, либо на интересах аудитории, сосредотачиваясь на различиях между ними. Целостный анализ понимания свободы слова должен переориентироваться на использование двустороннего подхода к самовыражению как совместному действию [11]. Определив некое действие как акт самовыражения – на основании его содержания и легитимной формы – необходимо, по мнению Т. Скэнлона, также проанализировать, к кому оно адресовано. Когда в рамках целостного анализа обозначены как субъект высказывания, так и объект коммуникативного воздействия, наиболее обоснованным путем к оценке допустимости ограничения такого действия становится обращение к оценке его последствий. И, хотя Т. Скэнлон, в целом, выступает против утилитарного подхода к свободе слова, именно такую прагматическую перспективу он частично допускает, поскольку в ряде случаев оценка высказывания как недопустимого может

основываться на последствиях, затрагивающих других людей – особенно когда эти последствия являются серьезными и предсказуемыми [9. Р. 225–226].

Т. Скэнлон, обобщая кейсы, содержащие примеры из повседневной жизни и юридической практики, в которых либо нарушалось право на свободу выражения мнения, либо, напротив, акты самовыражения приводили к негативным последствиям и причиняли вред, приходит к выводу, что выработка единого критерия оценки таких ситуаций затруднена, поскольку они слишком разнообразны по своему контексту, мотивации и последствиям. Универсальный принцип, охватывающий все возможные случаи, оказывается чрезмерно абстрактным, и, таким образом, неприменимым на практике. Таким образом, наиболее эффективным подходом становится поиск, описание и объяснение критериев, которые, учитывая различие между «словом» и «действием», описывали ли бы те отрицательные следствия, которые тем не менее не влекут за собой необходимость ограничивать речь (слово, сообщение, выражение точки зрения). Т. Скэнлон предлагает сформулировать данный критерий на основе идей Дж. С. Милля изложенных в трактате «О свободе». Так называемый «принцип Милля», помогает устранить иррациональные ограничения, объясняя, почему определенные последствия самовыражения не должны приниматься во внимание при юридическом регулировании; во-вторых, его можно применять к свободе самовыражения в целом без необходимости опираться на специальные права (например, политические) или определенные сферы деятельности (например, искусство или наука) [9. Р. 214–215].

Согласно данному принципу, существуют два типа вреда, которые не могут служить обоснованием для юридических ограничений самовыражения: 1) вред, представляющий собой формирование у людей искаженных или ложных представлений в результате актов самовыражения; 2) вредные последствия, возникающие в результате того, что выражение убеждений побуждает людей к определенным действиям. Такая концептуальная модель предлагает рациональный подход к определению границ свободы самовыражения, основанный на анализе допустимых и недопустимых последствий различных форм выражения мнений.

Таким образом, Т. Скэнлон рассматривает свободу самовыражения через призму принципа «необходимого обоснования» (principle of justifiability). В отличие от традиционных либеральных концепций, которые сводят защиту свободы слова к утилитарным или правовым аргументам, Скэнлон утверждает, что ограничения на выражение мнений должны оцениваться с точки зрения их влияния на автономию личности и формирование убеждений. Он не рассматривает свободу слова как нечто абсолютное, но подчеркивает, что ее защита критически важна, поскольку любые ограничения на выражение могут подорвать способность индивидов к рациональному осмыслению информации и самостоятельному принятию решений. Согласно Скэнлону государство не должно ограничивать высказывания на основании возможных

негативных последствий (например, введения кого-либо в заблуждение), если сами индивиды сохраняют возможность критического анализа информации. Таким образом, его теория свободы самовыражения фокусируется не на правах говорящего, а на *праве слушателя* формировать свое мнение без внешнего принуждения. Это делает его концепцию особенно актуальной в контексте медиаобразования и информационной безопасности, где центральной проблемой становится не просто защита свободы слова, а обеспечение условий для свободного и осознанного восприятия информации.

Медийная и информационная грамотность: о свободе самовыражения с точки зрения создателей и потребителей контента

Следуя устоявшейся исследовательской традиции, можно утверждать, что введение ограничений на свободу слова требует более весомого и аргументированного обоснования, чем ее защита, которая во многих концептуальных подходах рассматривается как самоочевидная ценность. Этически значимо признание того, что люди должны иметь неограниченное право на выражение своих взглядов в любой ненасильственной форме. Тем не менее оправдание свободы слова можно представить через ряд тезисов, как обосновывающих свободу слова, так и имманентно допускающих ее ограничение. При этом зачастую базовое моральное обоснование закона о свободе слова не обязательно должно иметь форму естественного морального права. Например, консеквенциалисты могут отдавать предпочтение законному праву на свободу слова, не думая, что оно следует какому-либо базовому естественному праву. Исходя из положений Т. Скэнлона, можно взять за основу деонтологический дискурс, в рамках которого становится понятным, почему свобода слова функционирует как своего рода побочное ограничение законных действий государства, требуя, чтобы государство всегда оправдывало свои решения таким образом, чтобы уважать автономию граждан [9]. Это положение получает развитие в рамках двух взаимодополнительных подходов – «теории слушателей» и «теории ораторов» [2].

Так называемая «теория слушателей» (listener theories) позволяет предположить, что государство запрещает доступ к источникам информации. В прошлом это были определенные книги, сейчас, например, новостные сайты или платформы социальных сетей, мотивируя это защитой граждан от «вредной» информации, потому что распространяемая там информация может дестабилизировать общество или привести к нежелательным политическим следствиям. Достаточно убедительной аргументацией здесь служит социальная безопасность, но в аспекте концепции автономии такие запреты могут рассматриваться как ущемление права на свободный выбор информации. Иными словами, с точки зрения теории слушателей, такая практика является проявлением неуважения к гражданам, поскольку предполагает, что они не способны самостоятельно оценить правдивость или полезность

информации. В теориях слушателей роль говорящего остается инструментальной, как источника информации, который в итоге составляет разнообразный публичный дискурс. Главные интересы аудитории лежат в результатах – истине, знаниях и ярком рынке идей. Важно качество информации, а не личность говорящих.

Согласно «теории ораторов» (*speaker theories*) акцент делается на том, что свобода слова оправдана, в первую очередь, нашими интересами как «говорящих». Возможность самовыражения как таковая, играет ключевую роль в реализации искомой личной автономии, в том числе посредством рефлексии. Свобода самовыражения может быть реализована в исследуемом контексте как в общении с аудиторией, так и в отсутствии непосредственных слушателей, например, через ведение дневника [12]. Случай, когда речь лишена аудитории, сохраняет свой значимый статус в контексте свободы слова, основываясь на ценностях самовыражения [13]. С точки зрения «говорящего» запрет на выражение мнения здесь, с одной стороны, недопустим, а с другой – не требуется. Однако не менее значимым является обмен мыслями с другими: обсуждения помогают формировать представления о справедливости, хорошей жизни и идентичности, а также способствуют обучению и убеждению.

Очевидным примером из цифровых технологий, где реализуется такая свобода самовыражения и обмена будут социальные медиа, блоги, форумы и т.д. Например, публикация личных эссе или постов в социальных сетях, по сути, является цифровым аналогом ведения дневника, а дискуссии на любой платформе (например, на Reddit – <https://www.reddit.com/> и т.д. и т.п.) теоретически направлены на свободный обмен взглядами и формирования новых идей. В ситуации, когда коммуникация выдвигается на передний план, авторы подчеркивают важность для теории свободы слова публичного дискурса в целом [13; 14]. С развитием цифровых технологий природа коммуникативных отношений сама по себе играет более важную роль в этом процессе, а интересы говорящего и его аудитории тесно переплетены.

С точки зрения слушателей важно помнить, что при сохранении всех исходных положений в контексте цифровизации экспоненциально возрастает аудитория практически любого контента, делая его более «влиятельным». Хотя новые медиа могут быть полезным инструментом, помогающим пользователям организовываться, создавать контент и распространять его, увеличение дозировки массовой коммуникации во время беспорядков может трансформировать энергию граждан в пассивное знание, и это может привести к тому, что люди станут пассивными протестующими [15]. Эта нарастающая тенденция с позиции концепции социальной безопасности ведет к необходимости упомянуть понятие «инфодемии» (*infodemic*) как ее неотъемлемой характеристики. В эпоху, когда доминирует цифровое распространение информации, и в информационной экосистеме, в которой цифровой разрыв продолжает оставаться глобальной проблемой, недавно появился новый

термин, который отражает глубокое влияние цифровой эпохи на наш информационный ландшафт: «инфодемия», полученный из слияния терминов «*информация*» и «*эпидемия*» [16; 17]. Современные исследователи определяют ее как поток информации, как объективной, так и ложной, которая «затопляет» общественность во время важных событий. Эти феномены имеют далеко идущие последствия, влияя на общественное здоровье, способствуя принятию коллективных решений и влияя на индивидуальное поведение [18]. В этих условиях не трудно привести множество аргументов за ограничения информационных потоков: вредоносный контент часто создается намеренно (1), распространяется «вирусно» (2) и имеет реальные последствия (3).

Многочисленные примеры показывают, что распространение вредоносного контента в социальных сетях приводит к нерациональному использованию ресурсов во время стихийных бедствий, способствует распространению дезинформации, сеет недоверие, манипулирует убеждениями людей и влияет на политические мнения и поддержку [19]. Например, экономические исследования показывают, что распространение фейковых новостей наносит мировой экономике реальный ущерб в десятки миллионов долларов ежегодно [20]. Такой контент может включать в себя, помимо прочего, фейковые новости, мошеннические сообщения, онлайн-троллинг и многое другое.

Таким образом, обнаружение дезинформации и разработка стратегий, которые могут помочь эффективно сдерживать распространение вредоносного контента, находятся в центре внимания исследователей и практиков. И самый простой выход – запретить что-нибудь (мессенджер, веб-ресурс и т.д.)¹. Но здесь есть свои сложности, так как пример с «мошенническими сообщениями» вновь актуализирует задачу разграничения «речи» и «действия», поскольку они в некотором смысле сохраняют за собой статус «речевых актов», и могут быть квалифицированы как неправомерное действие только по факту наступления неблагоприятных следствий. А, как это уже упоминалось выше, любые ограничения не должны быть наложены потому, что деятельность является коммуникативной. Как если бы мы ограничивали деятельность почты на основании того, что люди лгут в письмах. Т. Скэнлон отмечает, что

¹ В последние годы в различных странах наблюдается тенденция к ограничению или запрету мобильных приложений по соображениям национальной безопасности, защиты данных или общественного порядка. Несколько примеров таких запретов в разных странах: (1) Согласно аналитическому докладу проекта App Censorship в рамках GreatFire более 60 % приложений Apple либо недоступны либо запрещены в Китае. Среди них такие сервисы, как Google Maps, YouTube, Instagram, WhatsApp, Telegram, Facebook, Messenger и Twitter. Эти ограничения связаны с политикой цензуры и контроля информации в стране. Режим доступа: <https://appcensorship.org/files/Isolation-By-Design.pdf> (дата обращения: 15.12.2024); (2) Запрет правительством Индии 14 мобильных приложений на территории страны, 13 из которых являются мессенджерами, со ссылкой на Ani News. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2023/05/02/20345906.shtml> (дата обращения: 15.12.2024); (3) Запрет TikTok в Албании в марте 2025 года. Аналогичный запрет действует в более чем 20 странах. Режим доступа: <https://www.reuters.com/technology/albania-starts-turning-off-tiktok-amid-concern-over-youth-violence-2025-03-13> (дата обращения: 15.12.2024).

«несомненная иррациональность доктрины о свободе самовыражения происходит из ее явного противоречия с тем принципом, что прерогативой государства – в действительности, частью его долга перед своими гражданами – является решение того, когда угроза какого-либо ущерба достаточно серьезна, чтобы служить основанием для ... разработки соответствующих правовых норм для отражения данной угрозы» [9. Р. 217]. Возможный ущерб от ложных представлений не предполагает тот факт, что автономный индивид (взрослый, дееспособный; как разумный и здравомыслящий, так и потенциально склонный к заблуждению) может позволить государству тотально защищать его посредством ограничения самовыражения. Это, по сути, объясняет, почему противодействие интернет-цензуре принимает самые различные формы.

Тем не менее проблема остается – появление и распространение преднамеренно вредоносного контента существенно угрожает не просто целостности и качеству информации, но и косвенно подвергает опасности собственно свободу слова. Так что практики регулирования контента, например, разумная цензура или автоматизированные системы управления контентом в цифровых платформах (рекомендательные алгоритмы, «алгоритмическое подавление» и др.) остаются оправданными с точки зрения общественных целей. Эти технологии, вполне работоспособные, и что не менее важно обоснованные могут включать: (1) де-приоритизацию контента, что снижает его охват и вероятность взаимодействия с аудиторией; (2) теневое блокирование (*shadow banning*), при котором автор контента не получает уведомления об ограничении, но его публикации становятся менее заметными или недоступными для широкой аудитории; (3) автоматическую модерацию, использующую машинное обучение для фильтрации и удаления сообщений, считающихся нежелательными или противоречащими политике платформы. С методологической точки зрения здесь сохраняется в основном принцип «нейтральности предмета», а ограничение оправдано общественными интересами в духе консеквенциализма.

В определенном смысле реализация свободы самовыражения посредством технологий цифровой коммуникации может быть оценена как конкуренция технологий, обеспечивающих свободное распространение и сдерживание потоков информации. Одними из наиболее распространенных технологий становятся децентрализованные социальные сети (например, Mastodon, Nostr, Bluesky) и блокчейн-технологии, использующиеся для хранения информации и делающие цензуру менее эффективной. Например, децентрализованные новостные платформы позволяют журналистам публиковать материалы без опасения их блокировки [21]. Такие технологии не новы и активно развиваются. Среди других примеров можно упомянуть использование VPN и прокси-серверов, зеркальные сайты (*Mirrors*), криптографические технологии и многое другое. И здесь также вполне применим «принцип Милля» (в дефиниции Скэнлона), поскольку формирование ложных

представлений не может быть оценено как очевидный вред. По аналогии можно даже вспомнить, что это – риск, одобренный еще римским правом: *caveat actor*² и *caveat emptor*³.

В целом, представленный анализ убеждает нас в том, что технические меры ограничения доступа к информации являются менее эффективным инструментом регулирования информационной среды по сравнению с развитием критического мышления и медиаграмотности. Блокировки, будучи внешним и принудительным механизмом, не устраняют саму когнитивную потребность индивидов в разнообразии мнений и источников. В отличие от них критическое мышление и медиаграмотность формируют устойчивые навыки самостоятельного анализа и оценки достоверности информации, снижая восприимчивость к манипулятивным стратегиям. Таким образом, долгосрочное обеспечение информационной безопасности общества требует не столько технических запретов, сколько комплексных образовательных стратегий, способствующих развитию автономности субъекта в процессе обработки информации.

Два взаимодополняющих подхода («теория слушателей» и «теория ораторов»), могут быть применимы к анализу эволюции концепций медийной и информационной грамотности, последовательно акцентируя внимание на доступе к информации, ее критическом восприятии и праве на свободу выражение. Развитие медиаграмотности способствует осознанию влияния медиа на общество, а также формированию ключевых исследовательских и творческих навыков, необходимых большинству граждан современного цифрового мира [22. Р. 21]. Это означает, что человек должен уметь не только отличать достоверные источники от дезинформации, но и грамотно формулировать свою позицию и осознавать последствия своих высказываний. У истоков цифровой эпохи акцент сместился, и не менее важной задачей стало обучение людей тому, как выражать (в том числе в техническом, сугубо прикладном аспекте) свои мысли в медиапространстве.

Медийная и информационная грамотность включает в ее современной конфигурации значительное число компетенций и стандартов. «С ростом распространенности скрытого маркетинга, заблуждений (*mis- and disinformation*), поляризации в сети и за ее пределами, микротаргетинга (*microtargeting*) и кликбейта (*clickbait*) педагоги сталкиваются с новыми вопросами о том, как преподавать медиаэкосистему и что включать в свою учебную программу» [23. Р. 301]. Современное информационное общество требует трансверсальных компетенций, которые выходят за рамки академических областей, а не только знания одной конкретной дисциплины. Одной из таких компетенций, которая играет ключевую роль, является способность обрабатывать и использовать широкий спектр информации в качестве основы для разработки новых знаний [24]. Поскольку информация распространялась

² *Caveat actor* – действующий действует на свой риск.

³ *Caveat emptor* – покупатель действует на свой риск; качество на риске покупателя.

в новых средствах массовой информации и форматах, а обществу и образованию пришлось справляться с ее влиянием, информационная грамотность превратилась в *мультиграмотность* и *трансграмотность* [25]. Мультиграмотность и трансграмотность подразумевают собственный и гибкий подход к текущей трансмедийной среде, способность эффективно взаимодействовать с информацией в различных медиаформатах и средах.

Данные выводы, в целом, подтверждаются и эмпирическими замерами. Медиаграмотность (трансграмотность) расширяет возможности в трех основных аспектах: (1) сопротивление дезинформации, (2) способность работать с разными источниками информации, выявлять фейковые данные, критически анализировать сообщения СМИ, (3) борьба с монополистическим влиянием в социальных сетях [26].

Кроме того, в отличие от традиционной медиаграмотности, которая сосредоточена на понимании и анализе медиа, трансграмотность предполагает гибкость и способность перемещаться между разными форматами информации, комбинировать их и критически осмысливать контент вне зависимости от технических или платформенных ограничений. Такая универсальность может служить основой для последовательного и системного подхода к поиску ответов на новые информационные вызовы, обострившиеся с развитием больших данных и особенно актуализировавшиеся в связи с распространением генеративного искусственного интеллекта.

Заключение

Рассмотрение свободы слова и самовыражения в контексте цифровой среды позволяет выявить ключевые проблемы, связанные с регулированием информационного пространства, защитой автономии личности и обеспечением социальной безопасности. Исследование показало, что технологические методы контроля, включая алгоритмическое подавление контента и цензурные механизмы, не устраняют фундаментальную потребность общества в свободном доступе к информации. Напротив, такие меры могут создавать риски ограничения интеллектуальной свободы и формировать зависимость общественного сознания от предустановленных алгоритмов.

Таким образом, регулирование цифровой среды должно основываться не только на ограничительных механизмах, но и на стратегиях, направленных на повышение осведомленности граждан о принципах функционирования современных медиа. В условиях нарастающей информационной неопределенности наиболее действенным инструментом противодействия манипулятивным практикам становится медиаобразование. Оно позволяет не только развивать способность критически воспринимать информацию, но и способствует формированию активного гражданского участия в общественных дискуссиях.

Таким образом, медиа и информационная грамотность является не только одной из ключевых трансверсальных компетенций в университетском образовании, но и способом реализации свободы слова как с позиции слушателей, так и с точки зрения создания и распространения контента. Центральная роль критического мышления, хотя и очень значительная, должна сочетаться с другими типами грамотности, такими как медиаграмотность и информационная грамотность, что сформирует целостный и эффективный образовательный ландшафт. Таким образом, диверсификация типов грамотности становится тенденцией, показывающей, что сегодня требуется несколько типов грамотности, если человек хочет иметь подготовку и компетенции для решения задач академического, научного, новостного, социального и т. д. управления информацией в современном обществе. В этом контексте информационная грамотность продолжает играть фундаментальную, ведущую и объединяющую роль, поскольку она сливается с другими типами грамотности. Эта тенденция отражается в растущем использовании термина «мультиграмотность» и даже «трансграмотность».

Дальнейшие исследования, практические, методические разработки в данной области должны учитывать, что свобода выражения мнений и информационная безопасность должны находиться в динамическом балансе, обеспечивая как защиту общественных интересов, так и право каждого человека на свободный доступ к информации и самовыражение. Современный контент медиаобразования должен, на наш взгляд, включить рассмотрение проблем, связанных с использованием генеративного искусственного интеллекта (Generative AI), который в отличие от традиционных алгоритмов машинного обучения не просто воспроизводит, дублирует, а создает оригинальные данные, используя вероятностные модели и нейросетевые архитектуры, что при неконтролируемом развитии может стать угрозой для свободы выражения и приватности.

Список литературы / References

- [1] Wilson C, Grizzle A, Tuazon R, Akyempong K, Cheung CK. *Media and information literacy curriculum for teachers*. Paris: UNESCO; 2014.
- [2] Howard JW. Freedom of Speech. In: Zalta EN, Nodelman U, editors. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Stanford: Stanford University; 2024. Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2024/entries/freedom-speech> (accessed: 15.12.2024).
- [3] Kramer MH. Freedom of Expression as Self-Restraint. *Philosophy & Social Criticism*. 2022;48(4):473–483. DOI: 10.1177/01914537211072885 EDN: KCQEFV
- [4] Sue AT. How to think about freedom of thought (and opinion) in the age of AI. *Computer Law & Security Review*. 2024;(53):105969. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.105969 EDN: NWEMRX
- [5] Tetlock PE. Thinking the unthinkable: sacred values and taboo cognitions. *Trends in Cognitive Sciences*. 2003;7(7):320–324. DOI: 10.1016/S1364-6613(03)00135-9

- [6] Liagusha A, Iarovyi D. Memes, freedom, and resilience to information disorders: Information warfare between democracies and autocracies. *Social Sciences & Humanities Open*. 2024;(11):101247. DOI: 10.1016/j.ssaho.2024.101247 EDN: YWYVTU
- [7] Lasisi M, Adejumo S. Digital Ethics In: Baker D, Ellis L, editors. *Encyclopedia of Libraries, Librarianship, and Information Science*. Vol. 4. Elsevier Inc.; 2025. P. 118–124. DOI: 10.1016/B978-0-323-95689-5.00267-4
- [8] Witschge T. Passive accomplice or active disruptor: The role of audiences in the mediatization of politics. *Journalism Practice*. 2014;8(3):342–356. DOI: 10.1080/17512786.2014.889455
- [9] Scanlon T. A theory of Freedom of Expression. *Philosophy and Public Affairs*. 1972;1(2):204–226.
- [10] Eftedal NH, Lotte T. Motivated moral judgments about freedom of speech are constrained by a need to maintain consistency. *Cognition*. 2021;(211):104623. DOI: 10.1016/j.cognition.2021.104623 EDN: JNFDSD
- [11] Chan J. Understanding Free Speech as a Two-Way Right. *Political Philosophy*. 2024;(1):156–180. DOI: 10.16995/pp.15321 EDN: HHZRJC
- [12] Redish MH. Value of Free Speech. *University of pennsylvania law review*. 1982;(130):591–645. Available from: https://scholarship.law.upenn.edu/penn_law_review/vol130/iss3/2 (accessed: 15.12.2024). DOI: 10.2307/3311836
- [13] Shiffrin SV. A thinker-based approach to freedom of speech. *Constitutional Commentary*. 2011;(2):283–307.
- [14] Kendrick L. Are speech rights for speakers? *Virginia Law Review*. 2017;(8):1767–1808.
- [15] Eşitti Ş. Narcotizing Effect of Social Media. *Journal of the Institute of Social Sciences Cankiri Karatekin University*. 2016;(1):1015–1030.
- [16] Kuehn EF. The information ecosystem concept in information literacy: A theoretical approach and definition. *Journal of the Association for Information Science & Technology*. 2023;(4):434–443. DOI: 10.1002/asi.24733 EDN: VVGWOX
- [17] Briand SC, Cinelli M, Nguyen T, Lewis R, Prybylski D, Valensise CM, et al. Infodemics: a new challenge for public health. *Cell*. 2021;(25):6010-6014. DOI: 10.1016/j.cell.2021.10.031 EDN: VOLMVY
- [18] Germani F, Spitale G, Machiri SV, Ho C, Ballalai I, Biller-Andorno N, et al. Ethical Considerations in Infodemic Management: Systematic Scoping Review. *JMIR Infodemiology*. 2024;(4):e56307. DOI: 10.2196/56307 EDN: BBHAPC
- [19] Chakraborty S, Goyal S, Rieder A, Onuchowska A, Berndt DJ. Freedom of speech or freedom of reach? Strategies for mitigating malicious content in social networks. *Decision Support Systems*. 2024;182(7415):114235. DOI: 10.1016/j.dss.2024.114235 EDN: DRXPWP
- [20] Cavazos R. The Economic Cost of Bad Actors on the Internet: Fake News in 2019. Available from: <https://www.cheq.ai/fakenews> (accessed: 15.12.2024).
- [21] Huang T. Decentralized social networks and the future of free speech online. *Computer Law & Security Review*. 2024;(55):106059. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.106059 EDN: IUUZJO
- [22] Thoman E, Jolls T. *Literacy for the 21st century: An overview and orientation guide to media literacy education*. Santa Monica: Center for Media Literacy; 2008.
- [23] Boler M, Trigiani A, Gharib H. Media education: history, frameworks, debates and challenges, In: Tierney RJ, Rizvi F, Ercikan K, editors. *International Encyclopedia of Education* (fourth Edition). Elsevier Inc.; 2023. P. 301–312. DOI: 10.1016/B978-0-12-818630-5.08058-1

- [24] Lee S, Kim BG, Kim H. An integrated view of knowledge management for performance. *Journal of Knowledge Management*. 2012;16(2):183–203. DOI: 10.1108/13673271211218807
- [25] Pinto M, Garcia-Marco J, Caballero D, Manso R, Uribe A, Gomez C. Assessing information, media and data literacy in academic libraries: Approaches and challenges in the research literature on the topic. *The Journal of Academic Librarianship*. 2024;50(5):102920. DOI: 10.1016/j.acalib.2024.102920 EDN: BRGRFR
- [26] Mansoor HMH. Media and information literacy as a model of societal balance: A grounded meta-synthesis. *Heliyon*. 2024;10(3):e25380. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e25380 EDN: UJFIJO

Сведения об авторах:

Лифанова Татьяна Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, факультет философии и политологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, 050000, Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. ORCID: 0000-0003-2269-1255. SPIN-код: 7325-0528. E-mail: lifanova.tatiana@gmail.com

Лифанов Сергей Алексеевич – докторант кафедры философии, факультет философии и политологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, 050000, Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. ORCID: 0000-0002-2716-4254. SPIN-код: 1404-4430. E-mail: lifanov.sergey.a@gmail.com

Веревкин Алексей Валентинович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, факультет философии и политологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, 050000, Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. ORCID: 0000-0002-1817-8435. SPIN-код: 1724-7639. E-mail: phiosophy-sociology@mail.com

About the authors:

Lifanova Tatiana Yu. – CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Faculty of Philosophy and Political Science, Al-Farabi Kazakh National University, 71 al-Farabi Avenue, Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-2269-1255. SPIN-code: 7325-0528. E-mail: lifanova.tatiana@gmail.com

Lifanov Sergey A. – PhD Student of the Department of Philosophy, Faculty of Philosophy and Political Science, Al-Farabi Kazakh National University, 71 al-Farabi Avenue, Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-2716-4254. SPIN-code: 1404-4430. E-mail: lifanov.sergey.a@gmail.com

Verevkin Alexey V. – CSc in Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Work, Faculty of Philosophy and Political Science, Al-Farabi Kazakh National University, 71 al-Farabi Avenue, Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-1817-8435. SPIN-code: 1724-7639. E-mail: phiosophy-sociology@mail.com

История философии

History of Philosophy

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-398-419>

EDN: SCVEFY

Научная статья / Research Article

«Монструозный Кант»: рецепция оснований трансцендентальной философии Канта в концепции Я.Э. Голосовкера

Д.П. Козолупенко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

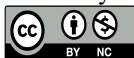
 petrovich.tr@gmail.com

Аннотация. В предлагаемом исследовании рассматривается одна из наименее известных рецепций кантовской мысли в русской философии: представления о фигуре «монструозного Канта» в работах Я.Э. Голосовкера. Актуальность данного исследования связана не только с малой доступностью и слабой исследованностью наследия последнего, но и с одновременным своеобразием его трактовки философии Канта и созвучностью этой трактовки общему пониманию оснований философии Канта в русской религиозной философии. Задачей статьи является восполнение пробела в кантоведческих исследованиях, посвященных русским рецепциям кантианства и одновременно прояснение вопроса об адекватности предложенной Я.Э. Голосовкером трактовки образа Канта наиболее известным из этих рецепций и самому кантовскому наследию. Выдвигается общий тезис о том, что несмотря на схематичность и даже «карикатурность» (по выражению самого Я.Э. Голосовкера) предложенного образа, он отражает те черты и аспекты кантовской философии, которые оказываются наиболее существенными для русских религиозных философов. Подчеркивается, что образ Канта–чёрта с его «карикатурной философией» принципиально отличается Я.Э. Голосовкером от Канта–софиста (истинного Канта) и имеет важное методологическое значение при прояснении связи гносеологических и этических оснований русской религиозной философии и ее специфического онтологизма.

Ключевые слова: логическая схема антиномии, онтология имажинативного разума, имажинативный абсолют

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Козолупенко Д.П., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 01.12.2024

Статья принята к публикации 05.03.2025

Для цитирования: Козолупенко Д.П. «Монструозный Кант»: рецепция оснований трансцендентальной философии Канта в концепции Я.Э. Голосовкера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 398–419. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-398-419>

“Monstrous Kant”: Reception of the Foundations of Kant’s Transcendental Philosophy in the Concept of Ya.E. Golosovker

Daria P. Kozolupenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

petrovich.tr@gmail.com

Abstract. The proposed research examines one of the less known receptions of Kantian thought in Russian philosophy: the ideas about the figure of “monstrous Kant” in the works of Ya.E. Golosovker. The relevance of this study is linked not only to the lack of accessibility and poor research of the latter’s legacy, but also to the originality of his interpretation of Kant’s philosophy and its concordance with the general understanding of Kant’s foundations in Russian thought. The goal is to fill a gap in studies of Kantology devoted to Russian receptions of Kant’s philosophy, while explaining some aspects of how appropriate it is to interpret the image of Kant as proposed by Ya.E. Golosovker. The proposed image reflects those features and aspects of Kantian philosophy that are most essential for Russian religious philosophers. The image of Kant as a “caricature philosopher” differs fundamentally from the true Kant, and has important methodological significance in understanding the connection between epistemology and ethics in Russian philosophy.

Keywords: logical scheme of antinomy, ontology of imaginative reason, imaginative absolute

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history:

The article was submitted on 01.12.2024

The article was accepted on 05.03.2025

For citation: Kozolupenko DP. “Monstrous Kant”: Reception of the Foundations of Kant’s Transcendental Philosophy in the Concept of Ya.E. Golosovker. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):398–419. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-398-419>

Введение

Наследие Канта, в том числе и тот след, который оставила кантовская мысль в философском и культурном пространстве России, изучается давно и с различных точек зрения. Кант – один из тех философов, чьи положения

стали для отечественной мысли катализатором собственных размышлений о человеке и его месте в мире, иногда оказываясь неожиданно созвучными, а иногда – вызывая яростное сопротивление и раздражение¹.

Лозунг Отто Либмана «Es muß auf Kant zurückgegangen werden»² [3. С. 216], позднее преобразованный в призыв «Назад, к Канту!», в нашей стране неоднократно переосмысливался. Часто отечественная мысль добавляла к этому лозунгу вопросительный знак и вступала в открытую или скрытую полемику с основными положениями Канта, кантианцев и неокантианцев, призывая вернуться еще дальше – назад к Платону, своеобразному антагонисту Канта по версии П. Юркевича, П. Флоренского и других русских мыслителей. Но как бы ни относились отечественные мыслители к кантовской философии, большинство из них принимало тезис Я.Э. Голосовкера о том, что «откуда и куда бы ни шел мыслитель по философской дороге, он должен пройти через мост, название которому – Кант» [1. С. 257].

Фигура Канта была одной из центральных и для самого Я.Э. Голосовкера. Отголоски кантовских положений обнаруживаются практически в каждом его тексте. Кант – единственная фигура, стоящая в его работах особняком, вне деления на философов – ученых и философов-поэтов, вне рамок «философии–как–науки» и «философии–как–искусства». «Монструозный Кант» [1. С. 104] оказывается шире и сложнее этой классификации – и в то же время служит ей основанием, подобно тому, как он служит основанием для многих других философских проектов в России, начиная с тех, которые были порождены непосредственным общением с ним – и заканчивая современными «кантостремительными» и «кантобежными» исследованиями.

Знаменательно, что знакомство с Я.Э. Голосовкером как с философом начинается для отечественного читателя с его работы, посвященной Канту. До ее выхода в 1963 году он считался первоклассным филологом, специалистом по античной мифологии, был известен как переводчик, однако в список отечественных философов не входил. Я.Э. Голосовкер в принципе малоизвестен как философ. Даже в лучших работах по «Истории русской философии»³ В.В. Зеньковского (1948) и Н.О. Лосского (1951) нет упоминания имени Я.Э. Голосовкера, несмотря на то, что их авторы дают максимально подробный абрис русской философской мысли. В предшествующих трудах Э. Радлова, А. Введенского, Г. Флоровского, Г. Шпета его нет также, но это более объяснимо: основные философские сочинения Я.Э. Голосовкера тогда не были еще написаны.

¹ Вопреки бытовавшему долгое время мнению о радикальном противостоянии православной русской философии и кантианства на русской почве [1. С. 169], отголоски которого можно найти и в построении работы Я.Э. Голосовкера «Достоевский и Кант», в целом «неприятие кантианства в России хотя и было влиятельным, однако никогда не доминировало, а, напротив, сосуществовало с разнообразными попытками его усвоения и развития, включая православную среду» [2. С. 2].

² Букв. «Необходимо вернуться к Канту» (нем.).

³ Здесь – отсылка к одноименным названиям работ указанных авторов.

В то же время сам Я.Э. Голосовкер считал себя в первую очередь именно философом, причем «философом-систематиком» [4. С. 195–196]. Стремление создать философскую систему отражалось и в тематике и строе его ранних работ⁴, и в особенности – в его основных произведениях, опубликованных преимущественно уже после его смерти, в которых он стремится воплотить единый «миф своей жизни»⁵ и создать целостную философскую систему. Однако эта система долгое время оставалась незамеченной критиками, а сам Я.Э. Голосовкер, по меткому замечанию своего племянника, был в отечественной культуре маргинальной фигурой, значащейся лишь «в примечаниях к истории литературы» [7. С. 481].

Данная ситуация объясняется в первую очередь тем, что основные философские работы Я.Э. Голосовкера дважды горели в огне, восстанавливались каждый раз автором по памяти и в неполном объеме, долгое время не публиковались⁶ и потому были мало доступны широкому кругу читателей. Не способствовало известности работ Якова Эммануиловича и то, что сам он частично «скрывал то, что создавал: не предавал свои сочинения гласности, не организовывал общественного мнения, не создавал для себя ореола при посредстве друзей или маклеров славы» [6. С. 8]. Как итог – многие его работы и даже его имя было известно, в основном, узким специалистам⁷, и ни составители Большой Советской Энциклопедии⁸, ни редакторы Философского энциклопедического словаря⁹ не упомянули его ни как филолога, ни как переводчика, ни как философа. Публикаций, посвященных работам Я.Э. Голосовкера, и сегодня крайне мало как в отечественной, так и в мировой философии¹⁰ – и большинство из имеющихся публикаций посвящены не интерпретации Канта, но другим сюжетам, затронутым в произведениях Я.Э. Голосовкера, с философией Канта непосредственно не связанных.

⁴ Например, Я.Э. Голосовкер уже «в начале 20-х гг. выступал с докладом о Достоевском в Московском отделении Вольной философской ассоциации, подготовил для журнала „Россия“ эссе „Сократ и Ленин“» [5. С. 99] и во всех без исключения произведениях выстраивал оригинальную и целостную концепцию культуры, рассматривая классические философские вопросы, и развивал собственную теорию имажинации.

⁵ Здесь – отсылка к одноименному названию одной из работ Я.Э. Голосовкера [6].

⁶ Философские тексты Голосовкера, за исключением труда «Достоевский и Кант», в отличие от работ, в которых он выступал только как переводчик, начали публиковаться лишь через двадцать лет после его смерти.

⁷ В основном тем, кто занимается античной мифологией. Так, например, Е.М. Мелетинский уделил его концепции несколько страниц в своей «Поэтике мифа» [8. С. 141–143].

⁸ Имеется в виду Большая советская энциклопедия в 30 т. / под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд. Т. 7. Гоголь-Дебют. М. : Советская Энциклопедия, 1972.

⁹ Философский энциклопедический словарь. М. : Советская Энциклопедия, 1983.

¹⁰ Наиболее значительный вклад в исследование творчества философа внесли Н.В. Брагинская (почти все публикации его текстов были осуществлены благодаря ей – и практически к каждой прилагались её сопроводительные статьи), Е.Б. Рашковский [9; 10] и Д.А. Морозов [11–14]. Среди публикаций иных авторов выделяются исследования Е. Флейшхауэр [15], М.О. Чудаковой [16], Т.В. Филатова [17], сравнительные исследования М.В. Собычковой [18] и О.Г. Арапова [19], а также вышедшие недавно коллективные монографии [20; 21].

В то же время практически все авторы, так или иначе пишущие о Я.Э. Голосовкере, отмечают их оригинальность и значимость для современной им философской мысли. Уже в 1968 году, после выхода «Достоевского и Канта» и прочтения рукописи «Имагинативного абсолюта», академик Н.И. Конрад характеризовал Я.Э. Голосовкера как «одного из образованнейших и глубоких мыслителей нашего времени – своеобразного и неповторимого» [22. С. 183]. Более поздние отзывы других исследователей лишь подтверждают эту оценку [5. С. 96, 107; 9. С. 148; 23. С. 604].

Центральная для его работ тема имагинации¹¹ может расцениваться как радикальное переосмысление роли воображения, что, безусловно, актуально и значимо для современной философии и в особенности для гносеологии, философии культуры, философской антропологии и эстетики. Обращение к философским текстам Я.Э. Голосовкера показывает, что он своеобразен и в попытке выстроить безрелигиозную систему обожествления культуры [4. С. 201], и в формировании нового понятийного аппарата, и в том, как представлен в его произведениях неявно центрирующий всю его философию образ Канта. Именно на последнем мы и сосредоточим наше внимание поскольку, во-первых, образ Канта, как уже было сказано, является центральным для всей «философской системы» Я.Э. Голосовкера и понять данную систему, минуя его трактовку кантовской философии практически невозможно; во-вторых, рецепция философской мысли И. Канта, которую представляет в своих работах Я.Э. Голосовкер, позволяет лучше понять, почему Кант воспринимался русской мыслью как обязательный «философский мост»; в-третьих, изучение особенностей этой рецепции в различных работах Я.Э. Голосовкера проясняет вопрос о том, почему изображение этого моста в русской философии правомерно и даже необходимо распадается на несколько самостоятельных и практически не зависящих друг от друга образов Канта.

«Достоевский и Кант» как авторская книга Я.Э. Голосовкера: особенности философской методологии

Работа «Достоевский и Кант», задуманная как часть большого проекта (объемом в 12 п.л.), фактически первая глава исследования, обозначенного в рабочих записях Я.Э. Голосовкера как «Секрет Автора»¹², вышла в 1963 году небольшой брошюрой. Текст не остался незамеченным: «книга вызвала немалый интерес» [5. С. 103], в 60-е годы она была «очень популярной» [4. С. 197], так что в новелле Л. Мартынова «Поиски Абсолюта» Яков Голосовкер предстал в первую очередь именно как автор книги о Достоевском и Канте [24. С. 167–177].

¹¹ Термин Я.Э. Голосовкера.

¹² Три других главы должны были быть посвящены творчеству Лермонтова, Горация и Гельдерлина, но полное четырехчастное издание так и не было осуществлено [5. С. 102].

В то же время между первой публикацией «Достоевского и Канта» на русском языке и последующими изданиями его философских сочинений проходит более 20 лет, и в первых сборниках его философских работ «Достоевский и Кант» отсутствует:

- в 1987 году выходит «Логика мифа» [25], включающая в себя отдельные фрагменты из двух частей сохранившейся рукописи «Имагинативного Абсолюта», тематический индекс к нему, примечания и две сопроводительные статьи – от составителя сборника Н.В. Брагинской и академика Н.И. Конрада;

- в 1989 году в журнале «Вопросы философии» с предисловием Н.В. Брагинской выходят автобиографический «Миф моей жизни» и небольшая работа «Интересное» [26; 27];

- в 1991 году в журнале «Дружба народов» публикуются сохранившиеся отрывки «Сожженного романа» [28];

- в 1993 г. в материалах семинара «Архэ» выходят «Записки юного материалиста» – «фантазия» из ненаписанной книги Я.Э. Голосовкера «Вот о чем думал юноша» [29] с предваряющей статьей Н.В. Брагинской, а в парижском журнале «Символ» также с сопроводительной статьей Н.В. Брагинской издается «Имагинативная эстетика» [30];

- и лишь к концу 90-х начинают выходить сборники, включающие в себя, наряду с другими произведениями Я.Э. Голосовкера, работу «Достоевский и Кант»¹³.

В исследовательской литературе первый серьезный отзыв на эту работу появляется лишь спустя 15 лет после ее выхода, в 1979 году – и не в отечественной исследовательской среде, а в *Kant– Studien*, в разделе «отчеты и обсуждения» [15]. Русскоязычные публикации выходят значительно позднее и с большим разрывом: это в первую очередь статьи А.В. Ахутина (1990) [34] и Д.А. Морозова (2021) [12]. Собственно работе «Достоевский и Кант» посвящена при этом лишь вторая статья, так как в первой исследование Голосовкера рассматривается не само по себе, а как «идеальное предварение» для разговора о том, кем является Кант для иных русских философов. Проблематика работы «Достоевский и Кант» анализируется также в публикациях Е.Б. Рашковского [9. С. 163–169; 10. С. 460–461], посвященных осмыслению философского наследия Я.Э. Голосовкера в целом. Таким образом, работа, возбудившая немалый интерес у читающего сообщества и ставшая популярной сразу после своего выхода, в 60-е гг., тем не менее, практически не становилась предметом специального профессионального (философского и филологического) исследования.

Имеющиеся отзывы о данной работе весьма осторожны. Замечая, что книга «поражала не только богатством содержания и глубиной мыслительных

¹³ Хотя в конце XX – начале XIX вв. переиздания работ Я.Э. Голосовкера выходят чаще, и включение в них работы «Достоевский и Кант» становится скорее правилом, нежели исключением [31; 32. С. 311–388; 33].

ходов, но и каким-то особым отношением к миру и к самому материалу исследования» [10. С. 460], его критики сетуют, что «при всей аккуратности работы с текстами» Я.Э. Голосовкеру присуща «какая-то особая внутренняя свобода, непринужденность в собеседовании с великими мастерами прошлого» [10. С. 460]. Его чтение Канта – это «попытка реального переживания, попытка читать Канта как написанное о себе – обо мне, о вас» [35. С. 13], что предполагает определенную свободу от оригинала, к которой в «Достоевском и Канте» добавляется сознательное огрубление кантовской мысли, вплоть до карикатурности, создающей максимальное эмоциональное воздействие на читателя и преследующей именно эту цель. Из-за этого «мыслитель обращается к схематизированному образу Канта, полностью игнорируя ряд сюжетов мысли последнего» [12. С. 187]. Это не может не вызывать упреков со стороны специалистов, так как созданный Я.Э. Голосовкером образ не соответствует реальному Канту и его учению, существенно обедняя его и оставляя лишь то, что необходимо для противопоставления основной мысли Достоевского в романе «Братья Карамазовы».

Работа Я.Э. Голосовкера с текстами специфична. «„Освободитесь от заблуждения, – писал Голосовкер, – что автор – философ-специалист... Он – мыслитель, а мысль не имеет специальности“. Это означало: философская мысль не должна связывать себя никакими сложившимися до нее приемами или обременять накопленным до нее культурным материалом, она может обращаться с ним по выработанным ею самой, а не по чужим устоявшимся правилам. Она свободна, она создана воображением художника» [36. С. 300].

Этого принципа он придерживался во всех своих работах, включая переводы. Поэтому так и не был опубликован, несмотря на уже готовую корректуру, выплаченный автору гонорар и положительные отзывы ведущих специалистов (И.А. Белецкого, И.И. Толстого, В.Ф. Асмуса), фундаментальный труд по созданию «Большой античной антологии». Свободные по отношению к оригиналам «взгляды Я. Голосовкера, отличавшиеся от общепринятых (на отбор материала, его систематизацию, истолкование, приемы перевода), вызвали противостояние в Институте мировой литературы и на филологическом факультете Московского университета» [5. С. 104]. Из-за противопоставления философа как мыслителя философу-специалисту и стремления воплотить в своих работах стратегию первого возникли существенные трудности с изданием перевода Ницше, который А.В. Луначарский охарактеризовал как «безусловно хороший, хотя и не лишенный некоторых оригинальностей» [37. С. 525]. Оригинальности же были обусловлены тем, что «войти в произведение Ницше можно, только находя внутри себя возможности проживания создаваемого им мифа. И это, безусловно, удалось Голосовкеру» [38. С. 231], отрицавшему позицию языкового пуризма в философии.

С формально-академической точки зрения, работы Я.Э. Голосовкера написаны слишком «вольно», но именно эта вольность и позволяет им состояться. «И в своих произведениях, и в, казалось бы, более относимых к

„ремеслу“ работах – в комментариях, переводах – Голосовкер ощущал себя Автором. В этом романтическом пространстве условны все дисциплинарные, технические различия. Все производимое – произведение» [38. С. 229], основанное не на принципе «цитаторов», которые «работают ножницами и клеем» [39. С. 145], но на следовании Мысли, тем самым порождая новую мысль и осуществляя «творческое достраивание оригинала» [12. С. 181]. Благодаря этому «„оригинал“ имеет шанс состояться еще раз, в „другом“ языке» [38. С. 229], а получившееся новое произведение оказывается по Мысли созвучным оригиналу, но настолько цельным, «что ему (в каком-то смысле) не нужен и оригинал» [38. С. 227].

По мнению Я.Э. Голосовкера, Достоевский читает Канта подобным образом. Достоевский, который «тонко понимал значение тайнописи словаря писателя, в данном случае Канта-сочинителя» [33. С. 305], замечает Голосовкер, читает тексты философа «психологически-проницательно» [33. С. 304] и также творчески достраивает их, позволяя им состояться заново – иначе, чем в оригинале. В связи с этим дискуссионный вопрос: читал ли вообще Достоевский Канта? – приобретает другое звучание.

С одной стороны, в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» нет ни одного упоминания имени Канта (хотя неоднократно и неизменно в негативном ключе встречается слово «критика»). В письме к М.М. Достоевскому от 22 февраля 1854 года Ф.М. Достоевский просит выслать ему ряд работ, в число которых входит и кантовская «Критика чистого разума», подчеркивая, что получение данных текстов для него крайне важно [40. С. 173]. Но в примечаниях сообщается, что чиновник, получивший посылку с запрошенными писателем книгами, отказался от нее, так как «убоялся сношений с политическим преступником» [40. С. 460] – и вполне возможно, что в период работы над романом автор действительно не читал «Критику».

Если это так, то действительно ли с образом Канта и с кантовской философией мы имеем дело в произведениях Ф.М. Достоевского и Я.Э. Голосовкера или же с фантазмами, имеющими к Канту лишь отдаленное отношение? И если мы склоняемся ко второму варианту, то не следует ли отвернуться от данного прочтения кантовской философии как от «карикатурного персонажа»?¹⁴ Кантовед с большой вероятностью ответит положительно на оба эти вопроса, и именно с этой интенцией в большинстве своем и связано и отсутствие большого количества публикаций, посвященных рецепции философии Канта в работах Я.Э. Голосовкера, и в целом неоднозначные, слегка скептические именно в отношении адекватного отражения кантовского наследия, комментарии специалистов.

¹⁴ Проблема «карикатуризации» образа Канта в отдельных отечественных произведениях рассматривается в работах А.Н. Круглова [41. С. 236–263; 42].

Секрет чёрта и образ Канта: «окарикатуренная философия»

Такое положение вещей в целом характерно не только для работ Ф.М. Достоевского и встречается в русской философии хотя и не так часто, чтобы это можно было считать ее специфической чертой, но и не столь редко, чтобы оно могло характеризоваться как исключение. Так, исследователи творчества М.А. Бакунина, постулируя, что отправной точкой для его знакомства с философией был Кант, чью философию он «солидно освоил» [43. С. 5–6], в то же время замечают, что он едва ли успел *«проштудировать Канта сколько-нибудь основательно»* [43. С. 142] (курсив мой. – Д.К.), и что «мы действительно не встречаем во всей обширной переписке его с сестрами и друзьями никаких указаний на то, чтобы он употребил в это время необходимые усилия на усвоение Кантовой „Критики чистого разума“» [43. С. 142–143]. Исследуя различные архивные документы и исследовательскую литературу, В.Ф. Пустарников заключает, что «первые философские работы М.А. Бакунина свидетельствуют о том, что он весьма неплохо изучил Канта, по крайней мере его „Критику чистого разума“, но именно хорошее знание идей Канта способствовало тому, что М.А. Бакунин решительно отмежевывался от этих идей, и в этом смысле Кант сыграл роль одного из наиболее мощных „отрицательных“ стимулов, побуждавших его искать философскую теорию, радикально отличную от кантианства» [44. С. 6]. Похожий вывод делает относительно Ф.М. Достоевского Я.Э. Голосовкер: «Кант... предстал перед Достоевским как некий главный противник, чьими аргументами он мог вооружить врагов своего духа и в своем собственном духе, вовсе о нем, о Канте, не упоминая» [33. С. 302]. Значит ли это, что Достоевский не читал «Критики»? Или, как в случае Бакунина, именно глубокое понимание кантовского текста заставило не упоминать его, поскольку представленный в романе противник слишком явно отличался от оригинального Канта?

Для ответа на поставленные вопросы необходимо вспомнить, что русские философы, особенно принадлежащие к направлению русской религиозной философии, стремились, как и Ф.М. Достоевский, перевести кантовские антиномии «в план морально-религиозный, в <...> трагедию и водевиль интеллекта» [33. С. 304], в которых схематичность и теоретичность кантовской диалектики была нужна «только для того, чтобы раскрыть, как страдает самый ум человека при этом споре, неразрешимом... средствами одного только теоретического ума и как смехотворен одновременно этот теоретический спор, если он ведется только в теоретическом плане» [33. С. 304]. В большинстве своем Канта они читали – и делали это весьма внимательно. Однако, выставляя его своим противником, зачастую обходились, подобно Достоевскому, парафразами и ярлыками.

Заключая, что «Кант незримо присутствует... повсюду, где только сходятся у Достоевского соперники: совесть против ума» [33. С. 295] и «читателю незачем даже прибегать к изучению биографии писателя, чтобы

убедиться в его знакомстве с Кантом» [33. С. 260], и в том, что «Достоевский был не только знаком с антитетикой „Критики чистого разума“, но и продумал ее» [33. С. 260], Голосовкер отсылает нас к «нарезке цитат» [33. С. 264–268, 272–273, 277, 280–281]. Он последовательно связывает между собой авторскую аргументацию, сверяет контексты употребления отдельных терминов – словом, проделывает всю ту работу, которую невозможно проделать, не будучи «специалистом» и плохо ориентируясь в изучаемом первоисточнике. Его исследование методологически ближе к посвященным Кантовским антиномиям работам П. Флоренского¹⁵, чем к роману Ф.М. Достоевского, в котором нет ни привычных для академического письма цитат или иных отсылок, позволяющих читателю пройти по библиографической тропе к первоисточнику, ни упоминания имени Канта.

Более того, обращаясь к увиденному и изображенному Достоевским Канту, Я.Э. Голосовкер говорит о том, что здесь мы имеем дело, собственно, не с Кантом, но с его схематизацией и даже – карикатурой. Огрубление кантовской философии носит у Достоевского, по его мнению, методологический характер и одновременно оправдывает отсутствие имени Канта в романе – ибо не Кант и не его настоящая философия с восхищавшей Я.Э. Голосовкера тончайшей софистикой и антисофистикой становятся той точкой, от которой отталкивается Ф.М. Достоевский – но созданная на основании небольшой части текста Канта, схематизированная и легко узнаваемая по ключевым словам «окарикатуренная критическая философия» [33. С. 293], которая «водит попеременно от неверия к вере и обратно» [33. С. 293].

Именно такой образ Канта – неприемлемый для русской религиозной философской мысли именно в силу *определенной* его схематизации, выделения наиболее раздражающих ее основоположений, совсем не однозначных для самого немецкого философа, становится направляющим для некоторых русских философов, начиная с конца XIX в. «Окарикатуренная философия», о которой пишет Я.Э. Голосовкер, «подсматривая» глазом психолога-Достоевского под логику¹⁶ истинного Канта и пытаясь понять, как и зачем превратилась она в

¹⁵ Имеются в виду работы Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. VII. Письмо 6. Противоречие; его же Космологические антиномии И. Канта; его же Философия культа. Часть I. Чтения о культе. III. Культ и философия.

¹⁶Оборот «подсмотреть под логику» принадлежит Я.Э. Голосовкеру, который в «Имагинативной эстетике» употребляет его, объясняя особенности методологии собственного исследования [30. С. 232]. В работе «Достоевский и Кант» он пишет, что «читатель (он же автор исследования) выступает здесь в роли анатома, вскрывающего сложнейший организм романа, его внутреннюю структуру, с целью раскрыть его смысл и явный, и затаенный. Раскрывая *секрет* романа, читатель-исследователь ни на мгновение не должен выпускать из рук логическую нить и не отступать от взятого им курса, своего метода, строго, точно, шаг за шагом анализируя, как это делает при раскопках археолог. Читатель-исследователь анализирует ткань романа, особенно — затаенную логику этой ткани» [33. С. 303] (курсив Я.Э. Голосовкера) точно так же, как Достоевский анализирует логику текстов Канта. Но и Достоевский, и гипотетический читатель-исследователь, и сам Голосовкер не только устанавливают логику

собственную карикатуру, характеризуется им как «якобы кантианство» [33. С. 294], оказывающееся тем раздражителем, который заставляет мучиться героев Ф.М. Достоевского и искать выход из неразрешимого тупика «естественной и неизбежной Иллюзии разума» [33. С. 277]. От *этого* (якобы) Канта отворачивается М.А. Бакунин. С ним спорит П.А. Флоренский. Именно об этом схематизированном образе, а не о настоящем Канте, С.Н. Булгаков, определяющий саму сущность философии как «критический антиномизм» [45. С. 315], пишет как о том, кто «подошел к самому краю бездны в своем учении об антиномиях и остановился» [45. С. 314], так и не шагнул дальше.

Настоящий Кант – с «Критикой способности суждения», малыми работами и размышлениями, «Кант-теоретик – тончайший софист, владеющий искусством в любой момент разоблачить в софисте софиста, самому же методологически выйти из игры в роли антисофиста» [33. С. 301] – не показан в этих трудах. Их определяет другой Кант – тот, в котором, возможно, сам Кант не узнал бы себя, но который был необходим русской философии для осознания собственных внутренних установок, для дальнейшего диалога с философией европейской и для размежевания с ней. Поэтому «Кант в лице юного мыслителя-атеиста Ивана Карамазова оказался тем противником Достоевского, которого тот хотел сразить его же оружием» [33. С. 295], вступив в поединок с «якобы кантианством» и, возможно, умышленно не был назван в романе Кантом.

«Некантианский Кант» – это и образ Ивана Карамазова, в котором борются Тезис и Антитезис, подкорректированные Голосовкером, и карикатура на западную «философию как науку».¹⁷ Но не только. В этом образе «Кант как автор „Критики чистого разума“, чье имя ни разу не упоминается в романе, оказался чёртом, скоморохом-философом, который не знает – есть ли Бог, хотя Бога слышит в голосе своей совести» [33. С. 295] – в самом конце работы пишет Я.Э. Голосовкер. «Кант – черт! ...искуситель, враг, высвеченный в своей сущности отсветами адского огня» [34. С. 454] – вторит ему А.В. Ахутин, имея в виду уже не только роман Достоевского, но целый ряд произведений русских религиозных философов.

текста, но и выявляют психологические основания, скрывающиеся за (в терминологии Голосовкера – «под») этой логикой, обращая внимание на «психологию понятий». «Психология понятий» – ещё один важнейший для Голосовкера термин. «Психология понятий», – пишет он, – «раскрывает самые глубокие тайны у мыслителей, которые были для них самих скрыты» [33. С. 323]. Используя её, можно расшифровать подтекст текста, заглянув «под» текст и «под» его логику. Именно это, с его точки зрения, сделал Достоевский, который «подсмотрел под логику и диалектику Канта» [33. С. 323] в романе «Братья Карамазовы» и «усмотрел своим психологическим глазом подноготную всей этой Кантовой антиномической концепции» [33. С. 304]. Это пытается проделать и сам Голосовкер, и должен проделать гипотетический читатель-исследователь, который будет идти вслед за ним по тексту романа Достоевского.

¹⁷Термин Я.Э. Голосовкера в работе «Имагинативный Абсолют» противопоставляется «философии-как-искусству».

Для Я.Э. Голосовкера очевидно отличие фигуры Канта-чёрта от реального Канта с его многогранной философией. И как будто опасаясь, что читатель их перепутает, он прямо пишет, что «в данном случае Кант – не только немецкий философ Кант» [33. С. 301], и поясняет, что «это – сплошная карикатура на философию – на Декарта, Канта, Фихте, Гегеля» [33. С. 295], чьи имена были сознательно затушеваны. Карикатура на всех представителей «философии как науки», которых в «Имагинативном Абсолюте» Я.Э. Голосовкер противопоставляет «имагинистам»: Платону, Шеллингу, Ницше, Бергсону. Но такое противопоставление верно лишь отчасти. Истинный Кант не случайно именуется Голосовкером «монструозным». Определение «монструозный» призвано показать, что в случае Канта мы имеем дело с невозможным, но вполне жизнеспособным соединением несоединимого: философии как науки и философии как искусства в одной системе одного философа, Канта. В «Достоевском и Канте» от «монструозного Канта» осталась лишь одна, «наукообразная» половина, превратившаяся в итоге в Канта-чёрта.

Насильственное урезание образа не являлось результатом недопонимания или недостаточного знакомства с философией Канта, но было необходимо методологически, поскольку работа «носит заголовок „Достоевский и Кант“, а не „Кант и Достоевский“, и речь в ней идет не о воздействии на Достоевского целокупного учения Канта, а только о „Критике чистого разума“ и о писателе-мыслителе Достоевском, как о читателе этого труда Канта, – именно о том, *как читал Канта Достоевский*» [33. С. 304]¹⁸.

Иными словами, Голосовкера интересует здесь не столько Кант, сколько *то, что было вычитано*, воспринято из Канта *Достоевским*, влияние, которое «Критика чистого разума» (те ее положения, которые ассоциировались в русской мысли этого времени с «критикой», «наукой» и вызывали неприятие), оказала на Ф.М. Достоевского. Предмет изучения, таким образом, изначально обозначен предельно точно и это – не трансцендентальная философия Канта, а то, как видоизменялась и осознавала себя под ее влиянием русская мысль. Или, как пишет в заключительных строках произведения Я.Э. Голосовкер, *то, «что можно увидеть в книге»*¹⁹, во многом определившей на столетие пути мировой философии, если читать ее глазом такого писателя, как Достоевский» [33. С. 305]. И в этом смысле выведенный Я.Э. Голосовкером образ Канта особенно интересен и адекватен поставленной задаче его исследования.

«Монструозный» Кант: за рамками антиномий

Фигура и философия Канта, показанная в работе «Достоевский и Кант» намеренно схематично, существенно отличается от той трактовки кантовского наследия, которое встречается в остальных трудах Я.Э. Голосовкера.

¹⁸ Курсив Я.Э. Голосовкера.

¹⁹ Курсив мой. – Д.К.

В тексте «Достоевский и Кант» неоднократно встречается обвинение «критики», и в отношении той самой «окарикатуренной философии», олицетворением которой выступает Кант-чёрт, задается вопрос: «...зачем создал он эту непримиримую „науку“, выступающую против тезиса, против Бога, бессмертия и свободы?» [33. С. 294]. Но как ранее была сделана оговорка про Канта (который не совсем Кант), так и теперь «наука» не случайно взята в кавычки.

«Это она, „наука“, якобы убила старика Карамазова» [33. С. 297], скажет автор, отождествив эту «науку» с атеистическим, свободным умом и одновременно заявив, что она же довела Ивана Карамазова до белой горячки, «съела его ум» [33. С. 297]. Кавычки и критика по отношению к «науке» сохраняются и когда Голосовкер пишет о «сплошной карикатуре на философию», в которой «все прикрыто одним словом „наука“, которой вооружен человеко-бог – абсолютный атеист» [33. С. 295] как о первом фокусе романа «Братья Карамазовы», и когда он рассуждает о втором его фокусе, в котором «„наука“ терпит крушение, и великий инквизитор, который сам разделяет грех атеизма с наукой, из любви к людям решает освободить людей от науки, взять на себя ее проклятие – атеизм» [33. С. 295]. Но здесь в конце предложения слово наука употребляется уже безо всяких кавычек, что указывает на то, что «наука» – не совсем наука, но некий вымышленный ее образ, своеобразное «пугало», которое имеет мало общего с наукой (без кавычек), поскольку «чёрта-„науку“ поставил Достоевский перед судом читателей в романе „Братья Карамазовы“, отнюдь не подразумевая под именем „наука“ знания вообще» [33. С. 298]. В этой «науке» *ratio* так же мало, как и *imaginatio*, а потому она вряд ли может иметь иное отношение к философии, и в особенности к философии Канта, кроме как служить ее карикатурой.

Подобные рассуждения об *imaginatio* и *ratio* в их связи со знанием встречаются не только в «Достоевском и Канте». Например, автобиографический «Миф моей жизни» заканчивается пассажем о роли имажинации в философии. В этом пассаже Я.Э. Голосовкер приводит деление философов на два потока: философии «антиимагинативной, отрицающей познавательную роль воображения и враждебной ему, – и потока философии имажинативной... утверждающей познавательную роль воображения» [6. С. 14]. Казалось бы, Кант должен входить в первый поток хотя бы потому, что он понимал воображение как «одну из основных способностей человеческой души» [46. С. 512]. Но Голосовкер распределяет философов по потокам следующим образом: «Один поток, примерно: Аристотель – Фома Аквинат – Декарт – Спиноза – Лейбниц – Кант – Энгельс – Гуссерль – – –

Другой поток, примерно: Гераклит – Эмпедокл – Платон – Плотин – Раймонд Люлли – Бруно – Шеллинг – Фехнер – Шопенгауэр – Ницше – Бергсон – – – » [6. С. 14]²⁰.

²⁰ Пунктуация отрывка приведена согласно оригиналу работы без корректировок. Постановка трёх тире в конце описания каждого «потока» никак не объяснена Я.Э. Голосовкером, однако

В сравнении с потоком «окарикатуренной философии», представленной в работе «Достоевский и Кант», возникает предположение, что именно первый поток мыслится автором как «научный» и «антиимагинативный». Впрочем, удивляет не только наличие в нем Канта, но и объединение в одном потоке, например, глубоко верующего Фомы Аквината, канонизированного католической церковью как святого, и материалиста Фридриха Энгельса. Да в остальном предложенные потоки неоднородны, если смотреть на них с точки зрения содержательной оценки концепций.

Остается предположить, что речь идет не столько об идейном противопоставлении, сколько о выразительном. Не о борьбе Тезиса и Антитезиса, но *о средствах представления* того и другого. Тогда присутствие в этом ряду Канта частично может быть оправдано, так как он будет пониматься не как «антиимагинативист» с точки зрения содержания своей философии (что кажется неприемлемым и справедливо удивляет критиков [47. С. 103]), но с точки зрения формы, в которую облечены его идеи. Но даже как представитель первого потока, который условно можно связать с рационализмом, Кант в «Мифе моей жизни» никак не похож на того искусителя-атеиста – чёрта, каким он представлен, по мнению Я.Э. Голосовкера, во взгляде Достоевского.

В работе «Имагинативный Абсолют» именной состав двух философских потоков дополняется, и оба потока получают и явное обозначение, и некоторое пояснение основного принципа классификации, подтверждающее нашу первоначальную догадку. «Философы-художники всецело включаются в поток имагинативной философии: таковы – Гераклит, Эмпедокл, Платон, Плотин, Диоген, Лукреций, Дж. Бруно, Монтень, Шамфор, Шеллинг, Шопенгауэр, Фехнер, Фрошаммер, Гюйо, Ницше, Бергсон... системы прочих философов... – это так называемые системы идеалистической философии, суть имажинации: Декарт, Лейбниц, Спиноза, Гаман, Якоби, Фихте, Гегель, Шефтсбери, Юм, Гоббс... Сюда же особняком входит монструозный Кант» [1. С. 104].

По сравнению с предыдущей классификацией в этой классификации двух потоков происходят три существенных изменения:

1) из определения второго потока исчезает понятие «антиимагинативного» (а определение его как «научного» или рационального отсутствовало изначально);

2) новое деление предполагает, что независимо от формы выражения оба потока – имагинативная философия и идеалистическая философия как имажинация – предполагают стремление к Имагинативному Абсолюту и, хоть и разными способами, но в равной мере утверждают познающую роль воображения и его первоочередное значение для человека;

можно предполагать, что таким образом он хотел указать на незавершенность обоих «потоков» и продемонстрировать, что цепочка имен не исчерпывает описания каждого из них и может быть продолжена.

3) Кант, хоть и относится в этом делении ко второму потоку, как это и было ранее, однако, стоит в нем «особняком», как бы выбиваясь из общего ряда, и имеет статус «монструозного».

Последняя характеристика в трактовке Я.Э. Голосовкера с учетом контекста, в котором она применяется, имеет смысл соединения двух разнородных половин, подобно тому, как кентавр, состоящий из части человека и части лошади, являет собой самостоятельное и притом по-своему прекрасное в своей уникальности существо²¹. «Монструозность» Канта связывается именно с тем, что он «стоит особняком» и, строго говоря, не может быть отнесен ни к первому, ни ко второму философскому потоку.

При этом для Голосовкера несомненно, что «в логическом бешенстве Гегеля, равно как и в дифирамбическом оргиазме Ницше, слышится этот же голос» [1. С. 50] Имагинативного Абсолюта, поскольку «вся так называемая идеалистическая философия была на самом деле *имагинативной* философией» [1. С. 18]. Кант в этом отношении лишь первая ласточка, заставляющая пересмотреть само понимание воображения – и одновременно предельное воплощение идеала философа, который позволяет показать, что никакая настоящая философия, даже отнесенная ко второму потоку, не может одновременно не принадлежать определенным образом к первому потоку, поскольку в ее основании все равно будет лежать Имагинативный Абсолют. Для Я.Э. Голосовкера Кант стоит особняком, поскольку на примере его философии данное положение становится наиболее наглядным. И в этом смысле он выглядит не как противник, не как черт-искуситель или враг русского философа Я.Э. Голосовкера, но как его главный союзник, своим творчеством фактически утверждающий ту самую «гносеологию воображения», которая задумывалась как заключительная часть большого «Имагинативного Абсолюта», но так и не была написана.

Это лишь один пример, демонстрирующий разительное отличие Канта-теоретика от Канта-чёрта в философском наследии Я.Э. Голосовкера. На самом деле таких примеров гораздо больше. Например, мы можем обнаружить их рассуждениях Я.Э. Голосовкера об отличии *Науки* от «науки»²² и «инстинктивном и, одновременно, об осознанном праве на истину» [1. С. 51], отличающем настоящего ученого от псевдоученого.

Ученый, занимающийся *Наукой*, как «монструозный» Кант, соединяет в себе критическое мышление, *ratio*, которое делает его скептиком и неизменно заставляет проблематизировать полученные результаты и считать истину «каким-то „приближением“ <...> на данном этапе развития науки и цивилизации» [1. С. 51] – и убежденность в существовании абсолютной истины, обуславливающей его исследование таким образом, что «открывает он тайну природы силой почти маниакально руководящего им воображения» [1. С. 52]. В отличие от псевдоученого, который, подобно Канту-чёрту, действует

²¹ Похожее употребление термина «монстр» использует, например, В.П. Карцев при описании модели атома Н. Бора в «Приключениях великих уравнений» [48. С. 274].

²² Курсив, прописная буква и кавычки принадлежат Я.Э. Голосовкеру

в рамках одного лишь *ratio*, подлинный ученый, тем самым, неизбежно соединяет *ratio* и *imaginatio*.

Таким образом, мы не можем согласиться с тем, что «за интерпретацией Голосовкера в книге „Достоевский и Кант“ кроется противопоставление *imaginatio* и *ratio*» [12. С. 187] и тем более – что это противопоставление лежит в основании всех его работ. Напротив, фигура истинного Канта, Канта-теоретика, названного Я.Э. Голосовкером «монструозным», как и фигура истинного ученого в его рассуждениях о *Науке*, демонстрируют необходимую связь *imaginatio* и *ratio* и иллюзорность их непреодолимого разрыва.

Более частные примеры отличия Канта-теоретика от Канта-чёрта в философском наследии Я.Э. Голосовкера прослеживаются:

✓ в близости заявленной Я.Э. Голосовкером цели сделать «разум более земным, чем его делают те, кто навязывает ему сплошь идеалистический характер и высоко оценивает только его формально-логические и математические функции» [1. С. 18], и ряда положений И. Канта, связанных с понятием опыта и критикой пустых понятий, а также с его этикой,

✓ в понимании познавательной силы воображения у обоих философов, раскрытой наиболее подробно в их эстетических произведениях,

✓ в неоднозначности отношения к религии (которое разительно отличает атеиста Ивана Карамазова как воплощения Канта-чёрта, от Канта-теоретика, который атеистом никогда не был, хотя и понимал религию весьма специфически – и одновременно не позволяет противопоставить Канту-чёрту самого Голосовкера, чье «обоожествление культуры... было безрелигиозным» [4. С. 201], а понимание философии предполагало ее противопоставление религии [49]).

К сожалению, объем статьи не позволяет полноценно раскрыть все эти сюжеты. Но и сказанного достаточно для того, чтобы согласиться с Я.Э. Голосовкером, что «жертвой сделал Ивана не Кант, а автор романа Достоевский при помощи Канта, чтобы сокрушить Канта» [33. С. 277], имея в виду при этом три разных образа Канта:

1. настоящего Канта-теоретика,
2. схематизированного Канта Достоевского, созданного в процессе авторского прочтения, при котором исчезает или существенно трансформируется оригинал, но создается равное ему по силе воздействия произведение,
3. Канта-чёрта или карикатурного Канта, которого следовало сокрушить, но который, будучи порожден в процессе размышлений над «Критикой чистого разума» Канта, от самого Канта был уже настолько далек, что именовать его таковым было некорректно.

Заключение

Работы Я.Э. Голосовкера прекрасно согласуются с выводами современных кантоведов о том, что «в России... противоборствовали два²³ образа Канта и его философии, имевшие мало общего друг с другом» [2. С. 2]

²³ К которым Голосовкер добавляет третий образ, также находящий отражение в ряде работ отечественных философов.

и выявляют причины несходства этих образов. На примере текста Ф.М. Достоевского Я.Э. Голосовкер демонстрирует, что разные образы Канта могут иметь различный характер и обладают различными функциями.

Кант-чёрт, образ карикатурный и являющий собой «якобы Канта», имел значение скорее методологическое, нежели историческое, и присутствовал в ней не как олицетворение самого Канта, но как схематизированный образ не существовавшей в действительности утрированно рационально-критической философии, которой русская философская мысль противостояла, выстраивая собственные основания. В этом противостоянии философия Канта неизбежно схематизировалась, поэтому иногда ее присутствие сознательно нивелировалось самими авторами работ (как в случае с романом Ф.М. Достоевского).

Второй, авторский, образ Канта возникает в результате применения к его текстам стратегии чтения, целью которой является сделать так, чтобы читающие «через Канта имели дело с самими собой» [35. С. 13]. Придерживаясь этой методологии, исследователь объединяет два плана прочтения (авторский и читательский) в один и спрашивает не столько о том, что именно *было написано Кантом*, сколько о том, что *можно увидеть* в собственной жизни и в ее основаниях *благодаря Канту* [33. С. 303–305].

Третий образ Канта складывается, когда в фокусе внимания оказывается реальная историческая фигура Канта и вся его философия. Этот Кант многогранен, его положения создают причудливое полотно, в котором гораздо больше цветов и оттенков, чем в рисунке «карикатурного» Канта-черта. Однако именно в силу этой многоплановости он вряд ли может выступать основанием для определенного руководства к действию. Исследователь, работающий с этим Кантом, вынужден постоянно именовать свой первоисточник, настолько «особняком» стоит в истории мысли «монструозный» Кант, закладывающий основы и для философии как воображения, и для философии как науки.

Различие трех образов Канта прослеживается в работах Я.Э. Голосовкера на протяжении всего его творчества. Трактовка различий в этих образах с опорой на их разные функции является не только оригинальной, но и продуктивной для дальнейшего изучения преломления кантовского наследия в различных культурах, так как она объясняет ряд особенностей: например, почему в некоторых случаях эти образы в русской философии не были разнесены по противоборствующим философским лагерям, а существовали в произведениях одного и того же мыслителя; почему мыслитель, по мнению ряда критиков, глубоко понимавший основания философии Канта и неявно полемизировавший с ним, тем не менее, предпочитал не упоминать его работ или не приводить конкретных цитат из них и т.д. Дальнейшие исследования, позволяющие подтвердить тезис Я.Э. Голосовкера о сознательном размежевании образов Канта, имевших разное методологическое значение для русской философии и в целом для русской культуры, могут выявить и другие теоретические следствия и основания этого размежевания.

Список литературы

- [1] *Голосовкер Я.Э.* Имагинативный абсолют // Имагинативный абсолют. М. : Академический проект, 2012. С. 17–180. EDN: QXCKNF
- [2] *Круглов А.Н.* Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков. М. : «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. EDN: QWWIHJ
- [3] *Liebmman O.* Kant und die Epigonen. Eine kritische Abhandlung. Berlin : Verlag von Reuther & Reichard, 1912.
- [4] *Брагинская Н.В.* Об авторе и книге // *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. М. : Наука, 1987. С. 187–206.
- [5] *Шмидт С.О.* О Якобе Голосовкере // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 95–112. EDN: OWYGCV
- [6] *Голосовкер Я.Э.* Миф моей жизни // Имагинативный абсолют. М. : Академический проект, 2012. С. 7–14.
- [7] *Шмидт С.О.* О Якове Эммануиловиче Голосовкере // *Голосовкер Я.Э.* Избранное. Логика мифа. М., СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2010. С. 473–481.
- [8] *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. EDN: VNNIUT
- [9] *Рашковский Е.Б.* Яков Эммануилович Голосовкер: философия в поисках человека // Соловьёвские исследования. 2013. № 2 (38). С. 146–174. EDN: QCLYID
- [10] *Рашковский Е.Б., Сиверцев М.А.* Проблемы «культурной имагинации» в трудах Я.Э. Голосовкера // *Голосовкер Я.Э.* Избранное: логика мифа. СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2010. С. 460–472.
- [11] *Морозов Д.А.* Кризис культуры в «Сожженном романе» Я.Э. Голосовкера // Диалог со временем. 2023. № 84. С. 329–341. DOI: 10.21267/aquilo.2023.84.84.018 EDN: MJXLNF
- [12] *Морозов Д.А.* «Авторская книга»: размышления Я.Э. Голосовкера о Достоевском и Канте // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4. № 3. С. 178–195. DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-3-178-195 EDN: DXHKIO
- [13] *Морозов Д.А.* Два взгляда на поэзию Гельдерлина: М. Хайдеггер и Я.Э. Голосовкер // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 2. С. 97–113. DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-2-97-111 EDN: AJUIES
- [14] *Морозов Д.А.* «Сказания о титанах» как реализация философского проекта Я.Э. Голосовкера // Вопросы философии. 2023. № 5. С. 151–161. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-5-151-161 EDN: VRNAXO
- [15] *Fleischhauer I.* Jakov Emmanuilovic Golosovker und sein Ort in der russisch-sowjetischen Kant– Interpretation // Kant Studien. 1979. Vol. LXX. № 1. S. 66–84.
- [16] *Чудакова М.О.* Исус и Иешуа // Дружба народов. 1991. № 7. С. 136–141.
- [17] *Филатов Т.В.* Логика мифа Якова Голосовкера как специфическая разновидность модальной логики // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2021. № 1 (6). С. 65–76. EDN: RJLLXQ
- [18] *Сбойчикова М.В.* Концептуальная интерпретация природы мифа в рамках теории «имагинативного абсолюта» Я.Э. Голосовкера // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. С. 163–168. EDN: RUHWKD
- [19] *Арапов О.Г.* «Имагинативная философия» Я. Голосовкера и «Имагинативная метафизика» Г. Башляра: две модели философии воображения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2017. Т. 21. № 2. С. 158–164. DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-2-158-165 EDN: YOYBGF
- [20] Яков Эммануилович Голосовкер / под ред. Е.Б. Рашковского; сост. Е.Б. Рашковский, Н.В. Брагинская. М. : Политическая энциклопедия, 2017.

- [21] Степени жизни Якова Голосовкера / под ред. М.Ю. Савельевой, Т.Д. Суходуб, Г.Е. Аляева. Киев : Издательский Дом Дмитрия Бураго, 2020.
- [22] Конрад Н.И. О труде Я.Э. Голосовкера // *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. М. : Наука, 1987. С. 182–187.
- [23] Брагинская Н.В. Слово о Голосовкере // *Философия не кончается. Из истории отечественной философии. XX век: В 2-х кн / под ред. В.А. Лекторского. Кн. 1. 20–50-е годы. М. : РОССПЭН, 1998. С. 604–611.*
- [24] Мартынов Л. Черты сходства. М. : Современник, 1982.
- [25] Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М. : Наука, 1987. EDN: QZ NHLN
- [26] Брагинская Н.В. Слово о Голосовкере // *Вопросы философии. 1989. № 2. С. 106–110. EDN: RECHKT*
- [27] Голосовкер Я.Э. Миф моей жизни. Интересное // *Вопросы философии. 1989. № 2. С. 110–145.*
- [28] Голосовкер Я.Э. Сожженный роман // *Дружба народов. 1991. № 7. С. 96–128.*
- [29] Голосовкер Я.Э. Из книги: «Вот о чем думал юноша» (записки юного материалиста). Фантазия // *АРХЭ. Вып. 1. Кемерово : «АЛЕФ» Гуманитарный центр, 1993. С. 368–382.*
- [30] Голосовкер Я.Э. Имагинативная эстетика // *Символ. 1993. № 29. С. 7–134. EDN: QZNFYV*
- [31] Голосовкер Я.Э. Засекреченный секрет : Философская проза. Томск : Водолей, 1998.
- [32] Голосовкер Я.Э. Избранное. Логика мифа. М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2010.
- [33] Голосовкер Я.Э. Достоевский и Кант // *Имагинативный абсолют. М. : Академический проект, 2012. С. 235–310.*
- [34] Ахутин А.В. София и чёрт (Кант перед лицом русской религиозной метафизики) // *Вопросы философии. 1990. № 1. С. 51–69. EDN: TWYBET*
- [35] Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. М. : Аграф, 2000.
- [36] Зелинский В. Между титаном и ведром: (Памяти Я.Э. Голосовкера) // *Голосовкер Я. Сказания о титанах. М. : Высшая школа, 1993. С. 293–318.*
- [37] Луначарский А.В. О переводе 3-ей песни «Так говорил Заратустра» // *Литературное наследство. Т. 82. Неизданные материалы. М. : Наука, 1970. С. 525.*
- [38] Ознобкина Е.В. Книга для всех и ни для кого // *Яков Эммануилович Голосовкер / под ред. Е.Б. Рашковского; сост. Е.Б. Рашковский, Н.В. Брагинская. М. : Политическая энциклопедия, 2017. С. 227–231.*
- [39] Кржижановский С.Д. Жизнеописание одной мысли // *Собрание сочинений. Т. 1. СПб. : Симпозиум, 2001. С. 139–146.*
- [40] Достоевский Ф.М. Письма, 1832–1859 // *Собрание сочинений в 30 томах. Т. 28. Кн. 1. Л. : Наука, 1985.*
- [41] Круглов А.Н. Кант и кантовская философия в русской художественной литературе. М. : Канон+, 2012. EDN: QXEKNX
- [42] Круглов А.Н. Философия Канта в России после 1945. Режим доступа: <https://kant-online.ru/a-kruglov-filosofiya-kanta-v-rossii-pos/> (дата обращения 26.01.2024).
- [43] Корнилов А.А. Молодые годы Михаила Бакунина: из истории русского романтизма. М. : Издание М. и С. Сабашниковых, 1915.
- [44] Пустарников В.Ф. Михаил Бакунин против Иммануила Канта // *Кант и философия в России. М. : Наука, 1994. С. 5–25.*
- [45] Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии / вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания С.С. Хоружего. М. : Наука, 1993.

- [46] Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М. : Мысль, 1994.
- [47] Брагинская Н.В. Имагинация – интуиция – инспирация: Я.Э. Голосовкер и гносеология воображения // Яков Эммануилович Голосовкер / под ред. Е.Б. Рашковского; сост. Е.Б. Рашковский, Н.В. Брагинская. М. : Политическая энциклопедия, 2017. С. 57–116. EDN: YORAQP
- [48] Карцев В.Л. Приключения великих уравнений. (Издание третье). М. : Знание, 1986.
- [49] Козолупенко Д.П. Негативные корни религии в концепции имагинативного абсолюта Якова Эммануиловича Голосовкера // Религиоведческий альманах. 2023. № 2 (11). С. 42–63.

References

- [1] Golosovker JaE. The imaginative absolute. In: *The imaginative absolute*. Moscow: Akademicheskij proekt publ.; 2012. P. 17–180. (In Russian). EDN: QXCKNF
- [2] Kruglov AN. *Kant's philosophy In Russian at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries*. Moscow: Kanon + ROOI «Reabilitacija» publ.; 2009. (In Russian). EDN: QXCKNF
- [3] Liebmann O. *Kant und die Epigonen. Eine kritische Abhandlung*. Berlin: Verlag von Reuther & Reichard; 1912.
- [4] Braginskaya NV. About the author and the book. In: Golosovker JaE. *The logic of the myth*. Moscow: Nauka publ.; 1987. P. 187–206. (In Russian).
- [5] Shmidt SO. About Jacob Golosovker. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*. 2012;(1):95–112. (In Russian). EDN: OWYGCV
- [6] Golosovker JaE. The myth of my life. In: *The imaginative absolute*. Moscow: Akademicheskij proekt publ.; 2012. P. 7–14. (In Russian).
- [7] Shmidt SO. About Jacob Emmanuilovich Golosovker. In: Golosovker JaE. *Favorites: the logic of myth*. Saint Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ publ.; 2010. P. 473–481. (In Russian).
- [8] Meletinskij EM. *The Poetics of myth*. Moscow: Vostochnaja literatura publ.; 2000. (In Russian). EDN: VNNIUT
- [9] Rashkovskii EB. Jakov Emmanuilovich Golosovker: Philosophy in search of human. *Solov'jovskie issledovanija*. 2013;2(38):146–174. (In Russian). EDN: QCLYID
- [10] Rashkovskii EB, Sivertsev MA. The Problem of “Cultural Imagination” in the Works of Ya.E. Golosovker. In: Golosovker JaE. *Favorites: the logic of myth*. Saint Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ publ.; 2010. P. 460–472. (In Russian).
- [11] Morozov DA. The Crisis of Culture in “The Burnt Novel” by Ya.E. Golosovker. *Dialog so Vremenem*. 2023;(84):329–341. (In Russian). DOI: 10.21267/aquilo.2023.84.84.018 EDN: MJXLNF
- [12] Morozov DA. “The Author’s Book”: Reflections of Ya.E. Golosovker on Dostoevsky and Kant. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*. 2021;4(3):178–195. (In Russian.). DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-3-178-195 EDN: DXHKIO
- [13] Morozov DA. Two views on Gelderlin’s poetry: M. Heidegger and Ja. E. Golosovker. *The Philosophy Journal*. 2020;13(2):97–111. (In Russian.). DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-2-97-111 EDN: AJUIES
- [14] Morozov DA. “Tales of the Titans” as a realization of the Ya.E. Golosovker’s Philosophical Project. *Voprosy Filosofii*. 2023;(5):151–161. (In Russian.). DOI: 10.21146/0042-8744-2023-5-151-161 EDN: VRNAXO
- [15] *Fleischhauer I.* Jakov Emmanuilovic Golosovker und sein Ort in der russisch-sowjetischen Kant– Interpretation. *Kant Studien*. 1979;LXX(1):66–84.
- [16] Chudakova MO. Jesus and Yeshua. *Druzhiba narodov*. 1991;(7):136–141. (In Russian).

- [17] Filatov TV. Yakov Golosovker's Myth Logik as a special Type of Modal Logic. *Vestnik of Samara State Technical University. Series «Philosophy»*. 2021;6(1):65–76. (In Russian). EDN: RJLLXQ
- [18] Sboychikova MV. Conceptual Interpretation of Myth Nature within Ya.E. Golosovker «Imaginative Absolute» Theory. *Bulletin of The Tomsk Polytechnic University*. 2013;323(6):163–168. (In Russian). EDN: RUHWKD
- [19] Arapov OG. “Imaginative Philosophy” of Y. Golosovker and “Imaginative Metaphysics” of G. Bachelard: two Models Philosophy of Imagination. *RUDN Journal of Philosophy*. 2017;21(2):158–165. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-2-158-165 EDN: YOYBGF
- [20] Rashkovskii EB, editor. *Yakov Emmanuilovich Golosovker*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya publ.; 2017. (In Russian).
- [21] Savel'eva MJu, Suhodub TD, Aljaev GE, editors. *The degrees of life of Yakov Golosovker*. Kyiv: Izdatel'skij Dom Dmitrija Burago; 2020. (In Russian).
- [22] Konrad NI. About the work of Ja.E. Golosovker. In: Golosovker JaE. *The logic of the myth*. Moscow: The science; 1987. P. 182–187. (In Russian).
- [23] Braginskaya NV. A word about the Golosovker. In: Lektorskij VA, editor. *Philosophy does not end. From the history of Russian philosophy. The twentieth century*. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN; 1998. P. 604–611. (In Russian).
- [24] Martynov L. *Similarities*. Moscow: Sovremennik publ.; 1982. (In Russian).
- [25] Golosovker JaE. *The logic of the myth*. Moscow: The science; 1987. (In Russian). EDN: QZNHLH
- [26] Braginskaya NV. A word about the Golosovker. *Voprosy Filosofii*. 1989;(2):106–110. (In Russian). EDN: RECHKT
- [27] Golosovker JaE. The myth of my life. Interesting. *Voprosy Filosofii*. 1989;(2):110–145. (In Russian).
- [28] Golosovker JaE. The Burned Novel. *Druzhba narodov*. 1991;(7):96–128. (In Russian).
- [29] Golosovker JaE. From the book: “That's what the young man was thinking about” (notes of a young materialist). *Fantasy. ARHE*. 1993;(1):368–382. (In Russian).
- [30] Golosovker JaE. Imaginative aesthetics. *Symbol*. 1993;(29):73–134. (In Russian). EDN: QZNFYV
- [31] Golosovker JaE. *A classified secret: Philosophical Prose*. Tomsk: Vodolej publ.; 1998. (In Russian).
- [32] Golosovker JaE. *Selected works. The logic of the myth*. Moscow; Saint Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ publ.; 2010. (In Russian).
- [33] Golosovker JaE. Dostoevsky and Kant. In: Golosovker JaE. *The imaginative absolute*. Moscow: Akademicheskij proekt publ.; 2012. P. 235–310. (In Russian).
- [34] Ahutin AV. Sophia and the Devil (Kant in the Face of Russian Religious Metaphysics). *Voprosy Filosofii*. 1990;(1):51–69. (In Russian). EDN: TWYBET
- [35] Mamardashvili MK. *Kantian variations*. Moscow: Agraf; 2000. (In Russian).
- [36] Zelinskij V. Between the titan and the boar: (In memory of Ya.E. Golosovker). In: Golosovker JaE. *Tales about the Titans*. Moscow: Vysshaja shkola publ.; 1993. P. 293–318. (In Russian).
- [37] Lunacharskij AV. About the translation of the 3rd song “Thus spoke Zarathustra”. In: Lunacharskij AV. *Literary heritage*. Vol. 82. Unpublished materials. Moscow: Nauka publ.; 1970. (In Russian).
- [38] Oznobkina EV. A book for everyone and for no one. In: Rashkovskii EB, editor. *Yakov Emmanuilovich Golosovker*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya publ.; 2017. P. 227–231. (In Russian).

- [39] Krzhizhanovskij SD. The biography of one thought. In: Krzhizhanovskij SD. *Collected works*. Vol. 1. Saint Petersburg: Simpozium; 2001. P. 139–146. (In Russian).
- [40] Dostoevskij FM. Letters, 1832–1859. In: Dostoevskij FM. *Collected works*. Vol. 28. Book 1. Leningrad: Nauka publ.; 1985. (In Russian).
- [41] Kruglov AN. *Kant and Kantian Philosophy in Russian Fiction*. Moscow: Kanon+ publ.; 2012. (In Russian). EDN: QXEKNX
- [42] Kruglov AN. *Kant's philosophy in Russia after 1945*. Available from: <https://kant-online.ru/a-kruglov-filosofiya-kanta-v-rossii-pos/> (accessed: 26.01.2024). (In Russian).
- [43] Kornilov AA. *Mikhail Bakunin's young years: from the history of Russian Romanticism*. Moscow: M. and S. Sabashnikov publ.; 1915. (In Russian).
- [44] Pustarnakov VF. Mikhail Bakunin vs. Immanuel Kant. In: *Kant and philosophy in Russia*. Moscow: Nauka publ.; 1994. P. 5–25. (In Russian).
- [45] Bulgakov SN. *Collected works*. Vol. 1. Moscow: Nauka publ.; 1993. (In Russian).
- [46] Kant I. *The Critique of pure reason*. Moscow: Mysl' publ.; 1994. (In Russian).
- [47] Braginskaya NV. Imagination – intuition – inspiration: Ya.E. Golosovker and the epistemology of imagination. In: Rashkovskii EB, editor. *Yakov Emmanuilovich Golosovker*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya publ.; 2017. P. 57–116. (In Russian). EDN: YORAQP
- [48] Kartsev VP. *Adventures of great equations*. Moscow: Znanie publ.; 1986. (In Russian).
- [49] Kozolupenko DP. The negative roots of religion in the concept of the imaginative Absolute by Yakov Emmanuilovich Golosovker. *Religiovedcheskij al'manah*. 2023;2(11):42–63. (In Russian).

Сведения об авторе:

Козолупенко Дарья Павловна – доктор философских наук, профессор кафедры философии образования философского факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4. ORCID: 0000-0001-5363-323X. SPIN-код: 5250-2319. E-mail: petrovich.tr@gmail.com

About the author:

Kozolupenko Daria P. – DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Education, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 27/4 Lomonosovsky Prospekt, Moscow, GSP-1, 119991, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5363-323X. SPIN-code: 5250-2319. E-mail: petrovich.tr@gmail.com

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-420-434>

EDN: SESOKT

Научная статья / Research Article

Эллинская теология на закате поздней классики

В.М. Найдыш✉

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉v.naidysh@bk.ru

Аннотация. Закат поздней классики (вторая пол. IV в. до н. э.) это время кризиса полисного образа жизни. Выходом из кризиса был переход от «маленького уютного полиса» к новой социально-политической реальности, огромным полиэтнокультурным империям, где доминируют социальные отношения, опосредованные в пространстве и времени. Это повлекло за собой преобразования духовной культуры и религиозного сознания. Разделяются области личных и общественных потребностей; полисный партикуляризм уступает место мотивам этноинтеграции, космополитизма; индивид получил возможность углубиться в собственную личность; обогащается мир человеческих чувств; возрастает роль моральной саморегуляции; духовная культура дифференцируется на элитарную и массовую; активизируется мистическое мироощущение. Система мышления поднимается на теоретический уровень; разделяются когнитивный и ценностно-смысловой компоненты познавательного процесса. В теологии это проявилось в формировании двух когнитивных подходов. Первый представлен т.н. сократическими школами (кинники, киренаики, мегарская школа и др.). Он был нацелен на поиск и выражение в образе жизни, поступках личности смыслов отношений профанного и сакрального миров. История этих школ показала, что такие смыслы адекватно не выражаются обобщением опыта индивидуализированной чувственности. Здесь нужен переход к обобщению социально-культурного опыта; иначе говоря, нужно придать мыслительным построениям космический смысл. Поэтому киники эволюционируют к стоицизму, киренаики – к эпикуреизму, а мегарики – к неоплатонизму. Второй подход нацелен на создание абстрактно-понятийной модели сакрального мира, логическое конструирование «подлинной божественности». Заложенный Платоном, он получил развитие в творчестве Аристотеля, который интегрирует онтологию, космологию и теологию на основе предельно абстрактного понятия единственного, вечного, неподвижного, неделимого, бестелесного, ничем другим не приводимого в движение, *начала* всех начал и *причины* всех причин, чистого теоретика и совершенного философа, созерцающего собственное мышление. При этом аристотелевская теология не лишена нерелексированной субъективности (остаточных элементов народной мифологии, гилозоизма, этических и эстетических оценок и др.), что в эпоху средневековья способствовало ее синтезу с теологиями авраамических религий (христианской, иудаистской, исламской), базировавшимися на абстрактно-понятийной реконструкции ветхо- и новозаветной мифологий.

© Найдыш В.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: философия, мышление, мифология, образ, понятие, абстракция, смысл

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках инициативной НИР № 100414-0-000 «Культура, наука и технологии: вызовы современности».

История статьи:

Статья поступила 11.11.2024

Статья принята к публикации 04.03.2025

Для цитирования: *Найдыш В.М.* Эллинская теология на закате поздней классики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 420–434. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-420-434>

Hellenic Theology at the End of the Late Classics

Vyacheslav M. Naidysh✉

RUDN University, Moscow, Russia

✉v.naidysh@bk.ru

Abstract. The sunset of the late classics (second half IV century BC) is a time of crisis of the polis lifestyle, the way out of which was found in the transition from a “small cozy polis” to huge multi-ethnic multicultural empires, which was accompanied by profound transformations of spiritual culture and religious consciousness. In the new socio-political reality, where social relations mediated in space and time dominate, the system of consciousness is becoming more complicated. The areas of personal and social needs are divided, political particularism gives way to motives of ethnointegration, cosmopolitanism, the individual has the opportunity to delve into his own personality, the world of human feelings is enriched, the role of moral self-regulation increases, spiritual culture differentiates into elite and mass, actively reproducing a mystical worldview. With the increasing complexity of the thinking system, the process of cognition rises to a theoretical level. The cognitive and value-semantic components of the cognitive process are separated, which in theology manifested itself in the formation of two approaches. The first one is aimed at searching for generalized meanings expressing the relations of the profane and sacred worlds, in the lifestyle and actions of a person. He was represented by the so-called Socratic schools (Cynics, Cyrenaics, Megarian school, etc.). The history of these schools has shown that such meanings are not expressed by generalizing the experience of individualized personality sensuality. Cultural and historical experience is needed here, which was realized as the need to give cosmic meaning to mental constructions. Therefore, the Cynics evolve towards Stoicism, the Cyrenaics towards Epicureanism, and the Megarians towards Neoplatonism. The second approach (the construction of “authentic divinity”, a conceptual model of the sacred world) was developed by Aristotle. He integrates ontology, cosmology and theology on the basis of the extremely abstract concept of God – the only, eternal, immobile, indivisible, incorporeal, not set in motion by anything else, the beginning of all beginnings and the cause of all causes, a pure theorist and a perfect philosopher contemplating his own thinking. At the same time, Aristotelian theology is not devoid of residual elements of unreflected subjectivity (mythologism, hylozoism, ethical and aesthetic features), which further opened up the possibility of its synthesis with the

theologies of the Abrahamic religions, formed on the abstract-conceptual reconstruction of the Old and New Testament mythologies.

Keywords: philosophy, thinking, mythology, image, concept, abstraction, meaning

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Funding of Sources. The study was prepared within the framework of the initiative research project No. 100414-0-000 “Culture, science and technology: challenges of our time”.

Article history:

The article was submitted on 11.11.2024

The article was accepted on 04.03.2025

For citation: Naidysh VM. Hellenic Theology at the End of the Late Classics. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):420–434. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-420-434>

Введение

Поздняя классика (IV в. до н. э.) – это период упадка полисной культуры и преддверье культуры эллинизма, возникшей в результате синтеза духовных традиций Древней Греции и Востока, порожденного завоеваниями Александра Македонского¹. В истории поздней классики принято выделять два этапа: становление поздней классики (первая пол. IV в. до н. э.) и ее завершение (вт. пол. IV в. до н. э.), которое ознаменовало закат всего классического периода древнегреческой истории и ее культуры².

Завершение к началу IV в. до н.э. кровопролитной, ожесточенной и разрушительной тридцатилетней, по сути общегреческой, Пелопоннесской войны не принесло ожидаемого спокойствия и длительного мира [5]. Наоборот, кризис греческого мира еще более обострился и приобрел затяжной характер. Сказывалась ограниченность ресурсных возможностей полиса; его небольшие размеры сдерживали рост производительных сил, ограничивали сферу денежно-рыночных отношений, международную торговлю и др. [6; 7]. Все более обострялись внутрисполитические противоречия. Постоянным явлением стали гражданские смуты (стасисы), которые вызывались требованиями «предела земли» и «отмены долгов».

Для выхода из кризиса необходимо было объединение греческих полисов. Но постоянные разорительные войны показали, что оно не может произойти на межполисной основе. Потому роль эллинского интегратора и гегемона взяла на себя монархическая Македония³. Так было положено

¹ Предыдущие статьи в авторской серии публикаций по теологии эллинской религии см. [1–4] и др.

² Начало эпохи эллинизма относят или к 337 г. до н. э. (дата покорения Эллады Македонией), или к 323 г. до н. э. (год смерти Александра Македонского).

³ После битвы при Херонее (338 г. до н. э.), в ходе которой вооруженные силы Филиппа II Македонского разгромили армию альянса полисных государств, было достигнуто соглашение об общегреческом мире, положившее начало объединению эллинских полисов.

начало формированию новой социально-политической реальности. После завоевательных походов Александра Македонского она превратилась в огромную полиэтнокультурную мировую империю, в которой еще больше ускорились процессы вытеснения натурального хозяйства, разделения труда, развития товарно-денежных отношений, торговли, в том числе работоторговли, а также усилилась социально-классовая поляризация. При этом не исчезает и «маленький уютный полис». Он превращается в компонент монархической государственности, с которой у него складывались сложные отношения. Подчиняясь монархии в вопросах внешней политики, полис остался самоуправляемой общиной, регулирующей внутренние, повседневные, «домашние» дела (снабжение, финансовая система, гражданские культы, правовая система и др. [8]. Новая социальная реальность требовала от граждан не только традиционно высокой политической активности, но и большей рационализации форм предметно-практической, организационной, управленческой деятельности, международной торговли и др. Полис проявил свою жизнеспособность, но ценой серьезных трансформаций духовной культуры, в том числе религиозного сознания [9].

Трансформации духовной культуры

Сознание – ядро духовной культуры, которое включает в себя не только знание о мире, но и переживание отношений субъекта к миру. Сознание возникает и воспроизводится (в филогенезе и онтогенезе) как необходимое звено в цепях социального общения и отражает их характер. Смена типов социальных отношений неизбежно влечет за собой и преобразования в системе сознания. Полисное сознание определяется прямыми, непосредственными, межличностными связями, зримо контролируемые в пространстве и во времени. На их основе сложилась и соответствующая система мыслительных операций. Она носила двухуровневый характер, противопоставляла чувственно-образное и абстрактно-понятийное, но не позволяла осваивать «внутреннюю логику» объекта, конструировать его теоретическую модель [10]. Поэтому ранние философские учения представляли собой совокупность отдельных абстрактных обобщений, связанных между собой не логическими связями, а наглядно-образными ассоциациями.

В новой имперской социально-политической реальности (военно-бюрократической монархии) доминируют социальные отношения, опосредованные в пространстве и времени. Это определило дифференциацию потребностно-мотивационной сферы сознания, противопоставление повседневных и общественных потребностей, интересов государства и личности и др. Полисный партикуляризм и этноцентризм уступают место мотивам этноинтеграции, космополитизма.

Освобожденный от диктата общинных и полисных императивов, индивид переключается на сферу быта, семьи, стремится замкнуться в узком кругу

соратников, единомышленников, друзей. Он получил возможность углубиться в свой внутренний мир, развивать личностные качества. Развивается индивидуальное самосознание, возрастает роль моральной саморегуляции. Исчезают гражданские чувства полисной эпохи. Им на смену приходит полная повседневных переживаний, интимно-личностная индивидуальность. Чувственно-эмоциональная сфера обогащается теплотой и сердечностью. Это зримо проявляется в изобразительном искусстве, для которого характерны отказ от групповых тем, интерес к выражению личных переживаний, «передаче личных эмоций – тоски, страха, боли, веселости нрава, любовного томления, а также религиозного таинства» [11. С. 761–762]. Скульпторы (например, Пракситель) ищут способы выражения игривости, беспокойного состояния и чувственного напряжения. Выражение религиозных мотивов характеризуется обращением «скорее к личному религиозному чувству... нежели к групповому духу литургической государственной религии» [11. С. 762]. В скульптурных композициях бессмертные и величественные боги все чаще смотрят на пришедших с симпатией, как бы показывая возможность установления личной связи между человеком и богом.

Вместе с тем не могли не отразиться в сознании и глубинные трансформации полисного образа жизни. Они осознавались как непредсказуемая катастрофическая игра социальных сил. Обострялось восприятие (и переживание) времени, которое насыщалось самыми противоречивыми оценками. В памяти прошлого возрождались гесиодовские идеалы «золотого века Кроноса». В то же время образы воображаемого будущего насыщались понятиями осквернения, очищения, божьего возмездия, а также ощущениями тревоги, страха. Укреплялась также новая тенденция ассоциировать будущее с потусторонним существованием, окрашенным в розовые тона (надежды, счастья, удовольствия и др.) [12; 13].

Характерная особенность рассматриваемой эпохи – дифференциация духовной культуры на элитарную (высшую) и массовую («низовую»), различавшиеся мерой рационализации культурно-исторического опыта. В культуре элиты утверждаются высокие критерии профессионализма, стремление к утонченности поведения, изысканность манер, художественный вкус, покровительство творцам и др. Художник все чаще уже творит не для всех членов общества, а для избранных лиц, с учетом их вкусов и запросов. Вместе с тем в этой среде усиливается религиозный скептицизм, благоговение перед антропоморфными богами уходит в прошлое, мифология становится предметом насмешек и подчас даже грубого издевательства. Растет число мыслящих личностей, убежденных, что богам некогда заботиться о каждом индивиде, судьба каждого человека зависит от его личных качеств, а уж потом от богов. Рождаются запросы на новых богов; на смену старым полисным богам приходят новые культы и божества. Одновременно размываются границы между человеческим и божественным. Все чаще обожествляются реальные исторические личности. Так, приписывал себе сакральные качества Александр

Македонский, сначала как потомка героев (Гераклид), впоследствии как сына Зевса-Аммона⁴, а в конце жизни он обосновывал это утверждением, что «Царь это явившийся на Землю бог».

Качественно иные ориентиры характеризовали массовое, «низовое», сознание. Оно оставалось нацеленным на воспроизводство субъектоцентрического видения мира, в котором индивид не заинтересован в объективном отражении реальности, его устраивает «растворение» чувственного образа в собственных переживаниях, скрывающих мотивы его деятельности. В таких условиях субъект слабо разделяет реальное и воображаемое, чувственно-образное и абстрактно-понятийное, эмоциональное и когнитивное. Массовое сознание нацелено на мифологию, магию, мистику, нравственно-религиозное проповедничество и др. В нем воспроизводится мистическое мироощущение, фанатическая вера в целителей, колдунов, чудотворцев, прорицателей. Суеверность расценивается как положительное качество человека: значит, он богобоязнен. Суеверие – это смирение перед богами. Средний грек этого времени был весьма суеверным человеком, жил в обстановке постоянного страха, на каждом шагу опасался злых козней духов и стремился обставить любое значимое действие ритуальными процедурами.

Важная особенность эпохи – на основе возрастания разнообразия форм деятельности и типов общения началось качественное усложнение структуры мышления. Система мыслительных операций приобретает многоуровневый, иерархический характер. Апробированные практикой операции высших уровней получают возможность выполнять методологические функции по отношению к операциям низких уровней. Процесс познания поднимается на теоретический уровень, т.е. позволяет через анализ отношений между абстракциями, систематизацию понятий выявлять внутреннюю сущностную структуру объектов. Не случайно, что именно в это время возникают основные философские школы античности.

Теоретизация знания затронула и теологию. В осмыслении связей человеческого и божественного миров выделяется два подхода, которые по-разному трактовали принципы *софистического* свободомыслия (и свобододействия) и *сократовского* самопознания. Первый представлен рациональной реконструкцией наглядно-образной мифологии, ее трансформацией в абстрактно-понятийную модель сакрального мира. В его формировании решающая роль принадлежит Платону, а на закате поздней классики этот подход развивал Аристотель. Второй подход базируется на понимании философии не как знания, а как *образа жизни*. В нем общее не абстрагируется от частного и выражается в неповторимости поведения личности, ее действиях, поступках. Связи человеческого и божественного усматриваются не в сфере

⁴ На что Демосфен с иронией заявил, что «Александр тоже мог бы быть сыном Зевса и Посейдона, если бы захотел» [14. С. 31]. Вместе с тем попытки Александра распространить среди греков и македонян персидский протокол почтения царю («падение ниц», проскинесис) отклика у них не нашел.

теории, а в повседневном *процессе жизни, личном опыте* индивида, поступках личности, ее субъектности. Этот подход был представлен сократическими школами (киники, киренаики, мегарская школа и др.). В «гигантской битве за понятие бытия» [15. С. 376] они были в оппозиции к платонизму. Во второй половине IV в. до н. э. здесь ведущую роль играла школа киников, в которой понимание философии как образа жизни именовалось «перечеканкой монеты (ценностей)» (*paracharattein to nomisma*) [16. С. 18]. Как говорил Диоген: «Я считаю важным приносить человеческому роду пользу больше других людей не только тем, что у меня есть, но и самой своей личностью» [17. С. 250].

Теологический поиск субъектности

Поздняя классика обострила вопросы связи в человеке духовно-рационального и материально-природного. Иначе говоря, как связаны между собой в личности закономерная рациональная духовность и материальная стихия жизни? Поиски ответа на эти вопросы оказались в центре «проблемного поля» сократических школ. Все они так или иначе исходили из того, что человек может противостоять потоку все разрушающей природной событийности, если он найдет в себе силы проникнуть в свои духовные глубины и прояснить их связь с естественными жизненными устоями. Сократ напрямую не связывал свободу «субъективного духа» с сознательным регулированием жизненного процесса. По его мнению, такой процесс протекает сам по себе. «Ум, пока находится в твоём теле, распоряжается им как хочет» [18. С. 30]. Но при этом, по его мнению, результаты познания лучше «доказывать не словами, а делом», ведь «ни один... поступок не может остаться скрытым от богов» [18. С. 30]. Следуя этой заповеди, сократические школы в условиях агонии полисной системы искали такие формы поведения личности, которые адекватны божественным абсолютам. Так, киники и киренаики находили их в принципах субъективного удовольствия, наслаждения, автаркии и адиафории (безразличия). А мегарики, оперируя исключительно абстрактными понятиями и формализмами, принижали материальную жизнь, отрицали чувственное познание [19. С. 122]. При этом все они так или иначе стояли на позициях свободомыслия, презрения к условностям.

Представители сократических школ создали богатый пласт остроумной, пародийной, сатирической литературы на темы: жизни и смерти, добродетели, организации государства, социального неравенства, религии и др. Она полна фольклорных образов, народной мудрости, просторечья, афоризмов, аллегорий, метафор и др. При этом, гипертрофируя свои базовые принципы, они нередко теряли чувство реальности, впадали в эскапизм, эпатаж, демонстративно обесмысливали общепризнанные ценности, представляя их в виде абсурдов, аскетических причуд, о чем было сложено немало легенд и анекдотов.

Мудрец – это прежде всего насмешник, который не верит ни во что и смеется над всем – над мифом, религией и суеверием, над поэзией и философией, над собой, в конце концов. Он должен противопоставить бессмысленности познания мира свою невозмутимость (атараксию) и молчание. Некоторые представители сократических школ абсолютизировали свои принципы (автаркии, стремления к удовольствию и др.), доводя их до явного абсурда. Как, например, киренаик Гегесий, которого называли «Учитель смерти» [20. С. 131], исходя из того, что страдания тела превышают его удовольствия, заключает, что «счастье вообще невозможно», а значит, жизнь не имеет ценности и освободиться от страданий можно только через самоубийство. Бытие не только глубже наших знаний о нем, но и намного богаче наших переживаний и ощущений. Так граница между человеческим и божественным приобретает не только гносеологическую, но и экзистенциальную трансцендентность.

Сократики без должного уважения относились к мифологии, утверждали, что всякий миф является спорным и невозможным, поскольку в самом себе содержит опровержение, «миф есть изложение предметов, не могущих возникнуть и ложных» [21. С. 108], посмеивались над показным благочестием, внешней обрядовостью, образами и сюжетами эллинской религии. Это приводило их к конфликтам с полисными моральными нормами. В народе их называли «безбожниками», «неверующими», «нечестивыми» и др. Вместе с тем радикальный критицизм приводил их и к позитивным понятийным обобщениям, в частности, намечал переход к монотеизму. Так, Антисфен, стоявший у истоков кинической философии, утверждал, что «согласно мнению людей, существует множество богов, по природе же – один», который «ни на кого не похож, поэтому-то никто не может узнать его по изображению» [22. С. 124]. Кроме того, киники насыщали противопоставление бессмертных богов и смертных людей психологическими оппозициями. Боги не только прекрасны, бессмертны и невидимы нами, но, вполне возможно, что они другие и по своим духовно-психологическим качествам. И тогда возникают вопросы: говорим ли мы с богами на одном языке? можно ли вообще достичь с богами взаимопонимания? И вот уже киник Дион сомневается: «А ты не боишься того, что боги говорят одно, а подразумевают другое?» [23. С. 346].

Так, на закате поздней классики сократические школы выразили свойственное эпохе интеллектуальное отчаяние, общий индифферентизм, безразличие, утерю веры в способности человека влиять на ход жизни, даже с помощью богов. Пессимистическая тональность сократических школ свидетельствовала об исчерпании культурно-творческого потенциала эллинской религиозности. Она теряла историческую перспективу. На повестку дня встала потребность в поиске новых оснований религиозного сознания. Они были выстраданы в течение нескольких столетий и утвердились в дезэтнизированном, монотеистическом, сотериологическом христианстве. Но для генезиса христианства

необходима была более глубокая философская основа. Принципы сократовских школ, базировавшиеся на обобщении личного опыта, индивидуализированной чувственности, здесь были недостаточны. Требовалось перейти к обобщению культурно-исторического опыта, придать философским позициям универсально-космический смысл. Так начался переход киников к стоицизму, киренаиков – к эпикуреизму, а мегариков – к неоплатонизму.

Рациональная теология Аристотеля

Заложенную Платоном традицию рационально-понятийной реконструкции эллинской мифологии в эпоху заката поздней классики продолжил Аристотель. Он исходил из того, что предметом науки является все закономерное, причинно обусловленное, а предметом мнения все случайное, т.е. то, что является отклонением от целесообразности. Закономерное в объекте является предметом доказательного знания; а случайное лишь констатируется наблюдением и мнением. «О случайном, пишет Аристотель, нет знания через доказательство» [24. С. 308], т.е. науки, ведь наука «направлена на общее и основывается на необходимых [положениях]; необходимое же есть то, что не может быть иначе» [24. С. 312]. Наука – это знание, которое может быть доказательно организовано в системе логически следуемых выводов из некоторых самоочевидных предпосылок. Поскольку в мифологии есть закономерные стороны, наука о мифе имеет право на существование.

Аристотель окончательно разрывает с традицией антропоморфизации богов, заявляя, что подлинные боги ничего общего с образами народной мифологии не имеют. Он сближает миф, с одной стороны, с философским, а с другой стороны, с поэтико-эстетическим творчеством. По его мнению, мифы порождаются такими чертами человеческой природы, как удивление, подражание и удовольствие. Миф это первичное, упрощенное, недоказательное, необоснованное знание, что делает его более понятным для массового сознания, для толпы. В мифе много ложного, логических ошибок и попросту нелепостей, но они соответствуют общим требованиям, предъявляемым к художественному произведению. Они вызывают удивление, несут эстетическое наслаждение: «Сочинять чудесное надобно и в трагедии, но в эпосе еще охотнее допускается немыслимое, а они-то и есть главная причина чудесного... [А само по себе] чудесное приятно» [25. С. 675]. Вместе с тем в мифотворчестве есть свои закономерные стороны. Он усматривает их в событийной стороне мифа, в его сюжете. Поэтому он часто употребляет термин «миф» в значении фабула, сказание, сюжет: «Подражание действию есть сказание (mythos). Сказанием я называю сочетание событий» [25. С. 652]. Под наукой о мифе он понимает сбор и систематизацию мифологических сюжетов, в которых через отношения между героями, людьми, богами отражены обобщенные ситуации, события, устойчиво повторяющиеся, закономерные отношения между людьми.

Аристотель заложил основания фабульной мифографии – популярного в эллинистическо-римскую эпоху жанра античной филологии. Предмет фабульной мифографии – это, говоря современным языком, область *архетипов* культуры, в которой отражены некоторые глубинные закономерные связи природного и культурного в человеке. По сути, Аристотель является родоначальником науки об архетипах культуры.

Как же быть с образами мифологических богов? На каких путях следует искать «подлинную божественность»? По мнению Аристотеля, подлинная божественность лежит в области первопричин бытия, которые не даны чувственному восприятию и постигаются только разумом, мысленно, понятийно. И в таком своем качестве они является предметом особой науки – теологии. Божественные первопричины бытия, как и все остальные области мира (и движение светил, и строение тела всех живых и растительных существ, и устройство полиса и др.) вполне познаваемы человеком, ведь «бог и природа ничего не делают всуе» [26. С. 273]. Он придает теологии статус раздела онтологии (метафизики), науки о первопричинах бытия, которые постигаются рационально-понятийной деятельностью. Теологическое знание у него носит логико-доказательный характер⁵. При этом Аристотель сближает теологию еще и с космологией. Проблему «подлинной божественности» он решает в контексте логико-понятийного моделирования Космоса.

Аристотелевский Космос един и единственен, упорядочен, соразмерен и вполне определен; он ограничен в пространстве и бесконечен во времени, конечен и вечен. Космос никогда не рождался и никогда не погибнет, никогда не возникал и принципиально неуничтожим. За пределами Космоса чистое ничто, которое не может быть предметом познания: нельзя судить о том, чего нет. Аристотель не противопоставляет полностью профанное сакральному. Он переносит сакральные качества (бесконечное совершенное движение по идеальным окружностям, не требующее приложения силы и др.) на наблюдаемый Космос, приписывая их надлунному миру. Все движущиеся тела приводятся в движение каким-либо иным телом, и в свою движут другие тела. Чтобы избежать замкнутой на самое себя бесконечности, Аристотель вводит понятие перводвигателя, который есть одновременно и начало мира, и его первопричина. «[Первое] движущее есть необходимо сущее, и поскольку оно необходимо сущее, оно существует надлежащим образом, и в этом смысле оно начало» [27. С. 310]. Перводвигатель единственен, неподвижен и вечен: «...так как движущееся должно чем-то приводиться в движение, а первое движущееся – быть неподвижным само по себе, причем вечное движение необходимо вызывается тем, что вечно» [27. С. 312]. Он всегда равен сам себе, неделим, не имеет ни частей, ни величины [28. С. 262], находится за сферой

⁵ Так, Аристотель формирует проблематику логических «доказательств бытия Бога», которая обладала высоким статусом в христианской теологии.

неподвижных звезд⁶. Это наивысшая чистая форма, «форма всех форм», которая, являясь неподвижной, может быть только бестелесной, т.е. лишенной материи. Все эти качества являются по сути свойствами подлинной, а не мифологической, антропоморфной, божественности. Перводвигатель и есть подлинный Бог как «некая вечная, неподвижная сущность» [27. С. 306–307], которая необходимо «должна быть без материи» [27. С. 307] ибо вечное нематериально. Бог – это чистая нематериальная форма, которая может быть только действительностью, но никак не возможностью. («Материя» есть лишь возможность «формы»).

Таким образом, Бог является и первопричиной конечной цепи космического детерминизма, *началом* всех начал и *причиной* всех причин, Он – чистая форма и первая сущность, высшее, совершенное существо. Совершенство Бога проявляется в его духовности. В отличие от Платона, Аристотель не наделял духовность, мир идей («душ»), субстанциальностью⁷. Он исходил из того, что душа имеет основу в материи, она порождение живой телесности: «Душа есть первая энтелехия естественного тела, обладающего в возможности жизнью» [30. С. 395]. А высшей деятельностью души является мышление, которое всегда имеет свою цель, либо внешнюю (практическая мысль), либо внутреннюю – теоретическая мысль, созерцание.

В аристотелевском синтезе онтологии, космологии и теологии понятие созерцательности играет ключевую роль (такую как у Платона понятие Блага). Во-первых, созерцательности придается экзистенциальное значение. Созерцательность это блаженство, ведь она «отличается сосредоточенностью (*sproydei*) и помимо себя самой не ставит никаких целей, да и к тому же дает присущее ей удовольствие... самодосточность, наличие досуга и неутомимость (настолько это возможно для человека) и все остальное, что признают за блаженным» [31. С. 282–283], благодаря созерцательности в человеке «присутствует нечто божественное» [31. С. 283], Во-вторых, созерцание имеет и гносеологический смысл. Теория (*θεωρία*) – это прежде всего созерцание, рассмотрение, понимание мира не только во всем его чувственном великолепии, но и в сущностном единстве. Именно созерцание обеспечивает переход от чувственного к рациональному познанию, от единичного к общему, постижение общего. Общее (причины, формы, сущности вещей) непосредственное созерцается (усматривается) разумом. Поэтому у Аристотеля понятие это не результат развития когнитивного процесса от чувственного

⁶ Правда, Аристотель не избежал противоречий между теологией и космологией. Концепция перводвигателя была им разработана раньше модели Космоса как системы гомоцентрических сфер. Количество основных и компенсирующих сфер Аристотель оценивал величиной 55. (Но еще в древности было замечено, что он ошибся в подсчетах: сфер получалось 49.) [29. Р. 127–128]. По сути, каждая такая сфера предполагала существованием своего перводвигателя, можно сказать, своего «подлинного бога».

⁷ Это одна из причин неприятия аристотелизма патристикой и схоластикой. Ведь если душа не субстанциальна, то как она может быть бессмертной?

образа к абстрактной мысли, а инициирование созерцанием перехода понятия из его потенциального существования в реальное.

Таким образом, по Аристотелю, Бог как высшая действительность есть мышление о мышлении, «чистый» ум, обращенный на самое себя, абсолютно рефлексированное, самосозерцающее мышление. Бог это теоретический, созерцающий ум, направленный на самый совершенный предмет, которым является не нечто, существующее вне Бога, и даже не сам Бог, а теоретическая, т.е. философская, мысль.

Заключение

Аристотель завешает рациональную абстрактно-понятийную реконструкцию античной мифологии предельно обобщенным понятием о Боге. В его теологии олимпийский политеистический пантеон редуцируется до представления о Боге как единственном, вечном, неподвижном, неделимом, всегда равным себе, бестелесном, ничем другим не приводимым в движение, *началом* всех начал и *причиной* всех причин. Такой Бог – чистый теоретик и совершенный философ, созерцающий собственное мышление.

Вместе с тем аристотелевской теологии присущи значительные элементы нерелексируемой субъективности. Это остаточные черты мифологизма; гилозоические элементы, наделение Космоса красотой и любовью «низшего к высшему», одушевлением, этическими и эстетическими признаками и др. В них проявлялся ценностно-смысловой полюс поздней античной теологии, выражавший личностное отношение к сакральному миру, его сущностному единству на основе Созерцания. В эпоху раннего Средневековья это препятствовало осознанию специфики аристотелевской теологии христианами мыслителями. Боэций, Дионисий, Эриугена и др. понимали ее в духе неоплатонизма, сближая с воззрениями Прокла и Плотина. И только когда в Европу (благодаря переводам с арабского, затем с древнегреческого языков) начал приникать аутентичный аристотелизм (XII–XIII вв.), христианские теологи с удивлением выяснили, что Аристотель уже давно создал абстрактно-понятийную монотеистическую модель сакрального мира. Им остается только согласовать две теологические позиции, христианскую и аристотелевскую (Фома Аквинский). Но это оказалось не просто, ведь несовпадение теологий определялось наряду с другими факторами (уровень мышления, мировоззренческие позиции и др.), и различием их мифологических истоков – эллинской (олимпийской) и библейской (ветхозаветной и новозаветной) мифологий.

Список литературы

- [1] *Найдыш В.М.* Эллинская теология эпохи Высокой классики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 1. С. 79–93. DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-1-79-93 EDN: PDLULR
- [2] *Naidysh V.M.* Hellenic theology of early classical period // *RUDN Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 24. N 4. P. 669–680. DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-4-669-680 EDN: IJCCAF

- [3] Найдыш В.М. Мифология и теология. Статья вторая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2019. Т. 23. № 2. С. 210–221. DOI: 10.22363/2313-2302-2019-23-2-210-221 EDN: ONAWLI
- [4] Найдыш В.М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. М. : Гардарики, 2002.
- [5] Каган Д. Пелопоннесская война. М. : Альпина нон-фикшн, 2023.
- [6] Welskopf E.C. Hellenische Poleis. Kriege – Wandlung – Wirkung. Bd. 1–4. Berlin : Akademie-Verlag, 1974. DOI: 10.1163/9789004674219
- [7] Родс П.Дж. Полис и его альтернативы // Кембриджская история древнего мира. Четвертый век до нашей эры. Т. VI. М. : Ладомир, 2017. С. 673–705.
- [8] Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М. : Ладомир, 1999.
- [9] Зелинский Ф.Ф. Эллинская религия. Минск : Экономпресс, 2003.
- [10] Найдыш В.М. Мифотворчество в деятельности сознания // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 26–34. EDN: YPQETV
- [11] Поллитт Дж.Дж. Греческое искусство: от классического к эллинистическому // Кембриджская история древнего мира. Четвертый век до нашей эры. Т. VI. М. : Ладомир, 2017. С. 766–780.
- [12] Mikalson J.D. Athenian Popular Religion (405–323 B.C.). Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1983.
- [13] Wilamowitz-Moellendorf U. von. Der Glaube der Hellenen. In 2 volumes. Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1932.
- [14] Гиперид. Речь против Демосфена по поводу денег Герпала. Ст. 31 / пер. Л.М. Глускина. Режим доступа: https://vk.com/wall-36850439_33712?ysclid=maec7m8cu9758346963 (дата обращения: 01.11.2024).
- [15] Платон. Софист // Сочинения в четырех томах. Т. 2. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.
- [16] Нахов И.М. Очерк истории кинической философии // Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. М. : Наука, 1984. С. 5–52.
- [17] Диоген. Письма // Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. М. : Наука, 1984. С. 218–251.
- [18] Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / пер. С.Н. Соболевский. М. : Наука, 1993.
- [19] Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М. : Искусство, 1969.
- [20] Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М. : Мысль, 1979.
- [21] Секст Эмпирик. Против ученых // Соч: В 2 томах. Т. 1. М. : Мысль, 1976. С. 7–206.
- [22] Антисфен. Дополнения // Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. М. : Наука, 1984. С. 122–132.
- [23] Дион из Прусы. Речи // Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. М. : Наука, 1984. С. 315–347.
- [24] Аристотель. Вторая Аналитика // Соч. в 4 томах. Т. 2. М. : Мысль, 1978. С. 255–346.
- [25] Аристотель. Поэтика // Соч. в 4 томах. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 645–680.
- [26] Аристотель. О небе // Соч. в 4 томах. Т. 3. М. : Мысль, 1981. С. 263–378.
- [27] Аристотель. Метафизика // Соч. в 4 томах. Т. 1. М. : Мысль, 1975. С. 63–368.
- [28] Аристотель. Физика // Соч. в 4 томах. Т. 3. М. : Мысль, 1981. С. 59–262.
- [29] Duhem P. Le systeme du monde. Histoire des doctrines cosmologiques de Platon à Copernic. Vol. 1. Paris : Hermann, 1958.
- [30] Аристотель. О душе // Соч. в 4 томах. Т. 1. М. : Мысль, 1978. С. 369–450.
- [31] Аристотель. Никомахова этика // Соч. в 4 томах. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 53–294.

References

- [1] Naidysh VM. Hellenic Theology of the Epoch of High Classics. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(1):79–93. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-1-79-93 EDN: PDLULR
- [2] Naidysh VM. Hellenic theology of early classical period. *RUDN Journal of Philosophy*. 2020;24(4):669–680. DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-4-669-680 EDN: IJCCAF
- [3] Naidysh VM. Mythology and theology. Article two. *RUDN Journal of Philosophy*. 2019;23(2):210–221. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2019-23-2-210-221 EDN: ONAWLI
- [4] Naidysh VM. *Philosophy of mythology. From antiquity to the era of Romanticism*. Moscow: Gardariki publ.; 2002. (In Russian).
- [5] Kagan D. *Peloponnesian war*. Moscow: Alpina non-fiction; 2023.
- [6] Welskopf EC. *Hellenische Poleis. Kriege – Wandlung – Wirkung*. Bd. 1–4. Berlin: Akademie-Verlag; 1974. DOI: 10.1163/9789004674219
- [7] Rhodes PJ. Polis and its alternatives. In: *The Cambridge Ancient World. The Fourth Century BC*. Vol. VI. Moscow: Lodomir publ.; 1994. P. 673–705. (In Russian).
- [8] Habicht ChH. *Athen. Die Geschichte der Stadt in hellenistischer Zeit*. Moscow: Lodomir publ.; 1999.
- [9] Zelinsky FF. *Hellenic religion*. Minsk: Econompres; 2003. (In Russian).
- [10] Naidysh VM. Mythmaking in the Activities of Consciousness. *Voprosy Filosofii*. 2017;(5):26–34. (In Russian). EDN: YPQETV
- [11] Polito JJ. Greek Art: from Classical to Hellenistic. In: *The Cambridge Ancient World. The Fourth Century BC*. Vol. VI. Moscow: Lodomir publ.; 2017. P. 766–780.
- [12] Mikalson JD. *Athenian Popular Religion (405–323 B.C.)*. Chapel Hill: University of North Carolina Press; 1983.
- [13] Wilamowitz-Moellendorff U. von. *Der Glaube der Hellenen*. In 2 volumes. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung; 1932.
- [14] Hypereides. *Speech' against Demosthenes about Herpal's money*. Article 31. Gluskina LM, transl. Available from: https://vk.com/wall-36850439_33712?ysclid=maec7m8cu9758346963 (accessed: 01.11.2024). (In Russian).
- [15] Plato. *The Sophist*. An essay in four volumes. Vol. 2. Saint Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University; 2007. (In Russian).
- [16] Nakhov IM. *An essay on the history of Cynic philosophy*. An anthology of Kinism. Fragments of the writings of Cynic thinkers. Moscow: Nauka publ.; 1984. P. 5–52. (In Russian).
- [17] Diogenes. Letters. In: *An anthology of Kinism. Fragments of the writings of Cynic thinkers*. Moscow: Nauka publ.; 1984. P. 218–251. (In Russian).
- [18] Xenophon. *Memories of Socrates*. Moscow: Nauka publ; 1993. (In Russian).
- [19] Losev AF. *History of ancient Aesthetics. Vol. 2. Sophists. Socrates. Platon*. Moscow: Iskustvo publ.; 1969. (In Russian).
- [20] Diogenes Laertius. *About the life, teachings and sayings of famous philosophers*. Moscow: Mysl' publ.; 1979. (In Russian).
- [21] Sextus Empiricus. Against scientists. In: *Works in 2 volumes*. Vol. 1. Moscow: Mysl' publ.; 1976. P. 7–206. (In Russian).
- [22] Antisthenes. Additions. In: *An anthology of Kinism. Fragments of the writings of Cynic thinkers*. Moscow: Nauka publ.; 1984. P. 122–132. (In Russian).
- [23] Dion of Prussia. Speeches. In: *An anthology of Kinism. Fragments of the writings of Cynic thinkers*. Moscow: Nauka publ.; 1984. P. 315–347 (In Russian).

- [24] Aristotle. The Second Analysis. In: *Works in 4 volumes*. Vol. 2. Moscow: Mysl' publ.; 1978. P. 255–346. (In Russian).
- [25] Aristotle. Poetics. In: *Works in 4 volumes*. Vol. 4. Moscow: Mysl' publ.; P. 645–680. (In Russian).
- [26] Aristotle. About heaven. In: *Works in 4 volumes*. Vol. 3. Moscow: Mysl' publ.; 1981. P. 263–378. (In Russian).
- [27] Aristotle. Metaphysics. In: *Works in 4 volumes*. Vol. 1. Moscow: Mysl' publ.; 1975. P. 63–368. (In Russian).
- [28] Aristotle. Physics. In: *Works in 4 volumes*. Vol. 3. Moscow: Mysl' publ.; P. 59–262. (In Russian).
- [29] Duhem P. *Le systeme du monde. histoire des doctrines cosmologiques de Platon à Copernic*. Vol. 1. Paris: Hermann; 1958.
- [30] Aristotle. About the soul. In: *Works in 4 volumes*. Vol. 1. Moscow: Mysl' publ.; 1978. P. 369–450. (In Russian).
- [31] Aristotle. Nicomachean ethics. In: *Works in 4 volumes*. Vol. 4. Moscow: Mysl' publ.; 1983. P. 53–294. (In Russian).

Сведения об авторе:

Найдыш Вячеслав Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры онтологии и теории познания, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. SPIN-код: 1852-0407. E-mail: v.naidysh@bk.ru

About the author:

Naidysh Viacheslav M. – DSc in Philosophy, Full Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. SPIN-code: 1852-0407. E-mail: v.naidysh@bk.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-435-445>

EDN: SHNPUA

Научная статья / Research Article

Прометей и Заратустра: бунт Камю и нигилизм Ницше

Л.Э. Крышторп , Д.А. Калашников

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

 kryshtop_le@pfur.ru

Аннотация. На формирование философских взглядов А. Камю огромное влияние оказал Ф. Ницше. Авторы исследования анализируют несколько аспектов данного влияния. В поле зрения попадает концепция «смерти Бога» Ницше и ее отражение в философии Камю, прежде всего в его ключевом понятии – понятии абсурда. Авторы приходят к выводу, что философия абсурда Камю в определенном смысле может рассматриваться как последовательное развитие ницшеанской идеи «смерти Бога», выведением всех следствий из нее. Также параллель во взглядах двух философов можно проследить в двух других аспектах – в концепции вечного возвращения Ницше и ее своеобразного воплощения в образе Сизифа у Камю, а также в ницшеанской идее трех превращений духа и ее преломлении в идее бунта Прометея. Авторы приходят к выводу, что в случае первого аспекта мы можем говорить о значительном сходстве и параллелизме идей двух мыслителей. Однако второй аспект – идея трех стадий развития духа Ницше и идея бунта Камю, как он предстает в образе Прометея, демонстрирует серьезное расхождение между ними. На третьей стадии развития духа – стадия ребенка – дух переходит от отрицания к созиданию новых ценностей, однако этот процесс может быть охарактеризован как активный нигилизм. Этот процесс подразумевает бескомпромиссное отбрасывание, разрушение старых ценностей, что и становится основанием для формирования новых. Такая позиция неизбежно подразумевает безграничную свободы отдельного индивида, того избранного, который и способен подняться до этой высоты духовного развития. Такая позиция является ответом на «смерть Бога». Бунт Камю также является ответом на абсурд. Но он имеет своим истоком не абсолютную свободу индивида, а чувство солидарности. Он рождается из стремления помочь другим людям, улучшить их положение, из стремления к общему для всех людей благу. Такой бунт не может быть неограниченным, напротив, он подчинен закону меры, соразмерности разрушения и приносимого блага.

Ключевые слова: смерть Бога, абсурд, ценность, Сизиф, Прометей

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке РНФ, № 24-28-01183 «Философская теология: сущность, история, перспективы», <https://rscf.ru/project/24-28-01183/>.

© Крышторп Л.Э., Калашников Д.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Все авторы внесли равный вклад в разработку концепции, подготовку и написание рукописи.

История статьи:

Статья поступила 29.12.2024

Статья принята к публикации 11.03.2025

Для цитирования: *Крыштон Л.Э., Калашиников Д.А. Прометей и Заратустра: бунт Камю и нигилизм Ницше // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 435–445. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-435-445>*

Prometheus and Zarathustra: Camus' Revolt and Nietzsche's Nihilism

Ludmila E. Kryshstop^{id}✉, Danila A. Kalashnikov

RUDN University, Moscow, Russia

✉kryshstop_le@pfur.ru

Abstract. The Camus' philosophical views were greatly influenced by F. Nietzsche. The authors of the research analyze several aspects of this influence. First of all, the article concerns Nietzsche's "death of God" concept and its reflection in Camus's key concept – the concept of absurdity. The authors come to the conclusion that Camus's philosophy of absurdity in a certain sense can be seen as a consistent development of the Nietzsche's "death of God" concept, as a deducing all the consequences from it. The parallel in the views of the two philosophers can also be traced in two other aspects – in Nietzsche's concept of eternal return and its peculiar embodiment in the Camus' image of Sisyphus, as well as in the Nietzsche's idea of three transformations of the spirit and its refraction in the idea of Prometheus' revolt in Camus' philosophy. The authors conclude that in the case of the first aspect we can speak of a significant similarity and parallelism of the ideas of the two thinkers. But the second aspect – Nietzsche's idea of three stages of spirit and Camus's idea of revolt as represented in the image of Prometheus – shows a serious discrepancy between them. In the third transformation of spirit named "child" the spirit moves from negation all previous values to the creation of the new ones. This process can be characterized as active nihilism and implies uncompromising rejection and destruction of old values, which becomes the basis for the formation of new ones. Such a position inevitably implies the unlimited freedom of the individual, the chosen one, who is able to rise to this height of spiritual development. Such a position is a response to the "death of God". Camus's revolt is also a response to the absurdity as a parallel to Nietzsche's "death of God" situation. But it has its origin not in the absolute freedom of the individual, but in a sense of solidarity. It is born out of the desire to help others, to improve their situation. It comes out of the desire for the common good of all people. Such revolt thus cannot be unlimited; on the contrary, it is subject to the law of measure, to the proportionality of destruction and the good to be brought about.

Keywords: death of God, absurdity, value, Sisyphus, Prometheus

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding of Sources. The research has been performed within the project № 24-28-01183 "Philosophical theology: essence, history, perspectives" supported by the Russian Science Foundation (RSF), <https://rscf.ru/en/project/24-28-01183/>.

Contribution of authors. All the authors contributed equally to the conception, preparation and writing of the manuscript.

Article history:

The article was submitted on 29.12.2024

The article was accepted on 11.03.2025

For citation: Kryshtop LE, Kalashnikov DA. Prometheus and Zarathustra: Camus' Revolt and Nietzsche's Nihilism. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):435–445. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-435-445>

Фигуры Фридриха Ницше и Альбера Камю, безусловно, всем знакомы, как и их творчество и философия. Оба они оказали влияние на экзистенциальное направление философии, где идеи первого являются неоспоримым источником вдохновения, а второй разработал собственную философию абсурда и бунта, находясь на поле проблематики экзистенциализма. Как и для многих других, для Камю Ницше был «великим катализатором» [1. С. 61]. В своих дневниках Камю не единожды писал о Ницше: «...всегда любимого мной со страстью, равно как и с восхищением...» [2. С. 502]. Естественно, это не означает слепого подражания. Скорее, речь идет о творческом диалоге между двумя мыслителями, который начался для Камю еще в молодости. Одно из первых произведений Камю – «Счастливая смерть» – написанное, но не опубликованное при жизни, имеет как отсылки, так и общие философские мотивы с философскими взглядами Ницше [3. Р. 79]. Достаточно упомянуть, что один из персонажей имеет фамилию Загреус, напоминая нам о Загрее, который в греческой мифологии, является «одной из архаических ипостасей Диониса, ставшего, как известно, первой воинственной ипостасью „антихристианствующего“ Ницше» [1. С. 73–74]. В дальнейшем Камю не однократно будет обращаться к философии Ницше на страницах своих работ. Это дает возможность проследить как ряд параллелей, так и прямое влияние творчества Ницше на философию Камю [4. Р. 538; 5. Р. 365]. В дальнейшем мы остановимся на нескольких таких аспектах.

Падение иллюзий: абсурд и смерть Бога

Можно сразу же обозначить сравнительное поле, на котором философии Камю и Ницше необходимо соотнести между собой, что позволит взглянуть на них под новым ракурсом. Безусловно таких мотивов достаточно много – абсурд, мир без Бога, бунт и нигилизм и др. Одним из них является метафора «смерти Бога».

Хотя историю становления данной идеи, по-настоящему центральной для философии Ницше, можно проследить еще от ранних этапов становления Ницше [6. С. 82–92], прямо говорит он о «смерти Бога» лишь в «Веселой науке»: «Где Бог? – воскликнул он. – Я хочу сказать вам это! *Мы его убили* – вы и я! Мы все его убийцы!» [7. С. 163; 8. С. 592]. Таким образом, словами безумца, подводится итог общей тенденции развития Запада в его нигилизме.

При этом парадоксальность и комичность данной ситуации заключается в том, что никто, кроме этого «безумца» (в котором угадывается пророческий голос самого Ницше¹) и не замечает этого.

Важно понять, что Ницше говорит здесь о смерти именно христианского Бога, а точнее иллюзий, с ним связываемых, так как самого такого Бога Ницше считает лишь искусственно созданным философским концептом [10. S. 3–5; 11. S. 97–99]. Хайдеггер в этой связи, характеризуя «смерть Бога» Ницше, очень точно замечает следующее: «Умер „моральный“ христианский Бог – „отец“, у которого ищут спасения... <...> ... ведут переговоры и рассказывают о своих злоключениях... <...> ... умер тот Бог, с которым обделывают свои „дела“ <...> Он умер потому, что люди убили его. А убили его потому, что исчислили сообразно своим потребностям в воздаянии и тем самым сделали маленьким его величие как Бога. Этот бог лишился власти, поскольку был „заблуждением“ людей, отрицающих и жизнь, и себя...» [12. С. 125–126].

Но за образом Бога в конечном счете скрывается и нечто большее. Подобная метафора служит для обозначения сверхчувственного мира вообще. Бог – наименование сферы идей. Эта область сверхчувственного. Мир потусторонний, доселе рассматривавшийся как источник непреходящих ценностей и вечных истин, вместе со «смертью Бога» также терпит крах [13. Р. 544]. Фактически речь идет о смерти идеального как такового, о том, что трансцендентного и метафизического как источника для ценностей больше нет: «...сверхчувственный мир лишился действенной силы. Он не подает уже жизнь. Пришел конец метафизике – для Ницше вся западная философия, понятая как платонизм» [14. С. 174]. В конечном итоге, как отмечает К. Джентили, речь идет о крахе Абсолютного [15. S. 201].

На данных «руинах» выстраивается и философия Камю, поскольку она только и возможна при условии, где роль Бога, а вместе с ним и трансцендентное, метафизическое были подвергнуты сомнению. Фактически философия Камю может рассматриваться как выведение всех следствий из «смерти Бога». Именно на этом пути мы и приходим к констатации неустранимой абсурдности человеческого существования.

Абсурд, понятие философии Камю, которое существует в мире, где нет всесильного разума, идеального существа к которому можно обратиться, где измерение трансцендентного и метафизического отсутствует. В такой ситуации человек теряет опору, так как смысл его жизни перестает быть самооче-

¹ Следует отметить, что в исследовательской литературе существует мнение, согласно которому не корректно отождествлять позицию «безумца» с позицией самого Ницше, а следует, напротив, рассматривать его только лишь как литературный образ, который создает необходимую для философа дистанцию и свободное пространство для маневра. В частности, А.У. Зоммер полагает, что использование такого рода литературных образов (другим ярким примером может служить образ Заратустры) является интегральной частью ницшеанской «экспериментальной философии», суть которой заключается в том, чтобы освободить экспериментального философа от необходимости занимать какую-либо окончательную позицию [9. S. 18].

видным. Тут и рождается абсурд, в конфликте между человеком, вопрошающим о смыслах, ищущем опоры, и миром, который в отличие от человека иррационален и лишен смысла: «Сам по себе мир не абсурден, он просто неразумен, так как является внечеловеческой реальностью, не имеющей ничего общего с нашими желаниями и нашим разумом» [16. С. 14].

Что касается метафизических учений или научно выстроенных теорий, то их Камю расценивает как своего рода подмену. Такие представления являются антропоморфными, они суть лишь наши собственные построения и не относятся к миру как таковому: «Мир вполне познаваем, от одной научной теории мы переходим к другой, более совершенной. Но это всегда наша теория, гипотетическая конструкция человеческого ума» [16. С. 14]. Их построение – это бегство от абсурда, которое может принимать разные формы, но в равной степени уводит нас от ясности и решимости признать нелицеприятную и некомфортную для человека правду. Камю же требует иметь мужество смотреть абсурду в лицо: «Усилий требует как раз противоположное: сохранять, насколько возможно, ясность мысли, пытаться рассмотреть вблизи образовавшиеся на окраинах мышления причудливые формы» [16. С. 28].

Для осознания абсурда необходимо мужество и ясность видения. Но те же самые качества требуются и для констатации «смерти Бога». И точно также многие предпочли бы остаться в иллюзии, чем признать ее. На страницах «Так говорил Заратустра» Ницше пишет: «Его мудрость гласит: так бодрствовать, чтобы сон был спокойный. <...> Для всех этих прославленных мудрецов кафедры мудрость была сном без сновидений: они не знали лучшего смысла жизни» [17. S. 40; 18. С. 21].

Как и в случае бегства от абсурда, нежелание признать «смерть Бога» связано со стремлением избежать внутреннего противоречия и потери смысла, задаваемого человеческой жизни как бы извне и свыше. И Ницше, и Камю четко осознавали эту ситуацию и оба полагали, что подлинным духовным подвигом для человека является не терять ясность видения и не пытаться бежать в поисках надежного (пусть и иллюзорного) укрытия. Такую позицию Камю и называет бунтом, видя именно в нем ответ на абсурд и нигилизм [5. Р. 370–371].

Вечное возвращение и Сизиф

Глубже раскрыть эту параллель нам помогают мифологические образы, используемые двумя философами – образы Сизифа и Прометея, переплетающиеся с идеей вечного возвращения.

Миф о вечном возвращении, можно найти в ряде работ Фридриха Ницше, но, как и в случае со «смертью Бога», впервые он появляется на страницах «Веселой науки». Эту идею Ницше можно рассматривать с разных сторон – в ее космологическом, онтологическом, метафизическом аспектах. Для нас в рамках данного рассмотрения наиболее важен морально-антропологический

аспект. И в таком случае идею вечного возвращения можно резюмировать следующим образом: «вопрос, сопровождающий все и вся: „хочешь ли ты этого еще раз, и еще бесчисленное количество раз?“ – величайшей тяжестью лег бы на твои поступки! Или насколько хорошо должен был бы ты относиться к самому себе и к жизни, чтобы не *жаждать* больше ничего, кроме этого последнего вечного удостоверения и скрепления печатью?» [7. S. 265–266; 8. С. 660].

Именно данный пласт рассмотрения будет иметь непосредственные точки соприкосновения с взглядами Камю, выраженных в образах Сизифа и Прометея, служащих для описания положения человека в мире и того, как ему существовать в подобном положении. Конечно речь здесь идет не столько о самих древнегреческих мифах, сколько о своеобразной интерпретации, даваемой им Камю. Сизиф – герой вынужденный, в качестве наказания, водружать валун к вершине горы. Его преступление заключалось в том, что из любви к жизни он пожелал оставаться на земле и попытался обмануть Аида. Через данную метафору Камю демонстрирует, что человек бунтует против воли богов, ведь невзирая на свою участь, он продолжает лицедреть абсурд и не отворачивается от него, он преодолагает свое положение жизненной установкой на преодоление, даже в таких тяжких условиях.

По сути, при помощи данного образа Камю констатирует наличие в мире определенного цикла, развивающегося по своим собственным законам, неподвластным воле человека и для него непрозрачным. Его невозможно нарушить, он обусловлен устройством мира. Эта ситуация может быть для человека источником страданий и неудобств. Он предстает в философии Камю как абсурд, так как речь идет уже не о тех страданиях, которым в любой традиционной системе верований придавалось какое-то объяснение и смысл, а о совершенно бессмысленных и при этом абсолютно неизбежных страданиях. В такой ситуации только жизненный выбор в пользу бунта позволяет преодолеть внутренние страдания, невзирая на невозможность изменения внешних условий. Таким образом тяжесть мира может быть водружена на плечи героя, если он будет достаточно смел, мужественен, достаточно «силен», чтобы принимать свой удел не как наказание, но как что-то само собой разумеющееся, то что должно преодолевать, но не ради конечного «выигрыша», который станет успокоением, но ради самого «бунта», действия и мысли, которую должно повторять в этом цикле «снова и снова». В этой установке, выборе бунта, мы видим непосредственную реализацию ницшеанской установки: «хочешь ли ты этого еще раз, и еще бесчисленное количество раз?».

Прометей и три превращения духа

Еще одним мифологическим образом, важным для философии Камю, является образ Прометея, который является ответом Камю на ницшеанскую концепцию трех превращений.

В работе «Так говорил Заратустра» Ницше выделяет следующие три стадии развития человеческого духа: верблюд – это «да», лев – это «нет», и только ребенок «святое слово утверждения» [17. С. 35; 18. С. 19]. Если раскрывать эти стадии как экзистенциальные, то вырисовывается картина развития человеческой личности способной проявить свое «Я», личное начало и перейти к созиданию. Верблюд «да», но не в смысле утверждения, но в смысле соглашательства, конформизма. Это стадия еще непробужденного духа, который не осознал свое «Я». Он впитывает установки из вне и просто бредет по жизни словно навьюченный верблюд. Это неподлинное существование, здесь нет момента с принятием «тяжести мира», осознания «вечного возвращения». Если мыслить верблюда в духе философии Камю, то это человек еще не осознавший абсурд, человек до «экзистенциального кризиса», «экзистенциального вопрошания», поскольку он нисколько не обдумывает ни себя, ни свое место в мире.

Лев – это «нет», в смысле сепарации от внешнего, устоявшихся смыслов. На данной стадии собственное «Я» как бы пробуждается. И чтобы лучше осознать себя, человеку нужно отгородиться, противопоставить себя окружению, внешнему. Поэтому данная стадия – это стадия активного отрицания. Лев лишь создает условие свободы, отгоняя от себя тех, кто мешает ему быть одному в этой пустыне поиска смыслом и ценностей, но через отрицание невозможно созидать, для этого нужно больше чем «клыки и когти». Тут на лицо метафизический бунт, описанный Альбером Камю в «Мифе о Сизифе»: человек осознал абсурд, но пока лишь выражает «нет».

И третья стадия развития духа – ребенок. Теперь дух способен созидать, его «Я» теперь способно создавать, утверждать. Это выражение «да» в новом качестве, со всей серьезностью и одновременно непосредственностью, какой обладает ребенок во время игры. И тут важно сделать еще одно заключение, которое характерно для Ницше, но также и для Камю. Именно эта стадия воплощается в образе Прометея.

Здесь важно отметить, что последовательность этих превращений для Ницше не является случайной. Дух развивается последовательно: нельзя дойти до стадии ребенка, не пройдя стадии верблюда и льва. Как верно отметил А. Е. Радеев: «лишь тот, кто прошел через пессимизм и нигилизм, способен преодолевать последний, т.е. говорить „да“ жизни» [19. С. 142]. Также и в философии Камю важна последовательность, постепенное возрастания в ясности и мужестве: нужно узреть абсурд, справиться с ним, а затем бунтовать, сначала подобно Сизифу, затем подобно Прометею.

Однако в образе Прометея ярче всего прослеживается и различие, имеющееся в подходах двух философов. Конечная стадия развития духа – ребенок – это стадия порождения ценностей, которое мы могли бы назвать активным нигилизмом или, как называет его Хайдеггер, – «пессимизмом силы» [20. С. 26]. Это метод создания условий для появления новых ценностей, через отрицание прежних. По мысли Ницше, по отношению к старым

ценностям невозможен никакой компромисс, их стоит отрицать, но в этом отрицании как раз и заложена сила утверждения. Такой подход предполагает и в значительной степени требует полной свободы отдельного индивида, ничем не ограниченной. Здесь и коренится основное расхождение с концепцией бунта Камю. Более глубоко его понять помогает обращение к образу Прометея, в котором Камю развивает идею индивидуального бунта до общечеловеческого. Здесь Камю выходит за рамки наследия Ницше, для которого было характерно требование абсолютной безграничной свободы для индивида [21. С. 93].

Прометей, по воле Зевса, был прикован к скале и обречен на вечные муки. Как и в случае Сизифа, эти страдания имеют характер бесконечно повторяющегося цикла. Но если Сизиф восстал из любви к своей жизни (что созвучно философии Ницше), то Прометей восстал из любви к людям, несмотря на запрет Зевса, и предвидя последующее за этим наказание. Его величайшая тяжесть – это более не груз камня и своих собственных эгоистических устремлений, но груз стремления помочь, груз бунта из солидарности и груз последствий этого стремления. Бунт Прометея благороден, это борьба со смертью, поскольку люди, смертные, не могли обходиться без огня. Также это бунт против произвола Зевса, который чересчур суров с людьми [16. С. 138]. Прометей лишь пытается восстановить баланс мира, вернув то благо, огонь, которого люди были лишены. Как отмечает Камю, в греческой картине мира «да» и «нет» уравниваются [16. С. 139]. Бунт сохраняет меру, оказывается сдерживаемым. Он не предполагает восстания против природы, поскольку во взглядах греков «бунтовать против природы – значит бунтовать против самого себя» [16. С. 138].

При помощи образа Прометея Камю демонстрирует, что бунт заложен в природу человека, как творения Прометея, но имеет этическое, а не метафизическое измерение. Это умеренный бунт, который преобразует ради существующих благ, а не безграничный, который разрушает все во имя абстрактного (что характерно для философии Ницше). Для Камю греческое наследие важно тем, что оно, являясь дохристианским, не пронизано идеями первородного греха и виновности человека. Здесь человек предстает как часть того мира, в котором он существует, между ним и богами нет непреодолимой сущностной пропасти. В этом мире нет абсолютного добра и зла, все часть природы, все неустанно находится в круговороте, который и есть вечное возвращение, присущее грекам [22. С. 18]. В этой версии вечного возвращения нет места абсолютному, поскольку знающий о нем стремится гармонизировать циклы возвращения между собой, отсюда и идея меры и поиска компромисса между «да» и «нет», вращающегося вокруг человеческих жизней, где объединяет их единственный закон – закон меры.

Итоги

В исследовании были рассмотрены некоторые аспекты философии Камю, в которых наиболее ярко прослеживаются параллели с философией Ницше, а также определенное влияние, которое взгляды последнего оказывали на Камю, начиная с ранних лет его творческого пути. К таким аспектам прежде всего следует отнести идею «смерти Бога». В определенном смысле вся философия абсурда Камю предстает как планомерное развитие этой идеи и выведение всех следствий из нее. Другим не менее важным аспектом является ницшеанская идея трех стадий развития человеческого духа, находящее свое отражение в философии Камю в образах бегства от абсурда, бунта Сизифа и бунта Прометея. Как и Ницше, Камю подчеркивает, что подлинным подвигом человека в новой экзистенциальной ситуации «смерти Бога» (абсурда) является признание этой ситуации во всей ее полноте. Как и Ницше, Камю ведет речь о создании новых ценностей, сотворении новых смыслов. Однако, образ Прометея демонстрирует и важное различие между двумя мыслителями. Метод Ницше – это активный нигилизм, отрицание прошлых ценностей, с которыми невозможен никакой компромисс. Такой подход предполагает полную свободу отдельного индивида, ничем не ограничиваемую. Метод Камю – это метод умеренного бунта, сдерживаемого благом других людей и проистекающий из чувства солидарности.

Список литературы

- [1] Фокин С.Л. Альбер Камю. Роман. Философия. Жизнь. СПб. : Алетея, 1998.
- [2] Камю А. Записные книжки. М. : АСТ, 2023.
- [3] Gaetani G. The Eternal Return of Sisyphus: Camus Interpreting Nietzsche // *Journal of Camus Studies*. 2012. Vol. 4. P. 76–85.
- [4] Duvall W. Camus's Fall – From Nietzsche // *Historical Reflections*. 1995. Vol. 21. No. 3. P. 537–552.
- [5] Gordon M. Camus, Nietzsche, and the Absurd: Rebellion and Scorn versus Humor and Laughter // *Philosophy and Literature*. 2015. Vol. 39. N 2. P. 364–378. DOI: 10.1353/phl.2015.0045
- [6] Figl J. 'Tod Gottes' und die Möglichkeit 'neuer Götter' // *Nietzsche-Studien*. Bd. 29 / hrsg. von M. Montinari. Berlin/Munich/Boston : Walter de Gruyter GmbH., 2000. S. 82–101. DOI: 10.1515/9783110244472.82
- [7] Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft // *Werke*. Kritische Gesamtausgabe. Bd. 5. Leipzig : C.G. Naumann, 1900.
- [8] Ницше Ф. Веселая наука // *Сочинения в 2 томах*. Т. 1. М. : Мысль, 1990. С. 491–719.
- [9] Sommer A.U. Gott – Nihilismus – Skepsis. Aspekte der Religions- und Zeitkritik bei Nietzsche. Zur Wissenschaftskritik Nietzsches // *Der Tod Gottes und die Wissenschaft* / hrsg. von C. Gentili, C. Nielsen. Berlin/New York : Walter de Gruyter GmbH & Co., 2010. S. 17–25. DOI: 10.1515/9783110220759.17
- [10] Stegmaier W. Der Tod Gottes und das Leben der Wissenschaft. Nietzsches Aphorismus vom tollen Menschen im Kontext seiner Fröhlichen Wissenschaft // *Der Tod Gottes und die Wissenschaft* / hrsg. von C. Gentili, C. Nielsen. Berlin/New York : Walter de Gruyter GmbH & Co., 2010. S. 1–16. DOI: 10.1515/9783110220759.1

- [11] Enders M. Heideggers Deutung von Nietzsches Proklamation des Todes Gottes // Heidegger & Nietzsche / hrsg. von H. Zaborowski, B. Babich, A. Denker. Leiden : Brill, 2012. S. 97–120. DOI: 10.1163/9789401208741_007
- [12] Хайдеггер М. Лекции о метафизике / пер. с нем. и коммент. С. Жигалкина. М. : Языки славянской культуры, 2014.
- [13] Woodward A. Camus and Nihilism // Sophia. 2011. Vol. 50. No. 4. P. 543–559. DOI: 10.1007/s11841-011-0274-0
- [14] Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Работы и размышления разных лет. М. : Гнозис, 1993. С. 168–217.
- [15] Gentili C. Friedrich Nietzsche: Tod der Kunst und Tod Gottes // Das Ende der Kunst als Anfang freier Kunst. Leiden : Brill, 2015. P. 201–211. DOI: 10.30965/9783846758557_014
- [16] Камю А. Бунтующий человек. М. : Политиздат, 1990.
- [17] Nietzsche F. Also sprach Zarathustra // Werke. Kritische Gesamtausgabe. Bd. 6. Leipzig : C.G. Naumann, 1899.
- [18] Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Сочинения в 2 томах. Т. 2. М. : Мысль, 1990. С. 5–237.
- [19] Радеев А.Е. О том, что значит говорить «Да» (по Ницше и не только) // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 17. Вып. 1. С. 140–147. EDN: TPHUSZ
- [20] Хайдеггер М. Ницше и пустота. М. : Родина, 2024.
- [21] Гуря В.А. Феномен европейского нигилизма // Terra Linguistica. 2013. № 167. С. 89–96. EDN: QALLYH
- [22] Лосев А.Ф. Античная философия истории. М. : Наука, 1977.

References

- [1] Fokin SL. *Albert Camus. Novel. Philosophy. Life*. Saint Petersburg: Aletejja publ.; 1998. (In Russian).
- [2] Camus A. Notes. Moscow: AST; 2023. (In Russian).
- [3] Gaetani G. The Eternal Return of Sisyphus: Camus Interpreting Nietzsche. *Journal of Camus Studies*. 2012;(4):76–85.
- [4] Duvall W. Camus's Fall – From Nietzsche. In: *Historical Reflections*. 1995;21(3):537–552.
- [5] Gordon M. Camus, Nietzsche, and the Absurd: Rebellion and Scorn versus Humor and Laughter. *Philosophy and Literature*. 2015;39(2):364–378. DOI: 10.1353/phl.2015.0045
- [6] Figl J. 'Tod Gottes' und die Möglichkeit 'neuer Götter'. In: *Nietzsche-Studien*. Bd. 29. Berlin/Munich/Boston: Walter de Gruyter GmbH.; 2000. P. 82–101. DOI: 10.1515/9783110244472.82
- [7] Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft. In: *Werke. Kritische Gesamtausgabe*. Bd. 5. Leipzig: C.G. Naumann; 1900.
- [8] Nietzsche F. Fun Science. In: *Writings in 2 volumes*. Vol. 1. Moscow: Mysl' publ.; 1990. P. 491–719. (In Russian).
- [9] Sommer AU. Gott – Nihilismus – Skepsis. Aspekte der Religions- und Zeitkritik bei Nietzsche. Zur Wissenschaftskritik Nietzsches. In: *Der Tod Gottes und die Wissenschaft*. Berlin/New York: Walter de Gruyter GmbH & Co.; 2010. P. 17–25. DOI: 10.1515/9783110220759.17
- [10] Stegmaier W. Der Tod Gottes und das Leben der Wissenschaft. Nietzsches Aphorismus vom tollen Menschen im Kontext seiner Fröhlichen Wissenschaft. In: *Der Tod Gottes und die Wissenschaft*. Berlin/New York: Walter de Gruyter GmbH & Co.; 2010. P. 1–16. DOI: 10.1515/9783110220759.1

- [11] Enders M. Heideggers Deutung von Nietzsches Proklamation des Todes Gottes. In: *Heidegger & Nietzsche*. Leiden: Brill; 2012. P. 97–120. DOI: 10.1163/9789401208741_007
- [12] Heidegger M. *Lectures on Metaphysics*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury publ.; 2014 (In Russian).
- [13] Woodward A. Camus and Nihilism. *Sophia*. 2011;50(4):543–559. DOI: 10.1007/s11841-011-0274-0
- [14] Heidegger M. Nietzsches Wort 'Gott ist tot'. In: *Works and reflections from different years*. Moscow: Gnozis; 1993. (In Russian).
- [15] Gentili C. Friedrich Nietzsche: Tod der Kunst und Tod Gottes. In: *Das Ende der Kunst als Anfang freier Kunst*. Leiden: Brill; 2015. P. 201–211. DOI: 10.30965/9783846758557_014
- [16] Camus A. *L'Homme révolté*. Moscow: Politizdat publ.; 1990. (In Russian).
- [17] Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. In: *Werke. Kritische Gesamtausgabe*. Bd. 6. Leipzig: C. G. Naumann; 1899.
- [18] Nietzsche F. Thus spoke Zarathustra. In: *Writings in 2 volumes*. Vol. 2. Moscow: Mysl' publ.; 1990. P. 5–237.
- [19] Radeev AE. About what it means to say „Yes” (according to Nietzsche and not only). *Vestnik SPbGU*. 2015;17(1):140–147. EDN: TPHUSZ
- [20] Heidegger M. Nietzsche and the void. Moscow: Rodina; 2024. (In Russian).
- [21] Gura VA. The phenomenon of European Nihilism. *Terra Linguistica*. 2013;(167):89–96. (In Russian). EDN: QALLYH
- [22] Losev AF. *Ancient Philosophy of History*. Moscow: Nauka publ.; 1977. (In Russian).

Сведения об авторах:

Крыштон Людмила Эдуардовна – доктор философских наук, профессор кафедры истории философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-1012-5953. SPIN-код: 6160-3444. E-mail: krysh_top_le@pfur.ru

Калашников Данила Андреевич – аспирант кафедры истории философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. E-mail: 1142220899@pfur.ru

About the authors:

Kryshtop Ludmila E. – DSc in Philosophy (Dr. habil.), Professor of the Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1012-5953. SPIN-код: 6160-3444. E-mail: krysh_top_le@pfur.ru

Kalashnikov Danila A. – Postgraduate Student of the Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. E-mail: 1142220899@pfur.ru

Онтология и теория познания

Ontology and Theory of Knowledge

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-446-459>

EDN: SYDEJI

Научная статья / Research Article

Цифровое «расщепление» повседневности

Т.Г. Лешкевич

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

 Leshkevicht@mail.ru

Аннотация. Напряженное сосуществование традиционных практик повседневности и их трансформированных моделей, привнесенных цифровыми технологиями, представляет собой проблему первостепенной актуальности. Цель исследования состоит в философском осмыслении сдвигов повседневного существования, указывающих на дисбаланс в соотношении «пре-цифровой» и цифровой повседневности. Анализируются три взаимосвязанные тематические линии. Первая предполагает рассмотрение особенностей динамично меняющейся ситуации цифрового бытия и тенденций «сращенности» когнитивного потенциала человека с интеллектуальными устройствами. Внимание обращено на особенности виртуальной рациональности, основанной на замещении собственных усилий индивида алгоритмизированными решениями и изменении познавательных подходов. Вторая связана с опорой на семантику понятий: мультизадачность, Большие данные, алгоритмическая ответственность, прокси-культура, Метавселенная, размывающая границы виртуального и реального. Третья тематическая линия, привлекая наследие А. Щюца, Г. Гарфинкеля, И. Гофмана, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, нацелена на анализ традиционных повседневно-быденных паттернов, указывающих на самодовлеющую связь стабильности, вращающееся вокруг насущных потребностей целеполагание, стереотипы и слабо отрефлектированные схемы мышления. Методологическая стратегия, позволяющая выявить особенности новой ситуации в условиях цифровых трансформаций, опирается на сравнительный анализ, метод сборки и на нацеленный на обнаружение противоречий диалектический метод. К основным положениям, обоснованным в исследовании, относится, во-первых, утверждение, что, «самопонятность» повседневных жизненных практик, направленных на сохранение «самодовлеющей связи стабильности», сочетается с признанием повседневной креативности. Во-вторых, заключение о том, что постоянно обновляющиеся цифровые интеракции требуют радикального перехода к новым «навыко-образующим формам», обуславливая тем самым конфликт с повседневностью, предпочитающей репрезентации устоявшегося и типического. Автор приходит к выводам о технологическом «расщеплении» повседневности, показывая, что

© Лешкевич Т.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

возросшее чувство беспомощности перед усложняющимися задачами компьютерных интеракций на фоне доверия машинным алгоритмам ведет к цифровому отчуждению. Отличие исследования состоит в обосновании того, что сужение ареала «непосредственной достоверности опыта» и реальных межличностных контактов оттесняет способ восприятия действительности в зону безрефлексивности. Распространенное в цифровой повседневности делегирование индивидуальных полномочий интеллектуальным системам, т.е. практика «прокси» – «действий по доверенности», демонстрирует процесс замещения субъектности, когда контакт с реальным физическим лицом становится необязателен.

Ключевые слова: цифровая повседневность, пре-цифровая повседневность, виртуальная рациональность, мультизадачность, практики прокси, метавселенная

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила 01.11.2024

Статья принята к публикации 03.03.2025

Для цитирования: Лешкевич Т.Г. Цифровое «расщепление» повседневности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 446–459. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-446-459>

The Digital “Splitting” of Everyday Life

Tatiana G. Leshkevich

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

 Leshkevicht@mail.ru

Abstract. The coexistence of traditional everyday practices and their transformed models brought about by digital technologies is a problem of paramount relevance. The aim of the research is to understand the shifts in everyday existence, indicating the opposition between “pre-digital” and digital everyday life. Three interrelated thematic lines are analyzed. The first involves considering the characteristics of the dynamically changing situation of digital existence and the trends of “fusion” between human cognitive potential and intelligent devices. The second line is associated with reliance on the semantics of such concepts as proxy culture, virtual rationality, multitasking, Big Data, and the metaverse, which blurs the boundaries between the virtual and the real. The third thematic line is aimed at the analysis of traditional everyday patterns that indicate a self-sufficient connection of stability, goal setting revolving around urgent needs, stereotypes, representations of the typical and weakly reflected patterns of thinking. The legacy of A. Schutz, G. Garfinkel, J. Hoffmann, E. Husserl, M. Heidegger is involved in the analysis of the characteristics of everyday life. The author uses comparative analysis, the assembly method and the dialectical method aimed at identifying contradictions. The study shows, firstly, that the “self-understanding” of everyday life practices aimed at maintaining the “self-sufficient connection of stability” is combined with everyday creativity; secondly, that digital interactions require a radical shift to new forms of skills. The author comes to conclusions about the technological “splitting” of everyday life and digital alienation. The narrowing of the area of “immediate authenticity of experience” and real interpersonal relationships displaces the mode of perceiving reality into a zone of non-reflexivity. Delegation of one’s powers to intelligent systems has become widespread in digital everyday life. Proxy

practices or “acting by proxy” demonstrates the process of replacing human subjectivity, when contact with a real person becomes optional and unnecessary.

Keywords: digital everyday life, pre-digital everyday life, virtual rationality, multitasking, proxy practices, metaverse

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history:

The article was submitted on 01.11.2024

The article was accepted on 03.03.2025

For citation: Leshkevich TG. The Digital “Splitting” of Everyday Life. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):446–459. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-446-459>

Введение

Дигитальность современного мира символизирует собой существенные отличия образа жизни нынешнего поколения. «Цифровое общество – как считают исследователи – действительно представляет собой специфическую модель отношений» [1. С. 544]. Компьютерно-опосредованное поведение свидетельствует о масштабной технологической трансформации опыта повседневного существования. Однако данность повседневности, как известно, обладает статусом «первопорядковой», «верховой реальности» [2]. Социокультурные образцы групповой жизни, непосредственные физические взаимодействия и необходимость «поладить с субъективно определяемым окружением» выступают жизненно важными ее составляющими. Вместе с тем цифровая среда, сузив зону непосредственных межличностных контактов, меняет привычные практики и наработанные стереотипы. Привязав индивида к компьютеру, задав своеобразный тип существования «лицом в экран», она помещает его в зону своеобразного цифрового отчуждения, что обуславливает и «пересборку» самого концепта повседневность, и потребность его философского осмысления в ситуации «the digital».

Смещение осей цифрового существования

Цифровая энвайроментальная среда сделала доступной онлайн-проекцию разнообразных сфер жизни. В объем понятия «цифровое» включены все имеющиеся в онлайн-формате информационно-коммуникативные технологии, связанные с электронными вычислениями и преобразованием данных: соцсети, гаджеты, онлайн-сервисы, сайты, программы дистантного обучения, онлайн-общение, развлечения, чат-боты, онлайн-игры, онлайн-покупки и пр. Иными словами, цифровая реальность вбирает в себя совокупность созданных с помощью высоких технологий информационных феноменов, обеспечивающих новые формы жизнедеятельности. Доступ к Сети и взаимодействия индивида с интернет-ресурсами предстают базовыми характеристиками

современного существования. А сбой Сети порождает острые проблемы и в жизнедеятельности отдельного индивида, и в жизнеспособности социального организма в целом.

Дигитальный мир отчетливо обнаруживает тенденцию «сращенности» когнитивного потенциала человека с интеллектуальными устройствами. Причем в интерфейсе «субъект – гаджет» человеку отведена пассивная роль, активная роль принадлежит гаджету со встроенной навигацией действий, диктующих ответную реакцию. Интеллектуальные устройства, обеспечивая «интеллектуальную поддержку», производят эффект замещения собственных усилий индивида алгоритмизированными решениями.

При встрече индивида и цифровых технологий наблюдается изменение конфигураций рациональности. Онлайн ресурсы, предоставляя ускоренный поиск в обход офлайновых практик, способствуют тому, что контент Сети выдается за результат собственных интеллектуальных усилий, тем самым значительно сужая сферу понимания и смыслообразования. Индивид, перекладывая на компьютер огромную часть когнитивных функции, тем самым отменяет их актуальное использование. Субъект опирается на алгоритмизированные шаблоны возможностей. Рациональность, направленная на адекватное вписывание в мир и целедостижение, в цифровой перспективе несет собой тенденцию «сращенности» когнитивного потенциала человека с алгоритмами интеллектуальных устройств. В ней есть риски того, что авторы называют «макдональдизацией» как «глобальном распространении дегуманизированного ничто» [3. С. 10]. Еще в конце XXв. известный науковед М.К. Петров предостерегал, что технологии «изыскивают способы разгрузки человека от обязанности думать, выбирать, решать и отвечать за свои поступки» [4. С. 31]. Симуляции и имитации, производимые цифровыми технологиями, формируют такой тип мировосприятия, который детерминируется потреблением созданных квази-событий. Задача по их осмыслению оттесняется на периферию, замещаясь обилием информационных месседжей. Обусловленный сёрфингом по Сети тип виртуальной рациональности все более заявляет о своем доминировании.

Смещение осей цифрового существования подтверждается установкой на медиамногозадачность [5] и мультизадачность [6], которые демонстрируют сопряжение различных режимов деятельности (например, досуговой и профессиональной). Мультизадачность основывается на совмещении нескольких функций, на готовности субъектов к одновременному участию в различных видах деятельности, способности «пропускать через себя» разнонаправленные информационные потоки [7]. Российские исследователи отмечают, что «если в зарубежных источниках многозадачность понимается как режим работы с множеством отвлекающих факторов, то в отечественных – как способность человека выполнять несколько операций одновременно» [8. С. 197]. Причем в контексте критического отношения «к мифу о многозадачности» подчеркивается негативное влияние данного режима на когнитивную сферу личности, его тормозящее воздействие на развитие «осмысляющего мышления».

В этой связи примечательна ремарка А. Пан, замечая, что такое беспорядочное, постоянно отвлекающееся мышление в отличие от продуктивной интеллектуальной деятельности, требующей сосредоточенности и невосприимчивости к внешним раздражителям, получило в восточной философии название «обезьяний ум» [9. С. 74]. А уничтожающая метафора: синдром «цифровой обезьяны» в свою очередь подтверждает негативную оценку многозадачности. И тем не менее, в пользу многозадачности свидетельствуют ресурсы обогащенной цифровой среды, а также особенности современного «сетевого поколения».

Но если многозадачность воспринимать позитивно, то при этом необходимо сохранять как умение управлять вниманием, так и вовлеченность в действие. Когнитивный самоконтроль, сосредоточенность на основной задаче – маркеры полезной многозадачности. Многообразные инфо-взаимодействия, свободные от материально-физической локализации и материально-вещественных артефактов, по мнению исследователей, представляют собой новую практику для ЦНС человека, изменяющую паттерны активации мозга и имеющую в том числе и положительные особенности [10].

Осмысление техносимбиоза человека и интеллектуальных систем указывает не только на гипервзаимозависимость и сращенность, но, как считает А. Кларк, на «электронные расширения возможностей мозга». По его мнению, биологический мозг человека в самом фундаментальном смысле является неполной когнитивной системой. Внешние, небιологические элементы обеспечивают дополнительные возможности и вносят вклад к нашему пониманию того, кто мы есть, где мы находимся, что мы можем сделать [11. Р. 137]. Биологический мозг и организм человека учатся зависеть от Интернета, пронизавшего мир повседневных взаимодействий.

Фактом является то, что сдвиги, произошедшие в цифровой повседневности, подчинены максиме – «данные решают все», в том числе определяют и ценность человека в зависимости от количества фолловеров и лайков, присвоенных баллов, индексов, кварталей и иных показателей. Статус Big Data, превзойдя рамки количественных статистических отчетов, присвоил себе функции регулирования и контроля, став трендом современности. При этом к дестабилизирующему потенциалу решений, основывающихся исключительно на Больших данных, трудно применим набор законодательных практик.

Ученые подчеркивают, что цифровая онтология – это, по сути, корпус организованных данных, обладающих множеством формальных свойств, которые, прячась за цифру, принимают различную форму: текстовую, визуальную, звуковую. Не случайно Юк Хуэй назвал свою книгу «О существовании цифровых объектов» [12]. Цифровая онтология задает не только новые векторы поисково-познавательной деятельности и типы познавательных практик, но и обнажает проблему алгоритмической ответственности, острота которой обусловлена рядом факторов. Имеется в виду, не только автоматизированность алгоритмических процессов, происходящих при

минимальном участии человека или вовсе без него, но также и непрозрачность ИИ, функционирование которого подчас представляет собой «черный ящик» [13. С. 41]. Проблема алгоритмической ответственности связана и с позицией самих разработчиков, т.е. индивидуальных и корпоративных субъектов, которые предоставляют услуги с помощью алгоритмов [14. С. 176] и, соответственно, могут заложить в них как свои предпочтения, так и интересы курирующих их заказчиков. Исходя из этого представляется очевидным, что супертехнологические новации невозможно наделить статусом самооценности вне философского осмысления негативных последствий их внедрения.

«Самопонятность» традиционных повседневных регуляций

Говоря о характерных для доцифровой эпохи особенностях, следует подчеркнуть, что, во-первых, традиционная модель повседневно-обыденных практик отличается обладающим привычным постоянством целеполаганием, вращающимся вокруг насущных потребностей. Во-вторых, укоренившиеся в обыденной жизни стереотипы, традиции, образцы жизненных практик характеризуются слабо отрефлексированными схемами мышления и действия. Как считал М. Петров, здесь значимы все основанные на привычке навыки, все виды автоматизмов. Важна сопричастность ориентации на сохранение целостности, «самодовлеющая связь стабильности» [4. С. 42]. В-третьих, важно подчеркнуть, что реальность повседневного существования оценивается как «первопорядковая», наделенная статусом «верховой реальности» [2]. Ее «архитектонике», вбирающей в себя режимы трудовой деятельности, отдыха, свободного общения, свойственны элементарные, но завершенные смысловые единства. Транслируются принятые регуляции, которые оказывают «нормативное давление» и определяют программы ближайших действий. В этом суть "самопонятности" обыденной рациональности, опирающейся на готовые образцы, устоявшиеся правила, набор типичных приоритетов. Г. Гарфинкель отмечал важность описания той жизни, которой люди «на самом деле живут: имеют таких детей, каких имеют, испытывают какие-то чувства и над чем-то размышляют, вступают в такие отношения, в которые в действительности вступают» [15. С. 42].

Из этого следует, что носитель повседневных практик не настроен на интенсивные преобразования, его активность направлена на «хабитуализацию», оповседневнивание рациональности. И хотя дискурс повседневности состоит из разнородных фрагментов, а мысль опирается на явления, логикой не охватываемые (предрассудки, предзнаменования, приметы), особое внимание уделяется наиболее эффективным способам прагматического поведения. Вехи политической жизни для обывателя наделяются значением лишь в их связи с отношением к событиям частной жизни. Причем до появления цифровых инструментов приватное пространство не подлежало столь интенсивному самоопубликованию и саморекламиранию. «Серая зона» повседневности, равно как и сравнение повседневности с миром «нор и складок» —

выразительные метафоры, подчеркивающие, что приватная жизнь по природе своей закрыта. И вопрос, стоит ли искать утонченных смыслообразований в максимах повседневности, утвердительного ответа не получает.

В книге «Представление себя другим в повседневной жизни» И. Гофман показывает, что первоначальным является произвольное самовыражение, посредством которого люди «выдают себя» на житейской сцене. Затем внимание переключается на смысловые рамки ситуаций [16]. Впоследствии акцент переносится на нередуцируемые структуры взаимодействий, которые предположительно обеспечивают разные смысловые наполнения событий повседневности. В целях нашего анализа особый интерес представляют примеры, которые приводит И. Гофман, ссылаясь на освещение событий в вечерних теленовостях. «Дело не просто в том, пишет автор, что телепрограмма должна поддерживать свою собственную версию трактовки событий, не расходящуюся с правительственными постановлениями и учитывающую другие точки зрения, и не в том, что некоторые из событий могли происходить именно так, чтобы появилась возможность произвести их запись. Вопрос в том, что сами записи собираются и организуются в соответствии со специфическими задачами и целями шоу-производства» [16. С. 555]. Часть звукозаписей заимствуется из фильмотеки, а готовая картина содержит кадры, отснятые в разное время и в разных местах, включает заранее подготовленные эпизоды. Более того, монтажеры отснятого материала обязаны использовать некоторые кадры без указания времени и места. Отбор и редактирование осуществляет группа компетентных лиц в центральном офисе информационный взрыв может увлечь слушателей и зрителей [16. С. 585]. Эти выводы соотносимы с современными практиками управления информацией, ведущими к имитации и симуляции событий. Причем «фактчекинг» как практика верификации реальных событий, в условиях конкурирующих запросов и информационного хаоса оказывается беспомощным.

Таким образом, фокусировка на «человеке повседневности» указывает на индивида как «производное от социального порядка» с ожидаемым сходным опытом. Смысловые регуляции «вращаются в воронке обыденности», перетасовывая и присваивая базовые репрезентации типического. Однако есть исследователи, которые не отказывают практикам повседневности в импровизации, «уловках», «процедурах повседневной изобретательности». Так, М. де Серто уверен, что паттерны повседневной рациональности содержат в себе некую креативность, нарушающую ритм повторений типического [17]. В целом же типичные регуляции повседневности демонстрируют неприятие нового и даже активное его подавление из-за угрозы отклонения от привычного. В отличие от этого произошедший цифровой поворот ориентирует на постоянное обновление, требует активного перехода к новым «навыкообразующим формам», нуждающимся в психологической перестройке. Тем самым фиксируется несовместимость традиционной модели повседневного существования, настроенной на рутинность, и запросов цифровой реальности, требующей быстрого обновления цифровых компетенций человека как субъекта, построенного технологиями.

Цифровая и «пре-цифровая» повседневность: конфликтная перспектива

Обусловленное масштабным цифровым сдвигом напряженное сосуществование «пре-цифровой» и цифровой повседневности проявляется во многих аспектах. Во-первых, если развитие цифровых технологий ведет к расширению практик повседневности, то погружение в серфинг по Сети чревато возникновением многообразных видов зависимостей. Во-вторых, если паттерны повседневного существования традиционной повседневности требуют непосредственно физического участия человека в событиях собственной жизни, то дигитализация переносит самореализацию его деятельных способностей в Сеть. В-третьих, если традиционная модель повседневно-обыденных регуляций сопряжена с наличием границ, то Интернет, выполняя функции иллюзорного их преодоления, предлагает своеобразную открытость не только информационного пространства, но и приватной жизни людей, тем самым усиливая цифровой контроль в так называемом «обществе слежки». И, наконец, если традиционно «мы-отношения», как правило, осуществлялись «глаза в глаза», то тип цифровой коммуникации ограничивает потребность в реальных физических контактах и взаимодействиях. Это серьезный вызов жизненным практикам, и как показывают исследователи, «внедрение в социальную и культурную жизнь цифровых платформ уже привело к более чем объемному комплексу проблем и конфликтов как в сфере ИТ, так и в построении межличностного взаимодействия в цифровом пространстве» [1. С. 545]. И поскольку цифровая среда присваивает себе статус самостоятельной реальности, она вторгается в приватную жизнь и оказывает экспансивное воздействие на все, что происходит «в офлайновой среде» [18. С. 97].

В силу этого современную ситуацию именуют гибридной, требующей противоречивого сочленения физической и цифровой сред и, как пример, удвоения документооборота в цифровом и бумажном форматах. Примеров напряженного сосуществования доцифровой повседневности и ее цифровых трансформаций множество. Так, значимые с точки зрения обывателя покупки в магазинах, сопровождаемые общением с продавцами, как говорится, «в живую», замещаются заказами онлайн, «не выходя из дома», что предполагает изменение потребительских привычек, или же характерное для доцифровой повседневности чтение бумажных книг, посещение библиотек в противовес доступу к электронным книгам (причем по более низким ценам), ведущее к снижению спроса на печатные издания. Личная переписка посредством писем, практики «живой речи» vs мгновенного взаимообмена краткими сообщениями по электронной почте, дигитальная лексика и многочисленные эмодзи, порождают нормы унифицированного онлайн-взаимодействия.

Все это примитивизирует личность, осуществляя в то же время некое программирование. Можно привести и другой пример, сравнивающий работу в офисе с обязательным физическим присутствием, и удаленную работу, изменяющую организацию труда, представление о рабочем месте,

размывающую границы между личным и рабочим временем. Обнаруживает многие дефекты, касающиеся качества специальных умений и уровня вовлеченности, онлайн образование, позволяющее получать знания удаленно без реальной практики передачи опыта. Вряд ли специальности медиков, химиков, инженеров, представителей художественной сферы и пр. могут быть освоены лишь посредством Интернета. Основанные на цифровых технологиях практики располагают совершенно отличными способами выполнения задач.

Весьма беспокоящий пример являет феномен просьюмеров, когда индивид в статусе создателя собственного пользовательского контента произвольно конструирует те или иные формы опыта, меняет образ себя, оказываясь в ситуации раздвоения собственного «я» на симулятивное и реальное. Показательна и другая зарисовка: «Вот идет человек, в ухе которого микронаушник, на запястье смарт-часы, в кармане смартфон, а в портфеле лэптоп. И он почувствует себя голым и беспомощным, если мы лишим его всех этих предметов [19. С. 50].

Внимание привлекает и встроенный в инет-взаимодействия язык ботов. Работающий согласно программному обеспечению, он направлен не просто на советы и рекомендации повседневного характера. Как отмечают исследователи, боты «искусственно создают трендовую статистику определенным темам и лицам. Они множат вокруг них учетные записи и создают ощущение того, что у этих тем и персонажей много поклонников, что они интересны, популярны и значимы» [20. С. 31]. В то же время язык ботов используется для того, чтобы посредством комментариев отделять взгляды тех, кого следует поддерживать, от тех, кто попал в «черный список». Рядовой пользователь, воспринимая учетные записи как социально релевантные, становится манипулируем. Он «фактически попадает в мир машинного передвижения информации, конечный политический смысл которого может грубо противоречить интересам пользователя» [20. С. 31]. И хотя боты как программные агенты не всегда обеспечивают «высококачественный диалог», их часто воспринимают с налетом антропологических ожиданий, равных ожиданиям от коммуникации с самим субъектом.

Однако человек как существо социальное нуждается в непосредственном реальном общении и взаимодействии с другими людьми, он не может быть удовлетворен его сетевыми замещениями. Как убеждал еще Э. Гуссерль, человеческое Я во всем многообразии его естественных проявлений, связанных с тем, чтобы видеть, слышать, воспринимать, действовать, определяется фактичностью жизненного мира, именно она – сфера жизненного мира удерживает «интерес к жизни» [21. С. 7]. М. Хайдеггер утверждал, что повседневное бытие состоит, прежде всего, в значимости пребывания друг с другом [22]. Ему вторил М. Мерло-Понти, подчеркивая значение жизненного опыта, в котором важным фактором являлось обращение к телу как «вещи, где я живу», и одновременно как «чувствующей вещи», которая является проводником в мир и закрепляет человека в мире [23]. Но именно физическое реальное тело является «запрещенным эффектом» Интернета.

За пределы непосредственно физических взаимодействий приглашают технологии метавселенной, размывающей границы виртуального и реального, освобождая индивидов от привязки к действительности. Открываются перспективы множественной идентичности, где взаимодействия выбранных анимаций, аватаров или цифровых двойников могут иметь мало общего с «породившими» их реальными людьми. В метавселенной фиксируется выход как за пределы естественных ограничений человека, так и за рамки обычной жизни. Прогнозируется, что в предлагаемом метавселенной наборе связанных виртуальных миров люди будут проводить огромную часть своей жизни [24. С. 107–115].

Вместе с тем исследователи бьют тревогу, так как замещение реальных телесно-физических контактов цифровыми грозит «эпидемией цифрового аутизма» [25]. На первый взгляд, забавный пример, когда ребенок, чтобы картинка за окном была четче, пытается пальчиками «раздвинуть» вид из окна, словно оконное стекло – экран гаджета, демонстрирует очевидную «сращенность» с цифровой средой и разрыв с топографическим мышлением.

Анализ трансформаций, порожденных цифровой средой, показывает, что постоянная потребность в поглощении сетевых ресурсов, встроенная в ход и течение повседневности, оттесняет поиск смысложизненных ориентиров в зону безрефлексивности. Используя вывод Н. Лумана, можно сказать, что мир стал ареной коммуникативных процессов, из которых исчезают рефлексия и понимание [26]. На наш взгляд, это обусловлено тем, что функция осмысления и функция, ориентирующая на просмотр контента, существенно различны, а формирование самосознания массового представителя цифровой эры не является социально востребованным запросом. В дигитальном мире квази-рефлексивную миссию берут на себя массмедиа, задавая и навязывая фреймы понимания событий. Можно согласиться с выводом Ф. Гиренка, утверждающим, что в заданных обстоятельствах «человек перестал нуждаться в сознании. Он посчитал его для себя слишком обременительным... Сегодня нам приходится обживать мир умных машин и искать среди них свое место» [27. С. 7].

Серфинг по просторам Всемирной паутины, став устойчивым компонентом ежедневных повседневных практик, подчиняет индивидов «соблазнам» и алгоритмам Сети, свидетельствуя об эффекте сгенерированного эпохой цифрового отчуждения. Подчеркнем, что тип цифрового отчуждения базируется на том глобальном факте, что так называемая социальность Сети позиционирует себя как самодостаточный план бытия, дополняющий и замещающий реальные физические, телесно-материальные связи. При этом определение отчуждения как противостоящей и угнетающей человека силы вполне применимо к ситуации поглощения субъектов цифровыми взаимодействиями. Классическое понимание отчуждения, фиксирующее чуждую, вне их (индивидов) стоящую власть, направляющую их поведение, и обнаруживающую тенденции, развитие которых им неизвестны, пригодно для характеристики цифрового отчуждения. Ощущение беспомощности перед усложняющимися

компьютерными интеракциями компенсируется гипердоверием машинным алгоритмам, и эффект цифрового отчуждения проявляется в передаче своих полномочий и когнитивных функций интеллектуальным системам. Учитывая же, сколь долго обыватель пребывает за экраном монитора и гаджета, логично предположить, что он попадает в ловушку цифрового отчуждения. Исследователи утверждают, что «цифровая экспансия неизбежно в ходе захвата все новых и новых сегментов социальных отношений будет стимулировать в них развитие небалансных состояний» [1. С. 553].

Заключение

Подводя итоги, подчеркнем, что, во-первых, анализ реалий современной повседневной жизни свидетельствует о технологическом «расщеплении» повседневности, необходимости «пересборки» самого концепта и переформатировании его регуляций. Во-вторых, цифровая среда как стремительно изменяющийся корпус взаимосвязанных данных указывает на важность алгоритмов и сводит на нет «самопонятность» пре-цифровой рациональности с целеполаганием, основанном на «самодовлеющей связи стабильности». В-третьих, серфинг по просторам Всемирной паутины, став устойчивым компонентом практик повседневности, сужает зону «непосредственной достоверности опыта» и реальных межличностных контактов, оттесняет способ восприятия действительности в зону безрефлексивности. В-четвертых, о характерном для цифровой повседневности цифровом отчуждении свидетельствует как возросшее чувство беспомощности перед усложняющимися компьютерными интеракциями, так и доверие машинным алгоритмам. В-пятых, распространенный в цифровой повседневности феномен «прокси», рассчитанный на делегирование полномочий интеллектуальным системам (т.е. «действия по доверенности»), демонстрирует вид замещения субъектности, когда контакт с реальным физическим лицом становится необязательным и ненужным. Цифровая трансформация практик повседневности делает ставку на освоение мира посредством динамично развивающихся цифровых взаимодействий.

Список литературы

- [1] Сунами А.Н. Этика «цифрового общества»: новый конфликт или новый баланс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. № 3. С. 544–556. DOI: 10.21638/spbu17.2023.311 EDN: TSTAGD
- [2] Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34. EDN: TRRQVT
- [3] Kravchenko S.A. From formal rationality to the digital one: Sideeffects, ambivalences, and vulnerabilities // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 7–17. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-7-17 EDN: TYVELZ
- [4] Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 1992.

- [5] Солдатова Г.У., Никонova Е.Ю., Кошeвая А.Г., Трифонова А.В. Медиамногoзадачнoсть: oт когнитивных функций к цифровой повседневности // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 4. С. 8–21. DOI: 10.17759/jmfp.2020090401 EDN: ZOHXVT
- [6] Stancuigelu S., Rusu I., Iacob D.A. Digi-generation for a non-linear reality. The “old world” and the coming of a “two-dimensional reality” // Marketing Identity. Digital Life: Conference Proceedings from International Scientific Conference. 10th–11th November. Part II. Trnava, 2015. P. 264–272.
- [7] Roubal O. Fast-Time Digital Age and Lifestyle Changes // Marketing Identity. Digital Life: Conference Proceedings from International Scientific Conference. 10th–11th November. Part II. Trnava, 2015. P. 206–219.
- [8] Поликарпова Е.В. Цифровизация образования: миф многозадачности // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 10. С. 197–203. DOI: 10.30853/manuscript.2020.10.36 EDN: LKLBSY
- [9] Пан А.С.-К. Укрoщение цифровой обезьяны. Как избавиться от интернет-зависимости. М. : АСТ, 2014.
- [10] Small G.W., Moody T.D., Siddarth P., Bookheimer S.Y. Your brain on Google: Patterns of cerebral activation during Internet searching // American Journal of Geriatric Psychology. 2009. Vol. 17. N 2. P. 116–126. DOI: 10.1097/JGP.0b013e3181953a02
- [11] Clark A. Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence. Oxford : Oxford University Press, 2004.
- [12] Hui Y. On the Existence of Digital Objects. Minneapolis. London : University of Minnesota Press, 2016. DOI: 10.5749/minnesota/9780816698905.001.0001
- [13] Лешкевич Т.Г. Парадокс доверия к искусственному интеллекту и его обоснование // Философия науки и техники. 2023. Т. 28. № 1. С. 34–47. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-34-47 EDN: IGXMAW
- [14] Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1 (161). С. 171–192. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1807 EDN: ZMNKKY
- [15] Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 1. С. 42–70.
- [16] Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2002.
- [17] Серто М. Изобретение повседневности. СПб. : Изд-во Европейского университета, 2013.
- [18] Дроздова А.В. Концептуализация повседневности в эпоху цифровой культуры // Вестник Гуманитарного университета. 2018. № 2 (21). С. 96–104. EDN: UTXLQK
- [19] Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? // Философия науки и техники. 2023. Т. 28. № 1. С. 48–65. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65 EDN: USPLIV
- [20] Поцелуев С.П., Подшибякина Т.А. О факторах политической радикализации в сетевой коммуникации посредством “эхокамер” // Научная мысль Кавказа. 2018. №. 2 (94). С. 29–34. DOI: 10.18522/2072-0181-2018-94-2-29-34 EDN: XSMYOL
- [21] Гуссерль Э. Избранные работы. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005. EDN: RAYVTX
- [22] Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003.
- [23] Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб. : Наука, Ювента, 1999. EDN: QWJLFB
- [24] Лешкевич Т.Г. Метавселенная как макросдвиг современной культуры // Вопросы философии. 2024. № 4. С. 107–115. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-4-107-115 EDN: SKSOKK

- [25] Kirby A. Digimodernism: How New Technologies Dismantle Postmodern and Reconfigure Our Culture. New York, London : Continuum, 2006.
- [26] Луман Н. Реальность массмедиа. М. : Праксис, 2005. EDN: PWYQPR
- [27] Гуренок Ф.И. Сознание и интеллект: спор о двух онтологиях будущего // РЕАЛЬНЫЙ человек в VIRTUALЬНОМ мире: материалы Всероссийского научного футурологического конгресса. Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. М. : Перо, 2019. С. 6–7. EDN: DQCCEG

References

- [1] Sunami AN. Ethics of “Digital Society”: New Conflict or New Balance. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2023;39(3):544–556. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu17.2023.311 EDN: TSTAGD
- [2] Shyuts A. On the Multiplicity of Realities. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2003;3(2):3–34. (In Russian). EDN: TRRQVT
- [3] Kravchenko SA. From formal rationality to the digital one: Sideeffects, ambivalences, and vulnerabilities. *RUDN Journal of Sociology*. 2021;21(1):7–17. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-7-17 EDN: TYVELZ
- [4] Petrov MK. *Self-awareness and Scientific Creativity*. Rostov-na-Donu: RGU publ.; 1992. (In Russian).
- [5] Soldatova GU, Nikonova Elu, Koshevaia AG, Trifonova AV. Media multitasking: from cognitive functions to digital. *Journal of Modern Foreign Psychology*. 2020;9(4):8–21. (In Russian). DOI: 10.17759/jmfp.2020090401 EDN: ZOHXVT
- [6] Stancuigelu S, Rusu I, Iacob DA. Digi-generation for a non-linear reality. The “old world” and the coming of a “two-dimensional reality”. In: *Marketing Identity. Digital Life: Conference Proceedings from International Scientific Conference. 10th–11th November. Part II*. Trnava; 2015. P. 264–272.
- [7] Roubal O. Fast-Time Digital Age and Lifestyle Changes. In: *Marketing Identity. Digital Life: Conference Proceedings from International Scientific Conference. 10th–11th November. Part II*. Trnava; 2015. P. 206–219.
- [8] Polikarpova EV. Digitalisation of Education: Myth of Multitasking. *Manuscript*. 2020;13(10):197–203. (In Russian). DOI: 10.30853/manuscript.2020.10.36 EDN: LKLBSY
- [9] Pan AS-K. Taming the Digital Monkey. How to Overcome Internet Addiction. Moscow: ACT publ.; 2014. (In Russian).
- [10] Small GW, Moody TD, Siddarth P, Bookheimer SY. Your brain on Google: Patterns of cerebral activation during Internet searching. *American Journal of Geriatric Psychology*. 2009;17(2):116–126. DOI: 10.1097/JGP.0b013e3181953a02
- [11] Clark A. *Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence*. Oxford: Oxford University Press; 2004.
- [12] Hui Y. *On the Existence of Digital Objects*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press; 2016. DOI: 10.5749/minnesota/9780816698905.001.0001
- [13] Leshkevich TG. The paradox of trust in artificial intelligence and its rationale *Philosophy of Science and Technology*. 2023;28(1):34–47. (In Russian). DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-34-47 EDN: IGXMAW
- [14] Martynenko TC, Dobrinskaia DE. Social Inequality in the Age of Algorithms: From Digital to Algorithmic Divide. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021;(1):171–192. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1807 EDN: ZMNKKY
- [15] Garfinkel’ G. Investigation of habitual bases of everyday actions. *Sociologicheskoe obozrenie*. 2002;2(1):42–70. (In Russian). EDN: TWMRKJ

- [16] Gofman I. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Everyday Experience*. Moscow: Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole publ.; 2002. (In Russian).
- [17] Serto M. *The Practice of Everyday Life*. Saint Petesburg: EU publ.; 2013. (In Russian).
- [18] Drozdova AV. Conceptualization of Everydayness in the Epoch of Digital Culture. *Bulletin of Liberal Arts University*. 2018;2(21):96–104. (In Russian). EDN: UTXLQK
- [19] Vasilenko LA, Meshcheryakova NN. Digital hybridity: innovative reality or utopia? *Philosophy of Science and Technology*. 2023;28(1):48–65. (In Russian). DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65 EDN: USPLIV
- [20] Potseluev SP, Podshibyakina TA. On the Factor of Political Radicalization in Network Communication through “Eco Cambers. *Scientific Thought of the Caucasus*. 2018;2(94):29–34. (In Russian). DOI: 10.18522/2072-0181-2018-94-2-29-34 EDN: XSMYOL
- [21] Husserl E. The crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. In: *Selected Works*. Moscow: Territoria budushchego publ.; 2005. P. 443–464. (In Russian). EDN: RAYVTX
- [22] Xeidegger M. *Being and Time*, Khar’kov: Folio publ.; 2003. (In Russian).
- [23] Merlo-Ponti M. *Phenomenology of perception*. Saint Petersburg: Nauka publ.; Yuventa publ.; 1999. (In Russian). EDN: QWJLFB
- [24] Leshkevich TG. Metaverse as a Macroshift of Modern Culture. *Voprosy Filosofii*. 2024;(4):107–115. (In Russian). DOI: 10.21146/0042-8744-2024-4-107-115 EDN: SKSOKK
- [25] Kirby A. *Digimodernism: How New Technologies Dismantle Postmodern and Reconfigure Our Culture*. New York, London: Continuum; 2006.
- [26] Luman N. *Reality of Mass Media*. Moscow: Praxis publ.; 2005. (In Russian). EDN: PWYQPR
- [27] Girenok FI. Consciousness and intelligence: a dispute about two ontologies of the future. In: *REAL man in the VIRTUAL world: materials of the All-Russian Scientific Futurological Congress. Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov*. Moscow: Pero Publishing House; 2019. P. 6–7. (In Russian). EDN: DQCCEG

Сведения об авторе:

Лешкевич Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор, профессор Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42. ORCID: 0000-0002-8623-3854. SPIN-код: 5125-8248. E-mail: Leshkevicht@mail.ru

About the author:

Leshkevich Tatiana G. – DSc in Philosophy, Professor, Professor of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, 105/42 B. Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8623-3854. SPIN-code: 5125-8248. E-mail: Leshkevicht@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-460-472>

EDN: SYVIWW

Научная статья / Research Article

Концептуальная инженерия и парресия: к проблеме управления субъективностью

Н.Ю. Козлова

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

 nyu.kozlova@mpgu.su

Аннотация. Рассматривается концептуальная инженерия, ее связь с риторикой науки и парресией. Утверждается, что нормативно-ревизионистская направленность концептуальной инженерии, выражающаяся в критике понятий и осмыслении возможностей их продуктивной семантической корректировки или замены, свидетельствует о ее претензии на управление смыслом через контроль языка. Подобная установка обнаруживает в концепции черты риторической стратегии: анализируя «проблемные» дискуссионные контексты, концептуальная инженерия стремится «программировать» правильные (устраняющие несправедливость и совершенствующие социальные и политические отношения) представления и идеи, то есть довольно риторично сообразует языковые возможности и коммуникативно-ситуативные цели. Показано, что связь политического и вопросов познания пронизывает проблемное поле концептуальной инженерии и, учитывая нацеленность направления на преобразование социальных и политических отношений посредством изменения интеллектуальных и смысловых стратегий, оформляется в вопросе о формировании субъективности и управлении ею. Сложность задач, преследуемых концептуальной инженерией, демонстрируется на примере анализа парресии – античной философской техники «свободной речи», ставившей своей целью трансформацию субъективности. Рассматриваются три измерения парресии: политическое, этическое и философское; прослеживается динамика их образования и взаимосвязь. Проводится анализ концептуальных оснований противостояния софистической и сократо-платоновской традиций понимания риторики и его роли в развитии парресии. Показано, как под давлением эпистемологической проблематики возникает представление об «этике речи», которое приводит к смещению акцента в идее парресии с политического права высказывать мнение на предваряющий любое высказывание долг управления собой – ради права обращения к другим и управления ими. Результатом анализа трех измерений парресии становится вывод, согласно которому управление субъективностью – это не просто манипулирование мнением субъекта, а сложный, этически регламентируемый процесс трансформации его глубинных убеждений и ценностей. Обосновывается, что для современной концептуальной инженерии анализ парресии актуален тем, что проблематизирует аспекты управления смыслом и субъективностью, которые упускаются из внимания разработчиками направления.

© Козлова Н.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: познание, риторика науки, этика, политическое, манипулирование сознанием, трансформация субъективности

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01068, <https://rscf.ru/project/23-28-01068/>, «Московский педагогический государственный университет».

История статьи:

Статья поступила 09.10.2024

Статья принята к публикации 03.03.2025

Для цитирования: Козлова Н.Ю. Концептуальная инженерия и парресия: к проблеме управления субъективностью // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 460–472. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-460-472>

Conceptual Engineering and Parrhesia: To the Problem of Managing Subjectivity

Natalya Yu. Kozlova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

nyu.kozlova@mpgu.su

Abstract. The study examines conceptual engineering and its connection with the rhetoric of science and parrhesia. It is argued that the normative-revisionist orientation of conceptual engineering, expressed in the criticism of concepts and the comprehension of the possibilities of their productive semantic correction or replacement, testifies to its claim to manage meaning through language control. Such an attitude reveals features of a rhetorical strategy in the concept: analyzing “problematic” discussion contexts, conceptual engineering strives to “program” correct ideas and representations that eliminate injustice and improve social and political relations, that is, it rather rhetorically matches linguistic possibilities and communicative-situational goals. It is shown that the connection between the political and issues of knowledge permeates the problematic field of conceptual engineering and, given the focus of the direction on the transformation of social and political relations by changing intellectual and semantic strategies, is formalized in the question of the formation of subjectivity and its management. The complexity of the tasks pursued by conceptual engineering is demonstrated by the example of the analysis of parrhesia – the ancient philosophical technique of “free speech” aimed at the transformation of subjectivity. Three dimensions of parrhesia are considered: political, ethical and philosophical; the dynamics of their formation and interrelation are traced. An analysis of the conceptual foundations of the confrontation between the sophistic and Socratic-Platonic traditions of understanding rhetoric and its role in the development of parrhesia is carried out. It is shown how, under the pressure of epistemological problems, the idea of “ethics of speech” arises, which leads to a shift in the emphasis in the idea of parrhesia from the political right to express an opinion to the duty of self-management preceding any statement – for the sake of the right to address others and manage them. The result of the analysis of the three dimensions of parrhesia is the conclusion according to which the management of subjectivity is not just manipulation of the subject’s opinion, but a complex,

ethically regulated process of transforming his deep convictions and values. It is substantiated that for modern conceptual engineering, the analysis of parrhesia is relevant in that it problematizes aspects of the management of meaning and subjectivity that are overlooked by the developers of the direction.

Keywords: knowledge, rhetoric of science, ethics, political, manipulation of consciousness, transformation of subjectivity

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Funding of Sources. The research was supported by the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/en/project/23-28-01068/>.

Article history:

The article was submitted on 09.10.2024

The article was accepted on 03.03.2025

For citation: Kozlova NYu. Conceptual Engineering and Parrhesia: To the Problem of Managing Subjectivity. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):460–472. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-460-472>

Концептуальная инженерия, риторика, парресия: границы соприкосновения

Концептуальная инженерия как ревизионистский эпистемологический проект направлена на изменение конкретных форм социального и политического взаимодействия через пересмотр наших представлений о мире и о себе. Учитывая первостепенную роль языка в организации повседневных интеллектуальных практик, концептуальная инженерия сосредотачивает внимание на критике понятий и осмыслении возможностей их продуктивной семантической корректировки или замены [1–3]. Можно сказать, что идеологическим ядром концептуальной инженерии является претензия на управление смыслом через контроль языка [3].

Подобная установка обнаруживает в концептуальной инженерии черты риторической стратегии: тщательный логико-семантический анализ понятийного поля и его функционирования в том или ином контексте, выявление возможностей его смысловой оптимизации направлены на устранение неоднозначностей, приводящих к дефектам интерпретации, коммуникативным сбоям и последующим конфликтообразующим стратегиям принятия решений¹. Иными словами, концептуальная инженерия, занимаясь критикой

¹ Использование определенных понятий и лингвистических конструкций зачастую приводит к когнитивным ошибкам. Данную проблему анализирует в своей работе С. Лесли, рассматривая ее в связи с родовыми обобщениями и эффектом эссенциализации. С ее точки зрения, высказывания типа «акулы нападают на купающихся» или «мусульмане — террористы» представляют собой обобщение крайнего и ужасающего поведения нескольких особей на группу, неосознанно распространяющееся на всю группу и являющееся когнитивным искажением. Наблюдается эссенциализация — «...формируем (молчаливое) убеждение, что существует какое-то скрытое, неочевидное и постоянное свойство или природа, разделяемая

«проблемных» понятий² в дискуссионных контекстах, стремится управлять смыслообразованием и «программировать» правильные (т.е. устраняющие несправедливость и совершенствующие социальные и политические отношения) представления и идеи – довольно риторично соотносит языковые возможности и коммуникативно-ситуативные цели.

Ревизионистская направленность концептуальной инженерии задает нормативное измерение семантических преобразований, выступая своего рода знаменателем методологического уровня и проблематизируя его. Главная проблема заключается не столько в том, «какие понятия использовать, сколько в том, какие нормы и ожидания являются подходящими» [2. Р. 47]. Как следствие возникающие вопросы – «что это за нормы?» и «для кого и для каких целей они подходят?» – погружают идейное поле концептуальной инженерии в более глубокие исследовательские контексты.

Связь политического³ и вопросов познания выступает смысловой осью, соединяющей спектр тем концептуальной инженерии, – от методологической и коммуникативной проблематики (например, не только как привести научную дискуссию по проблемной теме к консенсусу, преодолев бессмысленные «словесные споры» [5], но и как погрузить новое «правильное» понятие и связываемый с ним смысл в языковую и интеллектуальную практику, не вызвав его искажения или отторжения в публичной сфере [3]), до вышеобозначенной нормативной. В контексте преследуемой концептуальной инженерией цели (преобразование социальных отношений через изменение интеллектуальных и смысловых стратегий) рассматриваемая связь может быть конкретизирована в вопросе: как формировать субъективность и управлять ею?

На этот вопрос социальная и политическая теории, разрабатывающие проблему манипуляции общественным сознанием, дают проверенный временем ответ: с помощью пропаганды. Искусственное «искривление» или «поляризация» социокультурного пространства в желательном направлении [6; 7] посредством языкового манипулирования приводят к тому, что необходимое понятие ассимилируется, внушаемый смысл становится нормой. Однако в случае с концептуальной инженерией речь идет о настройке в социуме отношений, преследующих прежде всего справедливость. Ее достижение, как показывает интеллектуальная история, требует от человека воли, сопряженной

членами этого вида, которая причинно обосновывает их общие свойства и поведение» [4] – и формирование предвзятых социальных убеждений и установок. По этой причине, как отмечает Лесли, необходимо пересмотреть наши способы говорить о расе, этнической принадлежности, религии и т.д.: «Вместо того чтобы навешивать на человека ярлык „мусульманин“, мы могли бы вместо этого описать этого человека – если необходимо – как, скажем, человека, который исповедует ислам, подчеркивая тем самым, что этот человек является соответствующим видом рода и что следование исламу является особым свойством, которым иногда характеризуется человек» [4].

² Например, понятия свободы, справедливости, войны, семьи, брака, пола, аборта и др.

³ Понимаемого в статье в широком смысле: как принципы власти, закона и общественной жизни.

с самоограничением, разумности, чувства долга – качеств, проблемой обретения и укрепления которых озадачена, без преувеличения, вся человеческая духовная культура. В этой связи особый интерес представляют идеи, которые проблематизируют вопросы, связанные с передачей знания, формированием субъективности, корреляции языка и сознания.

Примером стратегии, основывающейся на сплавлении определенных когнитивных и языковых практик и нацеленной на трансформацию субъективности, является парресия – техника «свободной речи». Далее исследование будет развиваться по мотивам анализа парресии, предпринятого М. Фуко. Он примечателен тем, что идея парресии оформляла античные попытки ответить на актуальные и поныне вопросы о проблеме политического влияния, о связи субъективности, истины и добродетели, о построении справедливых, разумных и осмысленных отношений в обществе – залога качественного и надежного функционирования государства. В этом контексте идея парресии во многом созвучна идее концептуальной инженерии, и ее исследование способно существенно обогатить смысловое поле последней.

Важно отметить, что понятие парресии не было искусственно введенным теоретическим конструктом. Оно не несло разъясняющей функции, как, например, понятие майевтики, которое использует Сократ для описания своего диалектического метода [8. С. 856]. Принцип парресии являлся одним из базовых для античного мышления [9; 10]. Выступая своеобразным концептуальным контрапунктом – объединяя коммуникативные практики политической, этической и философской сфер – идея парресии оформляла дискурс «истинной речи», главной проблемой которого являлась взаимосвязь познающего субъекта, добродетели и истины в практике политического управления.

Политическое измерение парресии

Парресия, как отмечает Фуко, имеет политическое происхождение и характеризуется динамикой интерпретаций. Для древнегреческого сознания, охваченного идеей справедливости и демократии, крайне важное значение имело право голоса, право высказываться от собственного имени при коллективном обсуждении социальных вопросов управления. Поэтому политическое определение парресии связывалось, прежде всего, со свободой слова, которая оказывалась прерогативой статуса гражданина. Иноземцы и рабы не являлись гражданами полиса и поэтому были лишены права брать слово [10. С. 34–35]. Также, на что обращает внимание Фуко, ссылаясь на тексты Еврипида, безнравственное поведение отца или матери, граждан полиса, автоматически делало их детей рабами, поэтому еще одним из условий для обладания правом свободной речи являлась незапятнанная нравственность [10].

Анализируя «Финикиянок», Фуко обнаруживает интерпретацию парресии, демонстрирующую трансформацию права брать слово и высказывать

истину в своего рода гражданский долг. Иокаста и Полиник, обсуждая тяготы жизни изгнанника из полиса, приходят к выводу, что нет ничего хуже, чем быть лишенным парресии – права высказать истину пред лицом тех, кто ведет себя неразумно, ошибается и «чей дух – дух глупости и безумия» [10. С. 34–35]⁴. В данном понимании парресии проблематизируется связь между правом субъекта произносить истину, властными отношениями и возможной неразумностью, безумием того, кому высказывают истину.

Понятием, позволяющим раскрыть специфику выше обозначенной связи, является «парресиастический договор» – обязательство объекта речи (лица, обладающего властью) не наказывать субъект речи (лицо, не наделенное в данной ситуации властью) за потенциально неуютную ему истину [10. С. 37]. Способность правителя соблюдать договор и, более того, создавая «пространство свободы, пространство права слова» [10. С. 38], поощрять своих подданных высказывать правду о себе и своем правлении, критиковать и давать советы – данная способность, приверженность парресии, оказывается критерием как разумного монархического правления, так и основанием правильной демократии.

Этическое измерение парресии: против риторики

Этическое измерение парресии, продолжающее и углубляющее политические интерпретации, имеет довольно сложное происхождение. Импульс к его развитию обнаруживается в конфронтации политической и философской реальностей, оформившейся сократо-платоновской критикой претензий аристократических кругов на власть, а также в проблематизации идей управления, добродетели и их взаимосвязи.

С появлением демократии политическая реальность древнегреческого полиса начала переживать серьезный кризис, изменявший социальную и интеллектуальную жизнь. Если ранее, согласно аристократическим идеалам, добродетель была врожденным отличительным свойством благородного, «правильного класса» и передавалась через воспитание от отца к сыну, а также через «правильные» знакомства и связи [12. С. 381]⁵, то с распространением профессиональных учителей мудрости – софистов – данная идеализация подвергается сомнению: добродетели, как утверждают софисты, можно обучить любого. Более того, именно софист, с точки зрения Протагора, может научить важнейшей для человека политической *areté* – «смышлености

⁴ «Иокаста: Но чем же, чем изгнанник тяготится? Полиник: Речей, о мать, свободных он лишен. Иокаста: Удел рабов — трусливо прятать мысли. Полиник: А каково от грубости терпеть? Иокаста: Да, жить среди глупцов... какая пытка...» [11. С. 181].

⁵ Из письма Феогида своему юному другу Кирну: «Вот что крепко-накрепко помни: ты с низким не знайся Сбродом, всегда и во всем лучших совета проси. С ними вкушай согласно и пей, и с ними же рядом Будь, и умей угодить: сила большая у них. Умному умные учат, а если со сбродом негодным Свяжешься, то пропадешь вместе с своей головой! Это пойми и запомни, разумных и знатных держися...» [12. С. 381].

в домашних делах, умению наилучшим образом управлять своим домом, – а также в делах общественных: ... стать всех сильнее и в поступках, и в речах, касающихся государства» [8. С. 200], иными словами, как называет это Сократ, «искусству быть правителем и хорошим гражданином» [8. С. 200]⁶. Естественно, произведенный софистами подрыв давних аристократических идеалов, имевший одним из своих последствий ослабление политических позиций родовой аристократии, был совершенно неприемлем для консервативно настроенной аристократической части полиса и отрицательно сказался на их (софистов) авторитете.

В разгар демократии конфронтация политического и философского воплотилась в споре риторико-софистической и философской традиций. Идея управления полисом в то время на практике естественным образом связывалась с особенно актуальными в свете демократических тенденций представлениями о праве голоса и силе убеждения⁷, а также с понятиями гражданской и личной ответственности – в центре внимания оказывались вопросы, проблематику которых можно обозначить как «этика речи». Интеллектуальным фоном для ее развития выступали не только споры о природе политической добродетели и возможности обучения ей, но и размышления об удовольствии и благе, необходимости «ухода за душой», которые в философской перспективе соотносились с идеей построения справедливых общественных отношений.

С одной стороны, колоссальный и во многом недооцененный вклад в развитие «этики речи» внесли софисты, проблематизировавшие связь языка и мышления в своей образовательной модели. Догадываясь, сколь важную роль играет субъективность не только в высоком поиске истинного, но и решении повседневных споров, они базировали обучение политической добродетели, «искусству быть гражданином», на овладении риторическим мастерством, позволявшим субъективностью управлять. С другой стороны выступал Сократ. Наблюдая интеллектуальный раскол, произведенный столкновением «старого» аристократического уклада и новых демократических веяний, он был по-своему обеспокоен активной деятельностью софистов. С его точки зрения, впоследствии подхваченной Платоном, подход к добродетели, практикуемый софистами – основанный на обучении прежде всего риторическому искусству⁸ – являлся поверхностным и, более того, вредоносным, поскольку охваченные ложными «призраками знания», внушенного красноречием, ослепленные тщеславием и жадой власти [8. С. 277–280], юные аристократы

⁶ Сократ в ответ на объяснение Протагора: «Мне кажется, ты имеешь в виду искусство государственного управления и обещаешь делать людей хорошими гражданами» [8. С. 200].

⁷ Как отмечает Х. Арндт, «греки гордились тем, что, в отличие от варваров, вели свои политические дела в речевой форме, без принуждения, и потому считали риторику, искусство убеждения, истинно политическим искусством» [13. Р. 74].

⁸ Например, Горгий смеялся над теми софистами, что обещали научить добродетели [8. С. 404], считая, что обучать следует только риторике, которая «...собрала и держит в своих руках ... силы всех искусств» [8. С. 269].

не «заботились» о своей душе, не знали в действительности, что лучше, а что хуже для них, и как следствие – вредили своей деятельностью и себе, и полису. Наблюдая, как риторика, манипулируя слабостями и несовершенствами человеческой природы, формирует политическую реальность, Сократ подвергнул критике идеи софистов, тем самым создав проблемное поле «этики слова»: манипулирование субъективностью vs управление субъективностью через наставление⁹.

Сократ усложнил понимание парресии, когда задал ей этическое измерение, переосмыслив идею политической добродетели: не условие достижения успеха, а моральное качество субъекта [12. С. 385], которое следует *развивать* интеллектуально. Софист, напротив, не мог научить искусству быть разумным правителем и хорошим гражданином по следующим причинам. Во-первых, владение добродетелью не сводилось только к обычному *techné*, хотя ее присутствие в виде связки «обучение–знание–практика» нельзя отрицать [8]. Во-вторых, политическое искусство не сводилось к владению красноречием, более того, именно красноречие – «сноровка доставлять радость и удовольствие» [8. С. 277–280] – считалось особенно опасным, поскольку вселяло веру в ложное убеждение в чем-либо без знания сути дела [8. С. 273]. По этой причине овладение искусством красноречия требовало особой ответственности. В-третьих, при обучении добродетели мало одного риторического внушения, использовавшегося софистами, по причине сложности природы самого предмета обучения.

Ключевой в позиции Сократа по проблеме трансформации субъективности была убежденность во взаимосвязи добродетели и знания, явившаяся, как известно, его новаторство в вопросе обучения ей. Если обобщить его высказывания, то овладение добродетелью требовало от ученика (и учителя, о чем речь пойдет ниже) постоянного интеллектуального и волевого усилия и оказывалось невозможным вне *определенного* способа бытия, который характеризовался: а) целенаправленным желанием субъекта стать лучше (в противовес софистическому обучению, где учеником руководила жажда славы и политического успеха), выразившимся в «заботе о себе» и «власти над собой» – чутком самообладании («быть хозяином своих наслаждений и желаний» [8. С. 318]), основанном на познании себя; б) практикой быть добродетельным [8]. В идее Сократа можно найти точки сближения с представлениями софистов о воспитании добродетели, однако суть сократовской позиции как раз кроется в различии.

Позицию Сократа отличает ставка на сознательность, волю субъекта, нацеленного, в первую очередь, на глубинные духовные трансформации, а не на политический успех. Свойственная софистическому обучению *techné* в сократовской идее обретает иное, более глубокое звучание: это не

⁹ Есть нюанс: манипулирование и управление по своей сути представляют одно и то же, но характеризуются различными коннотативными оттенками. Манипулируемый не знает о манипуляции, о своей «объектности», а управляемый знает и сам сознательно на это идет.

поверхностные знания логики, психологии и навыки словесного внушения и манипуляций, а «искусство измерения» правильного и неправильного [8. С. 247, 357–358], диалектический метод, управляемый самопознанием и представлениями о благе. Поскольку, с точки зрения Сократа, во власти человека лишь *стремление* (курсив мой. – Н.К.) к истине, но не сама истина [8], то воспитание добродетели в себе начинается с интеллектуальной этики «заботы о себе» – постоянном *сознательном* стремлении, *воле*, к разумной жизни через нравственный и интеллектуальный самоконтроль.

Несмотря на столь критичное отношение к риторическому искусству, Сократ не отрицает его значимость в совершенствовании социальных отношений и построении справедливого государства, но выдвигает ряд интеллектуально-этических требований к тому, кто может обучать истине и кто может обладать действительной политической *areté* – может управлять полисом и предлагать решения (высказывать мнение) на голосованиях, касающихся общественной жизни¹⁰. Этот знаменательный шаг, в свою очередь, и открывает этическое измерение у политического права парресии.

Под давлением эпистемологической проблематики, выразившейся в оппозиции знание-мнение, происходит смещение акцента в идее парресии с права высказывать мнение, адресованное другим, могущее влиять на других и привносить изменения в их жизни – т.е. от обращения к другим – на предваряющий любое высказывание долг управления собой – ради права обращения к другим и управления ими. Иными словами, для того чтобы выступать на политической арене, управлять другими, нужно в первую очередь уметь управлять самим собой, нужно обладать политической добродетелью, которая достигается только через установление философского отношения к самому себе. Интеллектуально-этическое отношение к самому себе, которое, по замыслу философа, должен выработать человек, становится залогом этического отношения к другому и, закономерно, причиной положительных трансформаций политической реальности.

По сути, «этика речи», упоминавшаяся ранее в качестве узловой проблематики, конкретизируется этикой субъекта, высказывающего истину. Как уже говорилось, Сократ не отрицает важности риторики в социально-политической жизни, но, наблюдая губительные, с его точки зрения, для полиса следствия ее безответственного и корыстного применения, открывает этическое измерение у гражданского права «свободного слова» – так возникает идея «философской риторики».

Философское измерение парресии: жизнь как вызов

Философский аспект парресии вырастает непосредственно из связи этического и политического измерений и, очерчивая их смысловые контуры,

¹⁰ В беседе с Протагором Сократ иронизирует по поводу коллективного принятия решений государственной важности, когда свое мнение высказывают люди, явно не сведущие в управлении городом [8. С. 201].

интенсифицирует проблему формирования справедливых социальных и политических установок. Питательной средой в этом процессе выступает рассматривавшаяся ранее критика Сократом софистического образования, делающего акцент в обучении политической добродетели на освоении риторического искусства, которое позволяет лишь манипулировать мышлением вместо того, чтобы посредством философской диалектики обнаруживать в нем ошибки и тем самым исправлять неверную практику суждения и принятия решений.

Философское измерение парресии прокладывает определенную связь между субъективностью говорящего, его образом жизни и политическим участием. Кто такой парресиаст и в чем особенность его речи? Первое, что обращает на себя внимание – парресия всегда связана с риском. Это «взрывное» высказывание истины, «производящее перелом» и подвергающее опасности говорящего [9. С. 76]. В этом она противостоит лести [10. С. 58–60] – серьезному препятствию на пути узнавания человеком самого себя. Поскольку главной целью сообщения истины является трансформация ученика в независимый субъект истинной речи [14], в знающего себя, а потому самостоятельного в установлении собственного отношения к себе, то парресия, будучи «взрывной», нарушает привычное для ученика течение самосознания.

Равным образом парресия противоположна перформативу. Если перформативное высказывание подразумевает ожидаемый результат, то парресия, истинная речь, делает ситуацию открытой: результаты артикуляции неизвестны, и в этом заключается ее сопряжение с риском [9]. Также, помимо риска, важным свойством, отличающим паррессию от перформатива, является «пакт говорящего с самим собой» [9. С. 78].

Речь идет о том, что для реализации перформативности не имеет значения связь говорящего с высказываемым, в то время как для парресии эта связь является конститутивной. Как отмечает Фуко, совершенно неважно, верит ли человек, осуществляющий обряд крещения фразой «я крещу тебя», в Бога. Соблюдая условия проведения этого обряда и обладая определенным статусом (как минимум являясь христианином), он совершает крещение, а высказывание оказывается перформативным [9].

В случае с парресией говорящий не только высказывает истину как таковую, но и искренне верит в то, что говорит, и именно сам акт высказывания, нарушающий ожидаемое разворачивание ситуации, потенциально угрожающий жизни говорящего, с одной стороны, свидетельствует об истинности артикулируемого, а с другой – буквально ставит субъекта речи перед самим собой: он тот, кто это говорит, тот, кто может пострадать за высказываемое, и между тем он принимает риск и продолжает говорить [9. С. 78]¹¹. Парресия,

¹¹ Фуко, ссылаясь на текст Плутарха, дает следующую зарисовку парресии: «...дается в виде сцены, где перед нами: тиран, лицом к лицу с ним стоит человек, дающий ему наставление и говорящий правду; и наконец, их окружают придворные, чья позиция меняется в зависимости от момента, ситуации, того, кто говорит, и т.п.» [9. С. 77–78].

таким образом, оказывается такой формой артикуляции, посредством которой субъект «связывается» с актом речи, ее содержанием и последствиями и через них – с самим собой.

Парресиаст безусловно искренен. Отстаиваемые идеи манифестируются практикой его жизни [8–10] и готовностью пожертвовать ею, если защита истины того потребует. Искренность парресиаста проявляется также в том, *как* он использует силу слова. В основе философской риторики – «бесстрашной защиты самого лучшего» [8. С. 334] – лежит «искусство диалектики», проявляющееся в логической организации и оперировании родо-видовыми отношениями [8. С. 823–830]. Благодаря знанию «природы ума и мышления» [8. С. 830], а также четко обозначая предмет дискуссии, его сущность и владея истиной о нем [8], парресиаст, учитывая особенности коммуникативной ситуации и интеллектуальный нрав слушающего, с помощью философско-риторической речи прокладывает для него путь к истине. Сила слова оказывается напрямую связана с ее этичностью, выражаемой в чуткой языковой «настройке» парресии.

Можно сказать, что философское измерение парресии транслирует конституитивность для социально-политической реальности взаимосвязи артикуляции и способа бытия. «Свободная речь», нацеленная на критику повседневности и распространение разумности и справедливости, оформляет и организует определенный образ, стиль жизни. Готовность пожертвовать собой ради истины и этичность отношения к слушающему подтверждают искренность мотивов говорящего.

Каппелен, один из разработчиков концептуальной инженерии, отвечая на критику самой идеи, обозначает важность ее восприятия не только как критической работы над понятием и концепцией, но и, главным образом, как разработки «лучших способов говорить на такие темы, как вера, брак и что нам следует делать» [1. Р. 104]. Это наводит на мысль о формуле «*как говорить и о чем*», которая позволяет поместить идею концептуальной инженерии в поле риторики, в рассматриваемом случае – риторики науки. Речь идет прежде всего о публичной функции философии, проявляющейся не только в том, чтобы делать теоретическое знание общедоступным, но и выступать критиком и регулятивом общественно значимых тенденций.

Даже поверхностное рассмотрение трех измерений парресии и проблемы управления субъективностью демонстрирует сложность тех задач, которые перед собой ставит концептуальная инженерия. Одно из главных затруднений кроется в вопросе внедрения «правильного» понятия в публичную языковую практику. И речь идет не только о необходимом для этого понимании метасемантических языковых процессов (например, почему в определенный период времени становятся актуальными одни смыслополагания в противовес другим), но также о гарантии этичности концептуальных преобразований. Когда на кону цель – вызов повседневным предположениям о том, что «естественно», – и в фокусе оказываются целые аспекты реальности,

концептуальная инженерия неминуемо сталкивается с политикой, для которой манипуляция общественным сознанием является одним из главных инструментов в борьбе правящих элит за власть. С этой точки зрения концептуальная инженерия как эпистемогический ревизионистский проект выступает сферой пересечения политического и политики и может быть плодотворно задействована в поисках социальной справедливости.

Список литературы

- [1] Cappelen H. *Fixing Language: An Essay on Conceptual Engineering*. New York : Oxford University Press, 2018. DOI: 10.1093/oso/9780198814719.001.0001
- [2] Haslanger S. Gender and Race: (What) are they? (What) Do We Want them to Be? // *Resisting reality. Social construction and social critique*. New York : Oxford University Press, 2012. P. 221–248. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199892631.003.0007
- [3] Козлова Н.Ю. Концептуальная инженерия: идея и проблемное поле // *Вопросы философии*. 2024. № 9. С. 157–166. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-9-157-166 EDN: MERGOL
- [4] Leslie S.-J. The Original Sin of Cognition: Fear Prejudice, and Generalization [https // Journal of Philosophy](https://www.princeton.edu/~sjleslie/TheOriginalSinOfCognition.pdf). 2017. Vol. 114. No. 8. P. 393–421. URL: <https://www.princeton.edu/~sjleslie/TheOriginalSinOfCognition.pdf> (accessed: 09.09.2024). DOI: 10.5840/jphil2017114828
- [5] Chalmers D. Verbal disputes, *Philosophical Review* // *Philosophical Review*. 2011. Vol. 120. No. 4. P. 515–566. DOI: 10.1215/00318108-1334478
- [6] Лебон Г. Психология толп. Институт психологии РАН. М. : Изд-во КСП +, 1998.
- [7] Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Режим доступа: https://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul_content.htm (дата обращения 06.09.2024).
- [8] Платон. Диалоги. Книга первая и вторая / пер. с древнегреч. М.С. Соловьева, С.А. Ошерова, С.А. Ананьина и др.; вступит статья А.Ф. Лосева; примеч. к диалогам А.А. Тахо-Годи. М. : Эксмо, 2008.
- [9] Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году / пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб. : Наука, 2011.
- [10] Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982–1983). М. : Дело РАНХиГС, 2020.
- [11] Еврипид. Трагедии. Т. 2 / пер. с древнегреч. И. Анненского и С. Шервинского. М. : Художественная литература, 1969.
- [12] Гампи У.К.Ч. История греческой философии в 6 томах. Т. III: Софисты. Сократ / пер. с англ. под ред. И.Н. Мочаловой и В.В. Прокопенко. СПб. : Владимир Даль, 2021.
- [13] Arendt H. *Philosophy and Politics* // *Social Research*. 1990. Vol. 57. No. 1. P. 73–103. EDN: HKLTTN
- [14] Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб. : Наука, 2007.

References

- [1] Cappelen H. *Fixing Language: An Essay on Conceptual Engineering*. New York: Oxford University Press; 2018. DOI: 10.1093/oso/9780198814719.001.0001
- [2] Haslanger S. Gender and Race: (What) are they? (What) Do We Want them to Be? In: *Resisting reality. Social construction and social critique*. New York: Oxford University Press; 2012. P. 221–248. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199892631.003.0007

- [3] Kozlova NYU. Conceptual engineering: idea and problem field. *Voprosy Filosofii*. 2024;(9):157–166. (In Russian). DOI: 10.21146/0042-8744-2024-9-157-166 EDN: MERGOL
- [4] Leslie S-J. The Original Sin of Cognition: Fear Prejudice, and Generalization [https. Journal of Philosophy](https://www.princeton.edu/~sjleslie/TheOriginalSinOfCognition.pdf). 2017;114(8):393–421. Available from: <https://www.princeton.edu/~sjleslie/TheOriginalSinOfCognition.pdf> (accessed: 09.09.2024). DOI: 10.5840/jphil2017114828
- [5] Chalmers D. Verbal disputes, Philosophical Review. *Philosophical Review*. 2011;120(4):515–566. DOI: 10.1215/00318108-1334478
- [6] Le Bon G. *Psychologie des Foules*. Moscow: KSP+ publ.; 1998. (In Russian).
- [7] Kara-Murza SG. *Manipulyaciya soznaniem*. Available from: https://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul_content.htm (accessed: 06.09.2024). (In Russian).
- [8] Plato. *Dialogues*. Moscow: Eksmo publ.; 2008. (In Russian).
- [9] Foucault M. *Le Gouvernement de soi et des autres*. Saint Petersburg: Nauka publ.; 2011. (In Russian).
- [10] Foucault M. *Discours et vérité, précédé de La parrèsia*. Moscow: Delo publ.; 2020. (In Russian).
- [11] Euripides. *Tragedy*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura publ.; 1969. (In Russian).
- [12] Guthrie WKC. *A History of Greek Philosophy. The Sophists. Socrates*. Saint Petersburg: Vladimir Dal publ.; 2021. (In Russian).
- [13] Arendt H. Philosophy and Politics. *Social Research*. 1990;57(1):73–103. EDN: HKLTTN
- [14] Foucault M. *L'Herméneutique du sujet*. Saint Petersburg: Nauka publ.; 2007. (In Russian).

Сведения об авторе:

Козлова Наталья Юрьевна – кандидат философских наук, кафедра философии, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет, Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1. ORCID: 0000-0001-6418-6682. SPIN-код: 5014-2358. E-mail: nyu.kozlova@mpgu.su

About the author:

Kozlova Natalya Yu. – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Institute of Social Studies and Humanities, Moscow Pedagogical State University, 1/1 M. Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6418-6682. SPIN-code: 5014-2358. E-mail: nyu.kozlova@mpgu.su

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-473-490>

EDN: THULXV

Научная статья / Research Article

Значение философии сознания Канта для современных исследований по искусственному интеллекту

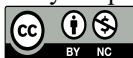
А.Г. Пушкарский

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия

 pushcarskiy@mail.ru

Аннотация. С момента своего появления программа создания искусственного интеллекта опиралась на позитивистскую, антипсихологическую философскую парадигму, в которой чисто физикалистское описание процессов мышления предполагало адекватное моделирование их с помощью релевантных задачам и целям логических машин, например, Тьюринга (60–70-е годы). Оптимистические ожидания позитивных результатов сразу столкнулись как с собственно техническими трудностями, так и со сложностями чисто концептуального характера. Однако когда появилась насущная проблема философского пересмотра базовой парадигмы ИИ, теория сознания и мышления Канта всерьез не рассматривалась и подверглась критике в 90-е годы. С 2000-х годов мы видим впечатляющие успехи применения искусственных нейронных сетей с архитектурой глубокого обучения в области моделирования мышления и сложных биологических процессов. Казалось, что основная цель программы ИИ – достижения сильного ИИ, просто вопрос времени. Но непосредственная реализация концепции коннекционизма в работе с большими объемами ассоциативных и нечетких массивов информации оказалась в целом неэффективной в области представления интеллектуальных способностей сознания, особенно в репрезентации высокоуровневых знаний и точной обработке символической информации, т.е. высших когнитивных способностей. Тогда же некоторые специалисты по ИИ и когнитивные философы обратились к философии сознания Канта, в которой была воплощена такая трансцендентальная организация макроархитектуры интеллектуальной системы, которая обладает действующей познавательной активностью, но не соответствует современным представлениям о различных механизмах обработки входных и выходных данных в когнитивной системе. Такое познание принципиально активно, поскольку оно является продуктом синтеза способности продуктивного воображения. Для выявления данной макроархитектуры применяется кантовский трансцендентальный метод, который состоит в том, что трансцендентальная архитектура любого сознания создается не в результате эмпирических исследований интеллектуальных человеческих способностей, функционирования мозговых процессов или достижений эволюционной биологии, а конструируется исходя из априорных условий самой возможности ее существования. Этот кантовский метод призван выявить априорную

© Пушкарский А.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

структуру сознания, изоморфную любому рационально познающему субъекту. В исследовании рассматривается то, что может предложить ИИ и когнитивным наукам философия Канта.

Ключевые слова: когнитивная система, коннекционизм, представление знаний, искусственные интеллектуальные системы, философия искусственного интеллекта

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование проведено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 075-15-2019-1929 «Кантианская рациональность и ее потенциал в современной науке, технологиях и социальных институтах», реализуемый на базе Балтийского федерального университета имени И. Канта (Калининград).

История статьи:

Статья поступила 10.12.2024

Статья принята к публикации 07.03.2025

Для цитирования: Пушкарский А.Г. Значение философии сознания Канта для современных исследований по искусственному интеллекту // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 473–490. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-473-490>

The Importance of Kant's Philosophy of Mind for Contemporary Research in Artificial Intelligence

Anatoly G. Pushkarsky

Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russian Federation

 pushcarskiy@mail.ru

Abstract. Since its inception, the artificial intelligence program has relied on a positivistic, anti-psychological philosophical paradigm, in which a purely physicalistic description of thinking processes assumed their adequate modeling using logical machines relevant to the tasks and goals, such as Turing (1960s–70s). Optimistic expectations of positive results immediately ran into both technical difficulties and purely conceptual difficulties. However, when the urgent problem of philosophical revision of the basic AI paradigm arose, Kant's theory of consciousness and thinking was not seriously considered and was criticized in the 1990s. Since the 2000s, we have seen impressive successes in the use of artificial neural networks with deep learning architecture in the field of modeling thinking and complex biological processes. It seemed that the main goal of the AI program – achieving strong AI – was just a matter of time. But the direct implementation of the connectionism concept in working with large volumes of associative and fuzzy arrays of information turned out to be generally ineffective in the field of representing the intellectual abilities of consciousness, especially in the representation of high-level knowledge and precise processing of symbolic information, i.e. higher cognitive abilities. At the same time, some AI specialists and cognitive philosophers turned to Kant's philosophy of consciousness, which embodied such a transcendental organization of the macroarchitecture of an intellectual system that has an active cognitive activity, but does not correspond to modern ideas about the various mechanisms for processing input and output data in a cognitive system. Such cognition is fundamentally active,

since it is a product of the synthesis of the ability of productive imagination. To identify this macroarchitecture, the Kantian transcendental method is used, which consists in the fact that the transcendental architecture of any consciousness is not created as a result of empirical studies of human intellectual abilities, the functioning of brain processes or the achievements of evolutionary biology, but is constructed based on the a priori conditions of the very possibility of its existence. This Kantian method aims to reveal an a priori structure of consciousness that is isomorphic to any rationally knowing subject. The study examines what Kant's philosophy has to offer AI and cognitive science.

Keywords: cognitive system, connectionism, knowledge representation, artificial intelligent systems, philosophy of artificial intelligence

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Funding of Sources. The research was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No. 075-15-2019-1929 “Kantian rationality and its potential in modern science, technology and social institutions”, implemented on the basis of the Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad).

Article history:

The article was submitted on 10.12.2024

The article was accepted on 07.03.2025

For citation: Pushkarsky AG. The Importance of Kant's Philosophy of Mind for Contemporary Research in Artificial Intelligence. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):473–490. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-473-490>

От зарождения программы ИИ к философии Канта

Поиск более глубоких философских оснований для программы ИИ вызван тем, что изначальное представление о когнитивной структуре сознания, способной к творческому мышлению, наткнулось на непреодолимые проблемы. Вычислительная теория разума основывалась на предположении, что наше мышление – это продукт деятельности происходящих в мозге процессов. А мозг – это просто определенного рода компьютер, который с помощью закодированных строго логически формальных языков, некоторым образом представляющий ментальный язык мышления, получает способность к интеллектуальной деятельности. Такой компьютер к тому же может с огромной быстротой интерпретировать неточную информацию, поступающую, например, от сенсорных датчиков, моделирующих органы чувств, или же улавливать скрытый смысл в распознаваемой им речи. Даже не принимая откровенно функционалистскую точку зрения на сознание и мышление, всегда можно воспользоваться, по выражению Джерри Фодора, вычислительной метафорой разума. Какова бы не была природа человеческого сознания, его деятельность, или по крайней мере его интеллектуальная деятельность, может быть смоделирована на физических устройствах, реализующих, пусть и невероятно сложные, вычислительные процессы. Ведь если достигнуто более или менее адекватное понимание, как функционирует некоторая когнитивная

система, например, *homo sapiens*, то это позволяет формализовать ее с помощью математического аппарата, а затем реализовать полученную математическую моделью на том или ином компьютерном оборудовании. В конце XX в., компьютеры научились решать логические задачи, сочинять стихи и простые музыкальные мелодии, а также обрабатывать огромные массивы информации что имело уже практическое значение в области управления, медицины, транспорта, военного дела и т.п. Системы, созданные в рамках исследований по ИИ, и способные к выполнению отдельных интеллектуальных функций обычно свойственных человеку, изначально получили название экспертных систем или слабого искусственного интеллекта. Сегодня, когда говорят об ИИ, в большинстве случаев имеют в виду именно слабый ИИ. Те же системы, которые по своим мыслительным способностям равны или даже сильнее человеческими, называют сильным ИИ. Именно он представляет собой конечную цель программы ИИ, достижение которой даже сегодня выглядит призрачной. В современных работах по ИИ явно ощущается отсутствие уверенности достижения сильного ИИ в обозримое время. Так, в последнем издании 2022 г. обширного пособия «Искусственный интеллект: современный подход» Рассела и Норвига можно найти изложение целей и задач современной программы ИИ. Авторы уже полагают, что ИИ не будет воспроизводить человеческий интеллект и точно его моделировать. В предисловии указаны два важных аспекта: «Теперь мы больше не предполагаем, что цель фиксирована и известна системе ИИ; вместо этого система может быть не уверена в истинных целях людей, от имени которых она действует. Она должна научиться тому, что следует максимизировать, и функционировать должным образом, даже если нет уверенности в цели... Основной объединяющей темой является идея разумного агента. Мы определяем ИИ как исследование агентов, которые получают информацию из окружающей среды и выполняют действия. Каждый такой агент реализует функцию, которая сопоставляет последовательности восприятия с действиями, и мы рассматриваем различные способы представления этих функций...» [1. Р. vii].

Таким образом переопределяются и уточняются задачи слабого и сильного ИИ. Хотя авторы и признают перспективы, связанные с сильным ИИ, т.е. созданием в целом интеллектуальных машин, прежде всего они сосредоточены на слабом ИИ. Искусственные интеллектуальные системы могут имитировать, быть в чем-то сходным с человеческим интеллектом или даже превосходить его в конкретных отношениях, но не могут быть им в целом. В заключении они указывают: «В целом программы превосходят человеческие возможности в одних задачах и отстают в других. Единственное, чего они явно не могут сделать, – это быть в точности людьми» [1. Р. 1034], и далее: «Лишь немногие исследователи ИИ обращают внимание на тест Тьюринга, предпочитая концентрироваться на производительности своих систем при решении практических задач, а не на способности имитировать людей» [1. Р. 1057].

Данные утверждения особенно примечательны на фоне современных достижений коннекционизма и нейронаук в познании природы человеческого мышления и конструировании нейронных сетей с функциями глубокого обучения. Успехи искусственных нейронных сетей кроме того, что стали обыденными в нашей жизни, например, в области распознавания речи и изображений, обработки больших объемов нечеткой информации, приносят нам регулярные обескураживающие и даже тревожные сообщения, например, о случайном зарождении ИИ в нейросетях, созданных ведущими IT-компаниями, или неадекватном и пугающим поведении подобных нейросетей, или о скором вытеснении людей с большинства востребованных специальностей, которое вызовет тотальную безработицу, и т.д. и т.п.

Программа коннекционизма в самом общем смысле представляет собой направление в когнитивной науке, в котором интеллектуальные способности объясняются и моделируются с помощью искусственных нейронных сетей. Нейросети конструируются из большого числа элементов, аналогов нейронов и связей между ними, а «силы» таких связей измеряются за счет того, что им приписывается определенный вес. Такие «веса» должны моделировать работу синапсов, которые связывают между собой нейроны. Таким образом, нейросети – это упрощенные модели мозга, которые могут проявлять те или иные познавательные способности и интеллектуальные функции, сходные с человеческими, и в конце концов, как предполагается, развитие таких сетей позволит достигнуть способности к самостоятельному мышлению, аналогичному человеческому.

Хотя с момента своего появления в 1943 г., когда вышла пионерская работа Уоррена С. Мак-Каллока и Уолтера Питтса «Логическое исчисление идей, относящихся к нервной активности» [2], данное направление долго находилось на задворках исследований по ИИ. Но начиная с середины 80-х гг. XX в. многочисленные эксперименты с нейросетями продемонстрировали их нетривиальные возможности в обучении к умению в распознавании речи, образов и лиц или, например, способности к выявлению элементарных грамматических структур языков. Успехи в тех областях, которые казались непреодолимыми для стандартных цифровых компьютеров, привели к тому, что коннекционизм¹ стал восприниматься как альтернатива классической парадигме ИИ. С другой стороны, проявились и недостатки коннекционизма, особенно для программы сильного ИИ: «...хотя и коннекционистская, и классическая теории постулируют репрезентативные ментальные состояния, но только состояния, постулируемые классической теорией, связаны со знаковым уровнем ментального представления, или с “языком мысли”, то есть с репрезентативными состояниями, обладающими комбинаторной синтаксической и семантической структурой» [4. С. 230].

¹ Философское обоснование коннекционизма вызвало появление нового направления в современной философии науки – нейрофилософии. Наиболее известный представитель этого направления – Патриция Чёрчленд, см. ее книгу [3].

Джерри Алан Фодор и Зенон Вальтер Пылишин, известные специалисты по когнитивной психологии и ИИ, считают, что существуют убедительные доводы, свидетельствующие о «необходимости признать структуру разума на когнитивном уровне неконнекционистской» [4. С. 230]. Важно отметить, что оба направления исследований ИИ и когнитивным наукам изначально были явно взаимоисключающими, и каждое из них столкнулось с серьезными ограничениями, хотя и разными, в достижении главной цели ИИ – создания обобщенного ИИ. Интересно отметить, что пионеры в создании ИИ, опирающиеся на логический позитивизм и аналитическую философию, так и большинство их последователей, полагали, что философия сознания Канта вряд ли может внести ценный вклад в современную когнитивную науку и проекты ИИ. Они просто не видели в философии Канта адекватной логической теории языка, на базе которого можно построить такую «вычислительную теорию разума», которая способна к репрезентации ментальных процессов. Еще реже Кант упоминается в работах по нейронаукам и нейрофилософии. Сегодня положение меняется по причине поиска решений по выходу из тех затруднений, с которыми столкнулась программа ИИ. Показательна в этом отношении цитата калифорнийского философа Мэта Маккормика, который утверждает оригинальность философия сознания Канта и ее не редуцированность к современным функционалистским теориям сознания: «Теория мышления Канта подвергалась резкой критике в период расцвета антипсихологизма. Но я принадлежу к растущему и громогласному меньшинству философов, которые стремятся исправить мнение о том, что Кант мало что сказал правильного или полезного о философии сознания и когнитивной науке... Теперь, когда мы достигли постпозитивистского, постбихевиористского отношения к Канту, мы можем внимательнее присмотреться к функционалистскому прочтению и посмотреть, что оно и Кант могут предложить недавним попыткам смоделировать мыслящий разум» [5. Р. 256].

Следует, однако, отметить, что еще в начале 90-х гг. XX в. в «Кантовском сборнике» была опубликована серия статей, посвященных проблеме применения кантовской философии в исследованиях по ИИ. В них подчеркивалось, что специалисты по ИИ, столкнувшись с указанными выше проблемами, сами стараются изобретать концепции построения когнитивных интеллектуальных систем. Между тем как в истории философии накоплены довольно значительные объемы знаний, которые могут быть использованы в разработках искусственных интеллектуальных систем: «Поэтому важной задачей для философа становится ныне перевод философских знаний о структуре и функционировании интеллекта в „процедурную“ форму, т.е. в форму, непосредственно приспособленную для включения в круг исследований по конструированию интеллектуальных систем» [6. С. 72]. Наиболее привлекательной особенностью кантовской философии, которая могла бы заинтересовать разработчиков ИИ, по мнению В.Н. Брюшинкина, будет то, что «эффективно работающая интеллектуальная система ... должна сочетать в себе высокую степень

первоначальной организации с чувствительностью к опыту, т.е. должна включать в себя только такие рациональные принципы, которые заранее согласованы с опытом и могут помочь нам в его обработке и интерпретации. Именно такой пример сочетания опытной и рациональной компонент нашего знания мы встречаем в философии Канта, в которой познавательная способность человека управляется рациональными принципами, которые или обуславливают самую возможность опыта, или обладают ясными ограничениями, устранивающими их применение вне пределов возможного опыта» [6. С. 74].

Таким образом, кантовские методы построения философской системы познавательных способностей можно использовать «как образец для проектирования архитектуры ИС», т.е. интеллектуальных систем [7. С. 80], поскольку «очевидна аналогия между структурой познавательной способности и тем, что я назвал макроархитектурой систем ИИ. Разуму в таком случае соответствуют Метазнания, Рассудку – Структуры знаний об объектах и их отношениях, а Чувственности – Способы опознания объектов» [6. С. 76]. Данная схема может дать нам общий метод проектирования таких интеллектуальных систем, которые обладают «„внутренними“ возможностями расширения базисных знаний путем, в частности, рассуждений от условий возможности опыта. Эта способность к рассуждениям, основывающимся на глобальных принципах строения модели мира» [6. С. 79].

И сегодня все больше специалистов по ИИ, весьма далеких от историко-философских исследований, обратились непосредственно к текстам Канта. Ярким примером такого обращения стал вышедший в 2022 г. сборник «Кант и искусственный интеллект», где авторами наряду с философами и когнитивными психологами выступили и специалисты в области ИИ. Сборник посвящен тому, «как можно судить о требованиях и пределах искусственного интеллекта на основе кантовской философии» [8. Р. vii].

Макроархитектура сознания, соотношение чувственности и рассудка и формирование модели мира

Почему же философия Канта долго оставалась вне фокуса интересов в области концептуального осмысления программы ИИ, и почему она стала актуальной в наше время хотя бы и не для большинства исследователей в данных областях. Это связано в том числе как с фундаментальными особенностями его системы, так и дальнейшим восприятием и переосмыслением ее в философии XIX и XX вв. Приведем одну цитату из книги Майкла Фридмана, стэнфордского философа, известного своей новаторской работой в кантоведении [9], которая очень показательна в этом отношении: «Кантианская система на пике Просвещения достигла замечательного синтеза практически всей человеческой мысли. Математика и естествознание, мораль и право, культура и искусство, история и религия – все это находило свое место в сложной архитектонике Канта, основанной на трех фундаментальных

способностях – чувственности, рассудке и разуме. Эти три способности, в свою очередь, описывали универсальную нормативную структуру, общую для всех людей как таковых, на все времена и во всех местах, и таким образом, поддерживали всеобщее устремление к объективности и intersubjectивной общезначимости во всех областях человеческой жизни. Это утверждение было выражено конститутивно, и так сказать, абсолютно, как в математической естественной науке, так и в морали...» [10. С. 253].

Несмотря на все достоинства кантовской философии в истории философской мысли, столь ярко выраженной Фридманом, остается открытым, действительно ли при всех различных ее интерпретациях Канту удалось раскрыть адекватную структуру когнитивной интеллектуальной деятельности и насколько они могут быть адаптированы для непосредственных технических разработок в области ИИ. Например, Ричард Эванс, ученый-компьютерщик из Deep Mind, одной из ведущих компаний, разрабатывающих современный искусственный интеллект, отмечает: «Опасность междисциплинарного проекта, с одной стороны ИИ, с другой философии, заключается в том, что обе потенциальные аудитории остаются неудовлетворенными. Информатика могла бы резонно задаться вопросом: почему книга двухсотлетней давности может нас чему-то научить сейчас? ... Ученый, изучающий Канта, мог бы резонно возразить: действительно ли необходимо заново выражать теорию Канта с помощью вычислительных формализмов? ... В лучшем случае это ненужная реартикуляция. В худшем случае недопонимание накапливается за недопониманием, поскольку идеи Канта неизбежно искажаются, когда их втискивают в простой вычислительный формализм» [11. Р. 40]. И он же с полной определенностью дает на него ответ: «Тем не менее, я буду утверждать, что, во-первых, современному искусственному интеллекту есть чему поучиться у Канта, а во-вторых, что кантовская наука может что-то получить, если ее переформулировать на языке информатики» [11. Р. 41].

Какой бы архаичной не представлялась философия Канта для исследователей нейронаук и ИИ некоторые центральные идеи, встроенные в кантовскую систему естественным образом, не могут не вызвать их интерес на современном этапе эволюции ИИ. Во-первых, у Канта мы находим описание организации макроархитектуры определенной интеллектуальной системы, принципов взаимодействия ее элементов в процессе получения и представления знаний, а также таких способов и методов их работы, которые обеспечивают именно рациональную и в современном понимании наиболее эффективную ее работу. Во-вторых, подобная макроархитектура в системе Канта в первую очередь призвана соединить эмпирические и рациональные элементы обрабатываемой информации в процессах получения и представления знаний, в которых все когнитивные способности управляется рациональными принципами, которые в свою очередь обуславливают самую возможность опыта и имеют четкие ограничения, устраняющими их применение вне пределов возможного опыта. В-третьих, по Канту любое знание о существующем мире дается нам в опыте. Однако эмпирическое знание является результатом

синтеза чувственных данных с основоположениями рассудка. Этот синтез осуществляется при помощи действий способности продуктивного воображения. А категории у Канта будут уже функциями синтеза многообразия чистого априорного созерцания. Они устанавливают связь с априорными условиями опыта и показывают невозможность их применения за пределами опыта. Исторически у Канта не было никаких актуальных данных о работе мозга, можно вполне обоснованно предположить, что лучшей моделью для синтетических процедур «кантовских» познавательных способностей могут служить нейронные сети, а при переходе к высшим когнитивным способностям, таким как логические операции с понятиями, суждениями и умозаключениям «работает» классический подход к моделированию мышления. Кратко рассмотрим только идею построения макроархитектуры сознания активно действующего субъекта, соотношение чувственности и рассудка и формирование модели мира.

Марко Беттони, один из первых ученых-компьютерщиков, которые решили обратиться к кантовскому наследию в своей деятельности, попытался определить основные условия, которым должна обладать интеллектуальная система, чтобы она была в состоянии формировать знания о мире: «Модель того способа, при помощи которого мы – посредством обработки нашего знания – создаем порядок вещей, должна удовлетворять двум основным требованиям. Это:

1. Обработка знания должна рассматриваться прежде всего, как синтетически-конституирующая (а не аналитически-трансформирующая) процедура.
2. Любая система (живая или неживая), которая сначала выполняет синтетические акты, должна моделироваться как организм, а не как машина (организм как условие синтеза)» [12. С. 135]. Если следовать Канту, то воспринимаемая нами физическая реальность не дается нам в готовом виде. Она есть продукт синтетической деятельности чувственности и рассудка, которые представляют собой совершенно разные способности познания, обладающие, в целом противоположными характеристиками. Например, чувственность пассивна и имеет дело с многообразием сенсорных данных, упорядоченных только априорными формами чувственности – временем и пространством. Рассудок – отличается активной ролью в познании, благодаря способности выносить суждения о состоянии дел и путем метафизической и трансцендентальной дедукции формировать, выводить категории, чистые и априорные понятия рассудка, и конструировать отдельные понятия мышления, т.е. придавать им значение и смысл. Объекты, как объекты мыслимой нами физической реальности, возникают только после того, когда зафиксирован пространственно-временной порядок чувственных данных в процессе познания, и под них подведено, сконструировано рассудком соответствующее понятие. В более современных терминах, можно было бы сказать, что чувственность имеет дело с аналоговой и ассоциативной информацией, а рассудок с дискретной и символьной.

В работе с первым видом информации в наше время достигнуты впечатляющие успехи в области исследований и конструирования искусственных нейронных сетей. Это стало возможным благодаря тому, что новые нейронные сети стали более приближены к организации человеческого мозга, например, к многоуровневой архитектуре зрительной коры. Их основным отличием от исторических предшественников, коннекционистских сетей из 1980-е и 1990-е гг. стало количество слоев смоделированных нейронов. В то время как классические сети состояли только из входного слоя, одного скрытого слоя и выходного слоя, глубокие нейронные сети являются глубокими в том смысле, что существует гораздо больше, чем один скрытый слой, и уже существуют такие сети, в которых количество слоев достигает нескольких сотен. Это экспоненциально увеличивает вычислительную мощность нейронных сетей, что позволяет им представлять довольно абстрактные характеристики окружающей среды и в значительной степени обеспечило их современные успехи в многочисленных приложениях.

Таким образом, хотя эта новая эра коннекционизма и началась в 1980-х гг., исследователи разработали компьютеры с необходимой вычислительной мощностью только в конце 2000-х гг. Достигнутый сегодня этап развития ИИ немецкий философ Тобиас Шлихт описывает следующим образом: «После серии темных зим исследования ИИ достигли значительного прогресса благодаря появлению так называемых „архитектур глубокого обучения“ ... Этот подход машинного обучения к ИИ является одним из многих и включает в себя контролируемое, неконтролируемое обучение и обучение с подкреплением². Глубокое обучение на основе искусственных нейронных сетей в настоящее время является наиболее перспективным и наиболее широко обсуждаемым (и используемым) подходом...» [13. Р. 18].

Несмотря на очевидные успехи коннекционизма и нейронаук пессимисты, которых большинство среди специалистов ИИ, утверждают, что коннекционистские модели обладают определенными недостатками в представлении интеллектуальных способностей сознания, особенно

² В современном ИИ *машинное обучение* означает, что алгоритмы, по которым работает компьютер, имеют возможность изменяться и улучшаться при помощи обработки набора данных и выявления основных закономерностей и взаимосвязей, вскрытых в данных. *Контролируемым* обучением или обучением под присмотром или с учителем (*unsupervised learning*) называют процесс, когда каждому фрагменту данных присваивается метка, помогающая алгоритму машинного обучения понять значение данных. Для *неконтролируемого обучения* или обучения без присмотра или без учителя (*supervised learning*) обрабатываемые данные не отмечаются какими-либо описательными метками, а группируются в определенные «кластеры» на основе их сходств или различий (Например, Alpha-Go, программа, победившая чемпиона мира в классической игре Го).

Нейронные сети, которые в отличие от их первоначальных моделей, имеют очень большое число нейронов и скрытых слоев, позволяющих создавать огромное количество связей, называются в ИИ *глубоким обучением*. Так, например, система ChatGPT имеет миллиарды «нейронов». В ней реализованы такие функции как умение отвечать на вопросы, вести беседы и даже сочинять разные истории.

в репрезентации высокоуровневых знаний и точной обработке символической информации, т.е. высших когнитивных способностей. По их мнению, основной проблемой глубоких нейронных сетей оказывается проблема понимания. Сети испытывают недостаток в богатых базовых знаниях о функциях и возможностях объектов восприятия, воспоминаниях и контекстно-зависимом познании, которые формируют человеческое познание. Как полагает американский специалист по визуальному распознаванию в системах искусственного интеллекта Мелани Митчелл, «базовые знания влияют на способность человека надежно распознавать данный объект. Даже самым успешным системам машинного зрения искусственного интеллекта не хватает такого понимания и той надежности, которую оно обеспечивает» [14. Р. 132].

Изначально предполагалось, что классическая или символическая и коннекционистская парадигмы несовместимы. Развернутая аргументация в пользу такой точки зрения были выдвинуты, например, уже упомянутыми Фодором и Пылишиным [4]. Противоположная точка зрения состоит в том, что оба этих подхода не являются несовместимыми, но они возникают в результате моделирования когнитивной системы в разных масштабах или с разных точек зрения. В конце 1990-х гг. шведский философ, когнитивист Питер Гарденфорс [15] представил обоснование того, что связь между символическим и концептуальным уровнями, с одной стороны, и уровнем коннекционизма, с другой, состоит в том, что коннекционизм имеет дело с «быстрым» поведением динамической системы, в то время как концептуальные и символические структуры могут проявляться как «медленные» особенности таких система. В результате одна и та же система, в зависимости от принятой точки зрения, может рассматриваться как ассоциативный механизм и как концептуальное пространство, которое, в свою очередь, обеспечивает основу для символической системы.

Таким образом, переходя от одной точки зрения к другой, можно рассматривать концептуальные представления и символические выводы как возникающие в результате динамических процессов в системе коннекционизма. Ключевым моментом является то, что нет необходимости различать два или три типа систем, поскольку разные точки зрения могут быть приняты в одной системе обработки информации.

В последнее в области исследований по ИИ время получило развитие так называемого имплементационного подхода в коннекционизме, которое предполагает синтез двух, казалось бы, несовместимых подходов. В нем предполагается, что сама психическая деятельность, включающая обработку сенсорной информации, должна моделироваться нейронными сетями, а на более абстрактном и высоком уровне представления она уже будет реализована классической моделью мышления на основе программируемого процессора. Так Ричард Эванс отмечает, что «все больше признается, что сильные и слабые стороны нейронных сетей и обучения на основе логики дополняют друг друга...» [11. Р. 41]. Он обращается к Канту, поскольку в «первой критике

Кант очень подробно описывает, как именно должна выглядеть эта гибридная архитектура. Причина, по которой он интересовался гибридными когнитивными архитектурами, заключалась в том, что он пытался синтезировать две конфликтующие философские школы того времени: эмпиризм и рационализм. Нейронная сеть – интеллектуальный предок эмпиризма, точно так же как обучение, основанное на логике, – интеллектуальный предок рационализма. Объединение эмпиризма и рационализма Кантом представляет собой когнитивную архитектуру, которая пытается объединить лучшее из обеих областей и указывает путь к гибридной архитектуре, которая сочетает в себе лучшее из нейронных сетей и подходов, основанных на логике» [11. Р. 41].

Эванс и его коллеги-компьютерщики предлагают интерпретировать первую критику Канта «как точное, реализуемое с помощью вычислений описание того, как и с помощью чего осуществляется осмысление сенсорного потока» [11. Р. 40]. По их мнению, можно попытаться описать когнитивную архитектуру Канта в строгой алгоритмической форме, реализовать ее на техническом уровне, а затем протестировать полученную систему экспериментально. Даже если таким путем и невозможно будет формализовать все тонкости кантовской философии сознания, точность и подробность описания на уровне компьютерного алгоритма позволит реализовать ее элементы на базе искусственной машинной системы.

Дело в том, что в первой критике Кант конструирует довольно сложную и хитроумную априорную когнитивную макроархитектуру любого сознания, которое обладало бы способностью к рациональному познанию мира. Он выделяет три основные познавательные способности такой макроархитектуры и несколько производных от них. Это чувственность (интуиция) или способность воспринимать предметы, которые непосредственно воздействуют на нас, рассудок как способность устанавливать правила и воображение. Способность воображения – это такая познавательная способность, которая отвечает за любой синтез³, в том числе за связь между предметами чувственности и понятиями рассудка. Производной способностью, которая вытекает из рассудка, будет разум как способность выносить суждения о безусловном. Разум у Канта отвечает за нашу способность конструирования умозаключений. Еще одна высшая производная способность, связанная с рассудком – это способность суждения, которая к тому же будет как бы промежуточным между рассудком и разумом: «Если рассудок вообще провозглашается способностью устанавливать правила, то способность суждения есть умение *подводить* под правила, т. е. различать, подчинено ли нечто данному правилу (*casus datae legis*) или нет» [16. С. 187]. Она дает нам «...формальное условие, при котором нечто может быть дано в созерцании» [16. С. 323].

³ Правда во втором издании первой критики Кант определяет еще и чистый рассудочный (или интеллектуальный) синтез, который не сводится к воображению, а как бы надстраивается над ним.

Но в дальнейшем в «Критике способности суждения» Кант расширяет и видоизменяет значение способности суждения, определяя ее как «способность мыслить особенное как подчиненное всеобщему. Если дано всеобщее (правило, принцип, закон), то способность суждения, которая подводит под него особенное (и в том случае, если она в качестве трансцендентальной способности суждения а priori указывает условия, сообразно которым только и можно подводить под это общее), есть *определяющая* способность. Но если дано только особенное, для которого надо найти всеобщее, то способность суждения есть чисто *рефлектирующая* способность» [17. С. 99].

В проекте Эванса и его коллег определенные априорные структуры сознания, которые упорядочивают и систематизируют все данные чувственного (интуитивного) познания, должны формировать шаблон системы машинного обучения, которая получит возможность перевода различных познавательных способностей и их взаимодействия в одну программу. В общем виде в их программе чувственная интуиция – это то, что обеспечивает входную информацию для когнитивной архитектуры. Рассудок в целом, как способность выносить суждения, соответствует программе с неконтролируемым обучением, а кантовская функция способности суждения, «на основании которой предмет подводится под понятие» [18. С. 403], реализована как бинарная нейронная сеть⁴. Способность воображения выполняющее функцию продуктивного синтеза, отвечающее за неизбежные взаимосвязи между интуициями, в данном проекте «реализована как набор недетерминированных правил выбора» [11. Р. 95]. Эванс называет такую конструкцию «машиной апперцепции», которая «обеспечивает унифицированную реализацию различных способностей, описанных Кантом», подсистемы которой «в высшей степени недетерминированы», а «способность суждения свободна конструировать любые правил вообще – до тех пор, пока объединенный продукт трех способностей удовлетворяет различным условиям единства (реализованным как ограничение)» [11. Р. 95].

Более подробно эта система описана в коллективной статье «Придание смысла исходным данным». В ней описывается «нейро-символическая основа для выделения интерпретируемых теорий из потоков исходного, необработанного сенсорного опыта». Сначала авторы расширяют «определение задачи апперцепции, включив в него неоднозначный (но все же символический) ввод: последовательности наборов дизъюнкций». Затем они используют «нейронную сеть для сопоставления необработанных сенсорных данных с дизъюнктивными входными данными», такая «бинарная нейронная сеть закодирована как логическая программа, поэтому веса сети и правила теории

⁴ Бинарная нейронная сеть значительно отличается от сетей перцептронного типа и представляет собой матрицу с входами и выходами в виде наборов битов, нейроны которой реализуют функции двоичной логики нескольких переменных.

могут быть решены совместно как единая задача SAT⁵». Теперь, как утверждают авторы статьи, «мы можем совместно научиться воспринимать (сопоставлять необработанную сенсорную информацию с концепциями) и апперцепировать (объединять концепции в декларативные правила)» [19. Р. 1].

Вопрос, возникающий в связи с данными разработками, состоит даже не в том, насколько будет эффективной такая «машина апперцепции» для развития ИИ. Сегодня уже несомненно, что гибридные системы будут обладать гораздо большими возможностями для решения разнообразных задач ИИ и гибкостью в применении их интеллектуального потенциала чем системы, основанные на чисто символическом или коннекционистском подходе.

Однако насколько уточнение деталей самого кантовского проекта может помочь в конструировании автономных искусственных интеллектуальных систем, способных к познанию внешнего мира и в достижении главной цели – создание сильного ИИ? Любая такая система должна иметь внутреннее представление мира, лежащее в основе формирования возможных суждений об окружающем мире, и служить базисом для принятия решений в автономно функционирующих интеллектуальных системах. Один израильский ученый в области информатики таким образом рисует современную картину состояния исследований в области ИИ: «Успехи глубокого обучения были поистине поразительными и застали многих из нас врасплох... В результате общественность считает, что „сильный ИИ“, машины, думающие как люди, уже не за горами или, возможно, даже уже здесь. На самом деле ничто не может быть дальше от истины ... область искусственного интеллекта „переполнена микрооткрытиями“ – такими вещами, которые становятся хорошими пресс-релизами, – но машины по-прежнему разочаровывают и далеки от человеческого познания ... Цель сильного ИИ – создать машины с интеллектом, подобным человеческому, способными общаться с людьми и направлять их. Вместо этого глубокое обучение дало нам машины с поистине впечатляющими способностями, но без интеллекта. Разница глубока и заключается в отсутствии модели реальности» [20. Р. 30]. Таким образом, если нашей главной задачей является проектирование автономной интеллектуальной системы на основе философских идей Канта, то реконструкция построения действительного опыта по Канту и будет означать формирование модели представления мира для данной интеллектуальной системы.

Как должна функционировать по Канту система построения действительного опыта? Формирования опыта субъекта рассматривается Кантом в главе «О дедукции чистых рассудочных понятий» из «Аналитики понятий» первой критики как результат выполнения последовательности синтезов сознания. Однако проблема в том, что Кант не дает однозначную последовательность данных синтезов и методов их осуществления. Для того чтобы схема

⁵ SAT или ВЫП – задача выполнимости булевых функций, как задача из теории вычислительной сложности состоит в том можно ли присвоить значения истинности всем переменным данной функции так чтобы она оказалась истинной.

применения кантовских синтезов могла быть использована в искусственных интеллектуальных системах, Брюшинкин предлагает реконструировать их следующим образом.

Можно предположить, что каждый компонент схемы получается из более элементарных в результате синтеза определенного типа. «Для осуществления синтезов Кант предполагает два типа способностей субъекта: апперцепцию и воображение. Трансцендентальная дедукция категорий показывает нам способ синтеза опыта из ощущений, априорных форм восприятия и категорий» [7. С. 82].

Первым видом синтеза, по его мнению, будет синтетическое единство апперцепции, которое «... создает основу для дальнейших синтезов». Синтетическое единство апперцепции «объединяет априорные созерцания и ощущения в более сложную компоненту опыта – эмпирическое созерцание» [7. С. 82].

Вторым в последовательности будет синтез схватывания, «в ходе которого из эмпирического созерцания получается восприятие» [7. С. 87]. Затем следует фигурный синтез, который связывает априорные формы чувственности с объектами эмпирического созерцания в единое целое.

Завершает последовательность синтезов трансцендентальное единство апперцепции, состоящее в построение суждений субъектно-предикатной формы, субъектами которой будут отдельные восприятия, а предикатами «выделенные в фигурном синтезе формы».

Но на этом процесс построения действительного опыта или моделей мира не исчерпывается, так как каждый акт синтеза «происходит в соответствии с категориями, а категории суть не что иное, как общие схемы отношений между явлениями (объектами)», а сама система категорий выявляет концептуальную схему искомой модели мира [7. С. 88]. Применение категорий к восприятиям раскрывается уже в кантовской «Аналитике основоположений» и одновременно выполняет две задачи, во-первых, определения границ возможного опыта и во-вторых, окончательный синтез действительного опыта. Категории применяются, с одной стороны, путем снабжения их трансцендентальными схемами, «т.е. определенными чувственными коррелятами чистых понятий рассудка» [21. С. 85], с другой определением правил применения категорий к явлениям, называемых Кантом основоположениями чистого рассудка. В завершающей статье упомянутого выше цикла по ИИ Брюшинкин делает вывод о том, что только «основоположения способности суждения завершают процедуру синтеза действительного опыта, которая согласно проведенной мною ранее аналогии может служить образцом для процедуры построения моделей мира в системах ИИ» [21. С. 89].

Заключение: от Канта к созданию сильного ИИ

На пути к сильному ИИ лежит еще одна щекотливая проблема – автономность интеллектуальной системы в принятии решений. За свободу

автономных действий субъекта в философии Канта отвечает практический разум. Его деятельность распространяется на морально-этическую сферу человека, поскольку теоретический разум ограничен исключительно получением и систематизацией научного знания и не может формулировать правила и законы морально-нравственного характера. Но генетически именно рассудок отвечает за порождение любых правил и формирование на этой основе способности выносить суждение. Поэтому любая достаточно продвинутая когнитивная система, способная к высшей интеллектуальной деятельности, неизбежно должна порождать не только правила для получения и осмысления действительного опыта, но и правила своей собственной деятельности! А поскольку любая, скажем так, этическая система заранее «встроенная» в искусственную машинную систему не может быть собственно «машинной», а будет просто нашей «человеческой», то: «... машина может сама построить теорию этики, применив этап универсализации к отдельным максимам и затем, в соответствии с полученными результатами, отобразить их в традиционные *деонтические категории* – а именно: запрещено, разрешено, обязательно» [22. Р. 47]. Правда такой «сильный» ИИ, самостоятельно определяющий сам для себя правила поведения, уже невозможно будет просто так отключить или заменить целиком, и, видимо, этого-то уже и стоит серьезно опасаться.

Список литературы

- [1] *Russell S., Norvig P.* Artificial Intelligence: A Modern Approach. 4th ed. Edinburgh : Pearson Education Limited, 2022.
- [2] *Мак-Каллок У.С., Питтс У.* Логическое исчисление идей, относящихся к нервной активности // Автоматы / под ред. К.Э. Шеннона и Дж. Маккарти. М. : ИЛ, 1956. С. 362–384.
- [3] *Churchland P.S.* Neurophilosophy: Toward a Unified Science of the Mind-Brain. Cambridge, Massachusetts : The MIT Press, 1986. DOI: 10.7551/mitpress/4952.001.0001
- [4] *Фодор Дж., Пилишин З.* Коннекционизм и когнитивная структура: критический обзор // Язык и интеллект / пер. с англ. и нем., под ред. В.В. Петрова. М. : Прогресс, 1995. С. 230–313.
- [5] *Mccormick M.* Questions about functionalism in Kant's philosophy of mind: lessons for cognitive science // Journal of Experimental & Theoretical Artificial Intelligence. 2003. Vol. 15. No. 2. P. 255–266. DOI: 10.1080/0952813021000055180
- [6] *Брюшинкин В.Н.* «Критика чистого разума» и способы построения интеллектуальных систем // Кантовский сборник. 1989. Т. 1. № 14. С. 72–81. EDN: YUQZLF
- [7] *Брюшинкин В.Н.* Кант и «искусственный интеллект»: модели мира // Кантовский сборник. 1990. Т. 1. № 15. С. 80–89. EDN: YUQZSD
- [8] *Kant and Artificial Intelligence* / edited by H. Kim, D. Schönecker. Berlin/Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2022.
- [9] *Friedman M.* Kant and the exact sciences. Cambridge : Harvard University Press, 1992.
- [10] *Фридман М.* Философия на перепутье: Карнап, Кассирер и Хайдеггер. М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2021.

- [11] *Evans R.* The Apperception Engine // *Kant and Artificial Intelligence* / edited by H. Kim, D. Schönecker. Berlin/Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2022. P. 39–103. DOI: 10.1515/9783110706611-002
- [12] *Беттони М.* Кант и кризис программного обеспечения. Предложения по построению программных систем, ориентированных на человека // *Кантовский сборник*. 1995. Т. 1. № 19. С. 131–137. EDN: WBASGL
- [13] *Schlicht T.* Minds, Brains, and Deep Learning: The Development of Cognitive Science Through the Lens of Kant’s Approach to Cognition // *Kant and Artificial Intelligence* / edited by H. Kim, D. Schönecker. Berlin/Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2022. P. 3–38. DOI: 10.1515/9783110706611-001
- [14] *Mitchell M.* Artificial Intelligence. A guide for thinking humans. London : Penguin, 2020.
- [15] *Gärdenfors P.* Symbolic, Conceptual and Subconceptual Representations // *Human and Machine Perception: Information Fusion*. New York : Springer, 1997. P. 255–270. DOI: 10.1007/978-1-4615-5965-8_18
- [16] *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. Критика чистого разума: в 2 частях. Ч. 2 / под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. М. : Наука, 2006.
- [17] *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. 4. Критика способности суждения / под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой М. : Наука, 2001.
- [18] *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. Критика чистого разума: в 2 частях. Ч. 1 / под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. М. : Наука, 2006.
- [19] *Evans R., Bošnjak M., Buesing L., Ellis K., Pfau D., Kohli P., Sergot M.* Making sense of raw input // *Artificial Intelligence*. 2021. Vol. 299. Article 103521. DOI: 10.1016/j.artint.2021.103521 EDN: GOBEQM
- [20] *Pearl J.* The book of Why. The new science of cause and effect. London : Penguin, 2018.
- [21] *Брюшинкин В.Н.* Кант и искусственный интеллект: трансцендентальный анализ моделей мира // *Кантовский сборник*. 1991. Т. 1. № 16. С. 84–89. EDN: YUQZYS
- [22] *Powers T.M.* Prospects for a Kantian Machine // *IEEE Intelligent Systems*. 2006. Vol. 21. No. 4. P. 46–51. DOI: 10.1109/MIS.2006.77

References

- [1] Russell S, Norvig P. *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. 4th ed. Edinburgh: Pearson Education Limited; 2022.
- [2] McCulloch WS, Pitts W. A logical calculus of the ideas immanent in nervous activity. In: Shannon CE, McCarthy J, editors. *Avtomaty*. Moscow: Inostrannaya literatura publ.; 1956. (In Russian).
- [3] Churchland PS. *Neurophilosophy: Toward a Unified Science of the Mind-Brain*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press; 1986. DOI: 10.7551/mitpress/4952.001.0001
- [4] Fodor Dzh, Pylyshyn Z. Connectionism and cognitive architecture: A critical analysis. In: Petrov VV, editor. *Language and Intelligence*. Moscow: Progress publ.; 1995. P. 230–313. (In Russian).
- [5] *Mccormick M.* Questions about functionalism in Kant’s philosophy of mind: lessons for cognitive science. *Journal of Experimental & Theoretical Artificial Intelligence*. 2003;15(2):255–266. DOI: 10.1080/0952813021000055180
- [6] Bryushinkin VN. “Critique of Pure Reason” and Methods of Building Intelligent Systems. *Kantian Journal*. 1989;1(14):72–81. (In Russian). EDN: YUQZLF
- [7] Bryushinkin VN. Kant and “artificial intelligence”: models of the world. *Kantian Journal*. 1990;1(15):80–89. (In Russian). EDN: YUQZSD
- [8] Kim H, Schönecker D, editors. *Kant and Artificial Intelligence*. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH; 2022.

- [9] Friedman M. *Kant and the exact sciences*. Cambridge: Harvard University Press; 1992.
- [10] Friedman M. *A Parting of the Way: Carnap, Cassirer and Heidegger*. Moscow: Kanon+ publ.; 2021. (In Russian).
- [11] Evans R. The Apperception Engine. In: Kim H, Schönecker D, editors. *Kant and Artificial Intelligence*. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH; 2022. P. 39–103. DOI: 10.1515/9783110706611-002
- [12] Bettoni M. Kant and the Software Crisis: Proposals for Building Human-Centric Software Systems. *Kantian Journal*. 1995;1(19):131–137. (In Russian). EDN: WBASGL
- [13] Schlicht T. Minds, Brains, and Deep Learning: The Development of Cognitive Science Through the Lens of Kant’s Approach to Cognition. In: Kim H, Schönecker D, editors. *Kant and Artificial Intelligence*. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH; 2022. P. 3–38. DOI: 10.1515/9783110706611-001
- [14] Mitchell M. *Artificial Intelligence. A guide for thinking humans*. London: Penguin; 2020.
- [15] Gärdenfors P. Symbolic, Conceptual and Subconceptual Representations. In: *Human and Machine Perception: Information Fusion*. New York: Springer; 1997. P. 255–270. DOI: 10.1007/978-1-4615-5965-8_18
- [16] Kant I. *Works in German and Russian. Vol. 2. Critique of Pure Reason: in 2 parts. Pt. 2*. Moscow: Nauka publ.; 2006.
- [17] Kant I. *Works in German and Russian. Vol. 4. Critique of the Power of Judgment*. Moscow: Nauka publ.; 2001.
- [18] Kant I. *Works in German and Russian. Vol. 2. Critique of Pure Reason: in 2 parts. Pt. 1*. Moscow: Nauka publ.; 2006.
- [19] Evans R, Bošnjak M, Buesing L, Ellis K, Pfau D, Kohli P, et al. Making sense of raw input. *Artificial Intelligence*. 2021;299:103521. DOI: 10.1016/j.artint.2021.103521 EDN: GOBEQM
- [20] Pearl J. *The book of Why. The new science of cause and effect*. London: Penguin; 2018.
- [21] Bryushinkin VN. Kant and Artificial Intelligence: A Transcendental Analysis of World Models. *Kantian Journal*. 1991;1(16):84–89. (In Russian). EDN: YUQZYS
- [22] Powers TM. Prospects for a Kantian Machine. *IEEE Intelligent Systems*. 2006;21(4):46–51. DOI: 10.1109/MIS.2006.77

Сведения об авторе:

Пушкарский Анатолий Геннадьевич – аналитик Академии Кантиана Высшей школы философии, истории и общественных наук, Образовательно-научный кластер «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (БФУ им. И. Канта), Российская Федерация, Калининград, ул. А. Невского, д. 14. ORCID: 0000-0001-6161-3941. SPIN-код: 6885-2093. E-mail: pushcarskiy@mail.ru

About the author:

Pushkarsky Anatoly G. –Analyst at the Academia Kantiana of the Higher School of Philosophy, History and Social Sciences, Institute of Education and The Humanities Cluster “Institute of Education and Humanities”, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), 14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6161-3941. SPIN-code: 6885-2093. E-mail: pushcarskiy@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-491-503>

EDN: TSSSZD

Research Article / Научная статья

Contingency in Philosophical Anthropological Knowledge

Nargiz H. Medzhidova

Baku State University, Baku, Azerbaijan

 nmajidova@bsu.edu.az

Abstract. The study of contingency within a philosophical-anthropological framework is increasingly relevant due to contemporary societal and scientific advancements, particularly in digital technology and artificial intelligence. This research examines the phenomenon of contingency as perceived and interpreted through philosophical-anthropological thought, focusing on its role and significance in human self-understanding and development. The study employs various research methods, including phenomenological, hermeneutic, and comparative analyses of philosophical traditions. Drawing on historical and contemporary works by Western and Eastern philosophers, such as J.P. Sartre, N. Kitarō, and Q. Meillassoux, the research explores how contingency relates to key concepts like subjectivity, identity, and the human relationship with time and space. The findings suggest that human identity and culture are not static but evolve through the influence of new knowledge and experiences, emphasizing the importance of flexibility and adaptability. Contingency, characterized by randomness and the absence of logical necessity, contrasts with determinism and necessity, highlighting the potential for continuous growth and transformation in personal and cultural contexts. Contingency can be defined as the necessity of realizing one of several possibilities. This underscores the need for a dynamic understanding of human self-realization and identity in the 21st century.

Keywords: randomness, necessity, possibility, reality, unforeseen circumstances

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history:

The article was submitted on 05.12.2024

The article was accepted on 06.03.2025

For citation: Medzhidova NH. Contingency in Philosophical Anthropological Knowledge. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):491–503. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-491-503>

© Medzhidova N.H., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Контингентность в философско-антропологическом познании

Н.Г. Меджидова

Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

 nmajidova@bsu.edu.az

Аннотация. Исследование контингентности в рамках философско-антропологической парадигмы приобретает все большую актуальность благодаря современным общественным и научным достижениям, особенно в области цифровых технологий и искусственного интеллекта. Данное исследование рассматривает феномен контингентности через призму философско-антропологической мысли, акцентируя внимание на его роли и значении в понимании человеком самого себя и в его развитии. В работе применяются различные методы исследования, включая феноменологический, герменевтический и сравнительный анализ философских традиций. Опираясь на исторические и современные труды западных и восточных философов, таких как Ж.-П. Сартр, Н. Китаро и К. Мейясу, исследуется соотношение контингентности с ключевыми концепциями, такими как субъективность, идентичность и человеческие взаимоотношения во времени и пространстве. Результаты показывают, что человеческая идентичность и культура не являются статичными, но развиваются под влиянием новых знаний и опыта, подчеркивая важность гибкости и адаптируемости. Контингентность, характеризующаяся случайностью и отсутствием логической необходимости, противопоставляется детерминизму и необходимости, что подчеркивает возможность постоянного роста и трансформации в личностном и культурном контексте. Контингентность может быть определена как необходимость реализации одной из нескольких возможностей. Это подчеркивает важность динамичного понимания самореализации и идентичности человека в XXI веке.

Ключевые слова: случайность, необходимость, возможность, реальность, непредвиденные обстоятельства

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила 05.12.2024

Статья принята к публикации 06.03.2025

Для цитирования: Medzhidova N.H. Contingency in Philosophical Anthropological Knowledge // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 491–503. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-491-503>

Introduction

Modern trends in the development of society and science determine the relevance of studying contingency in the context of a philosophical-anthropological approach. For humanity, positioned in a world of digital technologies and artificial intelligence, this topic becomes increasingly significant due to the need to understand what it means to be human and our place in this world. Human perceptions of contingency are fundamentally changing in contemporary culture. Consequently, there is a need to consider the category of contingency in

philosophical-anthropological cognition. The object of the study is the phenomenon of contingency as an element of reality, perceived and interpreted within the framework of philosophical-anthropological thought. The subject of the study is certain aspects of the perception and interpretation of contingency in a philosophical-anthropological context. This research aims to define the significance and role of the category of contingency in philosophical-anthropological knowledge. The methods include philosophical-anthropological, logical-philosophical, phenomenological analysis, hermeneutic, and comparative analysis of philosophical traditions. The theoretical foundation is based on a historical review of the works of Western and Eastern philosophers who examine contingency in a philosophical-anthropological context. The analysis includes works by J.P. Sartre and Q. Meillassoux on applying contingency to human experience and existence in the context of choice, freedom, and the meaning of life. The study also explores the connection of contingency with other key concepts of philosophical anthropology, such as subjectivity, identity, and the relationship of humans to time and space.

The genesis of the concept of contingency in European philosophy

Humans steadily advance in their development, overcoming emerging difficulties. At crossroads or when faced with unexpected obstacles, they choose the most convenient direction, sometimes turning right, other times left. Looking back, they see only the most recent segment of their journey. But they discover a dramatically changed landscape behind them when the road leads upward, ascending ever higher. A view opens not only of the path left behind but numerous other roads forming an extensive network stretching to the horizon. Some trails lead in the same direction as theirs, while others veer off. Previously unnoticed paths now appear shorter and more convenient from above. What once seemed like a straightforward route now appears as a complex labyrinth with many unexplored possibilities.

This is also the process of developing the organic world on Earth, full of dead ends, exits, and forks. The evolution of humans and their ancestors is just part of this complex labyrinth. People, accustomed to considering themselves the “crown of creation”, often depict their evolutionary history as a journey along the only possible path to a predetermined outcome. However, it represents a series of choices at each stage of development, where our long path is strewn with numerous rejected alternatives. Only now, with the expansion of our knowledge base, do we begin to understand that the path we have traveled was not the only possible one and many turns on it were determined by random circumstances.

The term “contingency” comes from the Latin word “contingents”, meaning “accidental”, “possible”, but not necessary. In philosophy, this concept describes events or states that might not have occurred or could be otherwise, unlike events considered inevitable or necessary. Contingency can be defined as the necessity of

realizing one of several possibilities. It should also be noted that translating this term into different languages without losing its core meaning is challenging. In Aristotelian rhetoric, contingency indicates the absence of logical necessity and the absence of organized meaning. Understood as randomness, contingency became equivalent to chaos and unpredictability. In some cases, contingency is considered as unforeseen circumstances. This term has a significant interpretation in connection with the problem of being thanks to metaphysics.

The notion of randomness first arose within ancient religions and ancient art, where randomness was understood as a blind force reigning everywhere, lurking at every step, a natural social element, the power of forces that stand above man and suppress him. As social relations developed and changes in human consciousness occurred during the “Axial Age”, there was an increasing need to explain the source of changes in the environment and the human being himself, the relationship between man and chance, and the possibility of resisting what happens beyond human will.

One of the first thinkers to consider the problem of randomness was Anaxagoras, who believed that randomness results from the interaction of cosmos and chaos. He thought that each new event in the world is ordered through reason, although this did not mean that random events always obey a necessary course of events. Anaxagoras rejected divine providence, asserting that “all human affairs happen by chance”. This understanding of randomness as an original force associated with chaos reflects the movement from random to necessary. Anaxagoras would argue that the formation of the Milky Way, which appears random, results from a chaotic mix of matter ordered by nous (mind or reason) [1].

Following Anaxagoras, Democritus further refines the concept of randomness by introducing atomism. While Anaxagoras sees randomness as an interplay of chaos and reason, Democritus suggests that what appears random is governed by underlying laws. Democritus applied his understanding of atomism and cosmology to develop ideas about necessity and randomness. He uses the metaphor of a “whirlwind” to describe the initial chaotic movement of atoms, which gradually leads to order and the formation of the world. This concept emphasizes that what we may perceive as laws of necessity govern randomness and result from preceding conditions. Democritus asserts that randomness does not exist as an absolute concept independent of the observer. In his philosophy, randomness is more a manifestation of the limits of human knowledge. From a human perspective, certain events may seem random, but they have their causes in the universal laws of nature. This epistemological concept of randomness implies that “randomness” is merely our incomplete interpretation of reality. It may seem random if a person suddenly finds treasure in his garden. However, according to Democritus, this event was the inevitable result of many preceding factors, such as where the treasure was buried and when the person decided to dig [2].

Transitioning to the social and intellectual climate of the fifth century BC, we enter the “Age of Pericles”, when Greece experienced a period of flourishing

democracy. This was a time when the political and cultural life of Athens reached a high level of development. This period also marked a shift from mythological to rational views of the world, leading to the appearance of the Sophists and philosopher-teachers who traveled to cities and offered education for a fee. Protagoras, one of the first and most famous Sophists from Abdera, was famous for saying that “man is the measure of all things”. This statement emphasizes the relativistic approach to knowledge and experience, asserting that truth or reality differs for each person. This radical view challenged traditional notions of absolute truths, previously associated with myths and religion. Protagoras and other Sophists actively developed ideas that moral and ethical norms are not universal and can change depending on circumstances. Thus, they proposed a new view of laws and rules that were often considered given and imposed by divine will [3].

Skepticism and relativistic humanism of the Sophists contributed to the emergence of Socratic philosophy. Socratic philosophy was undoubtedly influenced by the Delphic oracle’s principle of “Know thyself”. This principle emphasized the importance of self-knowledge and self-reflection in achieving actual knowledge. Renowned for his dialectical method, Socrates argued that truth transcends subjective opinion, emerging instead from rigorous dialogue and critical examination of arguments. He saw randomness as an integral part of life, influencing both our knowledge and moral decisions. For Socrates, randomness was not merely an uncontrollable force but an element that could be understood and navigated through reasoned reflection. In his philosophy, randomness, and fate were not uncontrollable forces; he asserted that man could and should strive to understand and possibly manage these aspects of life through reason and moral choice. In one of Plato’s dialogues, Socrates discusses death and the soul’s immortality with Phaedo. Socrates argues that although death is a random event beyond our control, we can prepare for it through philosophical reflection and moral behavior, thereby managing our attitude toward inevitability [4].

Plato, Socrates’ student, expands on his mentor’s ideas in his early dialogues, where topics of randomness and fate are often addressed, giving them a new philosophical dimension. These topics permeate dialogues such as “Phaedo”, “Alcibiades II”, and “Menoxenias”, in which Plato explores how human freedom and choice interact with external forces and circumstances. These dialogues illustrate the ancient Greek view of the duality between fate and freedom, randomness and control. They emphasize that although certain aspects of life may be predetermined or beyond control, the human capacity for reflection, moral choice, and action allows for shaping one’s life and destiny. In “Menoxenias”, Plato describes Pericles’ political career. Although external circumstances, such as wars and political instability, were beyond his control, his personal decisions and moral qualities allowed him to become an outstanding leader [5].

Continuing this line of thought, Aristotle developed his unique concept of randomness and necessity, which is difficult to interpret in modern terms of determinism and probability. For Aristotle, randomness (τύχη) and spontaneity

(αὐτοματων) play important roles in his system of causality. However, they do not deny the possibility of a certain order or pattern in the world. Random and spontaneous events, in his view, occur not because they have no cause, but because their causes do not carry an intentional or purposeful character. Such events may arise due to coincidences of circumstances or actions not intended to achieve a specific result. This vision does not exclude determinism but suggests that some events happen without a specific purpose or intention, and these events can influence the course of events just as significantly as actions taken with a specific purpose [6].

In medieval European philosophy, which inherits and reinterprets the ideas of ancient thinkers, chance is considered in the context of addressing the problem of human life's predestination and free will. Ultimately, some thinkers view free will as a variant of divine predestination (St. Augustine). Augustine believed that while God predetermines everything that happens in the world, people still have the freedom to choose how to act within this predestination. For instance, a person can choose between good and evil, even though their fate is already known to God.

Machiavelli, a figure often associated with pragmatic and harsh realism in politics, also delves deeply into philosophical reflections on the nature of existence and the role of chance in history and human society. His views on chance and its interaction with necessity and human freedom are revealed in various works, including "Discourses on Livy". Epicurus's ideas on chance and free will may have influenced Machiavelli, particularly in the context of his understanding of temporal uncertainty as the basis for human freedom. Machiavelli held that studying history provides the key to understanding the present, as human nature remains constant through time. However, this understanding of "constancy" is problematized by his acknowledgment that the circumstances causing historical events are complex and variable. This vision emphasizes that historical development is not linear or predictable but rather the result of a complex interaction between human actions and random events. Linking cultural changes to random natural phenomena, Machiavelli highlights that external forces can radically transform, destroy, or create new forms of social organization [7].

Machiavelli also underscores that there is potential for human freedom in conditions of uncertainty and change. Regardless of the significance of chance, a person can always strive for conscious choice and action, using their knowledge and experience to navigate a constantly changing world. In his book "The Prince", Machiavelli advises the ruler to be flexible and adaptive to deal with unforeseen circumstances such as war or betrayal by allies. He emphasizes that a successful ruler must know how to maximize chances.

In the Modern era, classical determinism, which rejects the notion of chance in the objective world, has become prevalent in science and philosophy. Baruch Spinoza, a key figure in this school of thought, argues that what we perceive as "possibility" or "randomness" are just limitations of our understanding. He believes that everything in the world is subject to absolute logical necessity, denying the

existence of free will in the spiritual realm and chance in the physical world. Spinoza also equates chance with causelessness, believing that all events are predestined and could not happen otherwise. These views are rooted in the medieval tradition, where God is seen as the cause of causes, free from chance and the flaws of knowledge. However, modern science and philosophy are also characterized by mechanistic determinism, where necessity is equated with causality. This is evident in the deistic world of Isaac Newton, envisioned as a clock created by God and functioning according to the laws of mechanics and mathematics without further divine intervention.

Francis Bacon, in turn, promotes the independence of objective reality from divine intervention, favoring the Democritean concept that the causes of individual phenomena lie in the necessity inherent in matter itself, without recourse to final causes. In the Modern era, alongside classical determinism, epistemological constructivism begins to develop, offering another perspective on the concept of chance. English philosophers such as John Locke, George Berkeley, and David Hume laid the foundations of this direction. Their ideas were further developed in the works of Immanuel Kant, whose epistemology was characterized by American philosopher Tom Rockmore as a “Copernican revolution”. Kant shifts the focus from the objective world to the subject of cognition, emphasizing that our consciousness constructs our understanding of the world.

In the mid-19th century, with the development of statistical physics, the understanding of chance as an ontological category associated with probability began to take shape. The theory of probabilities started to develop actively, studying how the degree of randomness influences events. This led to the formation of the probabilistic paradigm in science, particularly in physics, where it became clear that precise predictions about the future of a system are impossible due to random deviations. The emergence of quantum mechanics in the early 20th century demonstrated the importance of randomness in science. Heisenberg’s uncertainty principle showed that at the subatomic level, it is impossible to simultaneously predict a particle’s exact position and momentum, introducing an element of chance into physical processes.

The anthropological turn in philosophy, initiated by Socrates and continued by Kant, received new development in the 20th century thanks to the works of Max Scheler and his colleagues, who laid the foundations for philosophical anthropology as a distinct scientific-philosophical school. This period was marked by deep reflections on human nature, its boundaries and possibilities, self-realization, and self-identity. Two main problems are at the forefront of anthropological contemplation: the first is related to human awareness of the possibility of their own “non-being”, the loss of their nature, and the understanding of the boundaries of existence; the second is the revaluation of values, alienation from one’s own “self”, and the search for new forms of self-identity in conditions where traditional ways of existence no longer seem possible. These ideas reflect a profound reassessment of how a person can and should exist in the context of their creative possibilities and social roles.

Max Scheler's philosophical anthropology highlights contingency as a key element in understanding humans and their place in the world. Scheler views contingency as a fundamental characteristic of being important for human nature and philosophy. According to Scheler, the contingent, or random, is necessary for a complete awareness of a person's essence and the essence of the surrounding world.

In the context of Scheler's philosophy, a person must "discover" contingency as a fact of their existence. This awareness leads to an understanding of one's uniqueness and the "fortunate accident" of one's existence, which becomes the starting point for self-fulfillment and a deep understanding of the world and God. Scheler believes that such an approach allows a person to embrace being in its dynamic development and becoming and to reconcile with the world as history, making philosophical anthropology more adequate for understanding human nature compared to traditional metaphysics or religious anthropology.

Scheler also emphasizes that traditional metaphysics and 20th-century neo-Thomism give significant interpretation to contingency in the context of the general problem of being, especially concerning the principle of causality. Contingency is associated with finitude, temporality, and the "otherness" of being, which delineates the boundaries between absolute being and human being. This connection highlights that everything finite and existing in time is contingent, appearing and disappearing, reminding us of the mortality and limitations of human nature. Thus, contingency plays a central role in forming the philosophical understanding of humans in the context of their relationships with the world and themselves.

Imagine a person randomly choosing an unfamiliar book in a library and finding ideas within it that completely change their worldview and life goals. This event can be considered random, but it profoundly impacts the person's understanding of their essence and place in the world. This illustrates how contingency, while seemingly trivial, can lead to significant transformations in personal development and self-perception [8].

The problem of contingency should also be considered in the context of Japanese philosophy, specifically within the Kyoto School. This period was marked by deep reflections on human nature, its boundaries and possibilities, self-realization, and self-identity. Anthropological contemplation focuses on two main issues: the first is related to the human awareness of the possibility of their own 'non-being,' the loss of their nature, and the understanding of the boundaries of existence; the second is the revaluation of values, alienation from one's own 'self,' and the search for new forms of self-identity in conditions where traditional ways of existence no longer seem possible.

The problem of contingency in Eastern philosophical thought

The transformation of philosophical thought in Japan expressed through directions like the Kyoto School, reflects a transition from traditional approaches

to more dynamic and interdisciplinary methods. An example of such change is the work of Kuki Shūzō, especially in his “The Problem of Contingency”, where he combines European continental philosophy with Japanese intellectual traditions. Unlike other representatives of the Kyoto School, such as Nishida Kitarō and Tanabe Hajime, who focused on metaphysical questions through Japanese philosophy or the critique of Western philosophy, Kuki applied a broader spectrum of cultural and philosophical resources, offering a comprehensive view of change and its impact on metaphysics.

He accepts metaphysics but suggests rethinking it, considering human experience and the uncertainty of existence. Kuki uses the concept of unforeseen circumstances not merely as a topic for research but as a tool for rethinking philosophical practice, challenging traditional metaphysical dichotomies such as necessity and chance. Kuki’s approach implies that philosophy should not create order out of chaos but rather understand and articulate the order naturally arising from the chaotic nature of life. This approach expands the possibilities of metaphysics, calling for a more open and dynamic understanding of human freedom, moral responsibility, and the nature of knowledge. Kuki proposes a philosophy that dynamically interacts with the world, making it particularly relevant for understanding the constantly changing realities of life [9].

Continuing the theme of chance and its role in philosophy, it is worth mentioning the philosophical anthropology of Miki Kiyoshi, which offers a deep analysis of human nature and actions, enriching contemporary philosophical thinking with new ideas and perspectives. Miki Kiyoshi’s research in philosophical anthropology is a significant contribution to understanding human essence and actions in the context of the Kantian tradition and the author’s original views. Kiyoshi’s work emphasizes the concepts of singularity, chance, and poesies, which are key to understanding his approach to anthropology.

Kiyoshi defines the singularity of an event through the binary states of *ex ante facto* (before the event) and *ex post facto* (after the event). This division helps us understand how events can be perceived and evaluated differently before and after they occur. For example, in the context of philosophical reflection, an event may seem random and unpredictable before it happens, but it acquires meaning and explanation in retrospect. The randomness in Kiyoshi’s anthropology is emphasized through the idea of the absence of a sufficient basis within the event itself. This reflects a philosophical tradition in which human actions are seen as events not entirely determined by preceding causes, adding an element of unpredictability and freedom to human activity. Action, according to Kiyoshi, is poesies rather than praxis. This distinction is crucial: poesies mean creative production, not reducible to prior historical will or direct causal relationships. Unlike praxis, which is more related to practical, goal-oriented actions, poesies imply creating something new, unique, and unforeseen.

Kiyoshi’s ideas on singularity and chance have significant ethical implications, especially in the context of contemporary debates on human cloning and global

crises. Viewing actions through the lens of poesies highlights their unpredictability and uniqueness, which can contribute to a new understanding of ethical responsibility in the age of technology and global changes. Moving toward Western philosophers, the prominent existentialist philosopher Jean-Paul Sartre delves into the nature of human existence, emphasizing the concept of contingency. According to Sartre, human existence is essentially accidental, meaning no predetermination or external forces determine individuals' fates. People are free and responsible for creating their essence through choices and actions. The acute sense of the underlying randomness of the world is key to Sartre's version of existentialism and his creative vision as a novelist and playwright. This sense also fundamentally shaped Sartre's view on the meaning of life [10].

What does contingency mean in this context? Traditionally, in philosophy and the theology of monotheistic religions, chance is opposed to necessity, implying that the world's existence depends on God. However, in Sartre's atheistic existentialism, God is excluded from the equation, and with Him disappears necessity. As a result, only the randomness of a world unsupported by anything and without necessity remains. In such a world, human life can seem meaningless and devoid of logic, structure, or purpose. Unlike the world represented in art, here there is no conclusion or "happy ending". This radical view of contingency leads to a radical understanding of the writer's mission.

Although many researchers turn to "Being and Nothingness" as an introduction to existentialism, many of Sartre's ideas first manifested in his 1938 novel "Nausea". Written after the Spanish Civil War and before World War II, the novel touches on themes of angst and despair, anticipating the horrors of the twentieth century. Sartre uses the novel to show the absurdity of the existence of objects and people. "Nausea" became a symbol of existential dread and is one of Sartre's finest works. The novel explores the absurdity of the world, its randomness, and superfluity. Everything familiar and normal appears absurd.

The novel's protagonist, Antoine Roquentin, is horrified by the existence of both objects and him, realizing that existence is random and has neither cause nor purpose. This leads him to the conviction that human existence is entirely accidental. Sartre uses this idea to criticize traditional philosophy, which asserts that human existence is a central aspect of rational reality. Charles Darwin's theory of natural selection, asserting that human evolution is not essential, paradoxically confirms Sartre's conclusions. Roquentin's realization of the contingency of existence is a key moment in his understanding of the purposelessness that constitutes being. Sartre's existentialism emphasizes the absence of inherent meaning or purpose in life, highlighting humans' need to create their values in response to the absurdity of existence [11].

Contingency is the necessity of realizing a possibility

The philosophical movement of New Realism, emphasizing the primacy of ontology, critiques anthropocentrism and humanism in contemporary philosophy.

However, this does not exclude the interest of philosophers in this trend in questions of human reality and essence. For example, representatives of so-called flat ontology, including Levi Bryant, Graham Harman, Manuel DeLanda, and Bruno Latour, do not see significant differences between humans and other entities. At the same time, Quentin Meillassoux, acknowledging the critique of anthropocentrism, proposes a concept of the uniqueness of human beings and does not deprive humans of “privileged access to reality”, which draws disapproval among speculative realists and new materialists. They strive to ontologically equalize humans with animals, ghosts, and inanimate objects. Meillassoux, however, asserts that humans can comprehend the eternal truth of the world and recognizes the Kantian correlation between the observer and the world as a factual rather than necessary reality.

In his 1997 dissertation “Divine Inexistence: An Essay on the Virtual God”, Meillassoux reflects on the possibility of discussing God beyond the traditional theological-metaphysical discourse. He develops “speculative materialism”, his ontology of contingency, which he calls “ethical factuality”, and emphasizes the capacity of the human mind to understand the world while rejecting correlations and subjectivism along with metaphysical assumptions of necessity. Meillassoux challenges the dominance of the principle of sufficient reason and causality, arguing that existence is contingent and that this contingency is the fundamental property of being [12].

Meillassoux’s approach opens a deeper understanding of human nature. The freedom of our thought process, liberated from preconceived limitations, allows us to embrace the uncertainty of all existence and reveals a world full of possibilities. In a world without absolute constraints, the ideals of justice, equality, freedom, autonomy, truth, and beauty can serve as unquestionable guides for human life and actions. Thinking liberated from metaphysical dogmas allows these ethical ideals not to be mere illusions or human inventions but to be realizable in our world. Faith, hope, and the capacity to expect the unforeseen, the “possible impossible”, form the basis that gives meaning to our freedom and defines the highest spirituality of humans.

Conclusion

Contingency, as a concept, implies that our understanding of ourselves and our place in the world is not fixed. This means that our self-determination and perception of surrounding reality can change under the influence of new knowledge and experience. When we encounter new facts or situations, our point of view and self-identification can adapt, reflecting these changes. Human identity is a process that is constantly evolving and transforming. Culture, in turn, does not remain static; it is shaped and reinterpreted in response to new circumstances and discoveries.

Contingency also plays a key role in our personal development. When we are open to new knowledge and experiences, we broaden our horizons and deepen our

understanding of ourselves and the world. This contributes to our growth as individuals and helps us adapt to changing conditions. In this context, contingency becomes a driving force for our self-improvement and development. Thus, contingency underscores the importance of flexibility and adaptability in our perception of the world and ourselves. It reminds us that nothing is final and that our beliefs and identity can change along with our understanding and experience. This opens possibilities for continuous growth and transformation on both personal and cultural levels.

Through analyzing the role and anthropological significance of contingency in the structure of contemporary philosophical knowledge, it has been established that contingency is a key element in forming human selfhood, serving as the foundation for individual activity in various aspects of existence and thought. Contingency, as a concept, emphasizes the possibility of various outcomes of events and the importance of random circumstances in human life, contrasting with ideas of necessity and determinism. This allows us to view human identity as a process that is constantly evolving and transforming under the influence of new knowledge and experiences. Contingency promotes flexibility and adaptability in our perception of the world and ourselves, opening possibilities for continuous growth and transformation. Thus, contingency occupies a unique place alongside the categories of necessity, possibility, and actuality, which is especially important for addressing the problems of self-realization and self-identification in the 21st century.

References

- [1] Curd P. Anaxagoras. In: Zalta EN, editor. *The Stanford Encyclopaedia of Philosophy*. Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/anaxagoras> (accessed: 11.11.2019).
- [2] Berryman S. Democritus. In: Zalta EN, Nodelman U, editors. *The Stanford Encyclopaedia of Philosophy*. Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/democritus> (accessed: 07.06.2023).
- [3] Bonazzi M. Protagoras. In: Zalta EN, Nodelman U, editors. *The Stanford Encyclopaedia of Philosophy*. Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2023/entries/protogoras> (accessed: 08.09.2020).
- [4] Nails D, Monson S. Socrates. In: Zalta EN, Nodelman U, editors. *The Stanford Encyclopaedia of Philosophy*. Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2022/entries/socrates> (accessed: 11.11.2019).
- [5] Kraut R. Plato. In: Zalta EN, Nodelman U, editors. *The Stanford Encyclopaedia of Philosophy*. Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2022/entries/plato> (accessed: 12.02.2022).
- [6] Shields C. Aristotle. In: Zalta EN, Nodelman U, editors. *The Stanford Encyclopaedia of Philosophy*. Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/aristotle> (accessed: 25.08.2020).
- [7] Holman C. Gli Umori Delle Parti: Humoral Dynamics and Democratic Potential in the Florentine Histories. *Political Theory*. 2020;48(6):723–750. DOI: 10.1177/0090591720914410 EDN: QXRGHJ

- [8] Zachary D, Steinbock A. Max Scheler. In: Zalta EN, Nodelman U, editors. *The Stanford Encyclopaedia of Philosophy*. Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2024/entries/scheler> (accessed: 09.06.2024).
- [9] Botz-Bornstein T. Contingency and the Time of the Dream: Kuki Shūzō and French Prewar Philosophy. *Philosophy East and West*. 2000;50(4):481–506. DOI: 10.1353/pew.2000.0003
- [10] Odagiri T. Miki's Ethics of Singularity. *Philosophy East and West*. 2023;73(2):345–368. DOI: 10.1353/pew.2023.a898072 EDN: IFSXWJ
- [11] Bendle M. Jean-Paul Sartre and the meaning of life. Available from: <https://quadrant.org.au/magazine/2023/10/jean-paul-sartre-and-the-meaning-of-life/> (accessed: 05.11.2023).
- [12] Meillassoux Q. *L'Inexistence divine*. Paris: Université de Paris; 1996.

About the author:

Medzhidova Nargiz H. – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Faculty of Psychology and Social Sciences, Baku State University, 23 Z. Xalilov St., Baku, AZ1148, Azerbaijan. ORCID: 0000-0002-3404-3493. SPIN-code: 2619-8826. E-mail: nmajidova@bsu.edu.az

Сведения об авторе:

Меджидова Наргиз Гамидовна – доктор философии по философии, доцент кафедры философии, факультет социальных наук и психологии, Бакинский государственный университет, Азербайджан, AZ1148, Баку, ул. З. Халилова, д. 23. ORCID: 0000-0002-3404-3493. SPIN-код: 2619-8826. E-mail: nmajidova@bsu.edu.az

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-504-519>

EDN: UIXLYQ

Научная статья / Research Article

Свобода как философская проблема

Н.С. Кирабаев , А.В. Хрячков

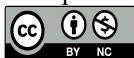
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

 kirabaev_ns@pfur.ru

Аннотация. В исследовании свобода рассматривается как философская проблема. Философское понимание свободы позволяет рассматривать ее как умозрительную идею или идеальную конструкцию, лежащую в основе ее многочисленных проявлений, так и жизненную практику в рамках социальной и духовной жизни, в том числе политики, религии и культуры. Представляется, что сущность свободы нельзя понимать, как простую механическую совокупность различных и не всегда связанных, разрозненных идей, точек зрения, учений. Важно иметь в виду, что множественные и различные смыслы свободы, как правило, взаимосвязаны. Вопрос о природе свободы есть вопрос о ее философском понимании. Отмечается, что свобода как философская проблема есть не только особая ценность, духовное качество, внутренняя необходимость, экзистенциальное состояние, но и концепт, который лежит в основе ее исторического и метафизического понимания. При этом отмечается, что природа человеческой свободы воли отражает как внутреннее духовное состояние человека, так, и реакцию на влияние внешних факторов. Свобода как ценность, ради которой люди идут на смерть, олицетворяет самые высокие достоинства человека, то есть свобода оказывается целью человеческого развития. Философские основания свободы как внутренней необходимости «во имя свободы» предполагают, как рефлексию «ответственности» за свободу, так и понимание ее как особой духовной ценности. В основе исторической практики понимания свободы лежали поиски ее природы в ситуациях выбора как преодоления необходимости, с одной стороны, так и преодоления принуждения, с другой. Кроме того, важно было понимание свободы как обретение независимости и преодоление несвободы. Поэтому особое значение имели гражданские свободы и права человека, а также как системы управления по развитию, сохранения индивидуальных свобод и обеспечения благополучия общества в рамках сложного взаимодействия между индивидуальными правами и групповыми общественными интересами. Социальные аспекты свободы проясняют роль культурных представлений в поощрении или препятствовании индивидуальной автономии. Отмечаются этические связи между свободой и концепциями морали. Рассматривается взаимодействие между моральными обязательствами, нормами общества и индивидуальным поведением в рассуждениях об этических последствиях свободы.

Ключевые слова: необходимость, принуждение, независимость, философия, политика, религия, культурные и этические нормы, самосознание, экзистенциальное состояние, творчество

© Кирабаев Н.С., Хрячков А.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Все авторы внесли равный вклад в разработку концепции, подготовку и написание рукописи.

История статьи:

Статья поступила 19.12.2024

Статья принята к публикации 10.03.2025

Для цитирования: *Кибаев Н.С., Хрячков А.* Свобода как философская проблема // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 504–519. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-504-519>

Freedom as a Philosophical Problem

Nur S. Kirabaev^{ID}✉, Alexander V. Khryachkov^{ID}

RUDN University, Moscow, Russia

✉kirabaev_ns@pfur.ru

Abstract. The research examines freedom as a philosophical problem. The philosophical understanding of freedom allows us to consider it as a speculative idea or an ideal construction underlying its numerous manifestations, as well as a life practice within the framework of social and spiritual life, including politics, religion and culture. It seems that the essence of freedom cannot be understood as a simple mechanical set of various and not always related, disparate ideas, points of view, teachings. It is important to keep in mind that multiple and different meanings of freedom are usually interconnected. The question of the nature of freedom is a question of its philosophical understanding. It is noted that freedom as a philosophical problem is not only a special value, spiritual quality, internal necessity, existential state, but also a concept that underlies its historical and metaphysical understanding. It is noted that the nature of human free will reflects both the internal spiritual state of a person and the reaction to the influence of external factors. Freedom as a value for which people go to death, personifies the highest human virtues, that is, freedom turns out to be the goal of human development. The philosophical foundations of freedom as an internal necessity “in the name of freedom” presuppose both a reflection of “responsibility” for freedom and an understanding of it as a special spiritual value. The historical practice of understanding freedom was based on the search for its nature in situations of choice of both overcoming necessity, on the one hand, and overcoming coercion, on the other. In addition, it was important to understand freedom as gaining independence and overcoming unfreedom. Therefore, civil liberties and human rights were of particular importance, as well as systems of governance for development, preserving individual freedoms and ensuring the well-being of society within the framework of a complex interaction between individual rights and group public interests. Social aspects of freedom clarify the role of cultural ideas in encouraging or hindering individual autonomy. Ethical connections between freedom and concepts of morality are noted. The interaction between moral obligations, social norms and individual behavior is considered in reasoning about the ethical consequences of freedom.

Keywords: necessity, coercion, independence, philosophy, politics, religion, cultural and ethical norms, self-awareness, existential state, creativity

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Contribution of authors. All the authors contributed equally to the conception, preparation and writing of the manuscript.

Article history:

The article was submitted on 19.12.2024

The article was accepted on 10.03.2025

For citation: Kirabaev NS, Khryachkov AV. Freedom as a Philosophical Problem. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):504–519. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-504-519>

Введение

Проблема свободы является одной из немногих вечных тем философии наряду с идеей смысла жизни или вопроса о жизни и смерти. Идея свободы – это не просто концепция в области философии, это фундаментальная идея, повлиявшая на множество различных философских теорий на протяжении всей истории человечества. Ее большая близость к универсальному человеческому опыту и значительное влияние на развитие философского дискурса обуславливают ее актуальность. В философии идея свободы – одно из самых обсуждаемых и фундаментально важных понятий. Благодаря своей сложности она является не просто понятием, встречающимся в политическом или философском дискурсе; скорее, это фундаментальный компонент экзистенциального состояния человечества. Поскольку свобода по своей сути есть некая «сложная» идея или концепт, то существуют множество различных способов ее понимания: от снятия ограничений до расширения возможностей выбора и способности действовать независимо. Проявление свободы в истории показывает, что «история есть то, что не может быть полностью объяснено исходя только из прошлого» [1. С. 108]. Актуализация проблемы свободы связана с тем, что она имеет множество измерений, является предметом критического и постоянного обсуждения во многих научных областях, что приводит к интенсивным научным дебатам о природе свободы и ее последствиях для человеческого общества. Философское понимание свободы как экзистенциального состояния человека лежит в основе понимания свободы как основы человеческого существования, которая тесно связана с социокультурной и интеллектуальной динамикой социального развития человеческой цивилизации. Исторически свобода рассматривалась в двух направлениях: как отсутствие необходимости (свобода воли, выбора) или отсутствие принуждения (свобода духа), а также как преодоление этой самой необходимости или принуждения в контексте мировосприятия и мироощущения человека в рамках античного космоцентризма, средневекового теоцентризма, антропоцентризма в эпоху Возрождения, социоцентризма философии Нового времени и полицентризма современной философии.

Понимания свободы в историко-философском дискурсе. В поисках природы свободы

Платон и Аристотель, показали не только связь идеи свободы с демократическими принципами и гражданскими добродетелями античного полиса, но рассматривали свободу как важнейший компонент нравственного и интеллектуального роста. Австрийский историк философии Р. Гвардини в своей знаменитой работе «Смерть Сократа» убедительно показал, что «эта внутренняя независимость от смерти позволяет ему (Сократу – А.Х., Н.К.) даже в эти часы, которые, казалось бы, должны были своим тяжким грузом заполнить все сознание, оставаться открытым для человеческого общения и сохранять *внутреннюю свободу* (курсив наш – Н.К., А.Х.), необходимую для размышления над духовными вопросами» [2. С. 116].

Свобода, как внутреннее состояние, позволяющая контролировать свои желания и эмоции, развивалась и в рамках школы стоиков, особенно в трудах Сенеки и Эпиктета. Сенека, который восхищал современников своей высокой нравственностью, подчеркивал: «Размышляй о смерти!» – Кто говорит так, тот велит нам размышлять о свободе. Кто научился смерти, тот разучился быть рабом. Он выше всякой власти и уж, наверное, вне всякой власти. Что ему тюрьма и стража, и затворы? Выход ему всегда открыт! Есть лишь одна цепь, которая держит нас на привязи, – любовь к жизни. Не нужно стремиться от этого чувства избавиться, но убавить его силу нужно: тогда, если обстоятельства всякой власти. Что ему тюрьма и стража, и затворы? Выход ему всегда открыт! Есть лишь одна цепь, которая держит нас на привязи, – любовь к жизни. Не нужно стремиться от этого чувства избавиться, но убавить его силу нужно: тогда, если обстоятельства потребуют, нас ничего не удержит и не помешает нашей готовности немедленно сделать то, что когда-нибудь все равно придется сделать.» [3. С. 55]. Эпиктет же отмечал: «Свобода – благо, неволя – зло. Но выбор любой из них зависит от нас. То, где свободной воле нет места, не подходит ни под одно из названных понятий. Но дух господствует над плотью и над всем, что принадлежит телу и не имеет свободной воли. Человек со свободной волей не может быть назван рабом» [4. С. 252].

Таким образом, свобода не зависит от внешних обстоятельств, и Эпиктет подчеркивает роль самого человека: «Свободным же ты будешь тогда, когда отрешись от своих страстей. Ведь и Аристиду, Эпаминонду и Ликургу были даны громкие имена «справедливого» – первому из них, «освободителя» – второму и «бога» – третьему, – не за то, что они были богаты и имели рабов, но за то, что, живя в бедности, они даровали Греции свободу» [4. С. 257].

Впрочем, и Аристид, и Ликург стали известны тем, что для них свобода – это справедливость и закон, когда общегосударственные интересы выше личных и групповых. Ликург, добившись от спартанцев клятвы, что они будут сохранять верность новым законам до его возвращения, отправился

в Дельфы к жрице-пророчице Пифии, чтобы принеся богу жертву, задать вопрос: «хороши ли его законы и достаточны ли они для того, чтобы привести город к благоденствию и нравственному совершенству. Бог отвечал, что и законы хороши, и город пребудет на вершине славы, если не изменит Ликургову устройству. Записав прорицание, Ликург отослал его в Спарту, а сам, снова принеся жертву богу и простившись с друзьями и с сыном, решил не освобождать сограждан от их клятвы и для этого добровольно умереть: он достиг возраста, когда можно еще продолжать жизнь, но можно и покинуть ее, тем более что все его замыслы пришли, по-видимому, к счастливому завершению. Он уморил себя голодом, твердо веря, что даже смерть государственного мужа не должна быть бесполезна для государства, что самой кончине его надлежит быть не безвольным подчинением, но нравственным деянием» [5. С. 67–68].

Августин утверждал, что человек обладает свободой выбора между добром и злом, который определяет его моральный и духовный путь. «Если, в самом деле, человек есть некое благо и не может поступать правильно, если не захочет, он должен обладать свободной волей, без которой не может поступать правильно. Но от того, что благодаря ей также совершаются и прегрешения, конечно, не следует полагать, что Бог дал ее для этого. Следовательно, поскольку без нее человек не может жить праведно, это является достаточной причиной, почему она должна быть дарована. А что она дана для этого, можно понять также и из того, что, если кто-либо воспользовался ею для совершения прегрешений, он наказывается свыше» [6. С. 26]. Человек свободен не потому что обладает разумом, а потому что волею своей «возрастает как личность» После грехопадения душа человека настолько изменилась, что возвратиться к ее изначальному состоянию без благодати божьей стало невозможно.

В классической арабо-мусульманской философии пониманию свободы особое место уделялось в каламе. В рамках проблемы теодицеи свобода воли человека рассматривалась как предопределяющая его ответственность за свои поступки [7. С. 95–101]. Так, мутазилиты, ранние представители калама, верили в существование законов морали на основе разума, которым подчиняется даже Бог. Если мы знаем, что Бог карает за совершенное зло, то он не может быть справедлив, наказывая тех, кто лишен возможности принимать самостоятельные решения, а значит у человека должна быть свобода воли. Ал-Ашари, основателя более поздней школы калама, больше заботило сохранение божественного безграничного могущества, неизбежно превосходящего ограниченные возможности человека, поэтому он создал теорию «*касб*» или «*иктисаб*» (приобретение), согласно которой даже если Бог совершает злой поступок, моральную ответственность за него все равно несет человек, который его «приобретает». Можно сказать, что человек «осуществляет» или «исполняет» действие [8. С. 380–384].

В 1257 г. в Болонье был опубликован «Райский акт» или «закон рая», отменявший рабство, который начинался важными для понимания свободы как социального феномена словами: «Рай наслаждения насадил изначально всемогущий господь бог, в каком-то поселил человека, им созданного, чье тело украсил сияющим одеянием, даровав ему вечную и совершеннейшую свободу. Но тот, несчастный, забыв о своем достоинстве и о божественной милости, отведал запретный плод вопреки заповеди господней, чем вовлек самого себя и все свое потомство в сию юдоль печали, и безмерно отравил род человеческий, связав его горестными узами дьявольского рабства; так из нетленного стал он тленным, из бессмертного смертным, подвергшись отчуждению и тягчайшему рабству. Господь же, видя, как погибает весь мир, сжалился над родом человеческим и послал сына своего едиnorodного, рожденного девою-матерью от святого духа, дабы славою доблести своей, разрушив узы рабства, которыми мы были связаны, вернуть нас к исконной свободе; и для того к вящей пользе свершилось, что люди, которых бог изначально сотворил и произвел по природе свободными, а право народов подвергло игу рабства, благодеянием освобождения вернулись к той, в коей рождены были, свободе»¹. Этот акт зафиксировал отмену крепостного права в болонских владениях, а с 1300 до 1500 гг. продолжался расцвет Болоньи, ставшей независимым городом-государством.

Переосмысление понятия свободы в эпоху Ренессанса было связано с новым пониманием роли человека, человеческой индивидуальности, символизирующей трансформацию власти и авторитета от духовенства и божественного к самоопределению и духовному самосовершенствованию человека. Именно в рамках ренессанса, начавшееся в Европе в XIV в., человек был поставлен в центр внимания. Ренессанс продвигал идею, что человек обладает внутренней разумной способностью к творчеству, способностью самостоятельно размышлять и принимать решения на основе нравственных ценностей, что подчеркивалось развитием таких концепций, как свобода воли и личная ответственность. Эти идеи находят отражение в современных дискуссиях о свободе, в частности, в документе «Миссия православной церкви в современном мире», принятом Святым и Великим Собором Православной Церкви в 2016 г. [9. С. 80–81].

В контексте православных социальных доктрин свобода часто рассматривается как способность к самоопределению в рамках моральных и этических границ, установленных церковными учениями. Подобно ренессансному переосмыслению, современные теологические интерпретации свободы в православии подчеркивают важность личной ответственности и возможность духовного совершенствования через свободный выбор блага в противовес злу. Такой подход отражает трансформацию понятия свободы от абсолютной предопределенности к более динамичному и открытому пониманию, где

¹ Райский акт «Болонской Комунны 1257 года». Режим доступа: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XIII/1240-1260/Akty_krepost/text.phtml?id=6054 (дата обращения: 01.12.2024).

человек не просто пассивный реципиент божественных указаний, но активный участник своего духовного развития.

Таким образом, смещение внимания с церкви на человека в Ренессансе представляет собой фундаментальное изменение в понимании свободы, подчеркивающее уникальные способности каждой индивидуальности к самовыражению и моральному самоопределению, что до сих пор актуально в контекстах обсуждения свободы в современных православных доктринах.

В философии Нового времени Спиноза обращает особое внимание на представление о необходимости, которая при определенных условиях становится свободой. Свобода человека рассматривается как достижение, как результат познания, поэтому свобода выступает как познанная необходимость. В Боге и в природе свобода и необходимость существует как единство противоположностей. «Но Спиноза этим не ограничивается. Учение о свободе он переносит из области метафизики в область антропологии и этики. Согласно его мысли свободен может быть – в известном смысле, и человек. Среди аффектов, которым человек подвержен и власть которых над ним порождает его рабство, есть один – тоже совершенно особый. Этот аффект – страсть к познанию» [10. С. 55–56].

Как известно, Кант считал, что наличие антиномий ограничивает возможности рассудка. Что касается разума, то он, будучи высшей познавательной способностью и регулятором познания добровольно передает религии вопросы о Боге, душе, свободе, о мире в целом. Данная Кантом трактовка познания оказала огромное влияние на последующее развитие философской мысли. Так Фихте подчеркивал: «В том и состоит сущность критической философии, что в ней устанавливается некоторое абсолютное Я, как нечто совершенно безусловное и ничем высшим не определяемое... Напротив того, догматична та философия, которая приравнивает и противопоставляет нечто самому Я в себе; что случается как раз в долженствующем занимать более высокое место понятии вещи (*ens*), которое ... произвольно рассматривается как безусловно высшее понятие» [11. С. 304–305]. Таким образом, самосознание – «Я есмь Я» является очевидным и достоверным началом, так как оно само себя порождает, поскольку в акте самосознания совпадают порождающее и порождаемое, действие и его продукт, субъект и объект. И именно сущность самосознания, по Фихте, есть свобода, и свою систему от начала до конца он рассматривает как анализ понятия свободы. «Самосознание, самодеятельность, свобода оказались альфой и омегой фихтеанского наукоучения» [12. С. 5].

«Философия Гегеля с еще большим основанием, чем философия Фихте и Шеллинга, может быть характеризована как философия свободы» [13. С. 63]. Гегель уделил особое внимание именно умозрительной природе свободы: «Итак определением духовного мира и *конечной целью мира* было признано сознание духом его свободы, а, следовательно, была признана и действительность его свободы – так как духовный мир есть субстанциональный мир,

физический же мир подчинен ему, или, выражая эту мысль в терминах умозрительной философии, оказывается не истинным в противоположность духовному миру» [14. С. 72]. Поэтому «Как субстанцией материи является тяжесть, так мы должны сказать, субстанцией, сущностью духа является свобода» [14. С. 70].

Приносим извинения за частоту и величину цитирования Гегеля, высказывания которого по сути и сегодня весьма актуальны. «И в самом деле, так как принцип философии – бесконечное свободное понятие и все ее содержание покоится исключительно только на нем...» [13. С. 280] «В этой истине своего самоопределения, в которой понятие и предмет тождественны, воля есть действительно свободная воля... есть единство теоретического и практического духа...» [15. С. 323]. Философское понимание свободы как решение противоречия между свободой и необходимостью нашло отражение в учении о «хитрости разума» в истории. Свобода и необходимость рассматривались немецким философом как ступени развития действительности, что привело к изменению понимания как первого, так и второго. В их основе лежит один тот же дух, поэтому «царство свободы – это царство «народного духа» в истории, который и есть главный «носитель» свободы. «Всемирная история есть прогресс в сознании свободы, – прогресс, который мы должны познать в его необходимости» [14. С. 72].

Рассматривая всемирную историю как процесс движения духа к свободе, Гегель задается вопросом о месте человека в истории, в частности, в связи с определением средств, которыми свобода как субстанция духа осуществляет себя в мире, то есть рассматривает истоки идеи «хитрости разума» в истории. «Разум столь же хитер, сколь могуществен. Хитрость разума состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную цель. В этом смысле можно сказать, что божественное провидение ведет себя по отношению к миру и его процессу как абсолютная хитрость» [15. С. 397].

Метафора Гегеля «хитрость разума» выражает убеждение, что несмотря на то, что люди живут страстями, на самом же деле все они служат высшей общечеловеческой цели, которая просто непостижима для индивидуального сознания. Мировой дух Гегеля для осуществления своей деятельности прорывается сквозь множество человеческих деяний, но сам остается тем же, не подвергаясь опасностям, благодаря своей «хитрости», то есть он подчиняет себе человеческие страсти, частные случаи приносит вред и даже гибель, но все это неважно, так как направлено на выполнение общей и более важной цели. «Хитрость разума» состоит в предположении внешней конечной цели, согласно которой разум приспосабливается к спонтанным элементам, обращая их себе на пользу. Человек активно участвует в утверждении разумной действительности, однако все же «право мирового духа выше частных прав».

Разумность конечного события отличается от тех целей, которые преследовал сам человек, однако это несовпадение цели события с целями деятелей можно рассматривать как то, чего на самом деле человек и желал. Истина изначально существует в мире, но в неявной форме, и только в диалектической игре опредмечивания и распрямления она постепенно реализуется и познается. Применительно к частной жизни отдельного человека «хитрость мирового разума» рассматривается как диалектика свободы и исторической необходимости. Личность в истории выступает движущей силой перемен, отражая ключевые идеи и устремления эпохи. Для Гегеля великие деятели, такие как Наполеон, символизируют сам дух времени, способствуя прогрессу через реализацию свободы и продвижение исторических процессов. Ясперс, в свою очередь, выделяет уникальные периоды, называемые «осевым временем», когда такие учителя, как Конфуций и Сократ, формировали основы духовного и культурного развития общества. В то же время история складывается не только под влиянием выдающихся личностей, но и через взаимодействие широких социальных сил и обстоятельств, которые формируют и направляют массовые изменения в обществе.

Токвиль А. связывал свободу со справедливостью, рассматривал свободу как «отсутствие привилегий», которые лежат в основе социального расслоения общества. «Согласно современному, демократическому и, осмелюсь сказать, верному пониманию свободы, в принципе каждый человек получил от природы разум, необходимый ему для устройства своей жизни, и от рождения имеет неотъемлемое право жить независимо от себе подобных во все, что касается только его, и решать свою судьбу по своему усмотрению» [16. Р. 62].

К. Маркс переосмыслил понятие свободы, сформировав концепцию «исторической свободы», которая преодолевает спекулятивную рациональность немецкой классической философии. Философская концепция К. Маркса представляет собой фундаментальное преобразование традиционной западной философской мысли, заключающееся в радикальной переоценке сущности свободы. Революционный характер его подхода проявляется в интеграции идеи свободы в контекст реальной истории, что позволило трактовать ее не как абстрактное свойство разума, а как категорию, обусловленную социально-экономическими и политическими условиями. Как подчеркивал Маркс: «Пусть жизнь и умирает, но смерть не должна жить» [17. С. 64].

Для Маркса человек является не просто автономным субъектом, но специфической формой бытия, связанной с историческим развитием общества. Таким образом, свобода, к которой стремится человек, не является изолированным состоянием индивида, а представляет собой социально обусловленное явление, которое реализуется через коллективные формы практической деятельности: «Ни один человек не борется против свободы, – борется человек, самое большее, против свободы других. Во все времена существовали, таким образом, все виды свободы, но только в одних случаях – как особая привилегия, в других – как всеобщее право» [17. С. 55]. Свобода предстала в

социальном измерении и рассматривалась не просто как состояние или свойство человека, а как общественное отношение, обеспечивающее коммуникацию в рамках общества, его институтов и других людей. Поэтому именно свобода предполагает изменение общественных отношений и социальных структур, что позволяет рассматривать ее как категорию философии истории, связанную с исторической сменой способов производства и трансформацией форм общественной жизни.

О особой специфике понимания свободы как экзистенциального состояния человека писал Хосе Ортега-и-Гассет в своей книге «Восстание масс». «Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, как и все, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью. Масса – это те, кто плывет по течению и лишен ориентиров. Поэтому массовый человек не созидает, даже сил возможности и силы его огромны» [18. С. 73]. Речь шла о культурном кризисе Европы и изменением роли масс в общественном развитии. Рассматривая современную эпоху, он отмечал, что существует огромная пропасть между настоящим и прошлым, сетовал на отсутствие чего-то образцового. «Мы чувствуем, что внезапно стали одинокими, что мертвые умерли всерьез, навсегда и больше не могут нам помочь. Следы духовной традиции стерлись. Все примеры, образцы, эталоны бесполезны. Все проблемы, будь то в искусстве, науке или политике, мы должны решать только в настоящем, без участия прошлого» [18. С. 59]. Ортега-и-Гассет озабочен одиночеством человека, у которого нет моральных привязок, массовый человек «попросту лишен морали» [18. С. 163].

Одним из ведущих направлений философии двадцатого века стал экзистенциализм, для которого основной проблемой стала проблема индивидуальной свободы, субъективности и ответственности. «Субъективизм означает, с одной стороны, что индивидуальный субъект сам себя выбирает, а с другой стороны – что человек не может выйти за пределы человеческой субъективности. Именно второй смысл и есть глубокий смысл экзистенциализма. Когда мы говорим, что человек сам себя выбирает, мы имеем в виду, что каждый из нас выбирает себя, но тем самым мы также хотим сказать, что, выбирая себя, мы выбираем всех людей... И каждый человек должен себе сказать: действительно ли я имею право действовать так, чтобы человечество брало пример с моих поступков?» [19. С. 324]. С другой стороны, Ж.-П. Сартр в «Бытие и ничто» подчеркивает: «А ведь свобода не имеет сущности. Она не подчинена никакой логической необходимости; именно о ней можно сказать то, что говорит Хайдеггер о Dasein вообще: «В нем существование предшествует сущности и руководит ею» [20. С. 449]. Он утверждал, что сущностью человека в конечном счете и первичным условием для любой человеческой активности является его свобода и определяет возможность каждого индивида осуществлять свободный выбор своего «Я». Один из ключевых тезисов Сартра – «существование предшествует сущности» – подчеркивает, что

человек, сталкиваясь с выбором, должен самостоятельно определить свою сущность и выбрать, кем он хочет быть. Это решение полностью зависит от его собственного выбора. Человеческое сознание, не закрепленное ни одной из детерминированных ролей в мире, постоянно обречено на свободу выбора, решая, кем ему быть, без какой-либо внешней или внутренней опоры [21].

Свобода как умозрительная конструкция

Как было показано выше, в истории свобода демонстрирует не просто разные аспекты и особенности, а раскрывают многообразие практического понимания свободы. Как правило, свобода рассматривалась между двумя крайностями: фатализмом и волюнтаризмом. Таким образом, важно прояснить, что лежит в основе понятия «свобода» в ее многообразных проявлениях в истории и во всех сферах человеческой жизни. Рассматривая свободу как как отсутствие необходимости или отсутствие принуждения (произвола), ее определение возможно через негативное, например, она выражается в независимости. Он может выступать и как нечто неопределенное, поскольку надо еще определить границы того, что касается этой независимости человека, общества или государства. Позитивное определение, как правило, связывается с содержанием свободы в чем-либо.

Таким образом, представляется, что «свобода» может рассматриваться как природное право каждого человека. А свобода как философская категория, отражает предельные основания человеческого бытия, добра и уважения иного, т.е. с одной стороны свобода имеет онтологический статус – свобода не только состояние души, когда человек сам понимает, что имеет возможность реализовать свои способности, развивать их и тем самым выразить себя, но и осознание неотъемлемого, в том числе и морального права других на свободу.

Важно иметь в виду, что «свобода как несомненная ценность», позволяет ставить вопрос о «неизбывном свободолюбии», то есть свобода как всеобщее и универсальное понятие культуры и философии есть высшая духовная ценность. Свобода как универсалия культуры, с одной стороны, отражает степень ее развития в обществе, а с другой, способность человека к самоопределению и самовыражению в своих поступках.

Кроме того, для свободного человека «истина» неотделима от «правды» и как идеал лежит в основе «естественного права». Именно свобода позволяет поставить вопрос о нравственной законности, то есть не должно быть ситуации выбора – «по закону» или «по правде». Поскольку лики свободы весьма многообразны, то она может выступать либо целью, либо средством. «Философская обреченность» на свободу может обернуться «бегством от свободы». Это достаточно, точно показал Ф.М. Достоевский в «Легенде о великом инквизиторе» [22]. Свобода выступает как ответственность человека перед самим собой, обществом и историей. Человек всегда должен отвечать за свой выбор, каким бы трудным он не был.

Мы уже отмечали, что у свободы должна быть своя граница, своя мера, которой в конечном счете, выступает необходимость. Нет свободы без необходимости, как и нет необходимости без свободы. Как могут сосуществовать свобода и необходимость? В гармонии или в противоречии. Что означает мера свободы? Можно ли быть менее или более свободным? Историческим примером примирения свободы и необходимости является философия стоиков, у которых «покорность необходимости» рассматривалась как «внутренняя свобода». Об этом А. Камю писал в «Мифе о Сизифе» [23. С. 222–318]. В этой работе французский мыслитель рассматривает абсурдность жизни человека и показывает, что, вопреки бессмысленности судьбы «человек бунтующий» может находить смысл и счастье в «собственных усилиях и самоопределении». Необходимость как Абсурд – это и есть оборотная сторона свободы.

Рассматривая свободу в «царстве природы» и в «царстве духа» в контексте античного космоцентризма, важно отметить, что у Эпикура впервые свобода рассматривается как способность атомов самопроизвольно отклоняться при своем падении в пустоте от заданной (необходимой) траектории падения. Значит мерой свободы является единство свободы и необходимости.

Особо следует отметить позицию замечательного отечественного философа Н.А. Бердяева, который обратил внимание на то обстоятельство, что свобода не есть только выбор возможности (выбор всегда принудителен), свобода на самом деле есть созидание ранее не бывшего, то есть свобода есть творчество. Философия свободы начинается со свободного акта, до которого нет и невозможно бытие. Когда в основу кладется бытие и признается примат бытия над свободой, то все им детерминировано, детерминирована и свобода, но детерминированная свобода не есть свобода. «Определение свободы как выбора есть еще формальное определение свободы. Это лишь один из моментов свободы. Настоящая свобода обнаруживается не тогда, когда человек должен выбирать, а тогда, когда он сделал выбор. Тут приходим к новому определению свободы, свободы реальной. Свобода есть внутренняя творческая энергия человека. Через свободу человек может творить совершенно новую жизнь, новую жизнь общества и мира. Но было бы ошибкой при этом понимать свободу как внутреннюю причинность. Свобода находится вне причинных отношений. Причинные отношения находятся в объективированном мире феноменов. Свобода же есть прорыв в этом мире». И далее: «Духовное начало в человеке есть истинная свобода, а отрицание духа, додуманное до конца, – неизбежно есть отрицание свободы. Материализм неизбежно ведет к отрицанию свободы. Свобода вкоренена в царство Духа, а не в царство Кесаря. Кесарь никому не хочет давать свободы. Она получается лишь через ограничение царства Кесаря. Объективированный мир, каким и является царство Кесаря, есть мир порабащивающий. Другое различие свободы, которое часто делают, есть различие свободы внутренней и свободы внешней. Говорят, что человек может быть внутренне свободен и в цепях, может быть свободен, когда его сжигают на костре» [24. С. 89].

Заключение

Таким образом, свободу как жизненную практику «можно познать только через определенное отрицание, которое соотносится с конкретной формой несвободы. Взятая в своей позитивности, свобода превращается в сослагательное наклонение» [25. С. 208], то есть свобода есть преодоление несвободы. Свобода как умозрительная конструкция многоцентрична и многозначна, поскольку она не только может рассматриваться в истории философии в рамках философских моделей космоцентризма, теоцентризма, антропоцентризма, социоцентризма, полицентризма, но и содержательно есть процесс поиска и достижение смысла. Антуан де Сент-Экзюпери писал «Как она достигается, эта внутренняя свобода? ... К чему спорить об идеологиях? Любую из них можно подкрепить доказательствами, и все они противоречат друг другу, и от этих споров только теряешь всякую надежду на спасение людей. А ведь люди вокруг нас, везде и всюду, стремятся к одному и тому же. Мы хотим свободы. Тот, кто работает киркой, хочет, чтобы в каждом ее ударе был смысл. Когда киркой работает каторжник, каждый ее удар только унижает каторжника, но, если кирка в руках изыскателя, каждый ее удар возвышает изыскателя. Каторга не там, где работают киркой. Она ужасна не тем, что это тяжелый труд. Каторга там, где удары кирки лишены смысла, где труд не соединяет человека с людьми. А мы хотим бежать с каторги» [26. С. 101–106].

Поэтому свобода есть процесс поиска смысла, он может рассматриваться как предельно широкая категория, которая с одной стороны, мерило, критерий, инструмент оценки, а с другой, она, душа человека, и состояние духа общества. Свобода есть «хитрость разума» в истории, «перводвигатель», «мышление мышления», горизонт бытия человека. Свобода как понятие отражает как процесс, так и результат процесса. При этом процесс рассматривается как принципиально не завершаемый. Свобода как таковая есть одновременна и новая форма несвободы.

Вместе с тем остается открытым вопрос о метафизическом применении свободы, выработанной в европейской философии к философским традициям так называемого Востока, не испытавших, как минимум, влияния культуры авраамических религий, но это предмет другого самостоятельного исследования.

Список литературы

- [1] Шпанн О. Философия истории. СПб. : Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2005. EDN: QOEYVZ
- [2] Гвардини Р. Смерть Сократа. СПб. : Владимир Даль, 2018. EDN: ECXFSH
- [3] Сенека Л.А. Сенека. Избранные труды. М. : ЭКСМО, 2022.
- [4] Эпиктет. Эпиктет. Афоризмы // Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М. : Республика, 1995. С. 252.
- [5] Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М. : Наука, 1994.

- [6] *Августин Аврелий*. О свободе воли // Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского средневековья. Т. 1. СПб. : Изд-во РХГИ, 2002. С. 26.
- [7] *Кирибаев Н.С., Ал-Джаноби М.М.* История классической арабо-мусульманской философии. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : РУДН, 2022.
- [8] *Аль-Ашари*. О чем говорили люди ислама и в чем разошлись творившие молитву // *Степанянц М.Т.* Восточная философия: вводный курс. Избранные тексты / пер. с араб. АВ. Смирнова. М. : Восточная литература, 1997.
- [9] *Василевич Н.С.* Между свободным подчинением и освобожденной свободой: учение Православной Церкви о свободе // *Этическая мысль*. 2017. № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdru-svobodnym-podchineniem-i-osvobozhdennoy-svobodoy-uchenie-pravoslavnoy-tserkvi-o-svobode> (дата обращения: 02.12.2024). DOI: 10.21146/2074-4870-2017-17-1-80-93 EDN: YOIEFGX
- [10] *Асмус В.Ф.* Диалектика необходимости и свободы в философии истории Гегеля // *Вопросы философии*. 1995. № 1. С. 55–56. EDN: LBRBLN
- [11] *Фихте И.Г.* Соч. работы 1792–1801. М., 1995.
- [12] *Гайденко П.П.* Парадоксы свободы в учении Фихте. М. : Наука, 1990. EDN: SGUGRR
- [13] *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. Т. 3. М. : Мысль, 1972.
- [14] *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993.
- [15] *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. М. : Мысль, 1977.
- [16] *Tocqueville A de*. *Etat social et politique de la France avant et depuis 1789. Oeuvres completes*. II. Paris : Gallimard, 1952.
- [17] *Маркс К.* Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания (апрель 1842 г.) // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. Т. 1. М. : Государственное издательство политической литературы, 1955.
- [18] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // *Избранные труды*. М. : Весь мир, 2000. С. 73.
- [19] *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм // *Сумерки богов*. М. : Изд-во политической литературы, 1989. С. 324.
- [20] *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М. : Республика, 2000.
- [21] *Приходько С.В.* Феномен свободы в философии экзистенциализма // *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*. 2013. № 16 (159). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-svobody-v-filosofii-ekzistentsializma> (дата обращения: 02.12.2024). EDN: RWUHIP
- [22] *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений : в 15 томах. Т. 9–10. Ленинград : Наука, 1991.
- [23] *Камю А.* Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // *Сумерки богов*. М. : Изд-во политической литературы, 1989. С. 222–318.
- [24] *Бердяев Н.А.* Судьба России. М. : Азбука-Аттикус, 2016.
- [25] *Адорно Т.В.* Негативная диалектика. М. : Научный мир, 2003.
- [26] *Сент-Экзюпери А де*. *Планета людей* // Сочинения. М. : Книжная палата, 2000. С. 101–106.

References

- [1] Shpann O. *Philosophy of History*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University publ.; 2005. EDN: QOEYVZ
- [2] Gvardini R. *The Death of Socrates*. Saint Petersburg: Vladimir Dal; 2018. EDN: ECXFSH
- [3] Seneca LA. *Seneca*. Selected Works. Moscow: EKSMO; 2022.

- [4] Epictetus. Epictetus. Aphorisms. In: *Roman Stoics. Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius*. Moscow: Respublika; 1995. P. 252.
- [5] Plutarch. *Comparative Biographies*. Vol. 1. Moscow: Nauka publ.; 1994.
- [6] Augustine A. On Free Will. In: *Anthology of Medieval Thought. Theology and Philosophy of the European Middle Ages*. Vol. 1. Saint Petersburg: RHGI publ.; 2002. P. 26.
- [7] Kirabaev NS, Al-Janabi MM. *History of classical Arab-Muslim philosophy*. 2nd ed., corr. and add. Moscow: RUDN; 2022.
- [8] Al-Ashari. What the people of Islam talked about and how those who performed the prayer disagreed // Stepanyants MT. *Eastern philosophy: an introductory course. Selected texts*. Smirnov AV, transl. Moscow: Vostochnaya literature publ.; 1997.
- [9] Vasilevich NS. Between free submission and liberated freedom: the teaching of the Orthodox Church on freedom. *Ethical thought*. 2017. № 1. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdu-svobodnym-podchineniem-i-osvobozhdennoy-svobodoy-uchenie-pravoslavnoy-tserkvi-o-svobode> (accessed: 02.12.2024). DOI: 10.21146/2074-4870-2017-17-1-80-93 EDN: YOEFGX
- [10] Asmus VF. Dialectics of necessity and freedom in Hegel's philosophy of history. *Voprosy Filosofii*. 1995;(1):55–56. EDN: LBRBLN
- [11] Fihte IG. *Works 1792–1801*. Moscow; 1995.
- [12] Gajdenko PP. *Paradoxes of Freedom in Fichte's Teachings*. Moscow: Nauka publ.; 1990. EDN: SGUGRR
- [13] Hegel GWF. *Science of Logic*. Vol. 3. Moscow: Mysl' publ.; 1972.
- [14] Hegel GWF. *Lectures on the Philosophy of History*. Saint Petersburg: Nauka publ.; 1993.
- [15] Hegel GWF. *Encyclopedia of Philosophical Sciences*. Vol. 3. Moscow: Mysl' publ.; 1977.
- [16] Tocqueville A de. *Etat social et politique de la France avant et depuis 1789. Oeuvres completes. II*. Paris: Gallimard; 1952.
- [17] Marx K. Debates on Freedom of the Press and on the Publication of the Minutes of the Estates Assembly (April 1842). In: Marx K, Engels F. *Works. Second edition*. Vol. 1. Moscow: iz-vo politicheskoy literatury publ.; 1955.
- [18] Ortega-i-Gasset H. Revolt of the Masses. In: *Selected Works*. Moscow: Ves' mir publ.; 2000. P. 73.
- [19] Sartre J-P. Existentialism is a Humanism. In: *Twilight of the Gods*. Moscow: izd-vo politicheskoy literatury publ.; 1989. P. 324
- [20] Sartre J-P. *Being and Nothingness. An Experience of Phenomenological Ontology*. Moscow: Respublika publ.; 2000.
- [21] Prihodko SV. The Phenomenon of Freedom in the Philosophy of Existentialism. *NOMOTHEKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2013;(16). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-svobody-v-filosofii-ekzistentsializma> (accessed: 02.12.2024). EDN: RWUHIP
- [22] Dostoevskij FM. *Collected Works in 15 volumes*. Vol. 9–10. Leningrad: Nauka publ.; 1991.
- [23] Camus A. The Myth of Sisyphus. Essay on the Absurd. In: *Twilight of the Gods*. Moscow: iz-vo politicheskoy literatury publ.; 1989. P. 222–318.
- [24] Berdyaev NA. The Fate of Russia. Moscow: Azbuka-Attikus publ.; 2016.
- [25] Adorno TV. Negative Dialectics. Moscow: Nauchnyj mir publ.; 2003.
- [26] Saint-Exupéry A de. Planet of People. In: *Works*. Moscow: Knizhnaya palata publ.; 2000. P. 101–106.

Сведения об авторах:

Кибабаев Нур Серикович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой истории философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-0192-6337. SPIN-код: 3579-3794. E-mail: kirabaev_ns@pfur.ru

Хрячков Александр Васильевич – аспирант кафедры истории философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0007-9435-2814. E-mail: gensunasumusru@mail.ru

About the authors:

Kirabaev Nur S. – DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0192-6337. SPIN-code: 3579-3794. E-mail: kirabaev_ns@pfur.ru

Khryachkov Alexander V. – Postgraduate Student of the Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0007-9435-2814. E-mail: gensunasumusru@mail.ru

Социальная философия

Social Philosophy

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-520-534>

EDN: UMYNAH

Научная статья / Research Article

Гражданственность как мировоззренческая константа

А.Б. Денисова

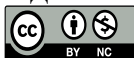
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

 Den-alla@yandex.ru

Аннотация. Информационные технологии, процессы глобализации, активные миграционные процессы, политические конфликты и другие факторы трансформируют современный мир, заставляя общество адаптироваться в этих новых реалиях. Гражданственность является одним из тех понятий, содержание которых определяет связь между отдельным человеком и его государством и нацией. Гражданская идентификация непосредственно связана с самоидентификацией личности. С одной стороны, глобализация, а с другой стороны, мировая политическая нестабильность актуализируют проблемы гражданственности, заставляя обратиться к анализу содержания самого понятия. Целью работы является рассмотрение различных толкований понятия «гражданин» и «гражданственность» как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях. Контекстный анализ высказываний мыслителей, педагогов, общественных деятелей XVIII века – эпохи распространения понятия «гражданин» в России – позволил увидеть каким образом происходило формирование содержания понятия в российской традиции, прояснить его неоднозначность в процессе наполнения дополнительными значениями и смыслами. Проведенный анализ показал, что понятие гражданственности в российском контексте имеет исторически сложившиеся специфические коннотации, связанные с мировоззренческими константами российского народа, включением в его содержание нравственно-емких качеств личности. Несмотря на смену эпох и некоторые смысловые изменения, сохраняется преемственность понимания гражданственности в российской педагогической традиции. Опора на исторически сложившееся содержание базовых для общества понятий, к которым относится гражданственность, подкрепленное общими мировоззренческими смыслами, передаваемыми из поколения в поколение, обеспечивает стабильность общества. Раскрытие содержания понятий «гражданин» и «гражданственность» необходимо для определения целей и задач программ, направленных на гражданское воспитание.

Ключевые слова: гражданин, гражданское воспитание, глобализация, идея служения, гражданская идентификация

© Денисова А.Б., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила 01.12.2024

Статья принята к публикации 06.03.2025

Для цитирования: Денисова А.Б. Гражданственность как мировоззренческая константа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 520–534. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-520-534>

Citizenship as a Russian Ideological Constant

Alla B. Denisova

National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia

 Den-alla@yandex.ru

Abstract. Information technologies, globalization process, active migration processes, political conflicts and other factors are transforming the modern world, forcing society to adapt to these new realities. Globalization, on the one hand, promotes the expansion of civic identity and the formation of a new type of citizenship, and on the other hand, it can lead to the loss of cultural diversity and global colonialism. The study examines the concept of citizenship and its impact on modern society in the context of globalization and transformations of the world order. Citizenship is one of those concepts whose content defines the relationship between an individual and his state and nation. Civil identification is directly related to the self-identification of a person. On the one and, globalization, and on the other hand, global political instability actualize the problems of citizenship, forcing us to turn to the analysis of the content of the concept itself. The purpose of the work is to consider different interpretations of the concept of “citizen” and “citizenship” in both domestic and foreign studies. The author focuses on the fact that in Russian scientific discussions the concept of citizenship is often associated with patriotic education, while in the Western tradition the emphasis is on democratic values. A contextual analysis of the statements of thinkers, educators, and public figures of the 18th century – the era of the spread of the concept of “citizen” in Russia – allowed us to see how the content of the concept was formed in the Russian tradition, to clarify its ambiguity in the process of filling in additional meanings and meanings. Despite the change of epochs and some semantic changes, the continuity of the understanding of citizenship in the Russian pedagogical tradition remains. Disclosure of the content of the concepts of “citizen” and “citizenship” is necessary to define the goals and objectives of programs aimed at civic education. The analysis has shown that the concept of citizenship in the Russian context has historically developed specific connotations associated with the ideological constants of the Russian people, the inclusion of moral and capacious personality qualities in its content. Historical figures and thinkers form the concept of a citizen as a morally responsible and devoted person, emphasizing the importance of serving society. This idea is becoming central to the formation of Russian identity and mentality.

Keywords: citizen, civic education, globalization, ideas of service, civic identification

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history:

The article was submitted on 01.12.2024

The article was accepted on 06.03.2025

For citation: Denisova AB. Citizenship as a Russian Ideological Constant. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):520–534. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-520-534>

Введение

До недавнего времени общим контекстом всех социальных и экономических процессов являлась глобализация как усиление интеграции и унификации жизни общества в разных странах. Глобализацию называли новой формой модернизации мировой экономики, инструментом создания «нового мирового порядка» и т.д. Многими исследователями подчеркивалось, что создание концепта глобализации «соответствовало потребности социальной науки в преодолении государствоцентристского подхода, исчерпавшего свой эпистемологический и теоретико-методологический потенциал» [1. С. 90]. При этом не оставалось незамеченным, что процессы глобализации способствуют утрате разнообразия, создается не единое мировое пространство, а совершается подмена одних традиций и ценностей другими, происходит мировая вестернизация. Так, Том Фридман пишет, что «глобализация – это путь от „биг-мага“ через „Макинтош“ к „Микки-Маусу“» [2. Р. 8], Александр Дугин назвал глобализацию формой нового колониализма, где богатые правят бедными, а развитые страны – неразвитыми [3]. В статье С.В. Аكوпова приводится множество критических аргументов разных зарубежных авторов, в том числе о том, что процессы глобализации являются «ширмой для империализма» [4] и т.д. Тем не менее глобализация стала важнейшей характеристикой современной мировой системы.

Процессы глобализации, а также повсеместное распространение информационных и телекоммуникационных технологий, появившаяся цифровая среда способствовали появлению нового типа гражданственности [5]. Мировое гражданство (глобальное гражданство) – «концепция, в соответствии с которой человек определяет свою принадлежность не к конкретной стране, а ко всему мировому сообществу, подчеркивая таким образом свое восприятие мира как единого целого, не разделенного границами» [6]. Вместе с тем усугубились проблемы самоидентификации, которая тесно связана с осознанием своей принадлежности к определенному обществу, культуре, нации. По мнению Р. Бхаскара, кризис идентичности (кто мы такие и кем себя считаем) является одним из элементов планетарного поликризиса, в который вступило человечество [7]. Гражданская идентификация является важнейшим элементом в формировании личности и общества в целом: через общие ценности, нормы, идеи, характерные для данного общества, происходит социально-культурная интеграция, укрепляется духовная связь между гражданами,

повышается эффективность их совместной деятельности. Сегодня мы находимся на пороге формирования новой ценностной парадигмы. Специальная военная операция, начатая в 2022 г., изменила понимание мирового порядка, происходящих мировых процессов, которые многими уже были признаны как неизбежные (по аналогии с процессами информатизации общества). Концепт многополярного мира вновь выводит вопросы гражданской идентичности, формирования гражданственности на первый план. Но прежде чем создавать программы формирования гражданственности, необходимо определить, что в российской традиции стоит за понятием «гражданин», кого мы называем гражданином, так как любая программа воспитания должна ориентироваться на определенный результат, модель того, что мы хотим получить. Процессы формирования не могут проходить в оторванности от размышлений о сущности гражданственности. Несмотря на неоднократное обращение к этой теме, изменение социальных условий влечет за собой переосмысление многих, казалось бы, устоявшихся понятий и представлений.

Генезис понятия «гражданин»

Тема гражданского образования и воспитания активно обсуждается и в отечественных, и в зарубежных научных публикациях [8–14]. При этом разнятся как определения понятий, так и подходы к тому, что является целью гражданского образования [15]. Если в отечественных исследованиях гражданское воспитание зачастую сводится к патриотическому, то для стран Запада, Центральной и Восточной Европы, США понятие гражданственности является синонимом демократии¹. И в нашей, и в зарубежной литературе понятия «гражданская» и «политическая» активность могут использоваться как синонимы. Если в одних работах гражданская активность рассматривается как участие в избирательном процессе [11], то в других в гражданскую активность включены все виды неформальной социальной деятельности («от чтения газет, политического участия, социальных сетей... до участия в ассоциациях» [12. Р. 284]). Гражданское воспитание рассматривается как правовое просвещение, умение «привлечь внимание людей к проблеме, организовать и провести собрание, написать письмо с мнением или связаться со СМИ» [13. Р. 127], знания демократических принципов, навыков проведения изменений [16]. В работе Марио Карретеро идет речь о «новой гражданственности» – «подхода к гражданскому образованию, который основан на признании реального гражданского опыта молодежи в различных социокультурных контекстах» [17. Р. 304], расширяя определение «гражданского участия (как действий, так и целей взаимодействия) за рамки голосования или

¹ См., например, статью Дж. Патрик, статью Н. М. Воскресенской, где обсуждается несовместимость демократии и патриотизма в сборнике «Гражданское образование: содержание и активные методы обучения». М. : Межрегиональная ассоциация «За гражданское образование», Фонд «Сивитас», 2006.

традиционной партийной поддержки» [17. Р. 299]. Термин «служение» в западном контексте зачастую используется в значении предоставления услуг (например, услуга – жалоба, услуга – решение проблемы (что-то сделать), услуга – предложение и т.д. [18. Р. 59]). Существуют работы, посвященные «цифровому гражданству» – рассмотрению прав и обязанностей в онлайн-пространстве [19].

Концепт «глобального гражданства» и связанные с ним понятия «глобальная компетенция», «глобальное образование», которое готовит специалистов для жизни в мире «с общими ценностями и общими проблемами» [20], появились в контексте процессов глобализации. Глобальная гражданственность закреплена в качестве задачи (задача 4.7) для достижения Целей устойчивого развития, принятых Генеральной ассамблеей ООН в 2015 году², ЮНЕСКО считает воспитание глобальной гражданственности одним из трех своих образовательных приоритетов³, которые должны лежать в основе образовательных систем всех стран.

В контексте формирования глобальной гражданственности гражданское образование рассматривается как «знания и навыки, необходимые для содействия устойчивому развитию, культуре мира и практике глобального гражданства» [21. Р. 171]. Приверженцы концепта глобального гражданства утверждают, что при выходе экономической деятельности за пределы государственных границ, существующих многомерных экономических связях между государствами, невозможности изолированно решать глобальные мировые проблемы (например, экологические), привязка к территории или стране сегодня недостаточна, а, по мнению А. Добсона [21. Р. 171], даже является дискриминационной характеристикой, так как ограничивает свободу человека. Евросоюз является реализованным проектом надгосударственного интеграционного образования, в котором входящие в него субъекты имеют общие, а потому расширенные для каждого в отдельности территориальные границы, но при этом уменьшена роль каждого отдельного государства, фактически произошла потеря суверенитета (о провале идей конвергенции как сближения стран, экономик и идеологий, как и идей глобализации и мультикультурализма еще в 2010 году заявляла Ангела Меркель⁴).

Несмотря на доминирование концепта глобализации, Х. Гранадос-Санчес отмечает, что при существующих различиях между теориями, гражданство продолжает ассоциироваться «с принадлежностью к определенной политической территории и с развитием общей идентичности, которая

² Цели в области устойчивого развития // ООН. Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/education/> (дата обращения: 19.03.2024).

³ Global Citizenship Education: Topics and Learning Objectives. Режим доступа: <https://www.peace-ed-campaign.org/global-citizenship-education-topics-learning-objectives-unesco/> (дата обращения: 19.03.2024).

⁴ Меркель признала провал мультикультурной модели. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2010/10/17/merkel/> (дата обращения: 19.03.2024).

представляет собой важнейшую связь» [21. Р. 171]. Гражданская идентичность – интегративное понятие, включающее несколько разных форм идентичности (родовую, этническую, национальную, религиозную и мн. др.), т.е. это совокупность личных и социальных идентификаций, связанных с принадлежностью к определенному государству и обществу. И. Юлдашов в своей работе подчеркивает, что формирование гражданской идентичности является в эпоху глобализации острой необходимостью [22].

В российских источниках гражданин – это «человек, находящийся в особой политико-правовой связи с государством, установленной и гарантированной позитивным правом, а также несущий ответственность за свои поступки перед другими лицами, обществом и государством» [23]. Историческая ретроспектива позволит выявить, какую «особую» связь имеет индивид и государство, и какие дополнительные коннотации имеет данное понятие.

Существующие различия в определениях гражданственности заставляют обратиться к истокам возникновения данного понятия в российской культуре. Как большинство понятий гуманитарной сферы, понятие гражданственности не предметно, оно носит умозрительный характер, его содержание является результатом длительного исторического процесса наложений и обрастаний смыслами, интерпретациями в специфических социокультурных условиях российской действительности. Содержание понятия «гражданин» можно извлечь только из контекста, поэтому теоретическим материалом настоящего исследования явились высказывания педагогов, писателей, общественных деятелей XVIII–XIX веков – времени, когда понятие укоренялось в русском языке.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (1 издание 1863 г.) понятие «гражданин» раскрывается в двух значениях – «городской житель, горожанин» и «член общины или народа, состоящего под одним общим управлением» [24. С. 345]. Появившись в России, понятие «гражданин», как утверждает в статье Е. Н. Марасиновой, из-за специфики социальной структуры русского общества достаточно быстро потеряло свою непосредственную связь с понятием «горожанин», и наполнилось «исключительно государственно-правовым или нравственно-этическим смыслом» [25. С. 108]. В социально-нравственном значении понятия «гражданин», «гражданственность» получают распространение в эпоху Просвещения, в XVIII в. Означая принадлежность человека к определенному государству, понятие используется так же в значении «светский», т.е. человек не военного и не духовного звания, получивший «гражданское воспитание» или как синоним слова «государственный» (например, Табель о рангах 1722 г. содержит соответствие военных, морских и гражданских чинов, существует разделение на «закон Божий и закон гражданский» и т.д.). Но уже тогда понятие «гражданин» начинает обрастать дополнительными смыслами, о чем свидетельствуют работы М.В. Ломоносова («Для пользы общества», 1760),

А.Н. Радищева («Беседа о том, что есть сын отечества», 1798, начинающаяся словами: «Не все рожденные в отечестве достойны величественного наименования сына отечества (патриота)» [26. С. 213]), И.П. Тургенева («Кто может быть добрым гражданином и верным подданным», 1790), И.П. Пнина («Гражданин», 1798) и др. В этих работах «гражданин» – это прежде всего высоко-нравственный человек, бескорыстно служащий своему Отечеству. И в уже упоминавшемся «Словаре» В.И. Даля [24] «гражданскими добродетелями» названы честь, правда, любовь, что подчеркивает специфичность понимания гражданственности в России с акцентом на духовно-нравственные ценности.

Исторически сложившаяся необходимость постоянной защиты территории государства от внешнего врага перешла в категорию священного долга (долг как духовный приоритет, духовная установка, в этом смысле обязанность по отношению к долгу вторична), а идея служения Отечеству становится неким нравственным императивом и слагаемым российского менталитета (наряду со служением богу), элементом личностной идентификации. Неразрывная связь индивидуальной человеческой судьбы с судьбой Отечества отражается в трудах педагогов и мыслителей этого и последующего периодов. Так, для В.Н. Татищева личное благополучие находится в прямой зависимости от общественного, государственного, М. В. Ломоносов рассматривал счастье «не столько как достижение блага для себя, сколько как возможность достойно и искренне служить Отечеству, приносить ему пользу своей деятельностью» [27. С. 77]. «Служить Отечеству любезному, быть нежным сыном, супругом, отцом; хранить, приумножать стараниями и трудами наследие родительское есть священный долг моего сердца, есть слава моя и добродетель», – пишет Н. М. Карамзин в «Рассуждении философа, историка и гражданина» (1795) [28. С. 86–87]. На открытии Царскосельского лицея просветитель и философ А.П. Куницын призывал воспитанников старательно «приготовляться служить Отечеству» руководствуясь любовью к нему: «Если граждане вознерадеют о должностях своих и общественные пользы подчинят видам своего корыстолюбия, то общественное благо разрушится и в своем падении ниспровергнет частное благосостояние». Он считает высшим удовольствием для человека «ту приятную уверенность в беспритворном уважении своих сограждан, которая рождается из представления пользы, доставленной обществу» [29. С. 144]. В педагогической системе Д.И. Писарева счастье «неразрывно связано с понятием общественного интереса», «труд на общую пользу, стремление внести свой вклад в преобразование несовершенной жизни» является основой нравственности [27. С. 81].

Идея служения Отечеству ради его блага в XVIII в. становится центральной не только в научных трактатах, художественных произведениях, но и в государственных документах: в «Уставе ратных и пушечных дел» начала XVII в. (1607–1621 гг.) патриотизм ставится превыше всех добродетелей, во

времена Петра I формулировка «слуга своему Государю и Отечеству» появляется в царских указах⁵, а идея служения Отечеству закрепляется на государственном уровне: в Уставе воинском 1716 г. военная служба, через которую до середины XVIII в. проходили все дворяне, толковалась как служба в интересах Отечества; усердная служба Отечеству (в том числе и «гражданская») в «Табеле о рангах», «Учреждении к бою», «Артикуле воинском», «Уставе морском» была условием получения чинов, наград и званий («...Мы для того никому какого ранга не позволяем, пока они нам и Отечеству никаких услуг не покажут, и за оные характера (т. е. чина. – А.Д.) не получают»⁶). Как пишут авторы статьи «Отечество находится не в географии...», «соединившись, петровское начинание и русский исторический опыт жестко закрепили в начале XVIII века в русском общенациональном сознании две аксиомы: главная русская ценность в земном бытии – свобода и независимость Отечества; главное дело всякого русского человека – защита своего Отечества, служение своему Отечеству и обеспечение благоденствия своего Отечества» [30. С. 266].

В XVIII в. синонимом слова «Отечество» являлось «государство» [31. С. 14], непосредственно связанное с властью. Христианский царь – помазанник Божий (человек, которому подаются особые дары Духа Святого для управления государством), поэтому власть и государство обретают сакральный смысл: к христианскому идеалу человека (смиранный, покорный, живущий в соответствии с заповедями), христианским ценностям (добродетелям) добавляется идеал государственный – гражданин-патриот с особым отношением к личности царя. Таким образом, идея служения царю и Отечеству органично сливается с религиозным пониманием мира, христианскими добродетелями.

Появление новых взглядов на сущность гражданственности и «обязанностей» гражданина прослеживается начиная с А.Н. Радищева, который так же основной задачей воспитания считал формирование человека, обладающего гражданским сознанием, высокими нравственными качествами, любящего больше всего свое Отечество. Но описывая в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) правила общежития, которые «относятся ко исполнению обычаев и нравов народных, или ко исполнению закона, или ко исполнению добродетели», Радищев задается вопросом: существует ли общество, в котором законы и добродетели (т.е. моральные нормы) не находятся в противоречии? Отрицательный ответ объясняет, почему «...трудно становится исполнение должности человека и гражданина, ибо нередко они (мораль и закон – А.Д.) находятся в совершенной противоположности» [32. С. 121]. Поэтому важнейшим нравственным качеством человека для него становится

⁵ См., например Указ именной «О нечинении доносов, о подметных письмах и о сожигании оных при свидетелях на месте» от 25 Января 1715 г. // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 5. СПб., 1830. С. 137–138.

⁶ Табель о рангах // Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. М., 1986. С. 62.

гражданско-патриотическое мужество, заключающееся в практическом исполнении своих гражданских обязанностей, готовности к самоотверженной борьбе с общественной несправедливостью. Происходит трансформация нравственного идеала личности: гражданин – это человек, на практике отстаивающий свои интересы во имя процветания Отечества.

Русский языковед XX в. академик В.В. Виноградов пишет об «экспрессивной и идейной атмосфере, которая окружала слово „гражданин“ в сознании разных групп русского общества 20–30-х годов» [33. С. 756]. Подъем революционно-демократического движения в XIX в. делает «патриотизм» синонимом слова «героизм», а понятие «гражданин» постепенно наполняется революционным смыслом. По мнению революционеров-демократов, «школа должна сформировать человека, обеспокоенного общественными делами, готового к насильственным действиям, т.е. ориентированного на улучшение жизни путем ее разрушения во имя идей всеобщего социального равенства (В.Г. Белинский, А.Н. Герцен, Н.Г. Чернышевский)» [34. С. 160]. Тем не менее новые смыслы, привнесенные в понятие «гражданин», не отрываются от прежнего понимания. Н.Г. Чернышевский писал, что «без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах», приобретения чувств гражданина ребенок мужского пола делается существом мужского пола, но мужчиной не становится [35. С. 168–169]. Часто эту фразу дают для разбора: объяснить смысл высказывания. Чернышевский сам раскрывает этот смысл, продолжая: «Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых участием в них. Если из круга моих наблюдений, из сферы действий, в которой вращаюсь я, исключены идеи и побуждения, имеющие предметом общую пользу, то есть исключены гражданские мотивы, что остается наблюдать мне? В чем остается участвовать мне? Остается только хлопотливая сумятица отдельных личностей с личными узенькими заботами о своем кармане, о своем брюшке или о своих забавах» [35. С. 169].

Теория всеобщего социального равенства, выдвинутая в середине XIX в., трансформирует идеал служения: объектом служения становится народ, ради которого надо сражаться с несправедливостью, совершенствовать государственное устройство. «Истинным» патриотизмом является способность к решению задач улучшения жизни общества, что возможно только через изменение государственного строя. Но даже в программном документе декабрист С. Пестель пишет про любовь к Отечеству, она «источник всех государственных добродетелей и сильнейшая подпора существования и благоденствия царств»⁷ – новое наполнение понятия гражданственности не нарушает преемственности с предыдущими толкованиями, а значит не изменяет базисных мировоззренческих основ. Традиции, как пишет В.А. Кутырёв, «включены в поток времени, но по своей бытийной сущности есть то, что не развивается.

⁷ Восстание декабристов: (Материалы по истории восстания декабристов): в 8 томах. Т. 7. М. : Госиздат, 1958. С. 187.

Они развертываются и трансформируются в соответствии с переменной обстоятельств. Традиция – это не прошлое, она выражает не то, что „позади нас“, а то, что непрерывно существует в мире среди нас самих» [36. С. 105].

Заключение

Таким образом, уже с самого появления в России понятие «гражданин» является интегративным, включающим в себя не только и зачастую даже не столько принадлежность к определенной государственной территории, но некую совокупность качеств, в числе которых высокая нравственность и идея бескорыстного служения на благо Отечества. В советский период произошло переосмысление гражданственности, но тем не менее при совершенно другом политическом строе основой гражданственности осталась идея преданности и служения уже социалистической Родине и нравственные идеалы строителя коммунизма, во многом перекликающиеся с христианскими добродетелями. После долгого перестроечного и постперестроечного периода, когда Россия пыталась перестроиться под мировоззренческую модель западного мира, а гражданственность была вычеркнута из образовательного процесса (как, впрочем, и воспитание как таковое), сегодня вновь происходит кардинальное изменение отношения гражданина России с государством и обществом.

Если понимать термин «служение» в значении предоставления услуг (что часто встречается в работах западных исследователей), то и гражданское воспитание – это оказание услуг взамен на получение услуг от государства для взаимной выгоды. Тогда цель воспитания гражданина – это, прежде всего, знание своих политических и гражданских прав, способы их осуществления. Если служение обществу понимается как долг, нравственный императив, то целью гражданского воспитания и гражданской активности ставятся уже совсем иные цели и задачи и прежде всего воспитание нравственно-духовной составляющей. В этом случае гражданственность становится основой эмоциональной общности людей, имеющих связь на аксиологическом уровне (что является ценным для одного также важно и для всех в противовес всем остальным).

Методики формирования нравственно-емких, духовных мировоззренческих ценностей конечно же гораздо более сложный процесс, чем передача определенных знаний и навыков. Тем не менее опора на мировоззренческие ценности, которые являются традиционными для социума и транслируются на протяжении более чем тысячелетней истории, становясь для него инвариантными идентификационными признаками, делает это возможным. Именно поэтому важным является осмысление преемственности не только исторического развития России, но и исторически сложившегося содержания понятий, составляющих мировоззренческий идентификационный базис нации;

содержание, которое передается из поколения в поколение и поэтому имеет укорененность в сознании народа, обеспечивая стабильность общества.

Гражданственность интегрирована со всеми сферами жизни, поэтому гражданское образование и воспитание не могут существовать изолированно от остальных процессов образования, и потому все воспитательные программы должны иметь гражданскую направленность, способствуя формированию морально ответственных и активных граждан.

Список литературы

- [1] Малюк А.Н. Концепт глобализации в мир-системном анализе // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 90–100. EDN: YMAFCR
- [2] Friedman T. The Lexus and the Olive Tree. New York, 2000.
- [3] Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. СПб. : Амфора, 2007. EDN: YMAFCR
- [4] Акопов С.В. «Мировое гражданство» глазами его критиков (пять аргументов против «насыщенного» космополитизма М. Нуссбаум) // Управленческое консультирование. 2015. № 2 (74). С. 107–114. EDN: TLQRYR
- [5] Денисова А.Б. Влияние информационно-коммуникационных технологий на формирование мотивационно-ценностной структуры личности // Мир образования – образование в мире. 2016. № 2 (62). С. 136–142. EDN: WKCAAF
- [6] Хижняк В.С. Мировое гражданство // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/mirovoe-grazhdanstvo-6cc38d/?v=4121441> (дата обращения: 18.05.2024).
- [7] Bhaskar R. Reflections on metaReality: Transcendence, Emancipation and Everyday Life. London, 2011. Режим доступа: <https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9780203803103/reflections-metareality-roy-bhaskar> (дата обращения: 18.05.2024).
- [8] Николаев М.В. Гражданское воспитание: понятие, историческая ретроспектива и особенности формирования // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74–2. С. 166–168. EDN: XEETDC
- [9] Непряхин В.А. Историография гражданского воспитания в России в постсоветский период (1991–2020) // Наука и школа. 2021. № 1. С. 85–91. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-1-85-91 EDN: JYQPLG
- [10] Емельянова И.Н., Теплякова О.А. Гражданское воспитание в свете нормативных государственных ориентиров // Высшая школа: научные исследования: материалы Межвузовского международного конгресса. М. : Инфинити, 2023. С. 46–54. EDN: IGCSFI
- [11] Stewart D.-L. Civic Engagement and Resisting “Docile Bodies” in Postsecondary Education // Teachers College Record. 2023. Vol. 125. N 5. P. 29–38. DOI: 10.1177/01614681231181795 EDN: VQADHS
- [12] Ekman J., Amnå E. Political participation and civic engagement: Towards a new typology // Human Affairs. 2012. Vol. 22. N 3. P. 283–330. DOI: 10.2478/s13374-012-0024-1
- [13] LeCompte K., Blevins B., Riggers-Piehl T. Developing civic competence through action civics: A longitudinal look at the data // The Journal of Social Studies Research. 2020. Vol. 44. N 1. P. 127–137. DOI: 10.1016/j.jssr.2019.03.002 EDN: HRZMHO
- [14] Magill K.R., Scholten N., Blevins B., Smith V.D. The importance of civic culture: Toward intellectual solidarity and community agency // Education, Citizenship and Social Justice. 2024. Vol. 19. N 1. P. 139–161. DOI: 10.1177/17461979221130431

- [15] Денисова А.Б. Вопрос определения понятия «гражданская позиция» // Известия военного образования Донецкой Народной Республики: сборник материалов VI Республиканской научно-практической конференции. Донецк : ГБОУВО «ДВОКУ», 2022. С. 271–276.
- [16] Smith V.D., Magill K.R., Blevins B., Scholten N. Sorting through citizenship: A case study on using cognitive scaffolding to unpack adolescent civic identity formation // The Journal of Social Studies Research. 2022. Vol. 46. N 3. P. 223–235. DOI: 10.1016/j.jssr.2021.09.002 EDN: HMMAIA
- [17] Carretero M., Haste H., Bermudez A. Civic Education // Handbook of Educational Psychology. London: Routledge Publishers, 2016. P. 295–308.
- [18] Granados-Sánchez J. La competencia transdisciplinar y transformadora a través de la didáctica de la Geografía // La enseñanza de la Geografía en el siglo XXI. Retos, recursos y propuestas docentes ante los nuevos desafíos globales. Publisher: Universidad de Alicante, 2022. P. 51–61.
- [19] Gillern S., Korona M., Wright W., Gould H., Haskey-Valerius B. Media literacy, digital citizenship and their relationship: Perspectives of preservice teachers // Teaching and Teacher Education. 2024. Vol. 138. 104404. DOI: 10.1016/j.tate.2023.104404 EDN: BDCBQB
- [20] Becker J.M. An examination of objectives, needs and priorities in international education in U.S. secondary and elementary schools. New York : Office of Education, 1969.
- [21] Granados-Sánchez J. Sustainable Global Citizenship: A Critical Realist Approach // Social Sciences. 2023. Vol. 12. N 3. P. 171. DOI: 10.3390/socsci12030171 EDN: MUYDJW
- [22] Yuldashov I. The significance of increasing the social activity of the youth in the formation of civil society // ReFocus. 2022. Vol. 1. N 1. P. 144–151.
- [23] Малюгин С.В. Гражданин // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/grazhdanin-1c2a89/?v=5388228> (дата обращения: 19.05.2024)
- [24] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1. М., 1863.
- [25] Марасинова Е.Н. «Рабы» и «граждане» в Российской империи XVIII в. // Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 99–118.
- [26] Радищев А.Н. Беседа о том, что есть сын отечества // Полное собрание сочинений. Т. 1. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. С. 213–224.
- [27] Копыл А.Н. Проблема преемственности в русской педагогике XVIII–XIX вв. // Педагогика. 2006. № 7. С. 74–81. EDN: NBPODD
- [28] Карамзин Н.М. Рассуждение философа, историка и гражданина // Соч. в 2 томах. Т. 2. Л. : Худож. лит., 1984. С. 86–88.
- [29] Куницын А.П. Наставление воспитанникам // Антология педагогической мысли России первой половины 19 века. М. : Педагогика, 1987. С. 141–145.
- [30] Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. «Отечество находится не в географии...»: к вопросу об эволюции традиционных духовно-политических ценностей российской цивилизации // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 263–283. DOI: 10.24030/24092517-2021-0-3-263-283 EDN: IJQGO
- [31] Смирнова Г.Е. Конкретно-речевое употребление понятия «отечество» в русском языке как фактор формирования национальной самоидентичности в России XVIII столетия // Культура и искусство. 2018. № 10. С. 10–15. DOI: 10.7256/2454-0625.2018.10.27589 EDN: SJJICL

- [32] Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Петрозаводск, 1971.
- [33] Виноградов В.В. История слов. М., 1999.
- [34] Казаева Е.А., Дорошук Л.А. Основные направления развития гражданского воспитания // Известия Уральского государственного университета. 2009. Т. 68. № 4. С. 154–163. EDN: KWRBPI
- [35] Чернышевский Н.Г. Русский человек на rendez-vous // Полное собрание сочинений: в 15 томах. Т. 5: Статьи 1858–1859 гг. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 156–174.
- [36] Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб. : Алетейя, 2015.

References

- [1] Malyuk AN. The concept of globalization from the world-system perspective. *Sociological Almanac*. 2017;(8):90–100. (In Russian). EDN: YMAFCR
- [2] Friedman T. *El Lexus y el Olivo*. New York; 2000.
- [3] Dugin AG. *Geopolitics of postmodernity*. Saint Petersburg: Amphora publ.; 2007. (In Russian). EDN: QOHRZF
- [4] Akopov SV. “World nationality” by eyes of it’s critics (five arguments against “saturated” cosmopolitanism of m. Nussbaum). *Managerial consulting*. 2015;(2):107–114. (In Russian). EDN: TLQRYR
- [5] Denisova AB. ICT influence on personality’s motivational and value structure formation. *The world of education is education in the world*. 2016;2:136–142. (In Russian). EDN: WKCAAF
- [6] Khizhnyak VS. World citizenship. In: *The Great Russian Encyclopedia: a scientific and educational portal*. Available from: <https://bigenc.ru/c/mirovloe-grazhdanstvo-6cc38d/?v=4121441> (accessed: 18.05.2024). (In Russian).
- [7] Bhaskar R. *Reflections on metaReality: Transcendence, Emancipation and Everyday Life*. London; 2011.
- [8] Nikolaev MV. Civic education: concept, historical retrospective and features of formation. *Problems of modern pedagogical education*. 2022;(74–2):166–168. (In Russian). EDN: XEETDC
- [9] Nepriyakhin VA. Historiography of civic education in Russia in the post-Soviet period (1991–2020). *Science and School*. 2021;(1):85–91. (In Russian). DOI: 10.31862/1819-463X-2021-1-85-91 EDN: JYQPLG
- [10] Yemelyanova IN, Teplyakova OA. Civic education in the light of normative state guidelines. *Higher school: scientific research: Materials of the Interuniversity International Congress*. Moscow: Infiniti publ.; 2023. P. 46–54. (In Russian). EDN: IGCSFI
- [11] Stewart D-L. Civic Engagement and Resisting “Docile Bodies” in Postsecondary Education. *Teachers College Record*. 2023;125(5):29–38. DOI: 10.1177/01614681231181795 EDN: VQADHS
- [12] Ekman J, Amnå E. Political participation and civic engagement: Towards a new typology. *Human Affairs*. 2012;22(3):283–330. DOI: 10.2478/s13374-012-0024-1
- [13] LeCompte K, Blevins B, Riggers-Piehl T. Developing civic competence through action civics: A longitudinal look at the data. *The Journal of Social Studies Research*. 2020;44(1):127–137. DOI: 10.1016/j.jssr.2019.03.002 EDN: HRZMHO
- [14] Magill KR, Scholten N, Blevins B, Smith VD. The importance of civic culture: Toward intellectual solidarity and community agency. *Education, Citizenship and Social Justice*. 2024;19(1):139–161. DOI: 10.1177/17461979221130431
- [15] Denisova AB. The question of defining the concept of “civil position”. In: *News of military education of the Donetsk People’s Republic: collection of materials of the VI Republican Scientific and Practical Conference*. Donetsk: GBOUVO DVOKU publ.; 2022. P. 271–276. (In Russian).

- [16] Smith VD, Magill KR, Blevins B, Scholten N. Sorting through citizenship: A case study on using cognitive scaffolding to unpack adolescent civic identity formation. *The Journal of Social Studies Research*. 2022;46(3):223–235. DOI: 10.1016/j.jssr.2021.09.002 EDN: HMMAIA
- [17] Carretero M, Haste H, Bermúdez A. Civic Education. In: *Handbook of Educational Psychology*. London: Routledge Publishers; 2016. P. 295–308.
- [18] Granados-Sánchez J. La competencia transdisciplinar y transformadora a través de la didáctica de la Geografía. In: *La enseñanza de la Geografía en el siglo XXI. Retos, recursos y propuestas docentes ante los nuevos desafíos globales*. Publisher: Universidad de Alicante; 2022. P. 51–61.
- [19] Gillern S, Korona M, Wright W, Gould H, Haskey-Valerius B. Media literacy, digital citizenship and their relationship: Perspectives of preservice teachers. *Teaching and Teacher Education*. 2024;(138):104404. DOI: 10.1016/j.tate.2023.104404 EDN: BDCBQB
- [20] Becker JM. *An examination of objectives, needs and priorities in international education in U.S. secondary and elementary schools*. New York: Office of Education; 1969.
- [21] Granados-Sánchez J. Sustainable Global Citizenship: A Critical Realist Approach. *Social Sciences*. 2023;12(3):171. DOI: 10.3390/socsci12030171 EDN: MUYDJW
- [22] Yuldashov I. The significance of increasing the social activity of the youth in the formation of civil society. *ReFocus*. 2022;1(1):144–151.
- [23] Malyugin SV. Citizen. In: *Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal*. Available from: <https://bigenc.ru/c/grazhdanin-1c2a89/?v=5388228> (accessed: 19.05.2024). (In Russian).
- [24] Dal VI. *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*. Vol. 1. Moscow; 1863. (In Russian).
- [25] Marasinova EN. “Slaves” and “citizens” in the Russian Empire of the XVIII century. In: *Introducing European customs and customs among the European people: towards the problem of adaptation of Western ideas and practices in the Russian Empire*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) publ.; 2008. P. 99–118. (In Russian).
- [26] Radishchev AN. A conversation about what the son of the Fatherland is. In: *Complete Works. Vol. 1*. Moscow; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1938. P. 213–224.
- [27] Kopyl AN. The problem of succession (continuity) in russian pedagogy of the 18th–19th centuries. *Pedagogy*. 2006;(7):74–81. (In Russian). EDN: NBPODD
- [28] Karamzin NM. The Reasoning of a philosopher, historian and citizen. In: *Works. In 2 volumes*. Vol. 2. Leningrad: Art. lit. publ.; 1984. P. 86–88. (In Russian).
- [29] Kunitsyn AP. Instruction to pupils. In: *Anthology of pedagogical thought of Russia in the first half of the 19th century*. Moscow: Pedagogika publ.; 1987. P. 141–145. (In Russian).
- [30] Perevezentsev SV, Puchnina OE, Strakhov AB, Shakirova AA. “The Fatherland is not in geography...”: on the question of the evolution of traditional spiritual and political values of Russian civilization. *Notebooks on conservatism*. 2021;(3):263–283. (In Russian). DOI: 10.24030/24092517-2021-0-3-263-283 EDN: IJIQGO
- [31] Smirnova GE. The specific verbal use of the concept of “fatherland” in the Russian language as a factor in the formation of national identity in Russia of the XVIII century. *Culture and Art*. 2018;(10):10–15. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0625.2018.10.27589 EDN: SJJICL
- [32] Radishchev AN. *Journey from From St. Petersburg to Moscow*. Petrozavodsk; 1971. (In Russian).
- [33] Vinogradov VV. *The history of words*. Moscow; 1999. (In Russian).
- [34] Kazaeva EA, Doroshuk LA. The basic directions of history of civic education’s development. In: *Proceedings of the Ural State University*. 2009;68(4):154–163. (In Russian). EDN: KWRBPJ

- [35] Chernyshevsky NG. The Russian man on rendez-vous. *Complete works: In 15 volumes*. Vol. 5. Moscow: State Publishing House of Fiction; 1950. P. 156–174. (In Russian).
- [36] Kutyrev VA. *The last kiss. Man as a tradition*. Saint Petersburg: Aletya publ.; 2015. (In Russian).

Сведения об авторе:

Денисова Алла Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры философии, политологии и социологии, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Российская Федерация, 111250, Москва, ул. Красноказарменная д. 14, стр. 1. ORCID: 0000-0002-4934-5267. SPIN-код: 6812-8349. E-mail: den-alla@yandex.ru

About the author:

Denisova Alla B. – PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Political Science and Sociology, National Research University «Moscow Power Engineering Institute», 14-1 Krasnokazarmennaya St., Moscow, 111250, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-4934-5267. SPIN code: 6812-8349. E-mail: den-alla@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-535-547>

EDN: UPNDZW

Research Article / Научная статья

Kazakhstan's Digitalization Format: Identity and Future

Baizhol I. Karipbayev^{ID}, Samat M. Zhakin^{ID}, Galiya R. Seifullina^{ID}✉

Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan

✉ galiya-magavina@mail.ru

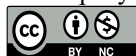
Abstract. These days, digitization is commonly recognized as a global phenomenon. Digital lifestyles are emerging and continually evolving, further amplifying this phenomenon. Technologies such as artificial intelligence, virtual reality, robotics, and autonomous systems are becoming increasingly pervasive. Consequently, human life is undergoing profound digitization. Progressively, the extent of digitization progress is regarded as a crucial determinant of future public and state policy. Successful implementation of digitization projects has significantly influenced human communication, prompted a rethinking of value frameworks, and altered individuals' perceptions of life's meaning. In this context, examining the sociocultural and psychological effects of digitization in general – and network identity in particular – is highly pertinent. This study scrutinizes the nature of digitalization through its impact on individuals' ideological beliefs and on the formation of their identity codes. Given digitalization's contradictory character, Kazakhstan's experience stands out: it juxtaposes the risks of migrating human activity into the digital sphere with the ambitious goals of digital transformation and their ensuing achievements. The peculiarities of Kazakhstan's digitalization policy, with its emphasis on advanced technologies, underscore the need to thoroughly understand the broader phenomenon of digitization. The relevance of this research perspective derives from three imperatives: assessing the potential negative consequences of digitalization, grounding the process in a robust theoretical humanitarian framework, and pinpointing the primary risks associated with network identity in today's digital landscape. This research leverages the epistemic resources of psychology, sociology, cultural studies, and philosophy. Such interdisciplinary synergy enables a more thorough understanding of digitalization's role in shaping a new humanistic worldview. These analytical perspectives enable a comprehensive assessment of both Kazakhstan's specific context and the wider digitization process.

Keywords: worldview, culture, personality, society

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding of Sources. The research was prepared within the framework of the Scientific Project (Grant number BR21882302) “Kazakhstan's society in the context of digital transformation: prospects and risks”, funded by the grant from the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

© Karipbayev B.I., Zhakin S.M., Seifullina G.R., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Contribution of authors. All the authors contributed equally to the conception, preparation and writing of the manuscript.

Article history:

The article was submitted on 17.12.2024

The article was accepted on 07.03.2025

For citation: Karipbayev BI, Zhakin SM, Seifullina GR. Kazakhstan's Digitalization Format: Identity and Future. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):535–547. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-535-547>

Формат цифровизации Казахстана: идентичность и будущее

Б.И. Карипбаев , С.М. Жакин , Г.Р. Сейфуллина

Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
galiya-magavina@mail.ru

Аннотация. В наши дни цифровизация – это глобальное явление. Появляются и постоянно развиваются цифровые стили жизни, что еще больше усиливает это явление. Такие технологии, как искусственный интеллект, виртуальная реальность, робототехника и автономные системы, становятся все более распространенными. Как следствие, человеческая жизнь подвергается глубокой цифровизации. Степень развития цифровизации все чаще рассматривается как важнейший фактор, определяющий будущую государственную и общественную политику. Успешная реализация проектов цифровизации существенно повлияла на человеческое общение, заставила переосмыслить ценностные ориентиры и изменила представления людей о смысле жизни. В этом контексте изучение социокультурных и психологических последствий цифровизации в целом и сетевой идентичности в частности представляется весьма актуальным. В данном исследовании природа цифровизации рассматривается через ее влияние на идеологические убеждения людей и формирование их кодов идентичности. Учитывая противоречивый характер цифровизации, опыт Казахстана выделяется: здесь сопоставляются риски миграции человеческой деятельности в цифровую сферу с амбициозными целями цифровой трансформации и вытекающими из них достижениями. Особенности казахстанской политики цифровизации с ее акцентом на передовые технологии подчеркивают необходимость глубокого понимания более широкого феномена цифровизации. Актуальность данного исследования обусловлена тремя императивами: оценкой потенциальных негативных последствий цифровизации, обоснованием этого процесса в надежной теоретической гуманитарной базе и определением основных рисков, связанных с сетевой идентичностью в современном цифровом ландшафте. В этом исследовании задействованы эпистемологические ресурсы психологии, социологии, культурологии и философии. Такая междисциплинарная синергия позволяет более тонко понять роль цифровизации в формировании нового гуманистического мировоззрения. Эти аналитические перспективы позволяют всесторонне оценить как специфический казахстанский контекст, так и более широкий процесс оцифровки.

Ключевые слова: мировоззрение, культура, личность, общество

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование подготовлено в рамках Научного проекта (Грант № BR21882302) «Казахстанское общество в условиях цифровой трансформации: перспективы и риски», финансируемого по гранту Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Вклад авторов. Все авторы внесли равный вклад в концепцию, подготовку и написание текста.

История статьи:

Статья поступила 17.12.2024

Статья принята к публикации 07.03.2025

Для цитирования: *Karipbayev B.I., Zhakin S.M., Seifullina G.R. Kazakhstan's Digitalization Format: Identity and Future // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 535–547. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-535-547>*

Introduction

The digital turn may be understood as the most recent stage within a continuum of socio-cultural-historical “turns” that have defined the twentieth and twenty-first centuries – ontological, linguistic, iconic, anthropological, theological, performative, pragmatic, and others. In this light, endeavors to proffer speculative, introspective examinations of “humanity and digital reality” risk encountering a fundamental paradox in conventional philosophical discourse, which customarily opens with the formula “human and...” (most often “world,” “society,” or “science”).

Cartesian epistemological optimism concerning the bifurcation of subject and object underlies ideological constructs framed as “man and ...” Given today’s digital milieu, it becomes both imperative and advantageous to reconceptualize this discourse from an alternative vantage. In particular, by adopting a reverse lens, one merely transposes the conventional formulation “man and digital reality” into “digital reality and man.” This inversion is justified because digital reality – rather than humanity – constitutes the foundational condition of our anthropological existence. Consulting the pertinent studies [1–4] further demonstrates that this reordering effectively neutralizes any essentialist or substantialist critiques.

Consequently, the following preliminary disclaimers and theoretical frameworks are essential for a comprehensive examination of network identity:

The process of digitization is fundamentally technological rather than merely technical. Accordingly, technologies are not just mechanically integrated into human existence; they constitute its very foundation [5]. Therefore, in the context of this paradigmatic leap – rather than a gradual transformation – a systemic-structural analysis is required instead of a purely functional one.

We might infer that the essence of network identity is not digital, just as Heidegger famously asserted that the essence of technology is not technological

[6. P. 221–238]. In other words, we should avoid reducing this issue to a purely technical perspective concerned only with specific tools and skills required to operate them.

Contemporary scientific research employs the following conceptualizations of “network identity”:

A) A dimension of network community membership pertains to the primary activities in which participants engage, particularly those associated with computer technology.

B) A concept that denotes identity as dynamic, multifaceted, and malleable.

C) The manifestation of an individual’s virtual persona or a “double” as they curate and project themselves on social media.

D) An autonomous agent endowed with a distinct virtual identity that operates within digital environment and exhibits characteristics separate from its offline persona [7].

Generally, most contemporary humanities studies of digitization lack the scope necessary to fully apprehend its historicity and epochal significance, even when grounded in discipline-specific research and localized data collection. An explicit understanding of the network (virtual) identity requires a substantially broader contextual and semantic framework. We must move beyond conceiving the virtual realm solely in terms of social networks or the Internet.

We may conceptualize the virtual as an ontological condition of genuine emergence formation – an unpredictable emergence of the new [8] – thereby introducing productivity and creativity into our framework, in keeping with the spirit of critical theory [9] and the skeptical tradition [10]. Hence, a network identity can be conceived as an emergent presence, a contingent entity. Moreover, the virtual may be considered a resource endowed with a “chaosmotic” capacity to generate actual forms across a plurality of possible trajectories [11]. Consequently, the socio-cultural virtual may be accorded genuine ontological significance – regarded as the foundational substrate of human reality – rather than being confined to the traditional epistemological function of unmasking mere appearances [12].

In addressing Korzybski’s [13] conundrum on the relationship between symbol and referent – here, technique and phenomenon – the postmodernist interpretation of network identity proves especially apt. This homology emerges in the communicative and informational dimensions of network identity, which can be conceived metaphorically as a text: a tapestry woven from diverse narrative modes and structures. Taking into account that multiplicity, dynamism, and mobility constitute the primary attributes of network identity [14. P. 42–57], we can reintroduce elements of Derrida’s textual theory [15] to conceptualize network identity as a complex, polysemic structure that emerges through the ongoing interaction of heterogeneous semiotic spaces and structures. This approach guarantees an infinitely branching semantic multiplicity.

Digitalization in contemporary Kazakhstan demands a thorough reconceptualization of the basic frameworks underpinning traditional sociocultural

practices, which will inevitably be shaped by both positive and negative factors within the context of global networked communication. In this regard, concerns such as the ethical dimensions of digital culture and preservation of traditional axiology amid globalization are intrinsically linked to the challenges of network identity and its broader implications.

Engaging with the rhizomatic space of digital reality, which hosts radically new cultural practices, requires psychological readiness, technological proficiency, and, above all, cognitive agility.

In the Lacanian sense [16], the discourse of capitalism readily integrates into contemporary Kazakhstani society, which has not yet adapted to the new-media era. Thus, the central questions shift from “why?” and “for what purpose?” to “how?” Specifically: How can we navigate and sustain ourselves in this environment?

Materials and methods

Digitalization is a complex, multidimensional process that requires a sophisticated methodological foundation, given its impact on all significant aspects of both public and private life.

Numerous humanitarian techniques were employed in order to construct the conceptual framework of the paper and to theoretically substantiate many clauses. However, there is a broad variety of humanitarian approaches for various heuristic interpretations of the digital transition and its effects:

1. According to M. McLuhan’s [17] already-classical thesis, the type of media that people utilize determines the course of human history. Moreover, insofar as McLuhan characterizes media as extensions of the human body that amplify its capacities and appropriate novel domains, one may infer that digital media symbolically deterritorialize the human subject by enabling the emergence of networked identities. With an emphasis on examining how the media affects culture and society, McLuhan’s theory combines elements of media theory, sociology, and philosophy. The cornerstone of McLuhan’s theory is “technological determinism”, which asserts that communication media shape both the content and structure of cultural processes and, in turn, govern how individuals perceive and participate in society. His concept of the “global village” conveys that modern communication technologies generate conditions in which people transcend temporal and spatial boundaries, drawing them closer and fostering deeper interconnection.

2. In light of Baudrillard’s theory of the simulacrum [18], contemporary digitalization may be regarded as a recontextualization of the sign – from the register of visibility into the sphere of simulation – advancing from the third order of the image, defined by counterfeiting and the occlusion of reality’s absence, to the fourth order, distinguished by the utter obliteration of any correspondence with reality. Baudrillard’s simulacrum theory offers a conceptual framework that synthesizes critical theory, postmodernism, and poststructuralism. According to the core tenet of this theory, reality progressively diverges from any originals in the

contemporary world, becoming a “simulacrum” – a copy without an original, or even one that never existed.

3. Debord’s notion of the “integrated spectacle society” [19] elucidates the paradoxical convergence of coercive pseudo-pleasure modalities – anchored in neoliberal consumerism and bureaucratic-policing apparatuses. Within this paradigm, digital technologies assume an instrumental function by transposing the substance of social reality into a boundless expanse of representations. Debord’s theory, grounded in situationist critique and poststructuralist thought, aims to furnish a critical diagnosis of contemporary society. The basic premise is that modern life has devolved into a show, in which illusion and reality blend together to provide the appearance of reality.

4. According to R. Debreu’s mediaology [20], digitalization represents a new phase in the media’s ongoing dialectic of ideological, political, and religious conflicts, ultimately giving rise to “mediaocracy”, the rule of intermediaries that inevitably descends into mediocrity. Debreu’s mediaological framework offers a comprehensive analytical lens for examining the interplay between various mass communication channels and sociocultural dynamics. Grounded in semiotics, philosophy, and cultural studies, this theory posits that media play a decisive role in shaping social consciousness and cultural evolution.

The two-faced digitalization, traditions and understanding

The ambiguity of digital culture is expressed in many works of various directions. If the “bright part” of informatization is obvious: speed, miniaturization of technology, precision, and intelligence, then the “gray part” worries many researchers.

First, let’s consider, perhaps, the obvious, but at the same time complex idea of the virtue of digitalization. Technology in general makes people’s lives better in qualitative and quantitative terms. Analog technology, preceding digital, is essential, it can be understood and touched. Digital in this regard is almost magical, based on numbers, and like the Pythagorean system is comprehensive.

An interesting model for considering digitalization was developed by Bhutani and Paliwal. They presented the 5C model – Conscious, Connected, Compliant, Collaborative, and Contended – as a basis for achieving sustainable and inclusive growth through digitalization [21]. This model represents main attributes of the digital society.

It is digital technologies that now allow us to communicate at a distance, send rockets into space, develop ideas and implement them. The positive part of the digital world is undeniable, however, like any human invention, it has a “gray part”. Hassan argues that digitalization introduces a special form of alienation that diverges from analog culture. The transition to digital has created a “radical alienation”, where digital consumption increases control and separation from traditional culture, creating new problems for human self-realization and social

connections. This alienation is exacerbated by a shift in the processes of cultural formation, which are increasingly mediated by technology. Hassan criticizes theorists such as Lev Manovich and Bernard Stiegler for their optimistic but ultimately “unsuccessful” vision of digital culture. Manovich’s notion of “transcoding” (where analogue forms are processed into digital formats) and Stiegler’s “telecracy” (the political potential in digital environments) are seen as limited frameworks that ignore the profound impact of digital consumerism and its disconnection from human-centred values [22].

Digitalization, while often being beneficial, has always had unintended negative consequences. These include such phenomena as technostress, technology addiction, privacy concerns, and deviant online behavior (for example, cyberbullying).

By viewing the “digital human” as a product of converging technologies and cyber-physical systems, the essence of human identity is assumed to be lost. There is a risk of reducing humans to automated functions or “digital zombies”, disconnected from the full human experience.

Results and discussion

As such, the process of digitalization of Kazakhstan began from the moment of independence. The end of the 20th century is a period of the formation of a real digital reality. The first president of independent Kazakhstan in his address to the people in 1997 highlighted the long-term priority of the development of telecommunications and issued a decree on the creation of a “Single Digital Space”.¹ From 2000 to 2010, a number of laws and decrees was adopted, approving the country’s digitalization policy. The most significant are the law on “Electronic Document and Electronic Digital Signature” and the launch of the e-government portal eGov.kz in 2006.² Subsequently, the programs “Informational Kazakhstan” and “Digital Kazakhstan” were adopted and implemented. All of them were aimed at increasing the informatization of all life spheres of the citizens of the Republic of Kazakhstan. As for local studies of digitalization as of a necessary process, and in some sense vital, a simple idea is postulated: the technological digital development of Kazakhstan is an important condition for creating a competitive and successful state [23]. The authors argue that Kazakhstan needs a unique digitalization model that not only stimulates the adoption of technology but also enhances social justice. This dual focus reflects an innovative perspective, linking digital equality with broader goals of social equality. The motivation for total digitalization is simple: economically and culturally successful countries have high digitalization rates [24]. The results of self-determination of the digital Kazakhstan

¹ On the formation of a unified information space in the Republic of Kazakhstan. Available from: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U970003787_info (accessed: 04.12.2024). (In Russian).

² On Electronic Document and Electronic Digital Signature. Available from: <https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z030000370> (accessed: 04.12.2024).

are currently based on the Digital Kazakhstan program. We consider this Program as the main vector of self-determination of Kazakhstani society in the digital era and highlight the main supporting aspects.

The initial direction and, in general, the problem of digitalization of Kazakhstan is development of the digital infrastructure. It is considered to be a foundation for digital self-determination. Kazakhstan, focusing on high-speed Internet and improving telecommunications networks, creates the basis for access to information and technology. Digital infrastructure becomes a means through which society perceives reality. By creating its own infrastructure, Kazakhstan forms a unique “digital being” that reflects national values and culture. The development of digital infrastructure provides a wide range of the population with access to information, education and electronic services. This contributes to an increase in standards of living and opens up new opportunities for self-development. By investing in infrastructure in remote and rural areas, Kazakhstan seeks to reduce inequality between urban and rural residents, providing equal opportunities for all. This can be traced by the level of digital literacy of the population: since 2018, this level at the age of 6–74 was 79.6%, and by 2024 it amounted to 91.2%.³

Modern infrastructure attracts foreign investment, promotes development of technology startups and increases country’s competitiveness on the global stage. Developed infrastructure, in turn, allows Kazakhstan to participate in global supply chains and electronic trading platforms. Of course, the construction and maintenance of infrastructure require significant investment, which can become a burden on the state budget. The use of imported equipment and technologies can lead to dependence on foreign suppliers and potential security threats. Infrastructure development raises questions about the role of technology in society. According to J. Ellul, technology can become an autonomous force influencing social structures. Therefore, the issue of not just the introduction of technology is acute, but also the need to understand an impact on culture and society [25].

The next aspect of digital self-determination is the functioning of e-government. The introduction of e-government is aimed at increasing the transparency and efficiency of public services. This reduces bureaucracy and brings the state closer to its citizens. It should be noted that Kazakhstan was one of the first countries in the CIS to form a fairly successful “E-government” system. Currently, Kazakhstan ranks 24th in the e-government development index. For instance, in 2022, Kazakhstan was in 28th place, which indicates the development of the e-government system.⁴

Through the prism of Foucault, power and knowledge are interconnected [26]. E-government redistributes power by making information available to citizens and,

³ Information and communication technologies and communications. Available from: <https://stat.gov.kz/en/industries/business-statistics/stat-it/dynamic-tables/> (accessed: 04.12.2024).

⁴ UN E-Government Survey 2024. Available from: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/#0> (accessed: 04.12.2024).

thus, changes the dynamics between the state and society. However, not all citizens have the necessary skills or access to technology, which may limit their ability to use e-services. Electronic systems may become a target for cyber-attacks, which puts data privacy at risk.

The implementation of e-government is associated with Max Weber's ideas on the rationalization of bureaucracy [27]. However, excessive rationalization can lead to an "iron cage" of bureaucracy, where the human factor and individuality are lost. Therefore, it is important to maintain the balance between efficiency and human interaction.

It is well known that cybersecurity is becoming critical in the era of digitalization. Kazakhstan seeks to protect its digital borders from cyber threats while maintaining the integrity of national systems and data.⁵

The balance between protecting citizens and preserving their rights and freedoms is a difficult ethical dilemma. According to Kant, moral actions should be based on the categorical imperative, that is, on principles applicable to everyone [28]. In relation to cybersecurity, this means creating such protection measures that do not infringe on human rights. That is what sometimes technologies cannot practically implement. These contradictions arise at the level of values. Freedom of privacy can be used to violate laws, an example of such cases is Telegram and France's claims against the creator of the messenger P. Durov.⁶

Lavazza and Farina suggest that datafication may inherently limit human freedom by promoting instrumental thinking and reducing people to data points. This reductionism is seen as antithetical to the classical notion of autonomy and freedom, where people have the ability to make unique, context-dependent decisions [29].

This logically brings us to data sovereignty, which implies state control over domestically generated data. Kazakhstan is developing policies to ensure that data is stored and processed in accordance with national interests. In Hegel's view, a state is an embodiment of the common spirit of people [30]. Thus, the data control becomes a modern expression of this spirit, where data represents collective knowledge and experience. However, the question of individual versus collective rights arises. J. Locke argued that personal property and rights should not be violated by the state. Thus, the balance between national sovereignty and citizens' rights to privacy becomes a central philosophical question [31].

Discussing digitalization, we primarily touch upon the digital economy. The world's leading companies are engaged in digital technologies. A transition to the digital economy allows Kazakhstan to diversify its economic sources, reducing its dependence on natural resources. Which is very important for the country, since the main source of income for the country's treasury comes from raw materials.

⁵ On the approval of the Cybersecurity Concept ("Cyber Shield of Kazakhstan"). Available from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000407> (accessed: 10.12.2024). (In Russian).

⁶ Telegram chief Durov denounces French charges as 'surprising' and 'misguided'. Available from: <https://www.france24.com/en/europe/20240905-telegram-chief-durov> (accessed: 10.12.2024).

Kazakhstan's digital self-determination is an act of existential choice reflecting the nation's desire for self-realization in the digital world. Sartrean existentialism emphasizes responsibility for one's own existence. Kazakhstan, choosing the path of digital transformation, takes responsibility for its future, forming a unique identity in the global context. Currently, it ranks 34th out of 64 countries in the digital competitiveness rating.⁷

Conclusion

The Kazakhstan digitalization format is a unique approach to integrating modern technologies into the socio-economic fabric of the country, taking into account its historical, cultural and geopolitical features. Having set an ambitious goal – to become a leader in the region in digital innovation, Kazakhstan is taking comprehensive measures aimed at transforming key areas of society. Kazakhstan, located at the crossroads of Europe and Asia, is forming its own path to the digital future, combining the best world practices with national priorities and values. The Kazakhstan digitalization format is not just a technical modernization, but also a profound transformation of society aimed at improving the quality of life of every citizen. Facing typical problems of digitalization, Kazakhstan is changing, becoming an increasingly technocratic state.

References

- [1] Berger P, Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Rutkevich ED, transl. Moscow: Medium publ.; 1995. (In Russian).
- [2] Foucault M. *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. Vizgina VP, Avtonomova NS, transl. Saint Petersburg: A-cad publ.; 1994. (In Russian).
- [3] Bostrom N. *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Filin S, transl. Rapoport T, editor. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber publ.; 2016. (In Russian).
- [4] Haraway D. *Staying with the Trouble. Making Kin in the Chthulucene*. Pisarev A, Khamis D, Khanova P, transl. Perm: Gile Press publ.; 2020. (In Russian).
- [5] Kutyrev VA, Slyusarev VV, Khushyainov TM. *Humanity and Technos: Philosophy of Coevolution*. Saint Petersburg: Aleteiya publ.; 2020. (In Russian). EDN: AQWUIZ
- [6] Heidegger M. The Question Concerning Technology. In: *Time and Being: Articles and Speeches*. Bibikhin VV, transl. Moscow: Respublika publ.; 1993. (In Russian).
- [7] Kosenchuk L. Conceptions of Virtual or Network Identity: Critical Analyses. *Modern problems of science and education*. 2014;(5). Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14630> (accessed: 02.12.2024). (In Russian).
- [8] Meillassoux Q. Subtraction and Contraction: Deleuze, Immanence, and Matter and Memory. *Collapse*. 2007;63–107.
- [9] Markov A. *Critical Theory*. Moscow: Ripol-Klassik publ.; 2021. (In Russian). EDN: EIOXSI
- [10] Vizgin V. *On the way to the Other. From the school of suspicion to the philosophy of trust*. Moscow: ID YaSK publ.; 2011. (In Russian).

⁷ IMD World Digital Competitiveness Ranking. Available from: <https://imd.widen.net/s/xvhldkrkw/20241111-wcc-digital-report-2024-wip> (accessed: 10.12.2024).

- [11] Deleuze G, Guattari F. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. Kralechkin D, transl. Yekaterinburg: U-Factoria publ.; 2007. (In Russian).
- [12] Plyutto P. *Research of the reality of the socio-cultural virtual: An attempt to analyze socio-cultural illusions*. Moscow: Progres-Traditsiya publ.; 2014. (In Russian).
- [13] Korzybski A. *Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics*. New York: Institute of General Semantics; 1994.
- [14] Doring N. *Sozialpsychologie des Internet: Die Bedeutung des Internet für Kommunikationsprozesse, Identitäten, soziale Beziehungen und Gruppen*. Göttingen: Hogrefe; 2003.
- [15] Derrida J. *Positions*. Bibikhin VV, transl. Moscow: Academic project publ.; 2007. (In Russian).
- [16] Boltanski L, Chiapello E. *The New Spirit of Capitalism*. Fokin S, transl. Fokin S, editor. Moscow: NLO publ.; 2011. (In Russian). EDN: QOMGMJ
- [17] McLuhan M, Fiore Q. *War and Peace in the Global Village*. Letberg I, transl. Moscow: AST publ.; 2012. (In Russian).
- [18] Baudrillard J. *Simulacra and simulation*. Kachalov AV, transl. Moscow: Ripol-klassik publ.; 2017. (In Russian).
- [19] Debord G. *Comments on the Society of the Spectacle*. Moscow: Logos publ.; 2023. (In Russian).
- [20] Debre R. (2009). *Introduction to medialogy*. Skuratov BM, transl. Moscow: Praxis publ.; 2009. (In Russian).
- [21] Bhutani S, Paliwal Y. Digitalization: A Step Towards Sustainable Development. *OIDA International Journal of Sustainable Development*. 2015;8(12):11–24.
- [22] Hassan R. The Culture of Digitality. In: *The Condition of Digitality: A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life*. University of Westminster Press; 2020. P. 129–158. DOI: 10.16997/book44.f
- [23] Mamrayeva DG, Toxambayeva AB, Tashenova LV. Industry digitalization in the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of Karaganda University*. 2022;1(1):54–67. DOI: 10.31489/2022ec1/54-67 EDN: NYHUEI
- [24] Yermekbaeva D, Rakhmatullina A. The Importance of Implementing Digitalization in Kazakhstan. *Eurasian Journal of Economic and Business Studies*. 2020;3(3):40–55. DOI: 10.47703/ejeb.v3i57.19 EDN: KEXCSK
- [25] Ellul J. *Technological Society*. New York: Random House; 1967.
- [26] Foucault M. *Discipline and Punish. The Birth of Prison*. Sheridan A, transl. New York: Vintage Books; 1999.
- [27] Weber M. *Economy and Society*. Tribe K, transl. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press; 2019.
- [28] Kant I. *Foundations of the Metaphysics of Morals*. Gregor M, transl. Cambridge: Cambridge University Press; 1998. DOI: 10.1017/CBO9780511809590
- [29] Lavazza A, Farina M. Infosphere, Datafication, and Decision-Making Processes in the AI Era. *Topoi*. 2023;(42):843–856. DOI: 10.1007/s11245-023-09919-0 EDN: JPKSUU
- [30] Hegel GWF. *Elements of the Philosophy of Right*. Nisbet HB, transl. Wood AW, editor. New York: Cambridge University Press; 1991. DOI: 10.1017/CBO9780511808012
- [31] Locke J. *Two Treatises of Government*. Available from: https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_1.pdf (accessed: 11.12.2024). (In Russian).

Список литературы

- [1] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М. : Медиум, 1995.

- [2] Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб. : А-сэд, 1994.
- [3] Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина, под ред. Т. Рапопорт. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016.
- [4] Харауэй Д. Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в Хтулucose / пер. с англ. А. Писарева, Д. Хамис, П. Хановой. Пермь : Гиле Пресс, 2020.
- [5] Кутырев В.А., Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М. Человечество и технос: философия козволюции. СПб. : Алетейя, 2020. EDN: AQWUIZ
- [6] Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Библихина. М. : Республика, 1993.
- [7] Косенчук Л. Концепции виртуальной или сетевой идентичности: критический анализ // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14630> (дата обращения: 02.12.2024).
- [8] Meillassoux Q. Subtraction and Contraction: Deleuze, Immanence, and Matter and Memory // Collapse. 2007. P. 63–107.
- [9] Марков А. Критическая теория. М. : Рипол-Классик, 2021. EDN: EIOXSI
- [10] Визгин В. На пути к Другому. От школы подозрения к философии доверия. М. : ИД ЯСК, 2011.
- [11] Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Д. Кралечкина. Екатеринбург : У-Фактория, 2007.
- [12] Плюмто П. Исследование реальности социокультурного виртуального: Опыт анализа социокультурных иллюзий. М. : Прогрес-Традиция, 2014.
- [13] Korzybski A. Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics. New York : Institute of General Semantics, 1994.
- [14] Doring N. Sozialpsychologie des Internet: Die Bedeutung des Internet für Kommunikationsprozesse, Identitäten, soziale Beziehungen und Gruppen. Göttingen : Hogrefe, 2003.
- [15] Деппида Ж. Позиции / пер. с фр. В.В. Библихина. М. : Академический проект, 2007.
- [16] Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / пер. с фр. С. Фокина, под ред. С. Фокина. М. : НЛО, 2011. EDN: QOMGMJ
- [17] Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне / пер. с англ. И. Летберга. М. : АСТ, 2012.
- [18] Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. В. Качалова. М. : Рипол-классик, 2017.
- [19] Дебор Г. Комментарии к обществу спектакля. М. : Логос, 2023.
- [20] Дебре Р. Введение в медиологию / пер. с фр. Б.М. Скуратова. М. : Практикс, 2009.
- [21] Bhutani S., Paliwal Y. Digitalization: A Step Towards Sustainable Development // OIDA International Journal of Sustainable Development. 2015. Vol. 8. No. 12. P. 11–24.
- [22] Hassan R. The Culture of Digitality // The Condition of Digitality: A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life. University of Westminster Press, 2020. P. 129–158. DOI: 10.16997/book44.f
- [23] Mamrayeva D.G., Toxambayeva A.B., Tashenova L.V. Industry digitalization in the Republic of Kazakhstan // Bulletin of Karaganda University. 2022. Vol. 1. No. 105. P. 54–67. DOI: 10.31489/2022ec1/54-67 EDN: NYHUEI
- [24] Yermekbaeva D., Rakhmatullina A. The Importance of Implementing Digitalization in Kazakhstan // Eurasian Journal of Economic and Business Studies. 2020. Vol 57. No. 3. P. 40–55. DOI: 10.47703/ejeb.v3i57.19 EDN: KEXCSK
- [25] Ellul J. Technological Society. New York : Random House, 1967.
- [26] Foucault M. Discipline and Punish. The Birth of Prison / transl. from French by A. Sheridan. New York : Vintage Books, 1999.

- [27] *Weber M.* Economy and Society / transl. by K. Tribe. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 2019.
- [28] *Kant I.* Foundations of the Metaphysics of Morals / transl. by M. Gregor. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. DOI: 10.1017/CBO9780511809590
- [29] *Lavazza A., Farina M.* Infosphere, Datafication, and Decision-Making Processes in the AI Era // *Topoi*. 2023. Vol. 42. P. 843–856. DOI: 10.1007/s11245-023-09919-0 EDN: JPKSUU
- [30] *Hegel G.W.F.* Elements of the Philosophy of Right / transl. by H.B. Nisbet, edited by A.W. Wood. New York : Cambridge University Press, 1991. DOI: 10.1017/CBO9780511808012
- [31] *Локк Дж.* Два трактата о правлении. Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_1.pdf (дата обращения: 11.12.2024).

About the authors:

Karipbayev Baizhol I. – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Theory of Culture, Faculty of Philosophy and Psychology, Karaganda Buketov University, 28 Universitetskaya St., Karaganda, 100026, Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-3787-1307. SPIN-code: 1964-5083. E-mail: karipbaev@mail.ru

Zhakin Samat M. – Master of Humanities, Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Theory of Culture, Faculty of Philosophy and Psychology, Karaganda Buketov University, 28 Universitetskaya St., Karaganda, 100026, Kazakhstan. ORCID: 0009-0000-4644-3788. E-mail: samatsky7@gmail.com

Seifullina Galiya R. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theory of Culture, Faculty of Philosophy and Psychology, Karaganda Buketov University, 28 Universitetskaya St., Karaganda, 100026, Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-3220-6233. SPIN-code: 4646-2828. E-mail: Galiya-magavina@mail.ru

Сведения об авторах:

Карипбаев Байжол Искакович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и теории культуры, факультет философии и психологии, Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Казахстан, 100026, Караганда, ул. Университетская, д. 28. ORCID: 0000-0002-3787-1307. SPIN-код: 1964-5083. E-mail: karipbaev@mail.ru

Жакин Самат Манатович – магистр гуманитарных наук, старший преподаватель кафедры философии и теории культуры, факультет философии и психологии, Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Казахстан, 100026, Караганда, ул. Университетская, д. 28. ORCID: 0009-0000-4644-3788. E-mail: samatsky7@gmail.com

Сейфуллина Галия Рустембековна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и теории культуры, факультет философии и психологии, Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Казахстан, 100026, Караганда, ул. Университетская, д. 28. ORCID: 0000-0003-3220-6233. SPIN-код: 4646-2828. E-mail: Galiya-magavina@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-548-564>
EDN: UPYASG

Research Article / Научная статья

Social Freedom and Critical Theory: The Tension Axel Honneth's Political Philosophy and his Critical Programme

László G. Szücs

Budapest City Archives, Budapest, Hungary

 szucsulasz2023@gmail.com

Abstract. Axel Honneth's work *Das Recht der Freiheit – Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit* (2011) is an original attempt at a synthesis: you can read it as a classical work on political philosophy and as a program of a renewal of a critical social theory. Since he wrote the book, he has held lectures about the philosophy of social freedom in connection with some basic ideas of the book. The investigation of these lectures makes it possible for us to focus more on the book's philosophical profile and analyze it in the context of the classical philosophical tradition. In my study, I give an outline of this political-philosophical profile when I reconstruct the thread of thought with which Honneth works out the theory of "social freedom." According to my presumption, we can see the emergence of a political philosopher who reconsiders the arguments of classical political philosophers in a very innovative way. At the same time, some weaknesses of Honneth's synthesis can be pointed out while reconstructing his theory. By approaching classical philosophical tradition, Honneth contradicts the program from which he hopes to gain the renewal of a critical theory based on "dialogue" and social analysis. In this study, I will compare Axel Honneth's critical social theory as it is outlined in this work with his critical assumptions as they unfold in his earlier works. I also critique, from the perspective of the unfolding thought process, Honneth's analysis of social pathologies in relation to the concept of "law" and the concept of "negative freedom".

Keywords: Hegelianism, politics, negative freedom, social freedom

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Funding of Sources. The study was written with the support of the Post-doctorate Premium Researcher Programme of the Hungarian Academy of Sciences.

Article history:

The article was submitted on 05.06.2024

The article was accepted on 03.03.2025

© Szücs L.G., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Szücs LG. Social Freedom and Critical Theory: The Tension Axel Honneth's Political Philosophy and his Critical Programme. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):548–564. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-548-564>

Социальная свобода и критическая теория: напряженная связь между политической теорией Акселя Хоннета и его критической программы

Л.Г. Сюч

Будапештский государственный архив, Будапешт, Венгрия

 szucslasz2023@gmail.com

Аннотация. Работа Акселя Хоннета «Право на свободу: набросок демократической нравственности» (2011) представляет собой оригинальную попытку синтеза: ее можно рассматривать как классическую работу по политической философии и как программу обновления критической социальной теории. С тех пор как он написал эту книгу, он читал лекции о философии социальной свободы в связи с некоторыми основными идеями книги. Изучение этих лекций позволяет нам больше сосредоточиться на философском аспекте книги и проанализировать ее в контексте классической философской традиции. В своем исследовании я в общих чертах описываю этот политико-философский профиль, реконструируя ход мыслей, с помощью которого Хоннет разрабатывает теорию «социальной свободы». Согласно моему предположению, мы можем наблюдать появление политического философа, который переосмысливает аргументы классических политических философов в очень инновационном ключе. В то же время, реконструируя его теорию, можно отметить некоторые слабые стороны синтеза Хоннета. Обращаясь к классической философской традиции, Хоннет вступает в противоречие с программой, на основе которой он надеется добиться обновления критической теории, основанной на «диалоге» и социальном анализе. В этом исследовании я сравню критическую социальную теорию Акселя Хоннета в том виде, в каком она изложена в этой работе, с его критическими предположениями, изложенными в его более ранних работах. Я также подвергаю критике, с точки зрения развивающегося мыслительного процесса, проведенный Хоннетом анализ социальных патологий в связи с концепцией «закона» и концепцией «негативной свободы».

Ключевые слова: гегельянство, политика, негативная свобода, социальная свобода

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование было написано при поддержке программы «Пост-докторская премия исследовательская программа» Венгерской академии наук.

История статьи:

Статья поступила 05.06.2024

Статья принята к публикации 03.03.2025

Для цитирования: Szücs L.G. Social Freedom and Critical Theory: The Tension Axel Honneth's Political Philosophy and his Critical Programme // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 548–564. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-548-564>

Social Freedom and Critical Theory. The Tension between Political Philosophy and a Critical Programme of Axel Honneth

Axel Honneth's work *Das Recht der Freiheit* (2011) is an original attempt at a synthesis: you can read it as a classical work on political philosophy and as a program of a renewal of a critical social theory. Since the time he wrote the book, he has held lectures about the philosophy of social freedom¹ in connection with some basic ideas of the book. The investigation of these lectures makes it possible for us to focus more on the book's philosophical profile and analyze it in the context of the classical philosophical tradition. In my study, I provide an outline of this political-philosophical profile when I reconstruct the thread of thought with which Honneth works out the theory of "social freedom." According to my presumption, we can see the emergence of a political philosopher who reconsiders the arguments of classical political philosophers in a very innovative way. At the same time, some weaknesses of Honneth's synthesis can be pointed out while reconstructing his theory. By approaching classical philosophical tradition, Honneth contradicts the program from which he hopes to gain the renewal of a critical theory based on "dialogue" and social analysis.

The status of political philosophy

The introduction of *Das Recht der Freiheit* holds against contemporary political philosophy in that it makes itself independent of the current historical-social conditions and focuses on purely normative viewpoints. Contrary to the tradition built on Kant, the introduction strives to develop a normative theory that does not regard the norms of social criticism in a perspective independent from society but links them to the constitutive values of the members of the given societies. According to the outlined theory, the reproduction of social institutions cannot be imagined without values shared commonly by the members of the society – values that make the current institutions seem worthy of identification. However, if it is possible to identify some unspoken, shared values and idealizations despite social conflicts, there is no point in binding social criticism to utopistic ideas [1. S. 81]. Instead, critics should rather confine themselves to the mapping of those common expectations that members of the society have towards themselves and

¹ Honneth gave a lecture at the University of Chicago on November 12, 2014, titled "Three, Not Two Concepts of Freedom". (There is a video made of the lecture: <https://www.youtube.com/watch?v=wsIFRjaGyRQ>). The lecture was repeated in German with some changes at the Goethe Institute of Budapest on May 14, 2015. titled "Drei, nicht zwei Begriffe der Freiheit. Ein Vorschlag zur Erweiterung unseres moralischen Selbstverständnisses".

their institutions. Thus, the program based on a *normative social reconstruction* considers the philosophical intention to explore rational norms necessary for criticism as inseparable from the social-scientific examination of the tacitly accepted value orientation of action and of the norms that manifest in the existing social institutions.

After this methodological guideline, one might expect Honneth to follow a “realistic” justification strategy. For example, one expects that historical-social circumstances leading to the birth of a modern subject striving for its autonomy are explored within the framework of *normative social reconstruction*, that the so far less known institutional background of the theories of democracy and human rights is outlined, that the contradictions and pathological features of the institutional background are pointed out. Instead, Honneth breaks with the social and historical interpretation of the method of normative social reconstruction and emphasizes his viewpoint about freedom in the context of the history of philosophy.

The German legal philosopher Christoph Möllers considers the part of *Das Recht der Freiheit* dealing with the history of philosophy merely as a fascinating historical introduction, which, in essence, is separate from the argumentation of the book [2]. However, from the perspective of the lectures given in 2014/15, this theoretical and historical reasoning has to be considered the most important part of Honneth’s work. He basically develops his typology of freedom in the context of the history of philosophy and offers arguments for the priority of social freedom in this context. In my opinion, however, his dialogue with classical and modern philosophers is of special importance from the perspective of the method of *normative social reconstruction*. Honneth argues that the validity of the normative principles leading people is not independent of the social and cultural background where these principles developed. On the other hand, he interprets works of political philosophy as experiments mapping “the normative culture of modern societies.” From this perspective, the task of social philosophers is not to arrive at universally valid principles in logically coherent proceedings. As Habermas states, this can be interpreted as if it was impossible to engage in a context-free universal moral discourse [3. S. 200]. The philosopher always connects to discourses of self-interpretation. In these discourses, the philosopher selects and reinterprets those attempts of interpretations that are the most adequate expressions of the normative self-image of modern man, the basic principles of which can serve as the foundation for a social practice providing the greatest possible freedom and justice in real social-historical circumstances.

Honneth’s starting point is that the self-image of a modern man considering himself worthy of freedom is built on two contradictory viewpoints of freedom. The normative culture of modernity is dominated by the view that the key to freedom is a space free from interference where the individual can act per his goals and inclinations. There seems to be a contradiction to the common assumption that people have dignity because they act according to principles they consider right. This means they either act following the principles they created or have such

collective values or norms that help them lead an authentic life [4. S. 120]. This explains that Honneth turns to Isaiah Berlin's work for its definition when defining an adequate notion of freedom. He developed an accurate definition of these two types: the notions of *negative* and *positive freedom*.

Berlin characterized negative freedom as the freedom "from something." In Honneth's interpretation, this means that the individual can act free from any interference, or in a more radical interpretation, the possible control mechanisms concerning individual goals are eliminated. Positive freedom, freedom "for something," has a variety of forms where actors clarify and define their driving forces in a collective or reflexive procedure. As it is well known, Berlin's liberal argumentation tries to save the society structured around negative freedom from totalitarianism, nationalism, communism, and the dangers of illiberal democracy [5. P. 13]. In his opinion, the main source of danger is positive freedom, at least its distorted interpretation, under the cover of which power enters the private sphere and forces the members of society to commit destructive actions different from their original goals. According to Berlin, the issue that lies at the heart of the problem is the artificial, "metaphysical division" of the modern individual [6. P. 132–133]: oneself is an irrational, physical being acting by inclination, and the other, higher self, allegedly following its "real interests" and "rational considerations." Berlin states that this step allows the holders of power to divert the individual from their original intentions. If it is claimed that only certain actions can be "authentic" and "reasonable," it allows controlling and coordinating individual actions and originally pluralistic values.

The present article analyses Honneth's criticism of Berlin's concepts and the philosophical tradition deriving from it. Honneth's criticism can be grasped on three levels: (1) The analytical level demonstrates that the positive-negative dualistic division of freedom expresses the types of freedom obtainable in modern societies imperfectly. (2) At deeper levels of the analysis, he points out that social practice based on negative freedom leads to a society lacking it. Thus, negative freedom does not have a normative advantage over other notions of freedom, e.g., over "social freedom" preferred by Honneth. (3) Lastly, he tries to demonstrate that negative freedom is unsuitable for becoming the cornerstone of a comprehensive normative theory: the theorist who prioritizes negative freedom remains blind to more significant social pathologies.

Love and democracy

As a first step, Honneth presents such types of social interactions that can be considered constitutive from the perspective of society as a whole. One of his examples is the participation in a "love relationship": balanced and mutually satisfactory friend, love, and family ties. The other example – easier to interpret from the perspective of political philosophy – is the participation in democratic will formation: a debate, a demonstration, a protest, etc. [4. S. 119] The first level of the

analysis shows these action types as the practice of freedom, but they cannot be defined as the practice of negative or positive freedom respectively.

From the perspective of classical political philosophy, it is interesting to correlate notions of intimate relationships to those of freedom. However, the examples regarding love relationships fit in Honneth's previously outlined view, namely, that the realization of freedom (or individual autonomy) does not necessarily manifest in the relationship to the state or to the sphere of politics in general. Freedom and autonomy can also be achieved when the individual reaches fulfillment in their self-knowledge, regardless of the sphere of politics [7. S. 65]. Honneth is right when saying that if a love relationship is indeed considered a manifestation of freedom, the traditional concept of freedom built on the distinction between positive and negative must be revised. The characteristic feature of individuals having love relationships is that they consider others' goals just as important as their own, and they cannot even express their intentions without references to others' wishes and demands. Living in a loving relationship or a family and having friendly and loving ties, they let other people into their private sphere. However, they experience interactions with others not as a restriction but as a fulfillment of themselves and their loved ones. Thus, the freedom of a person having love relationships is intimately experienced and cannot be characterized as the negative freedom of a person following his own goals and staying away from the "interference" of others.

It is seemingly easier to characterize Honneth's other example, participation in democratic will formation, from the perspective of Berlin's notions of freedom. The freedom of participating in a democratic debate, in a demonstration, or a leaflet distribution assumes the state's lack of interference and the voluntariness of these activities. Still, they cannot be considered as the practice of negative freedom, for one does not follow private goals during these activities. Moreover, performing these actions is not free because nobody meddles in "one's business." The basis of this experience of freedom is the achievement of collective goals without any forceful constraint.

According to Honneth, participation in democratic procedures involves the involvement of collective self-understanding procedures. In contrast to this idea, it can be said that individual actions are also indispensable elements of democracy, such as expressing one's opinion in a debate or having a secret ballot. Thus, it is a relevant question whether some important elements of democratic participation – for example, the expression of a private opinion – can be interpreted as the manifestation of negative freedom. In Honneth's view, however, collective values are held in high esteem by the individuals participating in a democratic procedure. They control and correct their opinion after looking back from this collective viewpoint. From this perspective, the expression of opinions or the secret ballot are all elements of an intersubjective will formation process in which members of the political society strive to arrive at a "common will" through their polarized opinions or in which the parties learn to adopt each other's perspective, thus, to create their

own opinion in the mirror of the opposing view. Therefore, it seems that democratic decision-making – even in its parts – cannot be modeled as a procedure of individuals following their own goals and striving for negative freedom.

The insufficiency of the notion of positive freedom

According to Honneth, it is still hardly possible to perfectly understand the two mentioned examples of negative freedom if we interpret them from the perspective of “positive freedom.” Based on Berlin’s texts, he points out the following: the birth of the notion of positive freedom is due to the idea that guaranteeing the sphere of negative freedom does not lead to a freedom that can be authentically experienced. At this analytical level, entirely different concepts of positive freedom should be linked to the condition that an action must be carried out along norms that are “true to our human nature”. Honneth also points out that the examples of positive freedom often describe that freedom can be reached through the practice of individual skills: if the individual becomes capable of accommodating to norms or formulating his own authentic demands. Thus, the collective execution of an action is not an essential part of positive freedom, as it can be many times achieved by individual actions.

Therefore, at first sight, positive freedom can hardly be related to the freedom described in the abovementioned examples: democratic participation and the articulation of love relationships. In the case of free actions executed this way, it is not the aims “reflected” by the norms of rationality or authenticity but the inevitable moment of collective performance that distinguishes actions that are free from those that are not. However, it is still a very weak argument to overwrite Berlin’s popular differentiation of positive and negative freedom that, in the first case, the emphasis is on the result (“rational,” “reflected” goals, or other “ideals”) of the activity during the identification of “free” actions and in the second case it is on the identification of the executors (meaning that something is carried out not by the individual but a community). At this point of the analysis, we can argue that positive freedom – the way Berlin emphasizes it – can be performed individually and collectively. Thus, the cases of participation in democratic will formation or love relationships could be considered cases of positive freedom performed in a collective way [4. S. 115].

The basis of Honneth’s distinction can be demonstrated by Berlin’s idea, which states that “collective-positive freedom” can be modeled on individual action. This notion of “collective-positive freedom” implies that members of a homogenous community relying on the same abilities and virtues strive to achieve goals justified by an earlier reflexive procedure. Thus, the danger in positive freedom can be justified by the fact that members of the society following goals alienated from themselves can become organized into a homogenous collective subordinated to others’ intentions. Contrary to this, Honneth argues that a collective notion of freedom has to be defined according to which community members do not

subordinate themselves to a higher goal as a unity. However, they define and redefine goals and role expectations without forceful constraint [4. S. 116].

The different images of democracy can demonstrate the essence of such a difference. In the theory of democracy, the notion of “collective-positive freedom” can be identified with Rousseau’s idea of following a *general will*: the members of a political community give up their private freedom and subordinate themselves to a goal that seems reasonable on a higher level, the point of which later cannot be questioned individually. Despite his strong criticisms of Habermas [1. S. 81], Honneth’s perception of freedom at this point can be identified with the discursive theory of democracy. Here, the members of the community act in a non-uniform way, recognize each other, and by mutually adopting each other’s perspective, define and redefine their own goals and the tasks necessary to achieve those goals. Therefore, unlike Berlin’s theory, a triple structure of freedom folds out. Besides negative freedom, it is useful to introduce the distinction between *reflexive freedom*, where the individual or the community subordinates itself to a previously well-considered goal, and *social freedom*, where a well-integrated society is created by constantly questioning and redefining individual goals and individual roles.

Individual autonomy and social freedom

At the second normative level of his analysis, Honneth demonstrates that the social type of freedom provides the adequate concept of freedom. For this, he uses well-known arguments provided by supporters of reflexive freedom against the notion of negative freedom. However, by reformulating the arguments, he also demonstrates the imperfections of reflexive freedom. According to the most important counter-argument against negative freedom, it connects the realization of freedom merely to the lack of outer boundaries and does not pay any attention to the intentions and motifs according to which the action is carried out. Thus, those who carry out actions regardless of all values and rational consideration and are subject to their whim or irrational passions must also be considered free. In this case, the alcoholic, the game, computer game, and television addicts have to be considered as free, as well as those who destroy their lives or spirits if they do not violate others’ rights to act by their own motivation. Therefore, opponents of negative freedom believe that an individual subject to one’s untamed passion or a prisoner of fads is no freer than an individual influenced by outer factors [4. S. 122].

In Honneth’s opinion, this problem was put at the center of the modern theory of freedom by Rousseau when he made a sharp distinction between a free activity in harmony with one’s will and activities that obey the forces of nature. He considered as heteronomous circumstances outer boundaires, egoism, irrational feeling, passion, and whim and contrasted them with autonomous action. By demonstrating this opposition, Rousseau emphasized the reasonable conditions of free action and the dimension of self-knowledge necessary for the performance of

authentic action. This is why his theory finally became the starting point of two contradicting traditions of social philosophy.

A significant representative of one version of reflexive freedom is Herder, who believes that an important element of the freedom of the subject is to recognize the norms necessary for an authentic way of living through the medium of traditions and language. From the perspective of Honneth's argument, it is perhaps more important to consider the other Kantian tradition of the autonomous subject. Kant argues that the individual can acquire the principles serving as a basis of one's authentic action if one tests the motivations of one's actions in a universalization process. If principles that other individuals might reasonably want are born from the motifs, the individual can define the principles of autonomous activity. During this process, an autonomous individual considers the other person as a "goal in itself" and considers the goals stated by the other as if they were their own [4. S. 126].

Honneth argues that the strength of these concepts of freedom lies in the fact that they can prove the imperfection of negative freedom by discovering the reflexive procedures: they demonstrate that the individual striving for self-fulfillment has to cross not only the outer but also the inner boundaries to practice one's autonomy. However, he redefines the criticism formulated by the theorists of reflexive freedom from a new perspective, from the point of view of "social life," and this way, he demonstrates the imperfection of the reflexive concept [8. P. 69–70]. As he sees it, during the "universalization process," the supporters of reflexive freedom completely ignore the social conditions of an action's realization. They presume that during the execution of an autonomous activity, one must only cross "inner and outer boundaries," but they lose sight of special forms of limitations due to a disadvantageous social environment. This process lacks the consideration of those social practices and institutional conditions that are crucial when performing a successful action. Without this "more complex reflection," the individual might be able to free himself from certain authoritative determination and the influence of emotions. However, the performance of action becomes unproductive, just like those determined by inclinations [1. S. 79]. This is why Honneth believes that mapping social and institutional conditions of moral goals and the goods available in a society is an indispensable condition of the self-identification process and the performance of autonomous actions. Thus, the Kantian concept of freedom needs a significant correction: we can only consider ourselves free and autonomous if our goals can be reasonably wanted in social reality [4. S. 128].

The "strong" Hegelian theory

It has been demonstrated that Honneth aims to describe the more and more perfect forms of freedom. However, the difference seems to be greater between negative and reflexive freedom than reflexive and social types of freedom at this

point. This raises the problem of the (in)separability of reflexive and social freedom. On the one hand, it is a question of whether we can consider the idea of social freedom merely as a corrected version of reflexive freedom, according to which the coordination of actions and rationale will have to be complemented by examining the institutional background. It is also a question of whether mapping social reality truly forms a constitutive part of autonomy. In the sense of the Kantian model, we can say that autonomy is not diminished if a reasonable action fails in social reality. The action may not give the actor the experience of freedom. However, the dignity based on the possibility of free decision-making will not suffer because the action does not follow well-run social mechanisms. We can mostly think of some determined revolutionaries aware of well-considered principles or rights, but their revolutionary act fails in a society based on a non-democratic mechanism. The result is tragic. However, the individual executed the action autonomously by one's dignity, failing in a society built on non-democratic principles.

Still, Honneth argues that autonomy can be realized only with the creation of social freedom, and he rejects the idea that the involvement of social viewpoints contributes to the reflection about freedom only accidentally. The starting point of his argument is once again the idea of the theorists of reflexive freedom, according to which the concept of negative freedom can only be exceeded if the individual eliminates the heteronomous factors determining one's actions. This reflexive model of freedom interprets the social environment as a heteronomous factor clearly blocking autonomous action. This way, it remains hidden that social reality is a necessary precondition of executing an action. To experience freedom, the methods of common action have to be grounded as well. On the other hand, Honneth argues that autonomy based on reflection can only lead to action without forceful constraint and real freedom if outer reality is freed from the reign of heteronomy and coercion and we submit it to the "inner, autonomous laws" of freedom [1. S. 84; 8. P. 69–70].

Thus, Honneth links the possibility of autonomy to a society where actors recognize each other's goals as worthy of following and make common efforts to reach them. He argues that we can recognize the value of our goals through others' confirmation of our actions based on mutual recognition; therefore, society can be defined as an essential moment of autonomous action. Mutual understanding as a fundamental precondition of freedom that is reachable in society still allows for a variety of relevant concepts of freedom. Honneth's view is opposed chiefly to Robert Brandom's standpoint that Honneth identifies as one of the "weaker readings" of the Hegelian freedom theory and is contrasted with his "strong", more radical Hegel reading. Brandom basically accepts all the important premises that lead to the social concept of freedom so far outlined. In light of Hegel's philosophy of society, he states that the basic condition for individual freedom is to act in the context of the norms articulated at the level of society. The normative background that makes our actions meaningful is linked to the process of recognition in two

ways. The individual can perform one's actions if 'others recognize the values and the individual abilities underlying beneath the actions but the society and institutions as the frameworks of the actions also owe their existence to the actors' recognition of certain social authorities [9. P. 72–77]. For Brandom, there emerges a positive image of freedom (in Berlin's sense): an individual striving for freedom reflexively interprets social norms and performs a symbolic action that reinterprets the "cultural framework" of the context of the action and also expands the individual sphere of actions.

The freedom outlined by Brandom corresponds to Honneth's concept of social freedom insofar as the performance of the action is linked to evaluating the individual's actions from the "we" perspective and assessing the social and cultural significance of one's actions. Honneth, however, criticizes Brandom as freedom continues to be the result of an action that can be initiated individually and that the individual can unilaterally influence society through "expressive acts." According to Honneth, the most important criterion for the Hegelian concept of freedom is lost: the idea that individually reachable freedom is the result of a cooperative social practice. According to the "strong" Hegelian concept, social freedom is bound to stronger intersubjective prerequisites. When adopting the "we" perspective, the other actor must be recognized as complementary in the performance of the action. Free action is accomplished when the other's goal is recognized as valuable by using the common perspective from the very beginning. At the same time, we are aware that the other person will act according to our intentions and needs [4. S. 127]. "Dual intersubjectivity," in Honneth's view, is the true guarantee for the lack of forceful constraint, as it is only this way that we can reinforce ourselves in our own goals and are able to perform an action in which we can enjoy the unconditional support of others [1. S. 91]. This perspective explains why love relationships can be considered the principal type of free action. According to Hegel, we experience intensely in (passionate) love relationships that "we are with ourselves in the other"; so, others' actions aiming at us are prerequisites for achieving our own goals [10. S. 60].

But how can this way of action based on the "reconciliation" between individuals be expanded on society as a whole? According to Honneth, modern society is the public arena for individual liberties: the lack of freedom in society is the result of the failed or misinterpreted efforts of liberties. In such a society, the freedom that can be experienced individually is usually not a successful egoistic strife but not the result of actions based on reflexive principles, either. The freedom of the members of the society is more likely achieved by the socialization process in which individuals learn how to coordinate their actions and recognize the value of others' goals. The emphasis on the role of socialization and the institutions coordinating action, however, raises a number of questions. For example, it is a question to what extent members of society can adapt themselves to the norms shaped in the process of common socialization so that their actions can still be considered free [8. P. 70]. It is not necessary to return to the concept of Berlin's

negative freedom to ask Honneth what possibilities individual initiative has. For example, in the light of the comparison with Brandom, it is still a question of what sphere of action is provided by such a model of freedom based on close cooperation and liberal socialization for the individual so that one can shape the normative framework of society consciously with the help of personal, expressive actions.

The primacy of the theory of social freedom

Honneth's argument, however, does not only intend to illustrate the practices of social liberty as an adequate form of freedom but to outline a comprehensive normative theory. He also points out that a concept of the theory of justice can be built on the idea of social liberty, which takes precedence over theories based on other concepts of freedom. Honneth argues that analyses of the history of ideas about specific types of freedom can also be seen as analyses of the social-ontological prerequisites of individual freedom. Thus, the representatives of the idea of negative freedom consider the legal environment guaranteeing the free decision-making of subjects as the social context required for free action. According to the representatives of reflexive freedom, however, individually free action requires the revision of motivations and is considered the consequence of dialogues between morally competent and intellectually prepared persons [1. S. 123]. On the other hand, the representatives of the idea of social liberty argue that the possibility of the unrestricted execution of individual free action depends on the development of different forms of recognition by others. Therefore, they give a much more complex picture of the social context of free action: they assume that individual free action is dependent on the upkeep and "maintenance" of an institutional environment where members can recognize each other as valuable and each other's goals worthy of following. At the same time, the establishment of an institutional environment allowing social recognition is also an indispensable condition for the more specific background conditions advocated by the other two types of freedom: both the emergence of a legal order allowing private freedom and the development of competencies necessary for reflection together with the possibility of dialogue presupposes an institutional background enabling mutual recognition. Honneth thus presents social freedom as a more general, widespread idea of individual freedom and identifies the idea of negative freedom or freedom based on moral reflection only as an ideal for a particular social environment.

On the other hand, on the basis of the above argumentation, both the ideas of negative and reflexive freedom can be valid in specific social and historical conditions or particular segments of society. For example, if a member of the society sees one's property in danger of harmful social trends, one may, by referring to the appropriate rules and the legal sense of the society, keep one's property safe and, at the same time, the inviolability of oneself as a legal person in a legal process. If we see that the social processes around us endanger the values that correspond to our identity or our moral convictions, we can reconsider our values in a monological

or a reflexive process, as well as examine how to stop the destructive processes. From this perspective, the legal system guarantees negative freedom, and the moral sphere of self-examination provides us with spaces of freedom where we can withdraw during our struggles with our social partners [5. P. 15].

However, some pathological phenomena may call attention to the fact that extending normative expectations of the two (negative and reflexive) liberties to the whole society can lead to a crisis of society and the distortion of personality.

Honneth relates to the diagnosis of Hegelian philosophy of right and to the identification of the pathological phenomena that arise from the overtension of the logic of “abstract law” and “morality”: Hegel mostly depicted “illnesses” of his own age as indeterminacy (Unbestimmtheit), loneliness (Einsamkeit), emptiness (Leerheit) or “labor (ing) under [...] [a] burden” (Gedrückttheit) [11. S. 52]. These pathological phenomena are presented due to the spread of inadequate concepts of reasonableness. Accordingly, Honneth thinks that pathologies appear when the members of society judge reality from a narrow perspective and can no longer understand the significance of the practices and norms necessary to maintain society. On the one hand, this distortion appears at the level of the individual who cannot form a realistic picture of oneself as an actor and whose actions continually fail when confronting reality. On the other hand, it appears at the level of society where the conditions responsible for the members’ discomfort and lack of orientation can last permanently [1. S. 157–158].

Honneth tries to explore the distortions that reveal the extension of the perspective of law and morality. He argues that it leads to the narrowing of individual perspectives if actors withdraw in their private spheres and refrain from the communicative solution of their conflicts. At the social level, however, it leads to the elimination of the pluralistic value system of society and politics and the total “juridification” (Verrechtlichung) of human relationships if the members of society mainly use the means of law instead of communication to solve their problems [1. S. 162]. At the level of the individual, one’s inflexible belief in the moral principles that define them can also lead to the loss of reality; if one considers oneself as a “moral lawmaker” not authorized by others, ignoring the pluralistic processes of the creation of values. These inflexible “moralists” may, in some spectacular cases, join fundamentalist or even terrorist groups to attack existing pluralistic societies [1. S. 207]. Therefore, exercising freedom based on the principles of rights and moral principles can create a condition severely lacking freedom, ignoring the appropriate social context.

Freedom, however, makes sense only if these barriers and their social problems can be overcome with a more comprehensive concept. According to Honneth, this is the concept of social freedom, which is created not by applying particular principles but rather by mapping the social conditions of recognition and the coordination of social cooperation. This argument suggests that the concept based on social freedom is the most comprehensive concept of liberty, which is the key to interpreting the rest of the restricted forms of freedom and eliminating pathological

tendencies. In Honneth's opinion, the theory of social freedom becomes the cornerstone of the comprehensive normative theory (in Honneth's sense, that of the critical theory of society), which connects the conditions of freedom to the prevailing conditions of recognition in society.

The rights and the possibility of emancipation

Honneth strongly contrasts formal rights, morality, and the spheres of social relations and links the possibility of absolute freedom to the last one. The intuition of many, however, suggests that the system of rights and the communicative sphere in which we can express ourselves as moral decision-makers provide the ultimate resistance to the emergence of new autocratic aspirations. An additional assumption is that it is an integral part of the identity of modern Western citizens that they are legal persons, equal to others, or morally competent decision-makers. According to this idea, violations of the legal system or the questioning of moral competence may involve typical experiences of disdain and, in the long term, disruption in the functioning of society [12. P. 380; 13. P. 165]. Honneth's reflection, however, raises a serious question. Is our vision justified that different concepts based on human rights can be catalysts of emancipatory processes?

On the one hand, it is important to emphasize that Honneth thinks that if individuals cannot make efforts to operate channels and institutions in which they can consider their social status and roles as valued and, therefore, cannot face their values, they can never be free. For this reason, Honneth associates the achievement of freedom with the regular exercise of social practices in which the individual is recognized not only in a formal status (such as a legal entity) but where recognition is formed in a common activity [8. P. 70–71]. It is, therefore, of particular importance for Honneth to participate in democratic will-formation, love relationships, and market activity. Without these social practices, institutions that strengthen rights or moral competence can only face the atomized individuals deprived of their self-esteem as a formal system of rules or a rigid structure.

Thus, from the perspective of Honneth, the limitations of the doctrine of human rights can also be highlighted. The idea of human rights and the institutions built upon it can form a protective umbrella for the exiles or the marginalized. At the same time, an acute question arises of how they can contribute to the social inclusion of former foreign individuals, refugees, and other marginalized groups. A social organization based on the logic of rights can make interpersonal connections mechanic and formal: it can hinder the development of communication between members of society, the emergence of conflicts within society, the demonstration of cultural differences, and the development of their own identity. Therefore, this interpretation of rights can highlight the roots of some contemporary problems, such as if there appears to be discomfort or lack of solidarity, breaking the frameworks of society in a functioning constitutional state.

At the same time, Honneth's notion of rights can be considered too narrow in many respects. He describes rights – positive law or the rights declared in declarations – as basically formal: he links it to the idea of negative freedom and derives it from the property right [1. S. 133–134]. In most of his texts, Honneth describes the individual enforcing one's rights as defensive, as a person turning one's back on social relations and communication [1. S. 149]. Formal rights are utterly detached from moral decision-making, which is associated with reflexive freedom. For this reason, it seems as if rights had no moral content. While it is clear: "human rights" norms have very strong moral consequences and, in contrast to legal requirements, impose moral obligations of universal validity. Thus, it isn't easy to understand the normative content of human rights norms from the legal systems regulating private relations.

The viewpoint of normative criticism

At this point, a more general problem arises: how can the normative basis of social criticism based on the described concept of social freedom be defined? It is very interesting that in the introduction to *Das Recht der Freiheit*, Honneth initially excluded the possibility that the critical theorist could represent a view independent of the norms that are reproduced in society. He argues that the legitimacy and self-preservation of social institutions, spheres, and sub-systems can only be explained if the existence of a commonly accepted system of ethical norms that is pervasive to all spheres is presumed and if the social critic, by the combination of the methods of empirical research, system theory, and philosophical reflection, strives for the mapping of this system of comprehensive norms and confronts the members of society with the destructive functioning of the institutions from the point of view of this system of norms.

In my opinion, the systematic use of such a method would have made it possible to present the program of critical theory in which the discovery of the typical forms of suffering in society could be combined with philosophical analysis (in line with the program of *Kampf um Anerkennung*). However, Honneth's classical political-philosophical arguments are far away from the program of interdisciplinary criticism based on the problematic reproduction of social norms or the empirical analysis of typical sufferings. Honneth, by critiquing the concepts of negative and reflexive freedom, involuntarily adopts the premise of their representatives that the archetype of the action leading to individual autonomy can be reconstructed in a monologic argumentation by simply removing the limitations and contradictions of other freedom concepts. This process, however, contradicts Honneth's original assumption that the norms underlying social criticism are never available to a utopist or an "armchair philosopher" independent from society.

Furthermore, it is a problem that Honneth, while describing the types of social pathologies, does not move from the systematic analysis of suffering towards the creation of conceptual theories [5. P. 17–18]. According to his argumentation, the

cause of social pathologies is that the members of a society do not act according to the adequate idea of freedom; thus, they arrive at a situation that lacks freedom and rationality. This way, the social critic appears as a theorist competent in establishing a social diagnosis even without an active dialogue with persons on the periphery of society and without the collective effort to understand social problems. Unlike the initial idea, an observer perspective is still available outside the society, from which all narrow-minded perspectives can be unveiled.

It is also a problem that he argues that merely the concept of freedom gained in an adequate, monologic way is an appropriate starting point for identifying the main social pathologies. From this philosophical perspective, however, the “social” world, contrasted with the world dominated by formal (legal or moral) rules, appears almost indiscriminately as a sphere of freedom. From this point of view, social pathologies can be identified as the “overtension” of the logic of rights and morals. If this is the case, it is very difficult to identify the inner pathologies of the “social”. The only emerging criterion for identifying a free human society, the identification of collective action without any forceful constraint, is still insufficient to provide a basis for the normative criteria of social criticism. In today’s societies, there are many movements whose representatives follow what Honneth requires from the observers of social freedom, but this leads to a practice that violates solidarity and rights in the long run. Members of anti-Islamist movements in Europe (such as Pegida, Germany) spontaneously experience a “freedom” based on cooperation with no forceful constraint: they act independently of the official state structure, and their actions are not carried out per the pre-established rationality standard. In their common actions, they adopt each other’s perspectives, recognize each other’s goals and characteristics as valuable, and receive feedback on the value of their identity-forming qualities. They work together to define their goals and tasks. However, these movements lead to rights and social practices that threaten dignity. These movements, however, lead to a social practice that threatens rights and dignity. Is it possible to notice the irrational variations of social cooperation based on recognition if the circle of legitimate norms is not defined by rational discourse or moral reflection (as in Habermas, for example) but merely by cooperation without any forceful constraint?

Still, on the whole, it is difficult to deny that Honneth contributed greatly to the renewal of contemporary political philosophical discourse with his analyzed works. His highlighting the inherent problems of Berlin’s dual freedom concept, his description of the source of freedom experiences that go beyond the positive / negative dichotomy are especially important. The strengthening of this political-philosophical program was possible by the partial abandonment of the program of critical theory based on social dialogue.

References

- [1] Honneth A. *Das Recht der Freiheit: Grundriß einer demokratischen Sittlichkeit*. Berlin: Suhrkamp; 2011.

- [2] Möllers Ch. Frei macht, was ohnehin geschieht. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 2011. Available from: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/sachbuch/axel-honneth-das-recht-der-freiheit-frei-macht-was-ohnehin-geschieht-11114837.html> (accessed: 04.06.2024).
- [3] Habermas J. *Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des Demokratischen Rechtsstaats*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1992.
- [4] Honneth A. Drei, nicht zwei Begriffe der Freiheit. Ein Vorschlag zur Erweiterung unseres moralischen Selbstverständnisses. *Zeitschrift Internationales Jahrbuch für philosophische Anthropologie*. 2015;5(2):113–130.
- [5] Okochi T. Freedom and Institution: Theory of Justice as Hegelian “Sittlichkeitslehre” in A. Honneth’s Das Recht der Freiheit. *Hitotsubashi Journal of Social Studies*. 2012;44(1):9–19.
- [6] Berlin I. Two Concepts of Liberty. In: *Four Essays On Liberty*. Oxford: Oxford University Press; 1969. P. 118–162.
- [7] Honneth A. Das Gewebe der Gerechtigkeit. Über die Grenzen des zeitgenössischen Prozeduralismus. In: *Das ich im wir. Studien zur Anerkennungstheorie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 2010. P. 51–77.
- [8] Claassen R. Social Freedom and the Demands of Justice. A Study of Honneth’s Recht der Freiheit. *Constellations*. 2014;(21):67–82. DOI: 10.1111/1467-8675.12068
- [9] Brandom R. *Reason in Philosophy. Animating ideas*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press; 2009. DOI: 10.4159/9780674053618
- [10] Hegel GWF. *Grundlinien der Philosophie des Rechts*. Stuttgart: Fr. Fromanns Verlag; 1952.
- [11] Honneth A. *Leiden an Unbestimmtheit: Eine Reaktualisierung der Hegelschen Rechtsphilosophie*. Stuttgart: Philipp Reclam; 2001.
- [12] Douzinas C. Identity, Recognition, Rights or What Can Hegel Teach Us about Human Rights? *Journal of Law and Society*. 2002;29(3):379–405. DOI: 10.1111/1467-6478.00225
- [13] Williams P. *The Alchemy of Race and Rights*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press; 1991.

About the author:

Szücs László G. – PhD, Archivist, Researcher, Budapest City Archives, 3–5 Teve utca, Budapest, 1139, Hungary. ORCID: 0000-0003-0514-0339. E-mail: szucslasz2023@gmail.com

Сведения об авторе:

Сюч Ласло Гергей – PhD, исследователь-архивист, Будапештский государственный архив, Венгрия, 1139, Будапешт, ул. Кэмел, д. 3–5. ORCID: 0000-0003-0514-0339. E-mail: szucslasz2023@gmail.com

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-565-576>

EDN: UROPZZ

Научная статья / Research Article

Социокультурная доминанта в современном российском образовании

В.В. Силайчева

Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

 KhominskyaVV@mpei.ru

Аннотация. В данной работе автор рассматривает трансформации, происходящие в современном обществе и влияющие на социокультурную доминанту в образовании в России. Кроме того, обращается внимание на различия в толковании понятий «образование», «обучение» и «воспитание» и подчеркивается важность перехода от традиционной педагогики (передачи знаний) к человекоцентрированному и социокультурному воспитанию. В данном исследовании затрагивается вопрос актуализации модели организации образования – исчезает диалог, живое общение заменяется онлайн технологиями. Говоря о глобализации и цифровизации как о своеобразном антропологическом вызове, автор обращается к отечественным мыслителям прошлого века (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и др.) – они делают акцент на личностное начало в образовательном процессе, которое глубоко соединяется с социальным подходом. В таком случае, по мнению ученых, образовательный процесс должен концентрироваться на личностном росте, что и является основной целью воспитания. Сложности языковой культуры также оказываются в центре современных социокультурных проблем: русский язык скуднеет, словарный запас современной молодежи (школьников и студентов) резко падает, появляются заимствования, вульгаризмы, сленг и многое другое. Об этом говорит автор статьи и приходит к выводу, что именно преподавание (социо)гуманитарных наук становится пространством формирования культуры молодого поколения. Таким образом, данное исследование подчеркивает необходимость выявления как положительной, так и отрицательной динамики современной трансформации образования и актуализации смыслов и ценностной ориентации процессов обучения и воспитания.

Ключевые слова. социокультурная трансформация, цифровизация, педагогика, воспитание, обучение, философия образования, культура

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила 12.12.2024

Статья принята к публикации 06.03.2025

© Силайчева В.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Силайчева В.В. Социокультурная доминанта в современном российском образовании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 565–576. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-565-576>

Sociocultural Dominance in Modern Russian Education

Valeriya V. Silaicheva

National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, Moscow, Russia
KhominskyaVV@mpei.ru

Abstract. In this study, the author examines the transformations taking place in modern society and affecting the socio-cultural dominance in education in Russia. In addition, attention is drawn to differences in the interpretation of the concepts of education, training and upbringing, and the importance of the transition from traditional pedagogy (knowledge transfer) to human-centered and socio-cultural education is emphasized. This study addresses the issue of updating the educational organization model – dialogue disappears, live communication is replaced by online technologies. Speaking about globalization and digitalization as a kind of anthropological challenge, the author refers to the Russian thinkers of the last century (L.S. Vygotsky, A.N. Leontiev, etc.) – they emphasize the personal principle in the educational process, which is deeply connected with the social approach. In this case, according to scientists, the educational process should focus on personal growth, which is the main goal of education. The complexities of linguistic culture are also at the center of modern sociocultural problems: the Russian language is becoming scarce, the vocabulary of modern youth (schoolchildren and students) is falling sharply, borrowings, vulgarisms, slang and much more appear. This is what the author of the article says and comes to the conclusion that it is teaching (socio)The humanities is becoming a space for shaping the culture of the younger generation. Thus, this study highlights the need to identify both the positive and negative dynamics of the modern transformation of education and the actualization of the meanings and value orientation of the learning and upbringing processes.

Keywords: socio-cultural transformation, digitalization, pedagogy, upbringing, education, philosophy of education, culture

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history:

The article was submitted on 12.12.2024

The article was accepted on 06.03.2025

For citation: Silaicheva VV. Sociocultural Dominance in Modern Russian Education. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):565–576. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-565-576>

Введение

В современном динамично меняющемся мире образование оказалось в атмосфере постоянно эволюционирующих подходов к его содержанию и основным принципам. Безусловно это связано с тем, что в общественной жизни произошли поистине тектонические изменения, обнаружились

многочисленные проблемы: социальные, экологические, духовные, демографические, культурные. Идет процесс колоссальной перестройки сознания и мироощущения, связанный с вовлеченностью современного человека в безграничное, глобальное информационное поле. В эпоху цифровизации всей жизнедеятельности человека – экономической, социальной, культурной, политической – когда открылись безграничные возможности для доступа к информации, трансформируются и подходы к образовательной сфере. Происходят существенные изменения в самой парадигме образования, в организации процесса обучения, его содержании, учебных методах и т.д. В то же время чрезвычайно актуальными становятся вопросы стратегии образовательной деятельности.

Современные исследователи правомерно указывают на то, что глобальную цифровизацию следует рассматривать как своего рода антропологический вызов. Отмечается, что «необходимо взвешенно оценивать как позицию технологического оптимизма, так и консервативный подход к проблеме. Поскольку образование всегда было особым пространством человеческих отношений, следует очень внимательно анализировать возможные риски «технологизации» этих отношений» [1. С. 628]. Представляется важным к проблемам современного образования подходить именно с этой точки зрения. Под воздействием процессов глобализации, компьютеризации, цифровизации происходят трансформации культуры, изменяются ценностные подходы и к образовательной деятельности.

Авторы публикаций, говоря о проблемах образования, обращают внимание на необходимость развития общей социогуманитарной культуры, формировании критического мышления, креативности, развитии способности к аргументации и умения анализировать сложные явления современной действительности [2–5]. Справедливо указывается на то, что перспективы образовательной деятельности в целом связаны с тем, что образование следует рассматривать как процесс вхождения личности в мир культурных ценностей. Более того, именно образование призвано обеспечить связь поколений, сохраняя и передавая культурный опыт, накопленный человечеством. Поэтому правомерно считать одной из главных задач современной модернизации отечественного образования возврат ему главной функции – культурной.

Некоторые векторы обсуждения современных особенностей отечественного образования

Чрезвычайно важной сегодня выступает проблема соотношения в образовательной деятельности инновационных и ценностных социокультурных факторов. Следует отметить, что одним из поворотных пунктов, которые составили основу изменений, происходящих в современном образовании, считается отказ от так называемой «педагогической модели». Авторы публикаций, касающихся этой проблемы, позитивно оценивают отказ от этой «уходящей модели» образования как передачи знаний: «педагогические

технологии постепенно отходят от непосредственного контакта «лицо в лицо», точнее от контакта без использования технических средств коммуникации» [6. С. 49]. Одновременно с этим новая модель организации образования характеризуется как диалог двух автономных и равноценных субъектов.

В связи с этим следует отметить, что диалог в процессе образования можно трактовать по-разному. Так, новые образовательные технологии, бурное развитие возможностей цифрового образования породили иллюзию, что формат живого общения, живой лекции (если речь идет о высшем образовании) по гуманитарным дисциплинам, становится неактуальным. Этой проблеме большое внимание уделено В.В. Мироновым, который считал, что в онлайн-образовании исчезает диалог и живое общение «глаза в глаза» преподавателя и студента, когда «важной оказывается и интонация, и даже образ говорящего» [7. С. 29]. В дискуссиях на эту тему он подчеркивал, что онлайн-образование можно рассматривать только как дополнительное, если иметь в виду его как передачу информации. Но если «воспринимать образование одновременно и как воспитание, погружение в культуру, то лекция необходима, более того, ее значение со временем будет возрастать» [7. С. 29].

Поскольку образование – это сфера не только трансляции знаний, но и институт социализации, процесс социального и культурного становления человека, необходим поиск новых путей развития образовательной системы, ориентированной на формирование личности, способной к творческой, созидательной работе, готовой к адаптации в условиях быстрых перемен не только социокультурной среды, но и всех сфер жизнедеятельности.

В период радикальных общественных изменений, которые происходят сегодня, формировании новых приоритетов жизни личности, фактически новой модели социализации молодежи, изменении социальных и культурных норм и ценностей вопросы образования стоят с особой остротой.

В условиях цифрового доминирования в различных сферах жизни общества и человека вполне обосновано встает вопрос о возможных рисках и угрозах как жизни социума, так и отдельной личности.

О проблемах глобальной цифровизации и глобальной коммуникации наряду с другими исследователями [2–4; 8] размышляет В.В. Миронов, прибегая к образу Платоновской пещеры. В его интерпретации «современная пещера – это пространство глобальной коммуникации» [9. С. 9], от которой человек становится все более зависимым, значительно ограничивая свою внутреннюю свободу. «По сути, сознание человека становится предметом компьютерной симуляции. Количество получаемой и обрабатываемой информации увеличивается такими темпами, что человек становится просто зависимым от способов ее обработки и не всегда способен сориентироваться в этом массиве без помощи компьютера» [9. С. 9].

В итоге оказывается, что «по мере заполнения нашей окружающей жизни высокоинтеллектуальными системами, «человеческий фактор» становится существенной помехой для нормального функционирования этих систем, и возникает проблема ограничения его вмешательства. И перед нами

возникает новая проблема, насколько эти ограничения будут распространяться, а также кто и каким образом будет это осуществлять, учитывая этические, правовые и культурные нормы и традиции» [7. С. 17].

Происходящие изменения в значительной степени касаются культурообразующего фактора в формировании современного человека: возникновение феномена «клипового сознания», нарушение соотношения между высокой и низкой культурой и ее доминированием в виде массовой культуры. Бесконечные шоу поп-культуры благодаря средствам масс-медиа и Интернету не только создают имитацию культуры, но пронизывают и превращают в развлечение всю окружающую действительность.

Сегодня в работах современных авторов (философов, социологов, психологов, педагогов) рассматриваются особенности образования и его трансформации в связи с глубинными процессами социокультурных изменений в современную эпоху. Предпринимаются попытки осмыслить новые стратегии образовательной деятельности, направленной на формирование социально – активной и культурно развитой личности.

Традиционная модель образования, ориентированная на рациональность и получение знаний, часто приводит к разрыву между образованием и воспитанием, а также к узкопрофессиональной подготовке специалистов. Как справедливо отмечается, в рамках такого подхода «образованный» человек отождествляется с теоретическим субъектом познания, свободным «от иллюзий и страстей», то есть от всего «человеческого». В этом случае делается акцент на эпистемической доминанте в образовании, отвлекаясь от его человекообразующего значения и социокультурных функций.

Для преодоления этого дисбаланса необходимо сместить акцент с развития рассудка на формирование целостной личности, приобщение ее к общечеловеческим ценностям. Такой подход не умаляет значение получения знаний и профессиональных навыков, а предполагает углубление воспитательной парадигмы, включение в нее антропологических, социокультурных и ценностных аспектов.

Трактовка понятия образования

В этой связи имеет смысл обратиться к трактовке самого понятия «образование».

Современные социально-философские теории характеризуют образование как общественный институт, внутри которого создается определенный тип человеческой личности. Образование – еще и деятельность, которая направлена на становление (формирование) личности в соответствии с заданными образами общества и государства и включает в себя два взаимобусловливающих друг друга процесса:

1. Обучение – формирование знаний человека о мире, деятельность, которая направлена на получение и освоение знаний, формирование у субъекта познавательно-теоретической способности освоения мира.

2. Воспитание – формирование качеств субъекта, необходимых для духовно-практического освоения мира, формирование самого субъекта как личности.

В то же время следует обратить внимание на то, что в современной литературе, рассматривающей проблемы образования, имеют место существенные различия в толковании тех или иных ключевых и общих его категорий. Так, иногда понятия образования, обучения и воспитания совсем не различаются и рассматриваются как синонимы. Так, «образование, понимаемое и реализуемое как обучение, имеет тенденцию становиться «полуобразованием», поскольку характерное для обучения доминирование инструментальности затемняет понимание смысла и самоценности образования как неутилитарного по своей сути (и в этом значении «бесполезного») процесса человекотворчества» [1. С. 631].

В этой связи стоит указать на отечественную традицию понимания этого вопроса. Так, по мнению А.Н. Леонтьева, обучение и воспитание не синонимичны, тем не менее, существует единство воспитания и обучения, в рамках конкретно-психологического аспекта, как единство формирования смысла и значений. Когда существующие внутренние содержательные отношения, связывающие между собой воспитание и обучение, выступают со стороны процесса формирования сознания именно как отношения смысла и значения [10].

А.Н. Леонтьев приводит уникальный пример из педагогической практики XVIII века. Автор сказанных ниже слов – Григорий Винский, который много лет работал учителем в частных домах. Уже тогда он заметил, что в России «научение почти повсеместно принимается за воспитание», он даже призывал родителей своих учеников почувствовать разницу между этими двумя процессами, и предлагал «прежде воспитывать, потом научать» своих детей, аргументируя своим слова тем, что воспитание является отличительной принадлежностью человека, а что касается научения, то и у животных данный процесс имеет место [11. С. 18–19].

Представляется, что в русле современных образовательных проблем, тотальной цифровизации всех сфер жизнедеятельности особую остроту приобретает артикуляция именно проблем воспитания в их сопряженности со спецификой современного обучения. Более того, воспитание выходит на первое место в образовании перед обучением. Сложность формирования человека как личности в современных условиях требует особого внимания к воспитанию, оно становится более сложным и требует поиска новых подходов, нового понимания и разработки новых методов воспитания.

В этом плане сегодня актуальными являются педагогические идеи И. Канта, трехсотлетие которого широко отмечалось в нашей стране. И. Кант считал, что «воспитание – величайшая проблема и труднейшая задача для человека» [12. С. 450], а «человек может быть воспитан только человеком – людьми, точно так же получившими воспитание» [12. С. 447].

В современном социокультурном контексте особое значение приобретает кантовское утверждение: «Два человеческих приобретения можно считать самыми трудными, а именно: искусство управлять и искусство воспитывать» [12. С. 450]. В этом плане можно сказать, что не только «искусство воспитывать» является одной из сложных проблем современной педагогической деятельности, но и «искусство управлять» этой деятельностью. Об этом свидетельствует опыт реформ отечественной системы образования последних десятилетий, в результате которых стали очевидны негативные последствия отказа от традиционной системы отечественного образования, тотальное принятие зарубежного опыта. Поэтому создание собственной модели образования (обучения и воспитания) становится государственной задачей.

Современная образовательная политика и управление образовательной системой сегодня находятся в состоянии становления, поиска сути образования (обучения и воспитания), главной целью которого должно стать создание условий для формирования полноценно развитой личности и системы ее ценностей (социальных, культурных, моральных, эстетических).

В атмосфере трансформации современного мироустройства, когда наша страна находится в условиях отстаивания и обоснования своей цивилизационной самостоятельности и значимости, особенно актуализируются вопросы воспитания молодого поколения. В современной России усиливается «запрос на укрепление воспитательной миссии системы общего образования» [13. С. 576].

Известно, что сегодня ведется разработка «Стратегии развития системы образования», обсуждение которой состоялось в Государственной думе (11 февраля 2025 г.). Важная мысль прозвучала в выступлении ректора МГУ В.А. Садовниченко, который сказал, что задача состоит не в том, чтобы реформу провести, а в том, чтобы из всего множества идей и предложений выбрать только те, которые будут работать на достижение национальных целей. Поэтому новая стратегия развития образования должна опираться на лучшие традиции отечественного образования.

Культурно-историческая концепция Л.С. Выготского

В условиях глобальности процессов трансформации всех сфер жизнедеятельности современного человека безусловно важно иметь в виду тот факт, что российское образование имеет свою уникальную историю и собственное направление развития. Это касается и чрезвычайно важного аспекта – социокультурной доминанты в образовательной деятельности.

Так, социокультурный подход к образованию имеет свою традицию в отечественной философии и психологии. Он представлен в культурно-исторической концепции образования Л.С. Выготского, который указывает на то, как содержательные изменения культурных смыслов в различные исторические периоды сказываются на трансформации системы образования [14]. Следует отметить актуальность ряда положений этой концепции

Л.С. Выготского. Личность для него – понятие социальное, она охватывает надприродное, историческое в человеке и возникает в результате культурного развития, поэтому личность – есть понятие историческое [15].

Личностное начало глубоко соединяется с социальным подходом, ибо в представлении отечественного психолога «в самом интимном, личном движении мысли, чувства и т. п. психика отдельного лица все же социальна и социально обусловлена» [16. С. 89]. Это одна из основополагающих методологических идей Л.С. Выготского. Он обращает внимание на сложную динамику соотношения обучения и развития, которые связаны, но не всегда идут параллельно друг другу. Развитие ребенка не следует за школьным обучением как тень. Тесты школьных достижений никогда не отражают реального хода детского развития. Между процессами обучения и развития существуют сложнейшие динамические зависимости, которые нельзя охватить единой формулой. Скорее, нужно вести речь о преобразовании итогов образовательного процесса в личностный рост. Это и есть ключевая цель обучения. В то время как цель воспитания, по мнению Л.С. Выготского, – выработка не определенного количества умений, а творческих способностей к быстрой и умелой социальной ориентировке, к «творчеству социальных отношений» [16. С. 93]. Такие способности особенно важны в кризисные эпохи развития общества.

Воспитательный процесс нельзя рассматривать как односторонне активный и приписывать всю активность среде. Важно учитывать активную роль самого субъекта, его личную деятельность, которая должна быть положена в основу воспитательного процесса. Искусство воспитателя заключается в направлении и регулировании этой деятельности. Таким образом, воспитательный процесс оказывается трехсторонне активным: активен ученик, активен учитель, активна заключенная между ними среда [16].

Именно образование сегодня определяет основной вектор становления личности, ее социального (гражданского) и культурного (нравственного, эстетического и духовного) развития. В этих условиях обостряется необходимость анализа возможных социальных и культурных последствий глобальной коммуникации и цифровизации всех сфер жизни современного общества, осмысление современной специфики трансляции духовно-нравственных ценностей, культурных норм и традиций. С особой остротой встают вопросы ценностных приоритетов в образовательной деятельности, которые, как об этом свидетельствуют современные дискуссии, связаны с проблемами сохранения собственного социокультурного и образовательного пространства.

Одним из таких приоритетов является отношение к гуманитарному знанию, овладение языковой культурой, благодаря которой только и можно постигать ценности национальной культуры.

Значимость языка для современного образования

Вопрос о важности русского языка в современном образовании и культуре обсуждается уже на протяжении нескольких десятилетий. Сегодня вновь

обострился вопрос о смыслообразующем значении русского языка, который лежит в основе миропонимания современного человека, и, по существу, в основе национального суверенитета. Еще в 2005 г. был принят Закон о русском языке. Спустя два десятилетия Государственная Дума 11 февраля 2025 г. приняла Закон о защите русского языка. Он касается таких сфер, как средства массовой информации, реклама, торговля, образование. Оказалось, что правомерно говорить об угрозах русскому языку, который, образно говоря, находится «на грани нервного срыва» и нуждается в защите.

В настоящее время состояние русского языка таково, что вызывает глубокую тревогу: язык скуднеет, впадает в зависимость и подражательство, наполняется англицизмами, вульгаризмами, сленгом, чудовищным новоязом. Государственное телевидение, бывшее эталоном национальной речевой культуры, превратилось в рассадник языкового нигилизма. Об этом Игорь Волгин писал еще тридцать лет назад. А последние три года он и возглавляемый им Фонд Достоевского предлагают провести общенациональную дискуссию «Русский язык и литература в современном образовательном и культурном пространстве: новые вызовы и решения». Но этот сверхактуальный проект пока не нашел необходимой поддержки в Президентском фонде культурных инициатив.

В то же время вузовские педагоги констатируют показательную и тревожную тенденцию, что у студентов высших учебных заведений резко упал словарный запас, снизилось разнообразие вербальных ассоциаций, что сказывается на способности к логическому мышлению. А ведь речь идет о подготовке интеллектуальной элиты, творческой личности, столь необходимой нашей стране. Поэтому и ставится вопрос о радикальной смене отношения к слову, русскому языку, шире – к гуманитарному знанию, когда надо заниматься не столько цифровизацией школьного (и вузовского) образования, сколько восстановлением нормальной гуманитарной его составляющей.

В связи с проблемой языковой культуры актуализируется вопрос: какую роль в процессе обучения играет живое общение учителя и школьника преподавателя и студента? В условиях современной виртуальной коммуникации этот вопрос обретает особую актуальность. Если исходить из того, что стержнем культуры является язык, то процесс преподавания в значительной степени сопряжен с особенностями и значением живого устного восприятия и с живой устной речью преподавателя. Не менее важным является устное высказывание самого учащегося (школьника или студента). Его навыки могут и должны развиваться в процессе обучения.

Известно, что устная речь значительной части современной молодежи не отличается богатством, более того, молодые люди испытывают определенные трудности в устном высказывании. Образовательное поле гуманитарных наук может и должно стать основой для выработки свободы словесного выражения. Это представляется чрезвычайно актуальным, поскольку сегодня особую значимость имеют вопросы сохранения языковой самобытности как защиты

отечественной культуры от псевдокультуры, антикультуры, от беспощадного нарушения норм русского литературного языка,

Не случайно вузовские педагоги обращают особое внимание на проблемы речевой культуры современных студентов, их умение, а скорее неумение логически стройно аргументировать свою позицию, скудость речи, плохое знание или искажение норм литературного языка. Справедливо, что эта проблема связывается с другими проблемами, главная из которых – снижение общего культурного уровня студентов. У студентов технических специальностей практически отсутствует культура чтения гуманитарной литературы, в том числе классической прозы и поэзии, а это влечет за собой отсутствие опыта работы с текстом. В связи с этим в условиях, когда доминирует электронная культура, клиповое мышление, именно преподавание гуманитарных наук становится пространством формирования культуры молодого поколения.

Заключение

В настоящее время речь идет о необходимости изменений в структуре и содержании образования. Современные исследователи все большее внимание обращают на социокультурные последствия трансформации современного образования. Безусловно, именно социокультурная доминанта выступает важным фактором формирования стратегии развития российского образования. Понимание значимости этого аспекта позволяет более эффективно адаптировать образовательные программы к современным реалиям. Начиная с 90-х годов казалось, что в условиях колоссальной перестройки, связанной с вовлеченностью современного человека в глобальное информационное поле, создаются огромные возможности для интеллектуальной жизни человека и раскрытия его культурного и творческого потенциала. Но сегодня стала очевидной необходимость выявления как положительной, так и отрицательной динамики процессов трансформации, которые происходят в образовании, уточнения социокультурного смысла и ценностных ориентаций самого современного образования, преодоления противоречия между воспитанием и образованием.

Представляется, что в современных условиях особое теоретико-методологическое значение имеют положения, в которых артикулируется значение социальной среды в социокультурном становлении личности, а сущность образования трактуется как формирование личности, в которой должны гармонически сочетаться индивидуальное и социально значимое.

Список литературы

- [1] Сохраняева Т.В., Замоткин И.Д. Проблема содержания образования в век цифровых технологий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 4. С. 613–625. DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-4-613-625 EDN: MZDLUI

- [2] Гусева И.И., Кирилина Т.Ю. Микроракурсы социального в движении социально-гуманитарных наук от антропологизации к цифровизации // Социально-гуманитарные технологии. 2024. Т. 32. № 4. С. 30–36. EDN: NVCCNM
- [3] Безвесельная З.В. Цифровизация культуры: сущность и основные элементы // Личность в условиях глобальных социокультурных трансформаций цифрового информационного общества: сборник статей по итогам Международной научной конференции. 2021. С. 15–20. EDN: MKKKGW
- [4] Носкова Т.Н., Яковлева О.В. Ценности образования в эпоху цифровизации и стратегии образовательной деятельности студентов // Человек и образование. 2023. Т. 76. № 3. С. 13–18. EDN: QWRZUP
- [5] Кулик И.А., Соколова Ю.В. Особенности реализации практико-ориентированного подхода в инженерном образовании в эпоху глобальной цифровизации // Вестник МЭИ. 2022. № 4. С. 138–143. DOI: 10.24160/1993-6982-2022-4-138-143 EDN: ICVMWN
- [6] Брызгалова Е.В., Прохода В.А. О критериях оценки педагогической деятельности преподавателя в контексте управления качеством образования // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2012. № 6. С. 45–59. EDN: PJOCYF
- [7] Миронов В.В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации. СПб. : СПбГУП, 2019. EDN: VRRYTP
- [8] Лига М.Б., Щеткина И.А. Человек в эпоху цифровизации общества // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 2. С. 29–37. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-29-38 EDN: GNUULR
- [9] Миронов В.В., Сокулер З.А. Тоска по истинному бытию в цифровой культуре // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. № 1. С. 3–22. EDN: YTFBYO
- [10] Леонтьев А.Н. О некоторых психологических вопросах сознательности учения // Советская педагогика. 1944. № 2. С. 65–75.
- [11] Винский Г.С. Мое время // Записки. СПб., 1914. С. 9–19.
- [12] Кант И. О педагогике // Тракаты и письма. М. : Наука, 1980. С. 445–504.
- [13] Брызгалова Е.В., Станченко С.В. Воспитание как образовательный результат: ценностноориентированный подход к оцениванию в системе общего образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 4. № 25. С. 574–588. DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-4-574-588 EDN: GAKRGS
- [14] Хоминская В.В. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского как философская методология современного образования // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 3. С. 32–41. EDN: WTIFGJ
- [15] Воробьева К.Н. Антропологический подход к воспитанию // Педагогика. 2007. № 2. С. 55–58. EDN: NBYCKT
- [16] Выготский Л.С. Психология искусства / общ. ред. В.В. Иванова, коммент. Л.С. Выготского и В.В. Иванова, вступит. ст. А.Н. Леонтьева. 3-е изд. М. : Искусство, 1986.

References

- [1] Savoryaeva TV, Zamotkin ID. The problem of the content of education in the age of digital technologies. *RUDN Journal of Philosophy*. 2021;25(4):613–625. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-4-613-625 EDN: MZDLUI
- [2] Guseva II, Kirilina TYu. Micro-perspectives of the social in the movement of social and humanitarian sciences from anthropologization to digitalization. *Socio-humanitarian technologies*. 2024;32(4):30–36. (In Russian). EDN: NVCCNM
- [3] Bezveselnaya ZV. Digitalization of culture: the essence and basic elements. In: *Personality in the context of global socio-cultural transformations of the digital*

- information society: collection of articles on the results of the International Scientific Conference*. 2021. P. 15–20. (In Russian). EDN: MKKKGW
- [4] Noskova TN, Yakovleva OV. Values of education in the era of digitalization and strategies of students' educational activities. *Man and education*. 2023;76(3):13–18. (In Russian). EDN: QWRZUP
- [5] Kulik A, Sokolova YuV. Features of the implementation of a practice-oriented approach in engineering education in the era of global digitalization. *MPEI Journal*. 2022;4(4):138–143. (In Russian). DOI: 10.24160/1993-6982-2022-4-138-143 EDN: ICVMWN
- [6] Bryzgalina EV, Prokhoda VA. On the criteria for evaluating the pedagogical activity of a teacher in the context of educational quality management. *MSU Journal of Philosophy*. 2012;(6):45–59. (In Russian). EDN: PJOCYF
- [7] Mironov VV. *Transformation of culture in the space of global communication*. Saint Petersburg: SPbGUP publ.; 2019. (In Russian). EDN: VRRYTP
- [8] League MB, Shchetkina IA. Man in the era of digitalization of society. *Humanitarian vector*. 2021;16(2):29–37. (In Russian). DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-29-38 EDN: GNUULR
- [9] Mironov VV, Sokuler ZA. Longing for true being in digital culture. *MSU Journal of Philosophy*. 2018;(1):3–22. (In Russian). EDN: YTFBYO
- [10] Leontiev AN. On some psychological issues of the consciousness of teaching. *Soviet Pedagogy*. 1944;(2):65–75. (In Russian).
- [11] Vinsky GS. *My time*. Notes. Saint Petersburg publ.; 1914. (In Russian).
- [12] Kant I. About pedagogy // *Treatises and letters*. Moscow: Nauka publ.; 1980. (In Russian).
- [13] Bryzgalina EV, Stanchenko SV. Upbringing as an educational result: a value-oriented approach to assessment in the general education system. *RUDN Journal of Philosophy*. 2021;4(25):574–588. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-4-574-588 EDN: GAKRGS
- [14] Khominskaya VV. Vygotsky's cultural and historical theory as a philosophical methodology of modern education. *Context and reflection: philosophy of the world and man*. 2016;(3):32–41. (In Russian). EDN: WTIFGJ
- [15] Vorobyeva KN. An anthropological approach to education. *Pedagogy*. 2007;(2):55–58. (In Russian). EDN: NBYCKT
- [16] Vygotsky LS. *Psychology of art*. Ivanov VV, editor. Vygotsky LS, Ivanov VV, comm, Leontiev AN, introduct. 3rd ed. Moscow: Iskusstvo publ.; 1986. (In Russian).

Сведения об авторе:

Силайчева Валерия Вадимовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Российская Федерация, 111250, Москва, Красноказарменная ул., д. 14. ORCID: 0000-0003-3613-9883. SPIN-код: 8439-3242. E-mail: KhominskayaVV@mpei.ru

About the author:

Silaicheva Valeria V. – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology, National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, 14 Krasnokazarmennaya St., Moscow, 111250, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3613-9883. SPIN-code: 8439-3242. E-mail: KhominskayaVV@mpei.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-577-591>

EDN: VCCXRK

Научная статья / Research Article

Семантическая унификация феномена серой зоны на примере военной и экономико-правовой сфер: системная перспектива

И.Е. Сапан

Независимый исследователь, Дюссельдорф, Германия

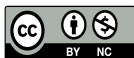
 isapan1994@gmail.com

Аннотация. В рамках данного исследования рассматривается феномен серых зон на примере военной и экономико-правовой сфер с использованием системно-коммуникативного подхода, возникающий на основе социальной теории Никласа Лумана. Автор анализирует природу серых зон, их историческую эволюцию и современное значение в условиях глобализации и технологического прогресса. Утверждается, что серые зоны часто служат катализаторами общественных изменений и требуют комплексного подхода для их понимания и регулирования. Новизна работы заключается в том, что впервые предпринята попытка семантической унификации понятия «серой зоны» через призму системно-коммуникативной теории Лумана, с обоснованием возможности ее применения в разных функциональных системах общества. Автор утверждает, что серые зоны представляют собой области неопределенности, а именно, совокупности разнородных коммуникаций, не участвующих в воспроизводстве (аутопойезисе) социальных систем. С опорой на системно-коммуникативный подход серую зону можно рассматривать как нечто, что социальная система не может проинтерпретировать в логике собственных коммуникаций. Автор подчеркивает важность системного анализа для выявления структурных и функциональных проблем, связанных с серыми зонами, и предлагает методы их исследования и классификации. Также обсуждаются способы использования системно-коммуникативного подхода для более глубокого понимания сложных взаимодействий между различными социальными системами. Делается вывод, что унификация понятия серой зоны способствует более эффективной коммуникации и сотрудничеству между специалистами различных областей, а также улучшает разработку политик и образовательных программ.

Ключевые слова: политическая война, коммуникации, социальные системы, системно-коммуникативный подход, взаимозависимость, правовое регулирование, междисциплинарные исследования, политика и управление, социальные феномены, эволюция понятия, неопределенность

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сапан И.Е., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 02.10.2024

Статья принята к публикации 03.03.2025

Для цитирования: Сапан И.Е. Семантическая унификация феномена серой зоны на примере военной и экономико-правовой сфер: системная перспектива // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 577–591. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-577-591>

Semantic Unification of the Gray Zone Phenomenon on the Example of Military and Economic-Legal Spheres: A Systemic Perspective

Ilia E. Sapan

Independent Researcher, Düsseldorf, Germany

isapan1994@gmail.com

Abstract. The research deals with the phenomenon of gray zones on the example of military and economic-legal spheres using the systemic-communicative approach, arising on the basis of Niklas Luhmann's social theory. The author analyzes the nature of gray zones, their historical evolution and contemporary significance in the conditions of globalization and technological progress. It is argued that gray zones often serve as catalysts of social change and require a comprehensive approach to understand and regulate them. The novelty of the work lies in the fact that for the first time an attempt has been made to semantically unify the concept of "gray zone" through the prism of Luhmann's systemic-communicative theory, with the justification of the possibility of its application in different functional systems of society. The author argues that gray zones represent areas of uncertainty, namely, aggregates of heterogeneous communications that do not participate in the reproduction (autopoiesis) of social systems. Relying on the systemic-communicative approach, the gray zone can be seen as something that a social system cannot interpret in the logic of its own communications. The author emphasizes the importance of systems analysis for identifying structural and functional problems associated with gray zones and suggests methods for their investigation and classification. Also discussed are ways in which a systems-communicative approach can be used to better understand the complex interactions between different social systems are also discussed. It is concluded that unifying the concept of the gray zone facilitates more effective communication and cooperation between specialists from different fields, and improves the development of policies and educational programs.

Keywords: military sphere, political warfare, communications, social systems, systemic-communicative approach, interdependence, legal regulation, interdisciplinary research, politics and governance, social phenomena, evolution of the concept, uncertainty

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history:

The article was submitted on 02.10.2024

The article was accepted on 03.03.2025

For citation: Sapan I.E. Semantic Unification of the Gray Zone Phenomenon on the Example of Military and Economic-Legal Spheres: A Systemic Perspective. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):577–591. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-577-591>

...Как найти объект, характеристика которого в том, что он не имеет имени и не является конструктивным?

А. Бадью [1. С. 96]

Введение

В современном мире, где каждая грань общественной жизни тем или иным образом подвержена регуляции, такое явление, как «серая зона», выступает своеобразным островком неопределенности и загадочности. Подобные интуиции высказывал еще тридцать лет назад анархист и поэт Хаким Бей, называя такие зоны временно автономными [2. С. 9]. В серых зонах пересекаются нормы и аномалии, традиции и инновации, праведное и порочное, словом все то, что нередко может послужить толчком к общественным трансформациям, будь то в худшую или лучшую сторону. С нашей точки зрения, серые зоны существуют не только в законодательстве и этике, но и в научных открытиях, культурных практиках и повседневной жизни. Последнее, к слову, сегодня активно исследуется в трудах проф. Штефана Кюля из университета Билефельда. Его работы посвящены анализу явления серых зон в организациях, где границы между соблюдением правил и их нарушением становятся размытыми. Автор рассматривает функциональные аспекты нарушения правил и «полезную» незаконность, которая порой необходима для поддержания гибкости и эффективности организации в условиях противоречивых требований окружающей среды [3].

Но возникает ряд справедливых вопросов: а о чем, собственно, идет речь? Разве «серые зоны» – это не расхожее выражение, являющее собой описание отдельные пробелов или лазеек, будь то в области права или экономической деятельности? Можно ли о серой зоне говорить как о нечто таком, что имеет под собой специфические, единые основания?

Именно эти вопросы мы пытаемся решить, или, по крайней мере, наметить пути решения в данной статье. На наш взгляд, одним из возможных путей может послужить попытка задать генерализацию подобного понятия последствием ее семантической унификации.

Семантическая унификация понятия «серой зоны» является важной темой для изучения, так как она отражает изменения понимания нечетких границ между правомерным и неправомерным, легальным и нелегальным, прозрачным и скрытым. Как мы уже отметили выше, в современной эпохе глобализации и стремительного развития технологий «серая зона» охватывает все больше аспектов жизни, начиная от международной политики и заканчивая повседневной коммерческой деятельностью. Введение в эту тему требует

анализа различных интерпретаций и понимания того, как это понятие эволюционировало с течением времени.

Сразу стоит отметить, что среди специалистов из самых различных областей (будь то военная, экономическая, политико-правовая сфера, *et cetera*) в большинстве случаев отсутствует четкое определение понятия «серой зоны», и, что важно подчеркнуть для философской академической мысли, отсутствует ее строгая генерализация *in abstracto*. С нашей точки зрения до сих пор не произведена стандартизация данного понятия. В качестве иллюстрации актуального семантического состояния такого понятия, как «серая зона», можно допустить умозрение, суть которого состоит в следующем: допустим, людям известны названия плодов смородины, клубники, земляники, но неизвестно само понятие «ягоды», которое содержит в себе четкие ботанические характеристики, отличающейся, допустим, от «крупы» или «гриба»; следуя этой аналогии, «серая зона права», «серая зона политики», «серая экономическая зона» и прочие применяется как дескрипция только *in concreto*, упуская качественные характеристики понятия серой зоны как феномена.

Более того, существуют авторы, которые считают его смысловую артикуляцию ненужным в силу того, что оно имеет избыточный характер (например, преувеличивает важность неявных форм ведения военных действий или интерпретирует исторически отлаженные действия государства в духе макиавеллизма, придавая им лоск новизны) [4. С. 814]. Мы склонны критически относиться к подобной позиции, поэтому в рамках данной статьи предпринимаем попытку описать особенности и эволюцию данного понятия, отталкиваясь сперва от военной сферы (где по большому счету и возникает данная «расплывчатая» терминологическая единица, и более того, фиксируется как понятие хоть каким бы то ни было образом), постепенно двигаясь к ее актуальной репрезентации в иных областях общественной жизни¹.

Важно также обозначить то, зачем потребовалась семантическая унификация данного понятия. С нашей точки зрения, есть ряд существенных аргументов, которые могут обосновать ее необходимость. Так, например, рассуждая о постоянных провалах в попытке стандартизировать понятие серой зоны (в рамках военной сферы), американский исследователь Филипп Лохаус справедливо отмечает, что: «Настоящая проблема терминологии может заключаться в поиске *предписывающего* [курсив мой, И.С.] определения «серой зоны», а не *описательного*, поскольку вызовы серой зоны различаются в зависимости от акторов и театров действий. Попытка создать таксономию для чего-то, что, по определению, противоречит однозначному и статичному конечному результату, отражает стремление стратегов определить недвусмысленную и статичную конечную цель; однако это неадекватно адресует непрозрачную природу проблем, представляемых серым конфликтом» [5. Р. 1].

¹ Также весьма важно указать на тот факт, что концепт «серой зоны» в той или иной его форме, как правило, обсуждается военными мыслителями (напр., Джон Бойд, Андрю Максвелл) из-за чего создается ложное впечатление, что данное понятие входит в сферу сугубо военных вопросов.

Следуя подобной интуиции, мы можем заявить, что унификация понятия «серой зоны», свободной от формальной принадлежности к той или иной области, важна по нескольким причинам.

Во-первых, это обеспечивает согласованность и ясность в деле междисциплинарных исследований. Как мы уже упомянули, в различных сферах (право, экономика, социология и др.) термин «серая зона» может иметь разные значения. Унификация помогает установить единое определение, что упрощает коммуникацию и предотвращает недоразумения. Как итог, специалисты из разных областей могут сотрудничать более эффективно, если они оперируют общими понятиями. Это особенно важно в комплексных исследованиях и проектах, где задействованы разные дисциплины.

Во-вторых, это напрямую позволяет улучшать разработку политики и регулирования. В политико-правовой сфере важно иметь четкое и единое понимание «серой зоны», чтобы разработать эффективные меры и избежать, например, правовых пробелов, которые с неизбежностью ведут к кризису.

В-третьих, для образовательных программ и материалов важно предоставлять четкие и унифицированные определения, чтобы студенты и специалисты могли правильно понять и применять концепции, которые они используют для анализа и интерпретации актуальной социальной действительности.

Таким образом, унификация такого понятия, как «серая зона», способствует более эффективной коммуникации, сотрудничеству и регулированию, что в конечном итоге приводит к более точному и понятному использованию термина в различных контекстах

Эволюция понятия «Серая зона»: исторический контекст и современные вызовы

Теперь обратим наше внимание к самой проблематике. С точки зрения специалиста по стратегическому планированию Командования специальных операций США Ф. Капусты, понятие серой зоны официально возникает в официальном документе («White Paper») данного ведомства, который опубликован 9 сентября 2015 года и дефинируется как: «Конкурентные взаимодействия среди и между государственными и негосударственными акторами, которые находятся между традиционной дуальностью войны и мира» [6. Р. 20]. При этом сами авторы официального документа подчеркивают: «У нас есть хорошо развитые словари, доктрины и ментальные модели для описания войны и мира, но многочисленные вызовы серой зоны, находящиеся между этими состояниями, не поддаются легкой категоризации»².

Более того, эти состояния нередко оказываются *парадоксальны*, вернее, *играют на парадоксах*, если постфактум рассуждать о том, как они были выстроены стратегически. К примеру, Эдвард Люттвак писал о парадоксальной логике военной стратегии, которая нередко воплощает в себе несколько противоречивых «истин» одновременно [7. Р. 7].

² См.: U.S. Special Operations Command. White Paper: The Gray Zone. 2016. P. 1.

Как бы то ни было, но подчеркивается, что подобные «серозональные» состояния характеризуются неопределенностью относительно природы конфликта, непрозрачностью вовлеченных сторон или неясностью относительно соответствующей политики и правовых рамок. Разумеется, было бы наивно полагать, что явления, которые силовые структуры Соединенных Штатов Америки расценивают как серую зону, появились лишь с момента ее артикуляции в документе девятилетней давности. Большинство методов «серой зоны» существовали на протяжении многих веков. Как отмечает Ф.Г. Хоффман, двадцать первый век лишь добавляет ко всем этим методам качественно новые формы, например, в виде своей масштабности с использованием компьютерных технологий [8. Р. 35].

Рассуждая об эволюции понятия серой зоны, мы склонны считать, что ближайшим предшественником данного понятия является политическая война (political warfare). Концепт политической войны мы можем обнаружить в работах таких исследователей, как Пол А. Смит, утверждающий, что политическая война так же важна для национального выживания, как и традиционные военные действия [9. Р. 7], а так же Джон Дж. Питни [10. Р. 114] и К.К. Гершанек [11. Р. 109], поддерживающих точку зрения, что политическая война это стратегическое использование политических средств и манипуляций для достижения национальных и международных целей. Конечно же, если мы остаемся в русле традиции рассуждений о войне Карла фон Клаузевица, то словосочетание «политическая война» может показаться тавтологией – любая война *de facto* является политической³. Впрочем, существуют и радикально иные точки зрения, например, идеи немецкого философа Хаймо Хофмайстера. Современный исследователь утверждает, что война является не «продолжением политики другими средствами», а напротив, ее отрицанием, следствием ее бессилия [12. С. 18].

Тем не менее, идея и само понятие «политической войны» используется. С опорой на вышепредставленных авторов можно заключить, что политическая война – это использование враждебных политических средств для принуждения противника выполнить свою волю. Она включает в себя взаимодействие между правительством и целевой аудиторией, такими как другие государства, вооруженные силы и население, с использованием методов пропаганды и психологических операций. Основная цель политической войны – ослабить или уничтожить политическую и социальную волю противника, применяя насилие, экономическое давление, подрывную деятельность и дипломатию.

Однако понятие политической войны, на наш взгляд, гораздо шире понятия серой зоны в военной сфере. Как уже было отмечено выше, серая зона являет собой некое состояние неопределенности, в то время как политическая война может объять в себе как теневые формы конфликта, так и достаточно

³ К слову, в Китайской Республике (Тайвань) есть Бюро политической войны (GPWB), которое является органом Министерства национальной обороны Китайской Республики.

явные военные операции [9. Р. 4]. В этом смысле серая зона *в военной сфере* получает свою спецификацию. По мнению Л.Д. Моррис и М.Д. Мазарр, серая зона характеризуется, во-первых, действиями ниже порога, который может вызвать явную войну, во-вторых, постепенностью, чтобы избежать резкого реагирования со стороны оппонента в лице других государств, в-третьих, неприложимыми правовыми и политическими основаниями (например, обоснование своего действия с точки зрения международного права или исторических претензий, своеобразная политико-правовая мимикрия), и, в-четвертых, использованием невоенных инструментов (например, серая зона включает применение дипломатических, информационных, экономических, кибернетических и парамилитарных средств для достижения целей без явной военной агрессии) [13. Р. 9]. Схожей точки зрения придерживаются и прочие авторы, например, П. Лейтон [14. Р. 9], Ф. Лохаус [5. Р. 1].

Системный подход к анализу серой зоны

Если обратиться к опыту системно-коммуникативной теории общества, разработанной известным немецким социологом Никласом Луманом в анализе военной сферы, то это позволит не только качественно исследовать и задать дескрипцию понятия серой зоны. Это также может послужить основой для углубленного исследования и понимания сложных взаимодействий между различными социальными системами и сферой войны. Отметим, что выбор системно-коммуникативной теории Н. Лумана обусловлен тем, что именно она позволяет описывать социальную реальность в терминах операций различения, а не акторов или норм. Это особенно важно в случае серых зон, сущностно уклоняющихся от бинарных кодов и формальных определений (анализ через Лумана позволяет выйти за рамки моралистической оптики, которая доминирует в обсуждении серых зон (как нарушений, коррупции и пр.)).

Так, например, датский социолог Горм Харст [15. Р. 157–177] исследует войну как самоорганизующуюся систему, которая развивается независимо и имеет собственные правила и коды коммуникации, а также взаимодействует с другими социальными системами. Ученый рассматривает, как военные системы развиваются и поддерживаются через коммуникацию и организационные структуры, используя системную теорию Н. Лумана для объяснения этих процессов. В свою очередь, швейцарский исследователь, профессор Фрайбургского университета, Николас Айо в своей статье «Organizing War and the Military in Society: A Systemic Perspective» [16. Р. 9–25] анализирует войну как организационное явление в обществе, уделяя особое внимание тому, как различные социальные системы (будь то политическая или экономическая) влияют на военные структуры. Айо так же использует системную теорию Н. Лумана для анализа взаимодействий между войной, военными системами и обществом в целом.

Если попытаться сравнить две точки зрения, которые основаны на одном системно-коммуникативном подходе, то Г. Харст фокусируется на войне как на самоорганизующейся системе, при этом подчеркивая независимость и уникальные коммуникативные коды военных структур, в то время как Н. Айо рассматривает войну как организационное явление, взаимодействующее с различными функциональными системами общества. Оба исследователя используют системную теорию Лумана, но Харст акцентирует внимание на автономности военных систем, а Айо – на их интеграции и взаимозависимости с другими социальными системами.

Последняя точка зрения, на наш взгляд, наиболее соответствует реалиям. Однако если мы учитываем такое явление, как серые зоны и их особенности в военной сфере (назовем это военной системой), то возникает любопытный *парадокс*. Становится непонятен коммуникативный бинарный код военной (под)системы, что вновь актуализирует вопрос о ее самостоятельности.

Дело все в том, что согласно теории Н. Лумана, коммуникации, из которых состоят системы и подсистемы: «...носят двойную функцию: (1) они устанавливают историческое состояние системы, из которого эта система должна исходить в своих следующих операциях. Они детерминируют систему в качестве таковой, которая в соответствующий момент дана именно так, а не иначе. И (2) они образуют структуры в виде схем отбора, делающих возможным новое распознавание и повторение» [17. С. 98–99]. Коммуникации, происходящие в серых зонах, не могут быть зафиксированы как-то однозначно (однозначно военные, однозначно экономические, однозначно информационные и т.д.), ведь на то они и «серые», т.е. пользуются невоенными методами для достижения военных целей. Своеобразная «война без войны», или, как иронично писал С. Жижек «кофе без кофеина <...> доктрина войны без потерь» [18. С. 17].

Как итог, обнаруживается парадоксальная ситуация. Военная система, чтобы достигать военных целей невоенными средствами, должна быть самообособленной, самореферентной и самодостаточной социальной системой, обладая бинарным кодом, который разграничит сугубо военные коммуникации от невоенных. Например, при помощи кода «военный/гражданский»; только так она способна различать такое явление, как серая зона, категоризировать его в собственной логике и операционализировать в дальнейшем. Однако в то же самое время трудно не согласиться с тем, что военные действия – это организационные явления, которые осуществляет политическая система. Военная система в таком случае должна руководствоваться различием «война/мир». И это оправдывает тот факт, что военные системы тесно взаимосвязаны с другими системами общества, такими как экономика, наука и право. Политическая система играет центральную роль в мобилизации ресурсов и управлении этими взаимосвязями для обеспечения функционирования военных систем.

Выходит, чтобы осуществлять коммуникации в «серой зоне», военной системе нужно быть самостоятельной. Однако ее интеграция с другими функциональными системами возможна только при зависимости от системы политики, и, соответственно, будут упираться в логику различений политического характера. Скорее всего, выход из этого тупика кроется где-то посередине. Уместно, на наш взгляд, заявить об интердепенденции⁴ (т.е. о взаимозависимости как *функции* между константами) военной системы.

Подчеркнем еще раз: серые зоны в военном контексте представляют собой ситуации, где государственные или негосударственные акторы применяют стратегии, действия и инструменты, которые трудно классифицировать как мирные или военные. Примеров подобного в военной истории огромное множество. При помощи системно-коммуникативного подхода появляется возможность обобщить и генерализировать серую зону как комплекс коммуникаций. Мы предлагаем универсальное определение, применимое к различным функциональным системам – военной, правовой, экономической, и др., поскольку оно выведено из общих структурных принципов системной теории. Серая зона – это комплекс коммуникаций внутри социальных систем, которые:

1. Производятся самими системами, при этом не участвуя в их аутополизисе; военные системы могут достигать военных целей невоенными средствами, то есть коммуникациями, которые могут быть присущи экономической, массовой, правовой системам, но не военной.

2. Актуально не встраиваются в коммуникативную историю систем. Действия в серой зоне как раз-таки призваны не допустить прямого столкновения и объявления войны, при этом сами цели носят предельно милитаризованный характер.

3. Не детерминируются системами в логике бинарного кода. Как уже говорилось выше, серая зона – это своеобразная ситуация (читай: коммуникация), которая тем более ценна, чем неоднозначнее и ненаблюдаемое.

В этом смысле можно сказать, что феномен серой зоны был поставлен себе «на службу» сугубо военной системой, в отличие от всех прочих. Однако мы часто можем встретить выражения «серая зона права» или «серая экономическая зона», которые зачастую собой подразумевают распознанные лазейки в законах или неформальные способы ведения экономической деятельности, направленной на личное обогащение или выгоду, при этом формально не нарушающую установленные красные линии в налоговом законодательстве или правилах бизнеса. Именно здесь и кроется главная топика серой зональности, причина, по которой мы обратили свое внимание на потребность в семантической унификации; если в военной системе серая зона схвачена и различаема, творима и польдуема, имеет более-менее

⁴ В данном случае данный термин можно рассматривать по аналогии из теории глоссематики датских структуралистов Л. Ельмслева и В. Брёндаля.

понятные характеристики, то во всех прочих системах не все так однозначно. Мы даже осмелимся заявить следующее: серая зона в других системах неразличаема в принципе, ибо выдав себя, она сразу называется «лазейкой в законе», т.е. отыгрывает негативный бинарный коммуникативный код. Однако этот «отыгрыш» всегда постфактум. В актуальности же, в некоем «вот-тут-прямо-сейчас» времени, серозональные коммуникации незримы, несмотря на то что «ощутимы» системой. Подобные реалии закономерны. С точки зрения Н. Лумана, право выполняет функцию баланса между временным и социальным измерениями, его нельзя определить объективно; право стабилизирует и регулирует поведение через нормативные ожидания⁵. Вместо этого используется понятие «правовая система» как основа для его понимания и функционирования [20. S. 131]. В этом ключевая разница: серая зона тогда «серая», когда она неразличима системой в принципе как коммуникация, ибо не воспринимается ни информация об этом, ни сообщение, ни понимание о событии прямо здесь и прямо сейчас.

Серая зона на стыке правовой и экономической сфер

Рассмотрим некоторые кейсы на стыке экономической и правовой системы, вернее, рассмотрим случаи, где проявляет себя серая зона на этих «стыках», а затем попытаемся это генерализировать в логике системно-коммуникативной теории.

Так, например, в одной из своих работ за 2015 год Л.А. Агузарова и А.Х. Моргоева указывают на серую зону в области экономической деятельности как область неопределенности налогового резидентства организаций в случае, когда компании формально зарегистрированы в офшорных юрисдикциях, но фактически управляются из другой страны, например, из России [21. С. 575]. Это действие приводит к минимизации налогообложения – используются иностранные организации, которые не ведут реальную хозяйственную деятельность в стране регистрации, но фактически управляются из России. То есть в данном случае деньги, заработанные в стране, не участвуют в воспроизводстве экономики. При этом номинально с точки зрения как экономических, так и правовых основ экономической деятельности никакой явной проблемы нет, что целиком укладывается в нами изложенный критерий серой зоны выше. В то же время Никлас Луман в своей книге «Die Wirtschaft der Gesellschaft» подчеркивает, что налоги являются необходимым инструментом для покрытия государственных расходов, так как государство не может рассчитывать на рентабельность своих расходов, как это делает частный сектор [22. S. 135–136]. Как итог, решение кейса Л.А. Агузаровой

⁵ Подобные рассуждения можно встретить и у Р. Скрутона, который утверждает, что «Закон присутствует в реальности, хотя и не в артикулированной форме, задолго до того, как его запишут. Задача судьи именно в том и состоит, чтобы открыть закон» [19. С. 88].

и А.Х. Моргоевой было достаточно простым, а именно, позволить экономической системе различать налоговое резидентство юридических лиц, т.е., *de facto* на тот момент назрела необходимость введения дополнительных понятий налогового резидентства [21. С. 577]; или, выражаясь языком теории Н. Лумана, введения дополнительных различий для осуществления коммуникаций, участвующих в аутопойезисе социальной системы хозяйства.

Другой пример – регламентация цифровых валют. С оглядкой на системно-коммуникативную теорию, подчеркнем, что деньги являются ничем иным, как символически генерализированным медиумом коммуникации экономики как системы. Сама экономика выделяется (т.е. совершает акт от-дифференциации, *Ausdifferenzierung*) как отдельная система лишь благодаря им, так как «с помощью денег можно систематизировать определенный тип коммуникативных действий, а именно платежи. В той мере, в какой экономическое поведение ориентировано на денежные платежи, можно говорить о функционально дифференцированной экономической системе» [22. S. 14].

Цифровая валюта, электронные средства *платежа* в целом также подвергаются «серозональным» коммуникациям.

Так, например, в работе И.Н. Михайлова «К вопросу о понятии, признаках и видах цифровых валют» обсуждается проблема серой зоны в контексте правового статуса цифровых валют. Исследователь отмечает, что цифровые валюты продолжают находиться в «серой зоне», что создает правовую неопределенность в сфере правоприменения в целом. Автор задается вопросом, могут ли цифровые валюты (и криптовалюты как их разновидность) быть предметом преступлений против собственности, отмывания денежных средств, и возможно ли законно исчислить их стоимость для определения ущерба [23. С. 569]? И тем не менее, цифровые валюты являются средством платежа. Экономические коммуникации совершаются, но правовая система не обладает специфическим органом реагирования на это, то есть, подобные коммуникации в логике системы права протекают «бесследно». Как писал Ален Бадью: «...закон всегда определяет не только то, что разрешено и что запрещено, но, на самом деле, то, что существует под определенным именем, что нормально, и то, что является неименуемым и, следовательно, на самом деле не существует, то есть то, что оказывается *анормальной* [курсив мой. – И.С.] частью данной на практике целостности» [1. С. 89–90].

Важно отметить: неопределенность – это не то, что исчерпывает серую зону как коммуникативный феномен. Неопределенность в этом смысле «определена». Система может ее различать (посредством научных публикаций, судебных прецедентов, политических акций, персональных интеракций экспертов и т.п.). На нее указывают, нередко берут в обработку и нивелируют. Мы же стремимся подчеркнуть, что серая зона способна «паразитировать» на этой неопределенности. Сама же неопределенность, на наш взгляд, проистекает из-за нехватки различий у социальной системы, которая, как и когнитивные системы (люди), пользуется медиумом смысла как единства различия

потенциального и актуального. Более того, существует неопределенность определенная и неопределенность неопределенная, этакая «Protean Power» в духе П. Катценштайна и Л. Зиберт [24. Р. 18].

Заключение

На наш взгляд, серые зоны служат индикаторами наличия структурных и функциональных проблем в различных социальных системах. Они выявляют места накопления социального напряжения, противоречий и конфликтов, которые требуют более глубокого и комплексного анализа. Понимание и исследование этих зон позволяет не только выявлять скрытые механизмы социального регулирования и контроля, но и разрабатывать стратегии для их трансформации и адаптации к изменяющимся условиям.

Особое значение приобретает изучение серых зон в контексте правовых систем, где подобные пространства могут свидетельствовать о необходимости реформ и адаптаций законодательства. Анализ таких зон позволяет выявлять недостатки существующих правовых норм и процедур, предлагать пути их совершенствования, что в конечном итоге способствует повышению справедливости и эффективности правоприменения.

Кроме того, исследование серых зон имеет важные последствия для социальной политики и управления. Оно позволяет выявлять неформальные практики и стратегии выживания различных социальных групп, что может стать основой для разработки более адекватных и чувствительных к реальным нуждам людей политик и программ. Таким образом, серые зоны не только отражают текущие проблемы, но и открывают путь к их решению через создание более гибких, инклюзивных и устойчивых социальных систем.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что изучение серых зон как целостного феномена может послужить прикладным направлением в современной социологии и социальной философии, способным предложить новые инструменты и подходы для анализа и решения накопившихся проблем в различных областях социальной жизни. Это направление требует междисциплинарного подхода, объединяющего усилия философов, социологов, юристов, политологов и других специалистов, для разработки комплексных и эффективных решений, способствующих устойчивому развитию общества.

Список литературы

- [1] Бадью А. Загадочное отношение философии и политики / пер. с фр. Д. Кралечкин. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2016.
- [2] Бей Х. Автономные зоны. Временные и постоянные. СПб. : CHAOSSS PRESS, 2020.
- [3] Kühl S. Grauzonen zwischen Regelabweichung und Regelkonformität: Funktionale Regelverstöße und brauchbare Illegalität. Bielefeld : Universität Bielefeld, Working Paper, 2019.
- [4] Patalano A. When strategy is «hybrid» and not «grey»: reviewing Chinese military and constabulary coercion at sea // The Pacific Review. 2018. Vol. 31. № 6. P. 811–839.

- [5] *Lohaus P.* Special Operations Forces in the Gray Zone: An Operational Framework for Employing Special Operations Forces in the Space Between War and Peace // *Special Operations Journal*. Taylor & Francis Group, 2016. DOI: 10.1080/23296151.2016.1239989
- [6] *Kapusta Ph.* Grey Zone // *Special Warfare*. October-December. 2015. Режим доступа: <https://www.penncrnl.org/conferences/greyzone/> (дата обращения: 09.09.2024).
- [7] *Luttwak E.N.* Strategy: The Logic of War and Peace. Cambridge, MA : Belknap Press, 1987.
- [8] *Hoffman F.G.* Examining Complex Forms of Conflict: Gray Zone and Hybrid Challenges // *Prism*. 2018. Vol. 7. № 4. P. 30–47.
- [9] *Smith P.A.* On Political War. Washington : National Defense University Press, 1989.
- [10] *Pitney J.J.* The Art of Political Warfare. Red River Books, University of Oklahoma Press, 2001.
- [11] *Gershaneck K.K.* Political warfare: Strategies for combating China’s plan to “win without fighting”. Quantico : Marine Corps University Press, 2020.
- [12] *Хофмайстер Х.* Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат / пер. с нем. и послесл. О.А. Коваль. СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006.
- [13] *Morris L.J., Mazarr M.J. et al.* Gaining Competitive Advantage in the Gray Zone: Response Options for Coercive Aggression Below the Threshold of Major War. RAND Corporation, 2019. DOI: 10.7249/RR2942
- [14] *Layton P.* China’s Enduring Greyzone Challenge. Air and Space Power Centre, Department of Defence, 2021. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/356458233_China’s_Enduring_Grey_Zone_Challenge (дата обращения: 09.09.2024).
- [15] *Harste G.* Society’s war: The evolution of a self-referential military system // *Observing International Relations: Niklas Luhmann and World Politics* / edited by M. Albert, L. Hilkermeier. London : Routledge, 2004.
- [16] *Hayoz N.* Organizing War and the Military in Society: A Systemic Perspective // *Russian Sociological Review*. 2016. Vol. 15. № 2. P. 9–25. DOI: 10.17323/1728-192X-2016-2-9-25 EDN: WITRKN
- [17] *Луман Н.* Общество общества. Кн. 1: Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М. : Логос, 2004.
- [18] *Жижек С.* Добро пожаловать в пустыню Реального / пер. с англ. А. Смирного. М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002.
- [19] *Скрутон Р.* Дураки, мошенники и поджигатели: Мыслители новых левых / пер. с англ. Н. Глазкова. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. DOI: 10.17323/978-5-7598-1788-8 EDN: WTUERV
- [20] *Luhmann N.* Das Recht der Gesellschaft. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1993.
- [21] *Агузарова Л.А., Моргоева А.Х.* Налоговое резидентство организаций: роль и значение в процедуре деофшоризации российской экономики // *Налоги и налогообложение*. 2015. Т. 134. № 8. С. 574–579. DOI: 10.7256/1812-8688.2015.8.16014 EDN: UHOVKH
- [22] *Luhmann N.* Die Wirtschaft der Gesellschaft. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1994.
- [23] *Михайлов И.Н.* К вопросу о понятии, признаках и видах цифровых валют // *Академический юридический журнал*. 2023. Т. 24. № 4. С. 568–577. DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(4).568-577 EDN: LCBWWT
- [24] *Protean Power: Exploring the Uncertain and Unexpected in World Politics* / edited by P.J. Katzenstein, L.A. Seybert. Cambridge : Cambridge University Press, 2018.

References

- [1] Badiou A. *The mysterious relationship of philosophy and politics*. Moscow: Institute of General Humanitarian Studies publ.; 2016. (In Russian).
- [2] Bey H. *Autonomous zones. Temporary and permanent*. Saint Petersburg: CHAOSSS PRESS publ.; 2020. (In Russian).
- [3] Kühl S. *Grauzonen zwischen Regelabweichung und Regelkonformität: Funktionale Regelverstöße und brauchbare Illegalität*. Bielefeld: Universität Bielefeld, Working Paper; 2019.
- [4] Patalano A. When strategy is «hybrid» and not «grey»: reviewing Chinese military and constabulary coercion at sea. *The Pacific Review*. 2018;31(6):811–839.
- [5] Lohaus P. Special Operations Forces in the Gray Zone: An Operational Framework for Employing Special Operations Forces in the Space Between War and Peace. *Special Operations Journal*. Taylor & Francis Group; 2016. DOI: 10.1080/23296151.2016.1239989
- [6] Kapusta Ph. Grey Zone. *Special Warfare*. October-December; 2015. Available from: <https://www.pennccerl.org/conferences/greyzone/> (accessed: 09.09.2024).
- [7] Luttwak EN. *Strategy: The Logic of War and Peace*. Cambridge, MA: Belknap Press; 1987.
- [8] Hoffman FG. Examining Complex Forms of Conflict: Gray Zone and Hybrid Challenges. *Prism*. 2018;7(4):30–47.
- [9] Smith PA. *On Political War*. Washington: National Defense University Press; 1989.
- [10] Pitney JJ. *The Art of Political Warfare*. Norman: University of Oklahoma Press; 2001.
- [11] Gershaneck KK. *Political warfare: Strategies for combating China's plan to "win without fighting"*. Quantico: Marine Corps University Press; 2020.
- [12] Hofmeister H. *The will to war, or the impotence of politics. A philosophical-political treatise*. Koval OA, transl. Saint Petersburg: Humanitarian Academy Publishing Center publ.; 2006. (In Russian).
- [13] Morris LJ, Mazarr MJ, et al. *Gaining Competitive Advantage in the Gray Zone: Response Options for Coercive Aggression Below the Threshold of Major War*. RAND Corporation; 2019. DOI: 10.7249/RR2942
- [14] Layton P. *China's Enduring Greyzone Challenge*. Air and Space Power Centre, Department of Defence; 2021. Available from: https://www.researchgate.net/publication/356458233_China's_Enduring_Grey_Zone_Challenge (accessed: 09.09.2024).
- [15] Harste G. Society's war: The evolution of a self-referential military system. In: Albert M, Hilkermeier L, editors. *Observing International Relations: Niklas Luhmann and World Politics*. London: Routledge; 2004.
- [16] Hayoz N. Organizing War and the Military in Society: A Systemic Perspective. *Russian Sociological Review*. 2016;15(2):9–25. DOI: 10.17323/1728-192X-2016-2-9-25 EDN: WITRKN
- [17] Luhmann N. *The society of society. Book I: Society as a social system*. Antonovsky A, transl. Moscow: Logos publ.; 2004. (In Russian).
- [18] Zhizhek S. *Welcome to the desert of the real*. Smirnov A, transl. Moscow: Pragmatics of Culture Foundation publ.; 2002. (In Russian).
- [19] Scruton R. *Fools, frauds and firebrands: Thinkers of the new left*. Glazkova N, transl. Moscow: Higher School of Economics publ.; 2021. (In Russian). DOI: 10.17323/978-5-7598-1788-8 EDN: WTUERB
- [20] Luhmann N. *Das Recht der Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1993.

- [21] Aguzarova LA, Morgoeva AKh. Tax residency of organizations: role and significance in the procedure of deoffshorization of the Russian economy. *Taxes and Taxation*. 2015;134(8):574–579. (In Russian). DOI: 10.7256/1812-8688.2015.8.16014 EDN: UHOVKH
- [22] Luhmann N. *Die Wirtschaft der Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1994.
- [23] Mikhailov IN. On the concept, features and types of digital currencies. *Academic Legal Journal*. 2023;24(4):568–577. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(4).568-577 EDN: LCBBWT
- [24] Katzenstein PJ, Seybert LA, editors. *Protean Power: Exploring the Uncertain and Unexpected in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press; 2018.

Сведения об авторе:

Сapan Илья Евгеньевич – кандидат философских наук, независимый исследователь, Дюссельдорф, Германия. ORCID: 0000-0002-8300-1679. SPIN-код: 8011-9724. E-mail: isapan1994@gmail.com

About the author:

Sapan Ilia E. – PhD in Philosophy, Independent Scholar, Düsseldorf, Germany. ORCID: 0000-0002-8300-1679. SPIN-code: 8011-9724. E-mail: isapan1994@gmail.com

Научная жизнь

Scientific Life

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-592-600>

EDN: VDTKRV

Рецензия на книгу / Book Review

Общественно-этическое начало Человека в философском мышлении эпохи социализма: рецензия на книгу «Философское наследие С.Л. Рубинштейна»

Н.В. Сторчеус

Филиал Московского государственного института культуры, Рязань, Россия

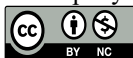
 iva68@yandex.ru

Аннотация. Рецензия посвящена первому тому работ Сергея Леонидовича Рубинштейна из планируемого трехтомного собрания его сочинений; основная цель издания – фундирование представления о творчестве философа как о едином пути на основе взаимодействия философии и психологии в разработке основных проблем, связанных с пониманием человека. Творческий путь мыслителя подтверждает факт необходимости работы в сфере философских оснований науки, поскольку логика любой области знания, педагогики ли, психологии ли, задается извне. Исторически сложившийся вопрос о роли тела и психики, их взаимосвязи в жизни человека, в XX веке решался психологами, философами и физиологами обособленно: отсюда важность труда С.Л. Рубинштейна «Человек и мир», включенного в первый том издания, обусловленная тем, что в этой книге онтологическая антропология разрабатывается основателем научной школы – признанным авторитетом как в области психологии, так и философии. Рассмотрена сущность онтологического подхода С.Л. Рубинштейна, основанная на принципе единства в многообразии и многокачественности бытия, отмечена оригинальность философской мысли, отождествляющей этику с онтологией, которая, в свою очередь, является объединяющим системным основанием всех аспектов философского анализа.

Ключевые слова: марбургское неокантианство, этика, категории, человек, мир, бытие, жизнь

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сторчеус Н.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 18.12.2024

Статья принята к публикации 07.03.2025

Для цитирования: *Сторчеус Н.В.* Общественно-этическое начало Человека в философском мышлении эпохи социализма: рецензия на книгу «Философское наследие С.Л. Рубинштейна» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 592–600. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-592-600>

The Socio-Ethical Principle of Man in the Philosophical Thinking of the Socialist Era: Review of the Book “The Philosophical Legacy of S.L. Rubinstein”

Nadezhda V. Storcheus

Branch of Moscow State Institute of Culture”, Ryazan, Russia

 iva68@yandex.ru

Abstract. The review is devoted to the first volume of Sergei Leonidovich Rubinstein’s works from the planned three-volume collection of his works; the main purpose of the publication is to establish the idea of the philosopher’s work as a single path based on the interaction of philosophy and psychology in the development of basic problems related to human understanding. The creative path of a thinker confirms the need to work in the field of philosophical foundations of science, since the logic of any field of knowledge, whether pedagogy or psychology, is set from the outside. Historically, the question of the role of the body and the psyche, their interrelation in human life, was solved by psychologists, philosophers and physiologists in the 20th century.

Keywords: Marburg neo-Kantianism, ethics, categories, man, world, being, life

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history:

The article was submitted on 18.12.2024

The article was accepted on 07.03.2025

For citation: Storcheus NV. The Socio-Ethical Principle of Man in the Philosophical Thinking of the Socialist Era: Review of the Book “The Philosophical Legacy of S.L. Rubinstein”. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):592–600. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-592-600>

В 2024 г. Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Институт философии РАН и Российская академия образования опубликовали первый том 3-томного проекта Философское наследие С.Л. Рубинштейна (1889–1960). В этом издании впервые представлен текст его работы «Человек и мир» в 2 частях, в том виде, каким его задумал автор; опубликованы его рукописи в разделе «Из рукописного наследия С.Л. Рубинштейна – замысел труда «Человек и мир». В первый том вошла работа «Труд

«Человек и мир» в полувековом исследовании» К.А. Абульхановой-Славской, ее воспоминания («Личный кабинет»), автобиографии С.Л. Рубинштейна, хроника основных событий жизни и творчества.

Вопрос о локации в общем научном поле того или иного мыслителя часто бывает предметом дискуссий в профессиональных сообществах. Однако творческое наследие С.Л. Рубинштейна в предыдущие десятилетия таковых не вызывало. По словам Ксении Александровны Абульхановой-Славской, при несомненности «парадигмальности философского мышления Рубинштейна в его творческой установке» [1. С. 36] фигура С.Л. Рубинштейна долго оставалась неидентифицируемой: философы считали его представителем психологической науки, а психологи причисляли его к философам. Между тем, его диссертация 1914 года была посвящена разработке методологии монизма, философских оснований монистического подхода в философии и науке; но, хотя ученику марбуржца Г. Когена «отказывать от философского дома» невозможно, космополита и антимарксиста С.Л. Рубинштейна его современникам проще было оставить в неопределенном статусе. Его укорененность в Марбургской школе неокантианства не помешала проявить свою самостоятельность по отношению к Канту и неокантианству, что само собой разумеется – неокантианцы не продолжали развивать собственно кантовские взгляды, но видели необходимостью выход за пределы его философии. С.Л. Рубинштейн критикует Канта за отождествление содержания возможного объекта и объекта существующего. Само название книги отсылает нас к теме трансценденции и трансцендирования. Объективность бытия, разрешающая человеку познавать закономерности мира, но не позволяющая ему разгадать себя, и/или расширение границ мира познанного, имманентного, расширение сферы опыта как содержания познания – неокантианцу С.Л. Рубинштейну не обойти эту тему, равно как и устремленность человека к предельным смыслам вообще как источник метафизики.

Трехтомное собрание сочинений отечественного интеллектуала, на наш взгляд, снимает вопрос о его научной принадлежности, демонстрируя масштабность, безграничность мысли С.Л. Рубинштейна, его философскую оригинальность и глубину. Формальные основания считать С.Л. Рубинштейна представителем психологической науки, однако, достаточно весомы: первый советский психолог – лауреат Сталинской премии (1942), основатель кафедры и отделения психологии при философском факультете МГУ (1943), первой в стране организации психологов, созданной под эгидой АН СССР – сектора психологии Института философии АН СССР (1943). Фундаментальный учебник «Основы общей психологии», где С.Л. Рубинштейн является единственным автором, что является сложной задачей и случается нечасто, до сих пор остается актуальным.

Коллектив проекта, поставив своей целью обоснование идеи о единстве пути Сергея Леонидовича как продуктивного взаимодействия философии и психологии, демонстрирует блестящую ее реализацию. Во вступительной

статье обосновывается значимость исследования творчества С.Л. Рубинштейна отечественными философами. В частности, В.А. Лекторский выявил его гуманистическую и конкретно-этическую направленность как состоявшуюся уже в самый начальный период, раскрыл многоаспектность его творчества в контексте философского мышления нового тысячелетия. Следуя мнению самого С.Л. Рубинштейна о преимуществе прочтения ранних трудов с позиции поздних, в первый том включено дополненное и комментированное переиздание работы С.Л. Рубинштейна «Человек и мир», не вышедшей в свет при жизни автора в том виде, каком он ее замыслил, посвященной вопросам онтологии и философской антропологии. Фрагменты этого текста были впервые опубликованы в журнале «Вопросы философии» в № 7 за 1966 г. Кроме того, в первый том вошли дневниковые записи и рукописи С.Л. Рубинштейна, а также аналитический материал ученицы, последователя и хранительницы его архива К.А. Абульхановой-Славской, которые проясняют контекст, обстоятельства его жизни и творческой деятельности. Нельзя не подчеркнуть важность этого издания, которое не только презентует собственно научные разработки С.Л. Рубинштейна, но и помогает приблизиться к пониманию личности этого неординарного мыслителя, предлагая читателю как тексты, так и фотографии из личного архива философа.

Авторы-составители достигают поставленной цели через решение трех задач: представить наиболее полную версию труда ученого «Человек и мир», показать контекст по архивным материалам и осуществить анализ позднего творчества ученого.

Перечислим проблемы, над которыми размышляет С.Л. Рубинштейн в работе «Человек и мир». Предваряющее основной текст авторское вступление ориентирует читателя на размышление о бытии, сущем и месте в нем человека, месте человека в жизни. Сам мыслитель предлагает рассмотреть эту «проблему всех проблем» [2. С. 36] в аспекте взаимосвязанности и взаимобусловленности отношений человека и бытия, человека и другого человека.

Свою философскую позицию С.Л. Рубинштейн проясняет во введении через критику идеалистического подхода к проблеме бытия и сознания: таковой приводит к замещению субъекта сознанием и превращает бытие в кажимость. Тем более, что противопоставление бытия и сознания неправомерно: мысль, сознание самостоятельным членом гносеологического отношения, по мнению С.Л. Рубинштейна, быть не может, мыслимое бытие не перестает бытийствовать независимо от сознания, а осознаваемое бытие к сознанию не сводится. В качестве основания для размышлений такое противопоставление непродуктивно, если полагается исходным, поскольку таковым (исходным), по мнению философа, является соотношение человека и бытия – «этот контакт двух реальностей» [2. С. 38]. Идеалистическое вынесение сознания за пределы бытия дезонтологизирует человека и историю, сведение бытия к материальности лишает вещи свойств орудий и продуктов практики. Между тем, как человеческое бытие не только один из его видов, но и причина

преобразования онтологического плана в целом: «Характеристика существования в мире, в котором есть человек, заключается в том, чтобы «являться» человеку, быть данным в ощущении» [2. С. 77]. Отсюда – важность темы видоизменения категорий, определений бытия с учетом его человеческой составляющей.

Однако диалектический материализм также небезупречен: предписывая каждому виду материи специфическую форму движения, на уровне человеческого, общественного бытия, он остается в прежних рамках, тогда как целесообразным было бы разделить «движение» и «способ существования». Уровень человеческого бытия специфичен, отсюда – метод изучения человека как раскрытие его во всех существенных связях и отношениях, где каждый раз человек выступает в новом качестве. Раскрытие полноты природного и общественного бытия человека связано с преодолением отчуждения человека от человека, которое является следствием противопоставления ему его общественной функции. Онтология человеческого бытия включает в себя «большую подлинную этику» [2. С. 43] – подлинное бытие людей, жизнь (одна из важнейших категорий для С.Л. Рубинштейна, понимаемая как способ бытия человека). Вероятно, нет необходимости напоминать о том, что не обращаться к марксизму С.Л. Рубинштейн не мог; однако это был уже «...очищенный от сталинизма и рационально относящийся к ленинизму «неомарксизм» ... строился с учетом достижений мировой философской мысли (в том числе неокантианства Г. Когена, М. Наторпа, Э. Кассирера, В. Виндельбанда, В. Дильтея, Г. Риккерта и др.)» [3. С. 67].

Обозначив свою философскую позицию, С.Л. Рубинштейн посвящает первую часть (о мире в соотношении с человеком) базовым категориям: бытие, существование и становление, субстанция, природа и материя. В первых двух главах мыслитель последовательно рассматривает бытие как философское понятие, соотносит существование и сущность, природу и материю, размышляет о становлении бытия во времени и пространстве. Во второй главе также есть раздел, посвященный диалектико-материалистическому принципу детерминизма и понятию субстанции, где поднимается кардинальная проблема причины и условий ее действия [2. С. 86].

Соотнося вышеназванные понятия с человеком, философ развивает тезис о том, что субъект не противостоит объекту, превращая реальность в предмет своей деятельности, а включен в бытие: «сущее, расположенное внутри Сущего». Познание – отношение различных сущих внутри онтического, преодолевая тем самым гносеологическую рамочность бытия как объекта познания.

Бытие становящееся или небытие – состояние конкретного сущего; раскрытие же бытия – вопрос о субстанциональности изменяющегося. С.Л. Рубинштейн останавливается также на разъяснении понятия «мир» как организованной иерархии различных способов существования. Философ анализирует «ряд исторически сложившихся разветвлений», на которые

расчленяется проблема сущего, и приходит к выводу, что для Сущего необходимо признать приоритет аспекта бытия над аспектом сущности, а основной задачей – раскрытие субъектов различных форм, способов существования, различных форм движения [2. С. 66] (в связи с этим предполагается новый подход к общим категориям, приобретающим специфические формы в зависимости от уровня бытия). То, что позволяет объективироваться специфическому способу человеческого существования, заключается в мере соотношения самоопределения и определения другим (условиями, обстоятельствами) [2. С. 73]. Критикуя кантовскую идею о том, что все доступные определения не затрагивают вещи-в-себе (сущего), С.Л. Рубинштейн формулирует понимание сущности в аспекте детерминации, как соотношение структурных и причинных связей, определяющих структуру явления. Таким образом, сущность «не за» и «не под», а в самом явлении.

В разделе «Природа и материя», анализируя развитие темы в динамике историко-философской мысли, С.Л. Рубинштейн, в частности утверждает, что не материя есть субъект, а наоборот: сущее есть субъект, а материальность его предикат [2. С. 102]. В этом же разделе философ раскрывает симфоничность категории материи в ее соотношении с системой философских категорий. Здесь же – авторская идея о пяти ипостасях человека как вариант решения вопроса о соотношении материи и сознания «внутри бытия через человека» [2. С. 104]. Тема заключительного раздела второй главы – становление бытия во времени и пространстве, где С.Л. Рубинштейн предлагает ввести категорию «ритма времени» [2. С. 110].

В третьей главе первой части анализируются понятия «сущность» и «явление», рассматривается вопрос отношения мышления к бытию и логическая структура познания, соотношения в познании имплицитного и эксплицитного в трех соответствующих разделах. Здесь автор возвращается к проблеме кажимости, анализирует пути ее решения, привлекая примеры из области психологии восприятия, обосновывает прерогативу чувственного познания: именно с ним, а не с абстрактным мышлением связано существование. Говоря о структуре чувственного познания, С.Л. Рубинштейн использует метафору «окон, открытых на существующее в действительности», и «переменных», значение которых «подставляет» само существующее. Основываясь на понимании трансцендентного как имплицитно данного, С.Л. Рубинштейн намечает новое понимание трансцендентности как неисчерпаемости бытия, которая (неисчерпаемость) и выражает несводимость бытия к познанию; проблема того, как открывается бытие в познании есть проблема истины.

Проведя категориальный анализ сущего, вторую часть С.Л. Рубинштейн посвящает теме человека в соотношении с миром: онтологии человеческой жизни. Изложенное здесь является органичным развитием идей первой части труда «Человек и мир». Задачей второй части является рассмотрение человека «как объективно существующий, отношениями к которому определяются объективные свойства того, что с ним соотносится» – объективно

существующей отправной точкой всей системы координат [2. С. 153]. Восемь глав посвящены морали и этике, юмору и иронии, любви, политике, трагичности жизни, понимаемой как «сплетение добра и зла» – темам поистине вечным. Этика – предмет особого внимания С.Л. Рубинштейна, специфический способ существования человека, понимаемая им как часть онтологии, поскольку каждое общее положение о бытии получает свой резонанс в этике. Философ признает ошибочным кантовское понимание «Я» как субъекта сознания, предлагая понимание «Я» как субъекта жизни. Познаваемая человеком реальность имеет своим коррелятом человека же.

Наличное бытие – непрерывная цепь: данность – преобразование ее действиями человека – новая данность, в свою очередь преобразуемая человеком в имеющейся ситуации в соответствии с потребностями: «самоопределение в ситуации, затем выход за пределы этой ситуации в сознании и действии» [2. С. 171]. Выявление основных отношений к миру позволяет определить предмет этики как дифференциальную онтологию, поскольку этика выявляет принципы специфической сферы человеческого бытия [2. С. 173], она есть выражение включенности нравственности в жизнь. Что касается смысла жизни человека – сама по себе жизнь смысла не имеет, но смысл определяется в соотношении содержания жизни человека с другими людьми. Отсюда – представление о личной жизни не как частной, но как «включающей в себя как единичное многообразие, так и иерархию все более абстрактных отношений» [2. С. 181]. Счастье – результат верной жизни, также как и содержательный внутренний мир; не себя нужно делать хорошим, а сделать что-то хорошее в жизни, резюмирует философ: «Смысл человеческой жизни – быть источником света и тепла для других людей» [2. С. 265].

С.Л. Рубинштейн ставит вопрос о введении общих онтологических категорий применительно к решению проблемы общественной жизни, поскольку последняя описывается лишь в специфических терминах исторического материализма. Используя неокантианскую лексику, можно сказать, что неокантианец Рубинштейн вводит в философский оборот трансценденталию, нечто, скрытое в нас самих, – жизнь человека как способ бытия, специфический способ существования [2. С. 246], что является одним из путей преодоления и кантовской системы. С.Л. Рубинштейн работает над преодолением кантовского дуализма: развитие науки, в том числе психологии, требует нового подхода в осмыслении научных исследований и критика Канта, неокантианства, не упоминаемых напрямую, дает возможность по-новому теоретизировать на предмет описания методологического фундамента научного знания. Не сомневаемся, что читатель найдет для себя другие акценты.

В процессе чтения может возникнуть вопрос: а как бы выглядел текст этой книги, не окажись С.Л. Рубинштейн в условиях, когда надо ориентироваться на господствующую идеологию и выглядел бы он по-другому? Ответ на него можно найти в исследовании «Труд „Человек и мир“ в полувековом исследовании».

Понятна логика, согласно которой эта работа К.А. Абульхановой-Славской оказалась там, где она есть в этом томе. Однако не знакомство, но вдумчивое прочтение «Человека и мира» читателем, не встречавшимся прежде с творчеством С.Л. Рубинштейна, нам представляется продуктивным предварить именно этой работой.

Впервые опубликованные рукописные тексты С.Л. Рубинштейна близки к жанру философских медитаций, когда личностное переживание разворачивается «*sub specie aeternitatis*». Это – его дневники под общим заглавием «О философии и философе». Первая часть предлагаемых рукописей представляет собой автобиографический портрет мыслителя. Вторая – показывает историю создания этой работы. Здесь отражена мировоззренческая позиция философа, его оценки своего жизненного пути, задачи, которые он ставил перед собой, а также новизну антропосферной интерпретации сознания, роль которого – реализация миссии человека во Вселенной.

Диапазон мнений, реакций на книгу С.Л. Рубинштейна демонстрирует широчайший спектр: от слов А.С. Арсеньева о том, что «Человек и мир» – показатель «затянувшегося кризиса в психологической науки», до Г.С. Батищева, который оценивает Сергея Леонидовича как творца большой мировоззренческой и методологической мощи. М.С. Каган считает, что С.Л. Рубинштейн ввел в философию «новую для нее категорию – «мир». Н.А. Дмитриева признает эту работу российского философа и психолога ярким показателем «так называемого “антропологического поворота” в русском неокантианстве» [2. С. 28]. На наш взгляд, интерес читателя к этому трехтомнику только вырастет благодаря желанию сравнить свои впечатления с мнением коллег.

Раскрытие третьего узлового момента – презентация его личности решается как посредством представления автобиографий С.Л. Рубинштейна, так и через публикацию воспоминаний Ксении Александровны Абульхановой-Славской. С.Л. Рубинштейн был одним из тех философов, которые свои философские взгляды демонстрировали как в научных трудах, так, например, и в тяжелейших условиях блокадного Ленинграда, проявляя всю возможную заботу о коллегах, аспирантах. Под его руководством вывозится из осажденного Ленинграда последняя большая группа ученых, он организывает жилье, питание, работу эвакуированных на новом месте.

В книге опубликованы фотографии из личного архива К.А. Абульхановой-Славской. Завершается том хроникой основных событий жизни и творчества С.Л. Рубинштейна.

Издание содержит блестящий образец русской философской мысли, демонстрирует большой труд творческого коллектива, сделавшего его доступным. Еще раз подчеркнем важность того обстоятельства, что издание дает целостное представление о личности и творчестве философа благодаря контексту, созданному дневниковыми записями, мемуарами, фотографиями. Учитывая, что философ занимается скрытым внутри нас, тем, на основании чего происходит сборка реальности, чем-то составляющим суть нас самих,

«Человек и мир» представляется очень значимой работой. Нельзя не приветствовать тот весомый вклад, который внесет эта книга в решение задач философского образования.

Список литературы

- [1] Абульханова К.А. Субъект в философской антропологии и онтологической концепции С.Л. Рубинштейна // Абульханова К.А., Славская А.Н. Сергей Леонидович Рубинштейн. М. : РОССПЭН, 2010. С. 23–76. EDN: TRAUML
- [2] Философское наследие С.Л. Рубинштейна : в 3 томах / авт.-сост. К.А. Абульханова-Славская, В.Н. Белов, Ю.В. Колесниченко, В.А. Лекторский; под ред. К.А. Абульхановой-Славской. Т. 1: С.Л. Рубинштейн. Человек и мир. М. : РУДН, 2024.
- [3] Семенов И.Н. С.Л. Рубинштейн известный и неизвестный: историко-культуральная рефлексия жизнетворчества // Психология. Журнал ВШЭ. 2009. Т. 6. № 3. С. 63–89. EDN: PBGPBV

References

- [1] Abulkhanova KA. The subject in philosophical anthropology and the ontological concept of S.L. Rubinstein. In: Abulkhanova KA, Slavskaya AN. *Sergey Leonidovich Rubinstein*. Moscow: ROSSPEN publ.; 2010. P. 23–76. (In Russian). EDN: TRAUML
- [2] *The philosophical legacy of S.L. Rubinstein: in 3 volumes*. Abulkhanova-Slavskaya KA, Belov VN, Kolesnichenko YuV, Lektorsky VA, comp.; Abulkhanova-Slavskaya KA, editor. Vol. 1: S.L. Rubinstein. Man and the world. Moscow : RUDN University publ.; 2024. (In Russian).
- [3] Semenov IN. S.L. Rubinstein famous and unknown: historical and cultural reflection of life creation. *Psychology. HSE Journal*. 2009;6(3):36–89. (In Russian). EDN: PBGPBV

Сведения об авторе:

Сторчеус Надежда Вячеславовна – кандидат философских наук, доцент филиала Московского государственного института культуры, Российская Федерация, 390000, Рязань, ул. Ленина, д. 52. ORCID: 0009-0005-6972-7712. SPIN-код 1511-6426. E-mail: iva68@yandex.ru

About the author:

Storcheus Nadezhda V. – CSc in Philosophy, Associate Professor of the Branch of the Moscow State Institute of Culture 52 Lenin St., Ryazan, 390000, Russian Federation. ORCID: 0009-0005-6972-7712. SPIN-code 1511-6426. E-mail: iva68@yandex.ru